

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

КРЕМЛЬ. СОЛОВКИ
(роман в стихах)

ДРАМЫ

Орел
2006

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

КРЕМЛЬ. СОЛОВКИ
(роман в стихах)

ДРАМЫ

Орел
2006

ББК 83.3
(2-ПУС)
9
380
ISBN 58991-006-2

КРЕМЛЬ. СОЛОВКИ
(2-я книга романа-эпопеи в стихах «Арсений Чигринев»)
ДРАМЫ (трилогия)

Автор: Леонард Михайлович Золотарев

Рецензенты: Курдюнская Галина Борисовна – доктор филологических наук, профессор
Осмоловский Олег Николаевич – доктор филологических наук, профессор
Ушлевский Геннадий Яковлевич – доктор филологических наук, профессор

Ответственный редактор: Осмоловский Олег Николаевич – доктор филологических наук,
профессор

В книгу большого русского писателя Леонарда Михайловича Золотарева включены вторая книга «Кремль. Соловки» из романа-эпопеи в стихах «Арсений Чигринев», драматическая трилогия «Губернатор провинции», куда входят лирическая, семейно-бытовая и героическая драмы на современные, животрепещущие темы.

Новый роман в стихах Леонарда Михайловича Золотарева продолжает известные события из 91-го года в Москве и первого романа в стихах «Библейское имя Мария» в судьбе героя Арсения Чигринова. Роман развивает традиции реалистической фантастики, приближая к преральному, инобытийному, унося нас то в 37-й год XX века, то в еще авестийские времена, за тысячелетия до нашей эры. Образ главного героя сложен, прежде всего, из-за романтизации в раскрытии темы. Сцена раздвоения личности, происходящая у Камня на Соловках, изображает воздействие иррациональных, архетипных сил на людей. «Архетип бессознательного» показан реалистически, через влияние опыта матери героя на ее сына, и в то же время фантастически – через воздействие на внутренний мир Арсения Чигринова инобытийных, «таинственных» сил, воскресенных рассказами матери, воспоминаниями, воображением современников. Предчувствия героя обуславливают его духовный мир, противоречивые чувства, внутренний конфликт героя, мотивированный типичными общественно-политическими обстоятельствами. Коллективное народное сознание не пренебрегает личностному пробуждению, наоборот, способствует утверждению лучших качеств, проявляемых в герое. И вся эта гамма чувств изображается во многом через фантастическое, ибо порой нельзя объяснить естественной причинностью.

Ранее в русской литературе как роман в стихах существовал лишь «Евгений Онегин» Пушкина. Роман-эпопея в стихах «Арсений Чигринев» Л.М.Золотарева (с его второй книгой «Кремль. Соловки»), раскрывающий исторические события, в том числе и 37-го года, – это уже широкое, многогранное поле. Имея обновленную фантастико-символическую эстетику, этот роман в то же время реалистичен, содержит в себе жизнеутверждающее начало, раскрывает глубоко историческую, авестийскую тему, входя, таким образом, в невероятно глубинное, широкое, обозначенное как Большой Евразийский Круг (БЕАК).

Книга интересна широкому читателю, особенно молодежи.

© Л.М.Золотарев
Орел, 2005

КРЕМЛЬ. СОЛОВКИ
книга вторая романа-эпопеи в стихах
«Арсений Чигринев»

*Матери моей
Марии Герасимовне – посвящается.*

*Цари никогда не любили поэтов,
Поэты всегда не любили царей.
Луи Арагон*

Гомер – мой бог!
С Гомера – след,
С Гомера – свет любой.
С Гомера двадцать семь веков
Держу перед собой.
И двадцать семь тысячелетий
С «Авесты» протянулись эти.

Автор

ПРОЛОГ

Один чиновник – полувождь отпетый –
Однажды мне шутейно так сказал:
- Прошли те времена, когда поэты
Нас выражали. Остро, как кинжал,
Разил мир лермонтовский гений,
Бил в суть возможных потрясений.
Теперь поэт для нас НИКТО.
Все, форму разлагая, ищут,
И сами разложились в ней.
Они Россию нам просвищут.
- От портупей до портупей
Мы все тупей, - ответил я.
- Ну ты, свинья! -
Сказал полковник этот важный. -
Что есть наш русский генотип?
- Ну не кораблик же бумажный,
Что к вье нашенской прилип.
- А что?
- А то! С далеких лет
Одно и то же: са-мо-ед!
Не то, что ест тебя, себя,
А в ком судьба копить талант,
В ком божий дар всего основа.
Кто дух, кто ересь, кто мутант,
Каких всегда не понимают.
Не то, что в целом весь народ,
А те, каким все надо в стаю.
Как кто талантлив, так ссадить,
Немые копии в кино.
Идет охота, вот потеха.
Сначала слово было в ранях,
Теперь в конце не жди успеха.
Заинтригуют кнут и пряник,

В такие дебри заведут,
Такие баксы противопоставят.
Весь аппарат, весь их «комплот»
На иво-во-вый твой прутик прут,
Так гений – на воду наставят,
В невероятность вовлекут.
И вот сжирает самоедство
Страны моей, да каждого в стране.
Судьба моя другой была бы с детства,
Все это так, не по своей вине.
Пока друг друга жертве предаем,
Водой не будет полон водоем.
Так мы и будем мучиться от жажды,
Жить в бедности, когда кругом поток...
Вот полувождь чего сказал однажды,
И я ему достал из грез полуглубоких
О генотипе русском! А скажите,
Что посадить хотел он не на остров
Тебя, а на добра коня, -
Расхохочусь я, ой, умру, держите!
Стоит на чем наш корабельный остов?
А на фигне – кингстоне корабля.
Храни нас, боже, матушка Земля!
И парус облекай в такие недра,
Откуда вытек некогда народ.
Дай людям пища.
Лей, дождь, в искросыпительные ведра
И прямо в рот!
Когда-то бел был наш Счастливый Остров,
С материком вязали дно умы.
Шпангоуты и образуют остов,
Плывет корабль мой посреди тюрьмы,
Верней, слона – где всем судьба одна.
Уж все прошел! Начальство извинилось,
Но в электричке нынче взят был я

За то, что из Орла, скажи на милость,
В Курск проезжал я в роли соловья.
И уж иные вроде времена,
И уж другие всплыли имена,
А все Толстой нам или Достоевский.
Все ветер в спину, все нам образ дерзкий,
Все на столе колбасные обрезки,
А на душе святые пламена.
Мы кой-чего мозгами шевелим:
С чего нам власть заснуть не даст(ь)
На триста первом километре.
Чем ближе мы к земле, тем все беднее.
- Учитель, - прошипел один тут гусь. –
Сказать хочу, - НКВД боюсь.
Учил его по молодости в школе
Вселенской обнаженности и боли,
Вводил судьбы его каналы
В литературные анналы.
- Крепись, мой друг – сказал тогда я вдруг. –
Один за всех, хоть все на одного.
От бога, от таланта самого -
Живи за двух,
Держи в натуре дух!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРЕМЛЬ

I.

Что может быть нам, почвенникам, краше,
Чем была земная? Мы – не лопухи!
Попашется, покается папаша
И – за перо, опять писать стихи.
Стихию выводить не из планктона,
Не из Парижа, а из здешних мест.
Когда творили именем закона,
А до сих пор несем свой тяжкий крест.
Закон земли, процессы дня и ночи,
Но самый главный – солнечный процесс.
Свой Кремль люблю, чужое все не очень,
От обобщений – тошнота и стресс.
А я товарищ штучный! Я – армант!
Посаженный на батьковскую землю.
Точней, на материнский вербный лист,
Оторванности всякой не приемлю!
«Чуть отошедши, вовремя вернулся
К своим корнями и я, московский зять!» -
Так думал наш Арсений, как столкнулся
В Москве с театром, Шмыгой, что с них взять?
Своя-то деревушечка – Бобры,
А там, где школа, то уже село.
Там Чигриневка – знатные дворы,
Живут при магазине, весело.
Но что-то мать в то лето загрустила,
Тоска-кручина душу завела.
Но сын такой – узнал, что прежде было,
Как не узнать, где мать вчера была.
У Чигриновой в школе, у Марии,
Ходила к ней да прямо в кабинет.
Мы все в Бобрах не первые – вторые,
Хотя живем тут вечность, сотню лет.

Уж тридцать Маше минуло недавно,
А как вчера случилось, вот дела!
Носила стан Мария очень плавно,
Вот до календ своих и доплыла.
Узнала мать, наверно, от Марии,
Мол, жив, Василий – первый муж.
«Неужто настоящий, наконец?!
Его отец!»

Сомлел он, весь в порыве,
Порою тайны жизнь твою морочат,
Чтобы плеснуть как кипятком в лицо.
А ты, как чурка, и умен не очень,
Как нутрия с единственным яйцом.
Хоть знал, конечно, прозревал, конечно,
Свой шаткий – валкий давнишний удел.
Прекрасная наследственность - навечно
Элементарный страх НКВД.
И звон в крови, и снов противоток,
И отдаленный в теле перезвон.
Все, как у Достоевского, моток,
На шее след от вервий и икон.
Не знал, но слышал что-то там в груди,
Не больно око с оком совпадало.
Вообразите, что же позади, -
Открытый щит, закрытое забрало.
«Выходит, отчим это, не отец,
И я ношу его - другое имя.
Вот пень дубиногорбый, вот стервец!
Недорасколот клиньями кривыми.
В пространстве самоедства, споров, тьмы,
Где уж полжизни Сеня оттерпужил,
Все коллектив родной, да я, да мы.
Вчера узнал, что никому не нужен.
Нормально – чтобы были мать, отец,
Была семья, а там уж и родня.

Привыкли мы друг друга под конец
В гробы совать из-под копыт коня.
Писала мать Арсения сына, -
Любимого, болезного, родного, -
На мужа своего-фронтовика,
На отчима, выходит, на чужого.
Ведь знала, для чего его писала,
Обозначая имя в документах.
Чтоб ветры обошли, чтоб мразь отстала
Во всевозможных жизненных моментах.
Того не зная, рос он жизнелюбом,
Читал стихи распахнуто и звонко
По школьным вечерам, по сельским клубам.
Любил Марию искренне и тонко.
Предчувствуя и ощущая что-то,
Что выбьет вдруг его из колеи.
И вот оно... так чья это работа?
Медали вдруг не дали. И, забыта,
Обволокла прозрения твои.
Нашли и в МГУ ему крючок,
Комиссии мандат не показался.
К себе все брал профессор-старичок
Да Сеня от истфака отказался.
«Ответ прекрасен! – дед ему сказал. -
Что я могу? – вздохнул он горячо.
Прилег абитуриенту на плечо
И вывел в самый главный зал, -
Коммунистический -- и громко закричал:
- Смотрите, все! Кто тут – на паренька!
Историю страны своей, Отчизны
Так надо знать!» И дедова рука
Упала в электрические брызги.
Мать плакала, не глядя наперед.
«Смерть Сталина... кругом все аферисты»...
- Ну что ж, - сказал сынок. – Пойдем в народ.

И он пошел, но в вуз другой – в артисты!
И вот народный! Да в таком театре –
Одном из удивительных в Москве.
Все промелькнуло, как в большом спектакле.
Факт – в первой книге, роль – в любой главе.
Шатало в помрачительном угаре,
Знать не хотел о прошлом ничего.
Однако люди рассказали Марье,
А уж Мария – матери его.
Мать поняла: пора пришла, пора
Несчастному сыночку все поведать
Был разговор... какая-то игра...
Все тайны, недомолвки... ахи, беды...
Воронеж. Центр. Отец в пустой квартире.
Мать на квартире. Сексуальный бенд.
Вдвоем и очутились в этом мире,
Она моложе на шестнадцать лет.
На фото он с Калининым, все верно.
На дефиле – ударники и слет.
Строители завода Коминтерна.
В кружочке «К» - «Катюша», их завод.
Для тех «Катюш» и строил цех отец.
Арсений так расстроился вконец.
Гвардейский миномет опередил
«Оружие возмездия». Добыл
Победу; что ж, и твой отец ковал!
А мать, приехав в город из деревни,
Телефонисткой встав на пьедестал,
О медрабфаке грезила в мечтах,
От своего она не отступала.
Но сын родился – первенец, Арсений!
И тут случилось, нет конца беде...
Они явились! Из ночи осенней.
Они пришли за ним – НКВД!
Искали что-то даже в детской люльке,

И он полил их тепленьким в глаза.
Но «черный ворон» - это не бирюльки,
В 24 – сходу на вокзал!
Да быть бы живу, не до жиру.
План был известный, действовал, карал.
Чуть выдвинут, дадут тебе квартиру
И – в «воронок», на Беломорканал.
Вот так раз пять жилплощадью займутся,
Туда – сюда с НКВД пройдутся,
И спят спокойно, и сидят на царстве, -
Так пирамиды строят в государстве.
И стал ты с мамой никому не нужен.
Вокруг ни друга сразу, никого!
В 24 – с маленьким, без мужа,
В 24 – как безо всего?
Кому звонила? Отвечал ли кто?
Один ответил брат ее: «Смекайте».
И вот они в Бобрах. Игра в лото.
О городах теперь не поминайте.
Дадут квартиру, чтоб потом забрать
Жизнь вместе с ней, воды с лица не пить.
Узнала после от кого-то мать,
Тому отдали, кто увел отца.
Вот почему, когда уже подрос,
Арсений, видя над собою мать,
Аж задыхался каждый раз от слез,
Вниз хлынувших – расплавленно в кровать
Но белый свет не рушился, держался,
Жила держава, где-то был отец.
А тут, в Бобрах, дождями освежался,
И оснежился воздух, наконец...
- Ну все, - сказала сыну мать, ему, –
Все остальное завтра доскажу.
Как ездила я к батьке твоему,
Тонка, как нитка, завтра довяжу!

Жива осталась, завтра довяжу,
Игла по нитке - там, по рубежу.
Как где-то к сердцу подбирался страх,
Так и живет с улыбкой на устах
Под «воронком» беспрекословный страх.
Как шла по нитке там, по рубежу,
Все остальное завтра доскажу.
Все остальное – страх был, как и прежде,
И все на нем надежда на надежде.
А почему – известно и ему,
Все остальное завтра доскажу...

* * *

Не спал всю ночь,
Все ждал, что будет завтра,
Арсений сжег мосточки все до тла.
С Марией, как судьба, и его карта
Давно уже разыграна была.
Пора копать свои святые корни,
Что в недрах наших где-то там в крови.
Иль белы мы, а может быть, и черны,
А то и «серо-бур-малиновы».
Чтоб не гадать, а предугадывать
Предначертанья мог нам Сатана!
Пора надежды нам не спать укладывать,
А знать, что хочешь ты и что страна...
С Марией встретишься у того же Камня,
В том суходоле, что и в первой книге,
Под теми же Боборами, где недавно
Арсений вешал на себя вериги,
Такая тягость взята на себя,
Намек на то, что было в первой книге, -
Теперь вся муть свалилась на тебя.
Какой театр! Какая драма чувств!
Какне годы пламенем объять!
Отец сыграл Слона не в срезе чувств.

А ради конкуренции, ребята.
Хоть та же деревушка отцова,
Однако, и названьице же – Кремль!
Учтите, что когда писал Кольцов
Все было проще, ну куда там течь!
Назвали ведь не три соседки - предки
Кремлек свой утлый, деревенский Кремль.
Так вот, тот деревенский Кремль дождался,
Что где-то близко поселились пушки,
Застава, что ль, у этой деревушки.
Ильич кроил тогда, согласно Бресту,
Ту жизнь! Ни хороша и ни плоха, -
Оставил тут, за ручейком, невесту,
А там она уже без жениха.

II

Вот так Василий там и оказался –
В ином краю, совсем другом корыте,
Какого нет разбитей.
Не ведал, что тот Кремль-то деревенский
Сыграет злую шутку с ним. Сказался
След прежний, как теперь чеченский.
А может, еще хлеще, Кремль есть Кремль.
В нем восседал, в тех недрах, Призрак вещей –
Хозяин сам! Всю нашу боль и темь
Взял в свои руки цепкие, как в клещи,
И всем тут сам единолично правил.
Василий ажник рот раззявил,
Однако быстро свыкся с обстановкой.
Коров стерег и, хоть трудился ловко,
Сиротствовал и бедствовал, пока
Оттуда он, из кремелька того,
Не перешел границу, и – пока.
Попал в Воронеж, к этой букве «К»,
Где у него была своя рука –
Двоюродный брательник ждал его.

Вот этот Бронислав, что тут сейчас, на кухне.
Чужой, а все же свой, родня.
Когда тут яйца окончательно протухли,
Туда собрался и сманил меня
Как автора
В тот самый деревенский кремлек.
И дух его туда со мной потек,
Настроился отныне на одно -
Немое старое кино.

* * *

История ведется уж давно,
Они по Чигриневке – Чигриновы,
А по Бобрам – Бобры, Бобровы, что ль.
А тут еще, по бабушке, Кремлевы.
Кремлевские – и господа, и голь.
Сельхозартель. На стенке объявлений
Арсений прочитал вдруг «В.Кремлев».
Мол, получить тот должен сто рублей
За вид каких-то положений,
За труд своих поползновений
И всяких прочих безобразий
Вне героических оказий.
Тромбон на тромб
Едва не рухнул наземь:
«Отец? Неужто же отец!
Куда ж ему еще вернуться?
В Бобры, - где люди так к нему добры?
В Воронеж – там уже другой
В его отобранной квартире?»
Вот так-то жизнь идет дугой
В подлунном этом шатком мире,
Как с редькой скрещенная силой.
«Ах, боже мой!» - и кровь по жилам
В лицо вдруг бросилась ему.
И загремели пушки и мортиры.

Есть Кремль, а в нём свои сортиры,
Какие-то и люди, и дела.
«О боже! Жена негра родила!» -
И наш Арсений как засека
Подковой, собственно, коня,
Так сам на этом как бы спекся,
Из сердца вызвав дух огня.
Мчал, ног не чуя под собою,
Не глядя в супеси земли.
Настрополив свои рули,
Смотря не в небо голубое,
А в неизвестность той дали,
Куда, по правде говоря.
Он, не чужой, сюда не зря,
Летел, как конь, как сон, заря.
Уже ль сейчас вот тут, вот-вот
Все это с ним произойдет!

* * *

Обида дух перехватила,
На камень сел передохнуть,
Не на коне, но гунн, Аттила.
А что отец, всему конец -
Жены той нет, взяла могила.
Все возвращаются домой,
Чего же ты, отец, Атилла,
Не возвратился к нам, подлец?
Вернулся Бронька вновь туда,
Где был с Василием тогда,
Но по делам совсем другим.
По воровской – был осужден,
По политической – отец,
Или «десятка», иль конец.
И прикатил карманный спец.
И вот что матери сказал:
«Погиб он – брат мой, ваш папаша!»

Такая заварилась каша.
Ведь знал же адрес Бронислав,
В Бобры Василию писал,
Всего-то раз письмо прислал;
Мол, остальное передал
Через него Василий устно.
Арсений внутренне зажался,
Перед собою итьяснялся:
Отец придет, освободится,
Когда созреет уж капуста.
Не может быть, чтобы погиб,
Как генерал-майор Нагиб.
Пока живой, пока при силе,
Коль взяли - сразу не скосили.
Ведь с правом переписки взят -
Алмаз в сто двадцать семь карат.
Вот жив – и все сейчас расскажет!
Сюда пришел, а не к жене.
Какая тень на землю ляжет?
Ком а ля герр, как на войне –
Лицом своим обезображен...

* * *

Бежал Арсений, как пером,
Как я, по огненным страницам,
С каким-то внутренним добром
Не мог с собой наговориться.
И вот кремлек, вот крайний дом.
Вбежал в него, весь колотясь,
Как к хану шел московский князь
С его изодранным шатром.
- Нет, не Василий – «В. Кремлев»,
А Виктор и куда моложе.-
Сказала Юзя. – Это кров
Не ваш, а наш, и дом наш тоже).
И, глянув искоса на паспорт,

Вздохнула: «Что же вы, потеха!
У вас есть, Сеня, старший брат,
Отец был ранее женат.
(«О черт! Сто тысяч рож
В одну слились... Христос был распят...)
«Брат бригадиром был, сейчас?
Кремлевских нас всегда давили,
Те - в городе, а те - в могиле.
Вот так мы тут тогда и жили».
Есть магазинчик на дому,
Не захотелось пить ему
Ни в честь, ни за, ни на дорожку.
За Кремль куда-то повела.
«Тут, - указала, - был твой дом.
Вон-то твой лес, а то – отцов участок».
Хоть не видал, но снилось часто.
Сосед припомнил, рассказал:
Отец его был пастухом,
«Кремлевский дохтур», травы знал,
Лечил народ, читать умел
И ездить на коне верхом.
«Такая жила, матка бозка!
Где добрый конь, там и повозка».
К другому Юзя отвела,
Да моховых дедов тут сколько!
Чуть глянул – Вася, да и только...
- Не ради славы мы посеред державы.
Как бы в деревне и в столице
На нашей маленькой земле.
Но все ж в Кремле мы как в Кремле,
Кремлевские шалавы –
Не ради слова, ради славы.
«А ну, милоч, помни плечо.
Ага, ага. Есть в пальцах что-то».
Показывает, мни ешчо.

Так и отец, его работа!
Все знал, бывало, наперед,
Что же когда и с кем произойдет.
Кто проживет, а кто помрет.
На случай все свое получит
Не влюб, а что кому приснится.
Мил человек, и кем ты будешь, где?
- Артисты мы, мы дедушка, артисты.
Художественный свист при бороде.
Как шичка летом,
От пав отстал и к павам не пристал.
Так, посередке где-то.
- А что – такая есть работа? –
Качнул дед моховой glavой.
- Да есть, - сказал Арсений. – Вроде что-то.
Портрет в газете. Кремль другой,
Вот фон Москвы. Вот я при этом.
- При ком, при ком? Царе каком?
Народный. Вишь, артист с серьгой.
- Народный? – удивился моховой. –
Народный был, Василий, батька твой.
Пастух был, человек свободный.
- Народный... э, не все равно ли!
- Ну нет, - заметил дед. – Свобода на земле!
Все знает что! Особо тут, в Кремле.
- Ты знаешь, дед, на это мы ловки!
Вот, вот. Отсеялся и - на Соловки, -
Вдохнул неорганически Арсений.
- Уж больно знал он. Как Есенин.
Весь по Кремлю породю пошел.
- Ну, дед! Сажай тебя
В тюрьму хоть, хоть в портреты, -
Сказал Арсений в заключенье. –
А память-то в такие леты!
Вот тонус – да, жизнеобеспеченье.

Ну будь! Живи еще хоть сотню лет.
- Зови его, Юзефа, на обед, -
Сказал тут дед. – Юзефа – моя внучка.
Так скоро ли получка?
- Ну, прощевай. Получите у тети.
Когда опять сюда придете.
Вернулся в дом к Юзефе наш Арсений.
А вот и Виктор, ездил с кем-то в лес.
На то, что был тот Виктор не отец,
А все же чем-то смахивал Арсений
На лик его. Арсений взвился,
Бутыль в карман и опрометью в дверь!
Стоял у ручейка, назад косился,
Куда – теперь?
Голодный, аки зверь!
Какой-то перекошенный! Умерь!
Как лось! Да что с тобой стряслось!
И побежал, куда глаза глядят.
«Вон из Кремля! Тебя тут не съедят.
А все же, все же... Что тебе дороже?
Дороже то, где люди не сидят,
А ходят, говорят, кто чего может.
Но ведь не все впоряд».

* * *

Лежал Арсений, руки на бугре -
С чертями, с Сатаной, с собой скипелся
В своей послебальзаковской поре,
Как мухоморов, белены объелся.
Как будто мог все видеть, как отец
Какой тем, говорят, и отличался,
Что ни на чем самоизобличался,
Приобретал сверхточность в пустоте,
Видения в себя переводил.
Как мог, писал Арсений на листе.
Как есть, как будет, кем когда он был -

В тугом узле времен неразложимых.
Портрет отца возник из ничего.
И вот он, сын его, как одержимый,
Слагался из прожития всего.
Лицо в лицо, портрет в портрет – багеты,
Хоть в раму вставь, а ту на шкафчик ставь,
Вон сколько их по деревьям – приветы
На фото нам, от пращуров приметы,
Глядят семейно – живь и жель, и главь.
Главенствуют в основанном ряду,
В цепи времен они поныне звенья –
В народность уходящие коренья.
Не чуя под собой землетрясений,
Дай хоть бутылкой душу отведу,
Впервые пил с самим собой Арсений,
Как дед их в девятнадцатом году.

III.

В Бобрах мать выразилась кратко:
- Ну, как?
И он ответил ей:
- Да так. Никак.
Вот побывал, а все не сладко,
Чего-то мутно на душе моей...
Пришла Мария, на сундук присела,
Про Кремль отцовский даже не спросив.
И увела из дому, как хотела.
Она была красива, он красив.
Тут место встреч их – у седого Камня,
Валун на всех богов один такой.
Счастливая, довольная, покой
Искала все в его породе давней.
И так всегда. Как только что и прежде,
Когда Луна висит над белым светом,
Когда в тебе все выпиты надежды,
А пить охота и зимой и летом.

Пока сияет полная Луна,
Жизнь хороша, наполнена душа.
И в мыслях забывается жена –
Московская, народная, она
Тот мир все – театральный, игровой.
Там где-то Шмыга, Вся Лановой.
А тут Мария ощутима, близко.
Стон на губах, опять, как игры сна,
Какой там Кремль, какой еще отец,
Когда он тут, над нею очень низко!
- Ну, как? – мать повторила Сене утром.
Построже этак – призрак Брамапутры.
И, пережив все это вновь и вновь,
Он не сказал ни слова про любовь.
- Да, мать, я все им не с руки,
Все целят в лоб, нет на душе покоя.
Пока не промотнусь на Соловки,
Мы от покоя очень далеки.

* * *

Опять явилась к вечеру Мария:
- Да, я забыла вам вчера сказать,
На днях мужчина заходил. Такие
Все ищут, чтоб чего-нибудь содрать.
- И кто же? – мать вошла, насторожась.
- Да так, какой-то «черный князь».
Все спрашивал про вас, как бы стыдясь.
Уехали куда-то, я сказала.
В какой-то Кремль, он тут же и смотался,
Ни на минуту тут не задержался.
Спросил лишь про автобус до вокзала.
- Не Бронислав ли? – мать на всех сказала. –
Спросил, когда автобус до вокзала?
Уж был разок, наверно, Бронислав.
Мария обвела ее глазами,
А к Сене обернулась, так сказав:

- Вот нас проведаль и удав!
Держи за пазухою камень,
Теперь хоть в доме спать ложись,
Удав во двор явился!
Лудак, еще не спился...
И тишина повисла. Тишина.
В деревне иной раз как скажут!
Как вмажут! Ко многому обяжут.
Друг друга научились понимать,
Слов лишних не особо говоря.
Глядела на нее, смекая, мать:
«Чего она пунцова, как заря?
Как мак, что под окном у них притих.
И ничего не говорит,
Но слушать рад
Уже десятый год подряд.
А слушает ночами видно, знает,
Лик почему пылает».

- Я, Сень, таких не очень-то люблю! –
Сказала тихая Мария. –
А если что, возьму и зарублю!
Возмусь за топоры я.
Платить коль нечем, неча им сюда!
Дружкам твоим! Артисты – господа!
Должок какой-нибудь, наверно,
Под миллиончик лир, примерно.
- Неужто дешево мы так? –
Сказал Арсений. –
Ходи, живи, мой алый, жаркий мак,
Без всяких мер и опасений.
Таких, как он, на приисках видала,
Когда в Якутии была. Еще когда.
Сказал, поедет до вокзала,
А сам вот-вот заявится сюда.
- Да нет, он дядька вот ему, -

Сказала мать, на Сеню указав. -
Двоюродный отца... Да, Бронислав...
Но с ним встречаться ни к чему.
- А почему?
- Да так. Не виделись сто лет,
Да и не надо.
Совсем не рада.
Сто лет в обед...
- У сада, - Мария встряла, -
Я его постерегу.
Как бык, все на чужом лугу.
А нам таких не надо,
Сто лет в обед у сада.
Вошел Арсений:
- Да что он – вор, рецидивист?
Что ль, дал кому из нас под дых?
Какой-то глист, пусть аферист!
Ведь брат отца явился...
И вот он в дверь, тот Бронислав,
Вот легок на помине,
Смахнув шапчонку и сказав:
- Не ждали? Вот, еще не спился.
Чего? А сам как в паутине.
- Ну, проходи, - сказал Арсений, -
И почему ты должен спиться
Пред тем, как к нам сюда явиться?
- Где был я, братцы, не дадут спиваться. –
Присел гость к краешку стола.
А мать меж тем входила в раж,
Рассказывая из жизни своей случай -
Тот самый, исключительно колючий.
Из тех времен, когда еще молоденькой была.
«Воронеж. Слет ударников идет.
С Калининым на фото – достоверно –
Василий строил литерный завод

Под именем («Ка...тюша») Коминтерна.
Приехав в город, полюбила малость.
И уж качались им двоим деревья,
О медрабфаке ей тогда мечталось.
Тут сын родился Сенечка, Арсений,
И вот, свой выражая беспредел,
Однажды ночью возникают тени,
В дверь постучались из НКВД.
Да раз по пять гремят в одной квартире!
Давали-забирали вкупе с жизнью.
Кричали совы, плакались в эфире.
Ломались вдовы, забывались в тризне.

* * *

Деньжонок собрала, вещичек теплых
И двинула тихонечко, без вошей
Туда к нему, в Гулаг – на Севера.
Железная дорога довезла.
Все говорили в спину: «Декабристка!»
А она просто женщиной была,
А она просто бабою была,
Простой, кулемой, так – из деревенских.
Такая позже и с войны ждала,
Из лагерей после конвенций венских...
В Москве остановилась среди дня,
Не слышала, что крикнули вдогонку...
... Мария Сеню отвела в сторону,
Кивнула дядьке, Сеню помяя:
- Печисто что-то. Так, одна фигня.
Потом скажу. Давай-ка слушать мать,
Собралась с духом, надо понимать,
Не говорите ничего при Броньке...
Потом нальем «березовые броньки».

* * *

- Да, декабристка! – покраснелась мать.
От тех еще, живых воспоминаний,

Прочувствованных, прожитых минуток. –
До Каргополя ехала – стоять
Пришлось в вагоне целых трое суток.
Приехала на станцию. Сошла,
Измучена. А ведь со мной три места.
В них все, что я тогда ему везла.
Ни приподнять. Ни сдвинуть груза с места.
Спасибо, люди мне нашли машину.
Тут взялся дождь холодный – Севера,
Болота ржавы. Да еще и шину
Мы прокололи... Нынче, как вчера,
А что вчера, как нынче...
Все тошнота, грудь обливает, как вчера,
Как вспомню – гроб здоровью,
Одна в душе огромная дыра,
Куда все провалилось с кровью.
Сказали, лагерь где-то там, в лесу.
А к пропуску еще какой-то допуск,
А к допуску еще какой-то пропуск.
Лес и болота, дождь, комар в носу.
В реке воды под берега, все морок,
Все ржавая вода – везде, всегда.
Вот что такое Каргополь как город.
И Беломорканал, река при нем.
Церквушка... мир хотели затопить...
Хотелось пить, была вода кругом...
- Что, мать! – аж дрожал Арсений
От невозможных потрясений. -
Что, мать, потом? (И – шепотом).
- А то, а то, - всплакнула мать. -
Нам дали сутки, всего лишь сутки!
Еще б хоть три, ну, две минутки!
Его вносили на носилках -
Ноги открытый перелом.
Валили лес, он – самый пылкий –

И оказался под бревном.
«Ах!» - и упала без сознания.
Очнулась, вижу – рядом он,
До вот такого состоянья
Мир Брамипутрой доведен.
- Откуда знаешь Брамипутру? –
Сынок ее переспросил. –
Сижу в огне, в минопуре я!
- В вечерней школе кунила пудру
За «отл.» какой-то по историн.
- На крышке явлен был тот бог
Для женщины – явных педотрог.
- Вот доля, долионка, Мария...
Так говоря, она зарделась.
Уж не сиделось, не гляделось
На этот «Беломорканал»,
Куда ты, Сеня, ехал с нею
Из тех времен,
На тот вокзал,
Не то сказал,
Не так сказал,
Взглянул не так на портупею,
Не те букашки и бумажки,
Не те каналы и канашки, -
Всех Брамипутра доконал.
Подперло же в такой момент,
Потерян важный документ.
Да, личный паспорт, что же делать?
А, собственно, и ничего.
А может, выкрали его?
Пришлот потом, во глубь России.
Прощальный взгляд какой-то синий
Какой-то жалкий, некрасивый. -
Когда за паспортом вернулась,
С ним уж ни денег, ни вещей,

И он не нужный всем, ничей.
Зачем ты, Русь, к нему приткнулась
Спешила, мучилась, врала,
Как костью рыбной поперхнулась,
Зачем была и не была?
И вся комета за кормой,
Вся эта жуткая машина
Неопалимой купиной
Как сплочена и как едина
Над бедной женщиной одной.

* * *

Вот так пишу, а вспомню – плачу,
За униженья, за любовь.
Жестокий мир, а как иначе,
Пить так в себе чужую кровь.
Так «против – за»? Какие веки –
От декабристов до меня
И дальше до страстного дня,
О боги! Страшный Суд воздаст,
Всего по горлышко, всего.
Кто купит, кто продаст?
Кого куда, куда кого?
Такого Боже не забудет:
Что было с нами, с ними будет.
Не побоялись ничего –
Ни смерти, ни людских проклятий,
Ни даже Бога самого!
И только мир из светлых пятен
И состоит из-за того.
Из-за таких, как эта Мать,
Из света хочет состоять.
Живи еще хоть сотни лет!
Неси непроворотный свет!
Двадцатый век! И декабристы!
Мы подловаты, подлы, низки.

Ушли туда, куда бросают,
Чтоб нам забыть, как льды сияют,
Чтоб торжеством заполнить мглы.
Где демоны свирепы, злы,
Где прободеньям сшитым не быть,
А нам, богами сбереженным,
Так все же хочется любить
И не давать себя забыть.
Да здравствуют такие жены,
К каким идешь, с кем быть и быть!..
О Русь! К тебе еще вернусь...
На этом речь уже не длилась,
Она была бы без конца,
Когда бы чашка не разбилась
В руках у Брони-подлеца.
Очнулась мать, глядит на всех:
- Вы че, с Калининым взгрустнули?
- Все беды нам, а где успех? –
Сказал тут грех, один за всех. –
Что ль, кошку где-то поскользнули?
- Тебе одно, - вздохнула мать. –
Жестока память? Поперхнулась.
Привыкли грохать, воевать.
Пить кипяток свой с пылу, с жару –
Из самовару,
Да в суть вишневки подливать
Для осознания пожару.

III.

На самовар пришли соседи,
Сваты какие-то с Бугров.
Сидели, пили чай из меди, -
Душистый, копотный, с душиком,
Пей – будь здоров!
Под фото на стене – и запивали
С этим новым мужиком

Вишневкой, старкой и зубровкой, -
Такой похватистой и ловкой,
Слезой, из полбутыли, на Покров,
Прибереженной для коров,
Вернее, для того быка,
Какой все выжрал, и - пока.
Но песен не было сегодня,
Да петь-то после какво?
В коту швырнула матерь бродни,
Стянул, подлец, сома всего.
Всех перечли, каких забрали
В тридцать втором, в тридцать седьмом.
Все кулаки, «у-дар-ни-ки»!
Одним по десять припаяли,
Другим – бушлат, слоновый дом.
Один, так даже командир
НКВД, на зуб попался.
Перемутился божий мир,
Сам он ушел, да страх остался.
- Чего мы тут? Ты кушай, кушай, -
Сказали матери соседки. –
- У стенок есть глаза и уши,
А для курей – сарай и клетки.
- Вам все Сибирь да Магадан, -
За мать ответила мадам.
И Соловки, - сказал им там один пузатый чемодан.
Ввернул свое, хлебнул тут змия.
- А брал бы тоньше, был бы звоньше, -
Все не сдавались соседки. –
Сусед! Пил кабы больше пива,
Не ехало бы пузо криво.
Не шло б, как Фроське нанскошь.
Опять лежать, опять рожать,
За фельдшерицею бежать.
Опять, наверно, выйдет бось, -

Видать пасквось.

- На эту Фроську хоть молись, -

Мария в бок толкала девку. -

Под шестьдесят уже, вот жизнь!

А может ведь, все в божьей воле,

Ведь не дает закрыться школе,

Вот на кого и навались.

Бабцы ни чуть не оскорбясь,

Тут всякого как нагрузились,

Наелись и напились властью,

Ишь, языками распустились.

- А что – кремлевские? – сказали те, с Бугров. -

Как доят там у вас коров?

- А как и все, - ответил бабам Броня. -

То проплывешь, а то готовься

Нырнуть на дно, пошел на дно я.

Деревня наша, как и все,

Бурьяном заросла совсем.

«Шумит луговая овсяница» -

Не знаем, как нам, это нравится.

- А ты не кривися, ты к нам поближе, -

Косились на мать хитроватые бабы. -

Деревне всегда не хватало мужей,

На это мы очень слабы.

- Работников, рук не хватает деревне! -

На реплику вскинулась мать.

За окнами тихо стонали деревья,

В Бобрах было тут благодать.

- Ну, нам пора, - сказали те, с Бугров, -

А то вставать чуть свет, доить коров.

Они пока по полной по программе

У нас на ферме. Грамм на грамм,

Хотя везде уже по норме.

- Пиче, Америка накормит.

- Мотри-ка, про Америку цетзя, -

Грозил ей дед, в котором два гвоздя
Во рту вместо зубов сидело.
Какое дело! Да, кому какое дело!
Что у него во рту едва виднело.
- А вот Америку и пальчиком неззя!
НКВД, НКВД иде?
- В транде!
- Гляди, а то ведь «ворон» подойдет
И заметет.
Куда-куда? Куда и всех.
Поменьше пей, дурак! Да говори поменьше!
И пузо будет тоньше, голос звеньше.
И, главное, сидеть будешь не тама, а тута,
Дома. Так понял или «никс ферштейн»?
Бывало, немцы говорили «шнель».
Еще по стопке и...
- Что «и»!
- И по домамм-м.
- Какой прохвост,
Сурью себе под хвост!
- А я свободный человек,
На мне – вся ферма,
Весь двадцатый век.
Из всяких вех, из всех потех –
На мне успех,
Я всех кормлю.
- Ишь, пузо-то развесил.
В бидон сливаешь, пузо бы растряс.
- Ну, хватит вам,
Все по домам!
- Всем завтра за штурвал,
Рабочий класс, –
Дед в заключение сказал.
Так уговаривая, в общем-то, друг друга,
В дверях сваты застряли. К ним подруга

Метнулась препихнуть туда, туда,
Куда их двери брать не захотели сами,
Но все ж пришлось
Повесить кой-кого на гвоздь.
Да и валить отсюда
Восвояси –
К соседу дяде Васе.
И - тишина после гостей.
Посудный стол ломился от костей.
А мать одна, чтоб дальше как всегда,
За жизнь с ветрами биться.
Наутро, чтоб тут было чисто,
А солнышко лучисто.
- Ты, мать, тут осознанье собрала,
Одна на всех, из всяких областей?
Арсений с утра за квас принялся,
Мать Чигриневых базу создала,
А то все мало было нам тут прений.
- Дак свадьба вроде бы была, -
Сказала мать.
- Бы-бы! Чья свадьба?
- Да, стало быть, твоя. С Марией, ваша.
Она сзывала, а я сидела рядом, у творила.
Глядела все на нас да говорила.
- Ну да, смотрела, как вы пили все вподряд
Из чувств патриотизма.
- Ах да, наш русский квас,
Из самовару с пылу – с жару-у-у, -
Сказал Арсений, вышел в сени. –
«У самовара я и моя Маша,
Трата-тата, рара, ра-ра, ра-ра.
С конейки жизнь, эх, деревенька наша!
В портретах гвоздь заметили вчера».

Сидел, смотрел на это Бронислав,
Нахмурясь на продление вечеринки.
Так толком ничего и не сказав,
Ушел курить, окурки брал из крынки,
А сам в щели дверной глазок искал.
Глаз с Чигриневой – старой не спускал,
Давал узоры - бесовскому взору.
Явилась Маша, села, где и Глаша,
Взирала на оскал, жить не хватало взору -
Пить «кофий» не было простору.
Сжимало сердце трепетом огня,
Не верилось ей в мир быстротекущий,
В таких людей, во взгляд его гнетущий,
Каким смотрел бы Броня на меня.
Дом Ленин был под колпаком,
Держался так, а все-таки на ком?
На материке – все это знали.
При мире этом, как тогда при том,
Еще когда они сюда попали –
Все механизмы, шестеренки в нем
Вращались против, вся его система.
А ведь все дело было в колбасе, -
Излюбленная сегодняшняя тема.
Все для отвода глаз, предreshено.
Кому конверты денежные тайно,
Кому клевать, как курице пшено,
Врагов своих разоблачать случайно.
Враги народа изболбличены.
Уж получили, кто вернулся – рад.
Пришел Реникса, в прошлом весь, как в тине.
За что сидел? А прочитал, дурак,
По-русски то, что надо «по-латыни».
Все говорил повсюду «чепуха»,
Что бы кусала внутренне блоха.

Мать вышла следом воздушку хватнуть,
Взглянула снизу как-то в Бронислава,
И Бронислав обмяк – и верть, и круть.
Хотел обратно, да закрыли путь,
Мария дверь захлопнула, шалава.
Зачем пишу роман, коль можно прозой?
Зачем рифмую ритмы и слова?
А потому что проза под угрозой,
Стихи и те вывозят воз едва.
Опять, гляди, что люди говорят,
Опять мужик мать бросил в краску взглядом.
Кремлевский гость – вчера столу был рад,
Да и сегодня с матерью тут рядом.
Мария мимо двинулась парадом,
Вбивая каблучки туда-сюда,
Такая-то всегда, когда беда
Или угроза только – это да!
Арсения позвала, вышел тот,
Взглянув на мать значительно, сурово:
- Ну крокодил! Ну лев! Ну бегемот!
Да я сама, пока тут будь здорова! –
Дышала мать восторженно и кратко.
Но это все, что тут не по тебе.
Всего-то миг, где «горько» было сладко,
И остальное ничего себе.
- Зачем явился? Что те надо было? –
Сказала мать.
- И вам меня не жаль? –
Сник Бронислав. Достал из сумки пива. –
- Сюрприз. Тебе награда!
На плечи ей слегка набросил шаль.
Шаль кашемировую – ничего жаль.
Колер такой как раз под листья, осень...
И сам едва я молодой не стал,
Однако на других перенесемся.

Мария Сению в сени отвела.
И говорила – что? «Давай сойдемся»? –
- «А что жена?» - «Да будет, где была».
Скрипят качели, где играют свадьбы.
Чужое счастье, встречи и дела.
- В деревне не окошены усадьбы, -
Он отвечал, сняв рюмку со стола.
Ушла она, он за столом остался.
Применим, что ли, ножницы, монтаж.
- Кремль, но какой, наверно, наскучался?
- Ну почему? – входил Арсений в раж. –
Смотря какой, бывает разный Кремль.
И тот, и этот – разные пределы.
За окнами уж тени, тьма затем,
Но, как всегда, пионы были белы.
Арсений хлопнул дверью, между тем.
Так и стоял, как суслик под Луной.
Вошла Мария и ему сказала:
- Не нравится мне что-то дядька твой.
Уж лучше бы катился до вокзала!
Да по прямой
Твой дядька этот, пень кривой!
Домой!

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОЛОВКИ

V.

Арсений в Каргополе вышел.
В колесах поезд отстучал.
Как ворон, спрятан где-то выше,
Как демон, вытемнен вокзал.
Пустые рельсы. Пусто-пусто.
Но где-то сзади, в стороне,
Собачий лай, солдаты с хрустом
Затвором шелкают зане,

В собачье взятые кольцо.
И кровью те же человеки
Вдруг Сене бросились в лицо.
Вот так когда-то и отца
Тут, выгрузив из спецвагонов,
Все мыли брызгами свинца,
Травили брэнностью законов.
Овчарки тело, вату рвали,
И замер реквиема крик.
О боже! Сеня, трали-вали,
Еще к такому не привык.
Сверлили мозг «аббривьятуры»
Происхождением не зря.
«Карга» и «поль», коряги – дуры,
И лагеря, и лагеря.
О, господи! Мороз по коже.
За каждым деревом – лицо.
Под каждым шаг, храни нас, боже,
Могилкой холм заподлицо.
Их просто нет в игре умелой.
А Беломорканал куда
Протек по озеру – по белой
Душе – в пустые города?
Да вот же, досками обшитый,
Прозрачен, полая вода.
Где ж лагеря? Где тут «шииты»,
Что с Юга сброшены сюда?
Там землю досмерти делили
И храмы разбивали вдрызг,
А тут потом Творца клеймили,
Всех окропляли кровью брызг.
Пила пила! Кого пилила?
Вот ваша кровь! Вот вам Свобода!
Идите, режьте, поселяйтесь,
Вы, пролетарии народа,

Вот так тут и соедини́гесь!
Гляжу на все глазами сына,
От поколений и времен
Чего б хотели – апельсина?
Припудрить носик, он сожжен?
Как у поэта в Белозерске,
Тут в зоне «зэковской» одной.
Сергей Орлов танкист, как броско:
«Его зарыли в шар земной»!
Да сколько их, кого зарыли,
Под сенью где-то погребли?
Кому дорогу перекрыли?
Кого в кострах судьбы сожгли?

* * *

Прошел Арсений по корягам,
По бывшим «зэковским» корням,
На яме яма по оврагам,
Гвоздем на камне мелко «Ленин».
Арсений аж глаза зажмурил,
Так резануло взгляд ему.
Фундамент цел, сорвало бурей
Ту пересыльную тюрьму.
Прилег на локоть в пекле, к раме –
Вся мошकारа к нему гурьбой.
И зазвучал Прекрасной Даме
Тот реквием, тот позывной.
Над всей страной над всей землей
То плыл набат замороженный -
По убиенным, по сраженным,
В застенках недоеден мглой.
Пилить, валить, рубить с руки,
А выплюнешь – на Соловки.
Отсюда, с Каргополя; тяжко -
И там ведь те не дураки,
Там тоже СЛОН, спецы, шарашка.

Тут начинал «Архипелаг»
Свое червоное свечение,
Бездонен, безнадежен, нагл, -
И ссылка где-то в заключение.
Когда б судили, как в Нюрнберге,
Не оттесняли б стариков,
Не отменили б в город Берген
Проезд для бывших уз-ни-ков.
Вся так же, кажется, страна
Неравнодушна; как она
Не актуальна ныне, тема!» -
Так думал, глядя на кресты,
Кипя весь внутренне, Арсений.
В газетах пишут: своих мнений
«Не разделяем», мы чисты.
Ну, может, чуточку не так,
Не те словесные моменты,
Но каждый автор не дурак.
Словечки и аплодисменты,
Искал артист отца следы,
Ну хоть намек какой, фрагмент,
Напополам разодран мент,
Так далеко ли до беды.

* * *

«Куда ты прешь, когда идешь,
Кулацкий элемент! Ты, морда!»
И все же воздух тут дышал
Иллюзиями тех, хорош! -
Кто строил Беломорканал.
Окурки до сих пор везде.
И громкие колокола в ушах.
О землю хрясь, - бронзоволикие!
По пересыльной мерят каждый шаг
Простые, богомазные, великие.
Сказали правду или промолчали.

Да просто в это время где-то были.
Хотя колокола и не качали,
А и за то на всю ему влупили.
Да где ж могилы, имя где отца!
Хотя бы братская, всеобщая какая.
Ни звука, ни словечка, ни лица, -
Кувшинно рыло, многолика стая.
- Ну кто-нибудь хоть что-нибудь-то знай,
Что было тут, какие Севера!
- Давай, мужик отсюда канай! –
Сказал один мне на ухо вчера.
Другой из чувств патристических
Такое вякнул вдруг про лагеря:
Мол, ездят летом в зону политических
«Поэты из Москвы... Сергей Васи... а зря...»
- «Они молчок про эхо лагерей,
Чего же ты про это загудел?
- Сергей Васи... а может быть, и зря?
Хотел привлечь, есть совесть у царей?..
На чем Лаврентий раздобыл?..»

VI.

Пришел в гостиницу Арсений,
На локотки себе прилег,
И колокольный звон потек
Из грез, угрозы потрясений.
Лежал, сидел, стоял Арсений
Под колокольцем из Валдая.
Все истекал и обновлялся,
И волновался, что Лаврентий
По рифме слишком совпадает.
Вошел мужик, какой-то фрукт,
За лаем говорил про фронт.
Сказал, что всем тут брат и друг.
Из Белозерска, Ферапонт.
Тут жил поэт Сергей Орлов,

Шукшин кино свое снимал,
И стал читать мужик про фронт,
Читал - понятно, что к чему.
Сказал мужик уже к концу:
Я посвятил стихи ему –
Орлу – поэту своему
И твоему отцу.

**ПОЭТУ - ФРОНТОВИКУ – СЕРГЕЮ ОРЛОВУ И МОЕМУ
ОТЦУ.**

«Его зарыли в шар земной»,
Как всех у нас кладут.
Лежат там жены по одной,
А их мужья все тут.
«Его зарыли в шар земной»
Не где-нибудь в степях,
Его убили в день хмельной
У нас тут, в лагерях.
«Его зарыли в шар земной»
Средь шепота берез.
Все озабочены войной,
Им не хватает грез.
Какие живы в голод – зной,
Им не хватает роз.
«Его зарыли в шар земной»
Среди чужих берез».
Вздыхнул, утер щеку солдата,
Поэт тот – Ферапонт.
«Какие люди, те ребята!
Как продолжают фронт!
Пусть в электричках забирают,
А я не им служу.
Пускай потом хоть убивают,
А все равно скажу.
Пускай в бушлаты одевают,

Хоронят в стороне
Тех стариков, каких не знают,
Как тех, что на войне.
Пусть не ходили в бой бушлаты,
Но все ж на шаг вперед,
Взывая к совести проклятой,
Спасали свой народ.
Хранили кортики, гранаты,
Спасая свой народ.
Они лежат тут, как солдаты,
Чтоб мы прошли вперед!»

* * *

Я знаю много про тебя
И твоего отца.
Не берегли они себя,
И стерли их с лица.
Когда бы они не в бой, в атаку
За Родину свою,
Не защитили б мы Итаку,
Белькантию мою.
Еще та дверь не отворилась,
Как тайно, втихомолку,
Своими что тогда бомбилась,
И клалось тут под елку.
Но прежде брали добровольцев
Туда, под Ленинград,
Туда, в синявинские кольца,
Где и легли, лежат.
Я знаю, что с твоим отцом
И мой, конечно, там.
Отец твой был не подлецом,
В бой напросился сам.
Когда горел Сергей Орлов
В своем подбитом танке,
Я их лупил со всех стволов

В мальчишке том, подранке,
И я в болотах утопал,
В Снявинских и тут,
А ведь душою не пропал.
Они в атаку все бегут –
Отцы мои, хурал.
На камне оступясь, я пал
С хуралом вместе в грязь.
Зато и в лагерь не попал
«За» с границей связь,
Нет, не попал в тюрьму за связь.
Во чреве не родясь;
Я не попал в тюрьму, в войну,
В атаке в грязь влепясь,
Уверен я, тебя пойму...
- Уверен в чем? – сказал Арсений. –
В болотах, что ль, с тобой лежать?
Смотря куда и с кем бежать
Из лагерей в народ.
Я вижу их – отцов своих,
Дай из болот шагну вперед
И вытяну других.
- Хоть завтра, что ж, пойдет на фронт, -
Сказал мне Ферапонт, –
Тот лагерь, что ушел в народ,
В атаку и – вперед!
Я покажу, где был отец,
И твой, и мой мог быть.
Чтоб честно Родину любить,
Валить не надо лес.
Землянки эти возводить
Не позволяет стресс.
- Землю – кормильцу кроить
По ягодным местам,
Зачем тогда людей родить, -

Чтоб отдавать крестам? -
Сказал Арсений, проводил
Селькора в дверь. А он
Держал тугую пачку книг,
И я слегка притих.
Сказал: - Вот чем держался, фронт!
И ты с ним, Ферапонт!

* * *

Всю ночь не спал в гостинице Арсений.
Мерещились чужие города.
Страна огромна, бесконечен гений,
Народы разны – общая беда.
За что сидели? Вы куда глядели?
В какие недра чара завела?
Там «Сулико» грузинское запели,
Тут Курск увел «Матаню» из Орла.
С Кавказских гор, из Ферганы неблизкой,
Из недр сибирских, из якутских шахт, -
Отцы шпалерой, очередью склизкой, –
Все за похлебкой - пищей крокодильской,
В фуфайках все, в брезентовых штанах.
Слепил ресницы – выпал где-то снег,
Тогда и понял, отчего бело.
Белы березы, общее для всех;
Бело все море, в белом развезло.
Ведь где-то тут и Арктика, и полюс.
Вот холод и возник из ничего.
Мать там, в Бобрах, призвала б дядю Колю
Да зятя помянули б своего...
С тем и заснул Семен, как на гробах,
Перемежаемых арктической погодой.
И с бочкой дегтя – этой новой модой,
И с хрустом снега на больных губах.
И вот поплыл, поплыл он по каналу
В своих, чужих равновеликих снах.

И с Ферапонтом – этим русским малым,
Не затонувшем в тюрьмах и снегах,
Такая даль в душе установилась
И после разбомбленных лагерей!
В его деревне и в моей...
Рубцова Колю вижу, хоть убей...
«В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель.
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле».
Очнулся за Рубцовым наш Арсений.
Лежит неподвижно, а дальше,
А дальше уже слова ждет Есенин,
В нем светом тихим, голосом поет.
Какие песня тонут за словами,
Как они вьются, музыку тая.
Все бы ее показывали сами,
Светилась тихо милая моя.

VII.

С утра на город навалился дождь.
Что значит, полюс где-то, Севера.
Арсений встал, умылся и – хорош.
Все было так же, как и днем вчера.

Карга, коряга, Каргополь седой, –
Мать где-то там в болотинах встречалась.
В сравненье с ней еще ты молодой,
Погода так вот с нею не считалась.
Все мертвой хваткой, все брала за горло.
Где спит отец? Во чреве матерей?
А Ферапонг – валет пиковый, черный?
При даме пик и короле червей?
Где был вчера, все начисто забыто.
Но стук сторожкий – это сердце в звере.
Жуки-селькоры, пишущая братья,
Прорабы слов, из райгазеты мы.
Молчит про лагерь, больше лез в объятья,
Сводил с другим селькором... из тюрьмы...
Кого и там бог словом не обидел, -
Отхлопотал, аж пена на губах.
Все показать хотелось в лунном виде,
Как летку-енку пели в лагерях.
А у него, у Сени, как в кино,
Дух падал, словеса цеплялись.
Карга, коряга, Каргополь – черно,
Чему они уподоблялись?
Да ведь артист! Знал, что такое атом.
Не лес, а лез по «эзку» тем же знаком,
Чертились в нем отцовские года.
Искались пни, но пни не попадались.
Искал гнилое – сгнуло давно.
На дух всю наваливалась жалость,
Дух авестийством
Бредил заодно.
Так и тянул их Сатана на дно.
Коряги за плеча коряво брали,
В рот лезла всяко лягушачья слизь,
Частица из того, что те видали,
Предтеча сна – предзюковская жизнь.

Опылили на стволах, кривы зарубки,
Слезьми сиротски изошелся лес.
Следы землянок. Щепки. Печки – грубки.
Плакаты, нормы – все устроил бес,
Пока с загривка твоего не слез.
И тут, в анналах, что селькор узнал?
Что раскопал народный херувим
В каких-то пнях, немыслимых архивах?
Что Сатана, когда тут правил бал,
А правил исключительно один,
Любил поковыряться в чьих-то гривах, -
И правда или нет?
Но как вагон поставил на буфет,
Так тот, как тут и был.
В вагон архив свой положил,
Забыл, видать, уже склероз нажил,
И вот селькору тот архив достался.
В нем черным да по белому рукой –
Своей, бесовской
Те знаки тут и начертались.
- Ну, в общем, твой отец на знак попался.
Оставлен был тут лес.
А, как велит все тот же бес, -
Сказал селькор, - сомнения закрались:
Отправлен был не на покой
Он вседержавною рукой.
А что? Арсений был такой,
Что мог им верить и не верить,
Куда был он отправлен росчерком руки?
А на курорт – на остров Со-лов-ки.
Куда всех умных, словно в шкаф, совали.
Так и отца Арсения в тот самый контингент,
Где все читать умели и писать.
«Где мог любой в один момент статью
Сварганить, как два пальца обласкать,

Иль как сварить кутью».
И призадумался Арсений
От вседержавных потрясений.
Всерьез, да еще как всерьез,
Освобождаясь от снов, иллюзий,
А в чем вопрос? Вопрос-то в чем?
Да тут по морде кирпичом!
А возвратишь – все на мази,
Так будешь и назад отправлен.
А если бить уж по литавре
Как будто, а не в самом деле,
Таких, как бы Отелло в мавре
Интеллигентов, чтоб радели,
Переведут на Соловки,
В слоны, слонем тебя поставят -
На всем бугре «Архипелага»,
Перо в одно местечко вставят.
Что значат росчерки руки,
Высококлассная бумага.

* * *

Спецлагерь СЛОН, с предназначеньем,
Где даже пишут сочиненья,
Журнал выходит, чтут газеты.
Интеллигенция! Конфеты
Кладут ей прямо на буфеты,
Свободы яркие приметы,
Чужие - как свои портреты,
Но только в серое одеты.
С бубновым тузом на спине,
Со спецвагоном на стене,
В вагонах – образы, кометы,
То – Гамлет, то – Раскольников. Зане
«Шампань»... Ну, в общем, гусь в вине...
Но кто поверит? Горький не поверил,
Когда газету кверху вниз держал

Сосед – «зэк», жертва трех империй, -
Так понял или нет?
Арсений тоже не поверил,
Но ведь отец читать умел.
Всех на детекторе проверил,
Всем напрозорчил, как хотел.
Слонов тут делали слонами,
Всех тех, что тут ходили сами, –
Слоны поменьше и побольше,
Слоны потоньше и потолще,
Слоны с охраной – без охраны,
Едят глазами – сидят под образами,
Зализывают давешние раны,
А если нет – в буфет,
Где пряников уж нет.
«На «жердочке». Сиди, петух!
Один за двух!
Лови тут мух,
Крепи свой дух,
Генух...»
Вот, брат, чего Арсений нахватался,
Когда вдруг сам с собой остался.
А все из той системы, что в Гулаге
У «зэков» бродит в мыслях, на бумаге.
Хотел отсюда поскорей домой,
Рвануть от лицемерия и зла,
О Сатана! Монах, отец родной!
Такой вся консистория была, -
Да призадумался. Подумалось круто:
А как у них там ценится минута?
Какие того времени осколки
Насажены поныне на иголки?
Как принята бывлая эстафета?
Зима и лето, зима и лето.
Лето и зима.

Перестановка. Остановка.

Бараки и дома.

В один момент такой же контингент...

Так понял или нет?

Ну да! А все ж для подтверждения фактов,

Гражданских и судебных актов,

Для собиранья в узел былых иллюзий,

Да просто, где отец был, пребывал,

Как на курорте, после пилки дров,

Так захотелось глянуть самому!

Себя на Соловки, хоть временно, отправить –

Ну не в тюрьму, конечно, не тюрьму,

А балаган вообразить в себе, представить.

Ну, композиторы! Ну, знахари, поэты!

Как вы там были?

Как себя любили

Через святое дело и искусство,

Через букварь с историей безвкусно?

Узнал, что не пускают всех туда,

Куда когда-то слали всех навалом, -

Ну, это поправимо, не беда.

В Москву мотнулся, взял командировку

Из ВТО, ведь все-таки артист!

Притом народный. Так ловко

Арсений выправил бумаги не единый лист.

И вот Архангельск. Север. Остановка.

Одна сестра ему сказала:

- На Соловки? Иль с морвокзала,

Иль самолетом с аэродрома –

И будешь там, как дома.

Час лета в недрах самолета.

Но верно прежде ведь сказали,

Что не пускают всех туда подряд,

Поставят в ряд,

К билету – документ.

Да не в один момент,
А посиди тут, оцени красоты.
Покамест олеандры бегемоты
Не пожуют, не нажуют печать,
Чтоб крепче мог ты опосля молчать
Про то, на что наложена печать.
Права качать? Какие там права?
- Вы понимаете слова?
- Мы понимаем, - вытянул Арсений
Московский документ без опасений,
Что не сработает. Совсем еще ведь свеж.
И просидел в гостинице три дня.
Ну, не три года ж и не десять.
Такой, рубеж,
Зараза!
Оказывается, там море, порт и база.
Вот их-то в органах и чтят,
Когда выписывают иногородним пропуск –
До клюквы допуск,
Какую сами тут по октяблям,
Сев в самолет, как в электричку,
Летают собирать там по чем зря... м...
- Н-да...м... Забудьте вы свободу – еретичку!
На Соловки всегда было не просто
Попасть, вот выбратся попробуй, -
Тряхнули в кассе робот
И усмехнулись: – Это – остров!
- «Остров невезения в океане есть», -
Тут же сымитировал Арсений,
Артист в нем тоже просит есть,
Особенно сейчас, в поре осенней.
- «Весь покрыт он зеленью, абсолютно весь». –
Загрохогал мотор. Аэродром.
Поплыли с ним туманы и законы
С борта «корыта», что тут звали самолетом.

Да что там, что там!
Главное – он ехал в тот же дом,
Где и отцу оказан был прием.
Какие загибулины Земли!
Какая бахрома белеет в синем!
А море Белое, а белых и везли.
По синему ходили корабли,
Куда летел он... Тот вопрос задвинем,
А этот выпятим, совсем наоборот,
А то ведь не поймут нас органы, народ,
Какой и знать-то ничего не хочет
Про то, что было, еСТЬ и позабыто.
Мечтай про жизнь и колбасу.
Держи, родную, навесу
И отрезай помалу, по кусочку,
Когда она тебе на зуб попалась.
Клади ее в себя, как в бочку,
Чтобы плотней искалось
И ни о чем не заикалось.

VIII.

Ага! А вот и Соловки!
Скользнул и ахнул самолет
Во чрево острова. Ловки,
Вороны взмыли – всякий сброд
Из-под крыла и боком – боком.
Арсений вышел – пусто что-то.
Ну, никого! Втроем всего.
И ему стало одиноко.
Лишь шум винта «Аэрофлота»
Напоминал про города. Отец его –
Живой перед глазами.
Каким он был, каким вот так стоял?
Ведь он его по сути не видал.
Да просто, каковы мы сами,
Когда стоят отцы перед глазами?

Вот тут и был, вот тут и жил!
Под стражей тут и обретался.
Гулаг их зорко сторожил,
Чтоб каждый Слон тут и остался.
Взревел мотор. Какой-то ржавый,
Исчез возок? С Кремля, пожалуй...
Помилуйте, но где же Бродский?
Имел несчастье быть вторым
Ио-си-фом, а был Поэтом.
Так где тут длился пилигрим?
Поэзия замешана на этом...
Арсений Чигринев и сам писал
И потому стал сразу же искать
В чужих пределах родственную душу.
Ах, боже мой! Да что-то не видать,
Кого искал, кого хотел послушать.
Их сколько было, тысячами тут
В каре едином, лагерьем одним.
И где ж они?
Где тут они лежат?
Все, в общем, прах и дым.
Отец фантомом, призраком летает.
Куда ни глянешь, всюду он и нет.
Он - то и есть, чего нам не хватает,
Все нам и через много, много лет.
Прошли втроем какой-то километр –
Арсений с офицером и парнишкой,
И вид открылся, это даже слишком,
Чтоб открываться каждый шаг и метр!
Красавец Кремль, шпили под небеса.
Стена в булыгах. Обомшелость. Птицы.
А позади – залива полоса.
Узки, как шуки, серые эсминцы.
Прошел Арсений далее, на берег.
Свободно. Но таинственно. Присел.

Задумался. И – верить или не верить?
В среде прибрежной – зелено, посев.
Неужто ламинарии, капуста?
Как где-нибудь южнее за тыщи верст.
А это что? Дольмен у ног неужто?
Гранит седой, как к вечности примерз.
А это камни – кругляши кругами.
Изображен конечно лабиринт.
Какой-то ум исконый, лед и пламень
Нам всю интригу жизни пламенит.

* * *

Задумался Арсений. Если долго
Натуре переваривать дольмен,
Так лабиринтом доползешь до бога,
Но это после, не в один момент.
Роман в стихах имеет свои формы,
Диктует и предписывает, что ж.
Дольмены не колеблют дни и нормы,
Их в доминанте хошь не хошь нули,
А средину глав перевали
И выводы на ужасы рули,
На тайны безыскусные Земли,
Какие рвут восьмерку на нули.
Одну на два, а если положить,
То бесконечно в мире можно жить.
Вот о Бессмертном лабиринт
Арсения в такой момент, как винт,
Наводит, жизнь – горилла,
Нога на брег едва ступила,
А мысль уж неотступна: где могила
Отцова, где? Она – жива?
Иль все исчезло то, что было?
Дольмен. Бессмертье. Лабиринт.
Монахи, кажется, Савватий,
Построив где-то одинокий скит,

Легенде старой новый стиль
И придадут не по зарплате,
А со скита и – в монастырь,
Где Соловецкие палаты,
Архимандрит. Садки, имбирь
И веры древней постулаты...
Переварить все это можно,
Пойти кругами в глубину,
Но современность не отложна,
Пока ее дождем одну,
А то оставим на потом –
В четвертый том.
Да нет, наверно, в этот все же.
Сожжем, перевернем, помножим
Да и разделим все на всех,
Получим ноль из двух – восьмерку
Горизонтально вновь положим, -
Судьбу получим – режиссерку.
Она все знает про Бессмертье,
Кому грозит что, а кому что нет...
Спокойно, Леонард! А заодно проверьте
С Арсением судьбы своей макет,
Кто пряник вам положит на буфет?
А кто кнутом за каждый том, -
Так понял или нет?
Отец, наверно, видел, тоже бдел,
Зане на самом дне колодца
То, что сейчас ему передается
Безвестное, в химерах всяких дел.
Арсений на коленке своей карту,
Вернее, схему тура развернул -
Рейкьявик ляжет на Джакарту –
Всего-то для туризма стол и стул.
Не помнил – где когда зачем купил?
Но вот он перед ним – Архипелаг,

Вот Соловецкий, чуть ли не Со... ветский.
А проще, у народа на устах,
Так «Со-лов-ки!»
Извечно оно так.
Как топор скользнет с руки:
«Чтоб тебя на Соловки!»
Архипелаг – Гулаг,
Как скажет Солженицын,
Не взирая – ни на грош – на лица.
А так все это – бисер островов
На Белом море, мишура
Вокруг большого острова, основ
Основа. Крепость. Кремль. Уррра!
Чтоб не зашли в Россию со двора.
Вот тут, - на этой карте – схеме,
Мы времечко свое и проведем,
Согласно современности и теме,
Отцовскую могилку – разгребем.

* * *

Где кладбище? На схеме – ничего.
Ноги к нолям. Горизонталь. Безвестность.
Но кто-то же живет тут? Из того,
Из этого дня озирая местность?
Пройдем по людям. По святым местам.
По старине и нынешним картинам,
Читая путь как с этого листа.
Уйди с дороги. Чур, идем по «минам»!
Арсений для начала тут поселок
По этот бок Кремля – монастыря
Решил обследовать. А че тут, пала-ела!
Баракки, да и все. Так, откровенно говоря.
Бардак, или один большой барак,
В каком когда-то жили «эзэки»,
А ныне обитают человеки.
Дощаты, двухэтажники, с клопами

Наверно, с тех еще времен.
И это тоже Кремль. Как сами
Понимаете, - столица всех времен,
Разноплеменная столица,
Какая нам еще сгодится,
Какой мы век не позабудем,
Там тоже любят, тоже люди.
Но это после, а пока
К цветочку тянется рука.
И тут он вырос на дорожи –
«Не стоптан, милый, на морозе!»
Погладил Сеня ту ромашку,
Пересадил в нее букашку:
«Живите тут... А все же Бродский
Где тут когда-то обитал?»
Гудок морской, какой-то флотский,
Всю рыбу тут поразогнал.
Туристы. Прибыли теплоход.
По запланированным схемам
Пройдутся, проведут по темам,
Как надо, вдоль и поперек,
А нам узнать, где тут отец?
Где был тут Запад и Восток?
С какого древа Бродский слез
И кто опять туда залез?
- Ну, ты даешь? – сказал мне житель
Из этих самых Соловков. –
Живешь – живи. В свою обитель
Дыши ноздрей, без дураков.
- Эге! – сказал ему Арсений.
Спросить про морги как отшибло.
А день уж был такой осенний,
Такой октябрьский, золотой!
Природа-мать ему надыбала
Тепла, любви к Руси святой.

Вот бабье лето! Спасибо, остров, и за это.
Отца забрал, так хоть погоду
Дал снова пришлому народу.
А Кремль стоял от всех особо.
Стена стеной и все в воде, -
Отражена, вознесена. До гроба,
Век не забудешь те кресты нигде,
Сиятельны во прахе и на плахе.
Луч глянул на знамение веков,
И в небе вспыхнул во едином взмахе
С богами, чуешь? Ты без дураков.
И, хоть Арсений не крещен был сроду,
Хоть монастырь навроде не для нас,
Рука сама почувяла свободу,
Ко лбу взлетела, к небу поднялась.
Отец возник, не где-то на бумаге,
Не в канцелярских чернях, словесах,
А тут, на синем – на свободном стяге
И сочетался с небом облик, взмах.
И волны взяли бедного артиста
Да и несли от страхов, от отцов.
И губы сами, шевелясь со свистом,
Стихи произносили без концов:
«Святая Русь! Страна не на подносе...
На всем столе – равнинная, своя,
Она лежит, как яблоко под осень...
Ну, откуси, попробуй, от нея!»

* * *

Вошел во враты – в глубь монастыря,
Как, может, сюда тысячи входили.
Просторен двор, а ведь видать не зря
Тут стены эти в камне возводили.
Житейская мыслишка гнет и точит:
«Где ночевать? Мир крыш над головой».
И тут он видит в башне дверь воочию.

Под вывеской. Входить или не входить?

Само собой,

Небось, не зверь

Сидит,

Поговорит с тобой.

- Чего там, зверь! – навстречу человек

Из-за стола и ртутью раскатился.

Захохотал и словом подавился.

«Какой-го имярек», -

Арсению подумалось едва,

Как тот сказал: «Князь Мышкин я.

Ну так зовут меня. Такие тут слова

У всех припасены, ко мне обращены.

А так – Савватий, – и руку протянул. –

Не слишком я?»

Арсений подумал тоже: «А чего не слишком?»

- Конкретно, Рыбкин - председатель

Уже сто лет. В обед.

Один такой глава в России,

Таково черти намесили!

В Кремле, и нате - сельсовет.

Один такой я, островной, -

Так понял или нет?

- Да понял, понял, – кивнул ему Арсений.

- Сейчас мы вас... в один момент.

Оформим...

И пробежали тени

Перед артистом.

Наверно, так же вот сидели

Тут в форме, очень близко,

И на отца его глядели.

А Рыбкин:

- Да-да, поселим вас не низко.

На третьем, к богу близко.

- А я Арсений, - протягивает руку

Чигринев. – Артист.

- Ну да, мы все артисты. Согласно звуку...

- Согласно звуку, даже и народный.

- Ах, инородный? А мы тут все свои,

Чужие к нам не приезжают.

Вон теплоход – народ не сбродный,

У каждого тут кто-нибудь... тогда...

- А что сейчас?

- Рыбалка. Что - организуем?

На Муксалме. На остров выездной.

Кишмя кишит... Я вас узнал...

Арсений:

- Ну мне куда?

Рыбкин: - Давайте провожу.

* * *

Шел Чигринев. И очень круто.

Взбирался, как на колокольню.

Скрипела каждая минута,

Пуская в жизнь другую. Болью

В нем отдавался каждый шаг.

Темно и сыро. Гниль и мрак.

Иль впрямь была тут колокольня?

Или монашеская келья?

Прилег в постельку, и невольно

Мысль набиралась нонпарелью.

Мельчало что-то, страх ли, бесы

Его сжигали, разжигали

И, плюнув в нем на интересы,

Свою обитель создавали.

Пошире этой - с двор, наверно.

Пошире этого двора,

По всей России – той химерой

Отсюда шло, тут Кремль и центр -

Архипелаг Гулаг.

И ох, и ах!

Заснуть пора,
А не спалось. А все ждалось.
Лежал, как гвоздь,
И мыслям предавался:
Россия так была видна!
Ну, прямо вся, как на ладони.
Такая в мире лишь одна,
То выплывет, то снова тонет.
Скользит, как огненная шука,
По всем эпохам, временам.
И поглядеть-то страшно, мука,
Эксперимент все ставят нам.
То власть низов в верха поставят,
А то назад перевернут.
Кого подкупят, где надавят.
Кому фитиль, где надо, вставят,
Куда-то лампочку ввернут.
И чи-чи-чи... и ча-ча-ча...
Свети нам, лампа Ильича...
Вот и висит такая груша,
Что, братцы, невозможно кушать.
Один прочел вдруг по-латыни
(«Реникса-чепуха»),
Другой – «эс» к слову позабыл
Приставить, забыл букашку!
А укусила его, грешного, блоха
Сидела тут, хи-хи-хи, ха-ха,
Раз чересчур умны – в шарашку!
Ге лес валить, а мысль двоить
И выдавать ее на всех, класть на бумажку.
Отец народов! Каждому отец!
Особенно его отцу, всему венец –
Иосиф тот, а этот – вроде сын, Иосифыч.
Тот усмотрел в нем ум: ну, Бела Кун! –
И перевел в СЛОНЫ,

В объятья Сатаны...

Тут мыслей бешеный поток,
Как чересчур-то бурный,
Чтобы куда-то не увлек,
Был прерван. Кто, бравурный,
Потоками у нас руководит?
А бог, народ, совет церковный
Того монастыря, что был тут где-то,
Когда еще служил,
Совет на колокольне вздорной.

Арсения он и остановил.
И чем? А хлынул с неба тот поток,
Аж потолок, представь себе, протек.
Струей полился,
Ливнем разъярился,
Из одеяла сделал озеро
И бросил Сенечке в лицо.
Арсений в уголок забился
И там молился,
Чтоб потолок не обломился.

А так все было хорошо, Архимандрит не смылся,
Пролился как перед концом,
Еще бы!

Хоть и не стоймя был лицом,
К потокам - роком,
Какие нам выходят боком,
Устали боги видеть оком
Иль посильнее стал совет,
Однако ближе чуть к рассвету,
Дождь перестал, как все проходит.
Чума и та в честном народе.
Оставив мету, стоит потом, жует конфету.
Арсений к «дубу» перебрался.
Так обозвал он тут буфет –
Дубовый, из мореных досок;

«Кого зачем когда морили,
Чего творили?..»
Уж утром встал и – в сельсовет.

* * *

Савватий был уж при печати.
- Так, понял или нет?
- Насчет конфет?
- Насчет лобзаний и проклятий.
Ну, в общем, так. Мне в область надо.
Насчет колбас и винограда.
Народу не интриги плесть,
А людям надо что-то есть.
- Да, ваша честь?
- Так вот тебе – моя печать.
Чтоб от другого отличать,
Кто у меня бывает.
- Своих?
- Молчать! Савватий говорит,
А говорит что – знает...
Теперь ты наш! Кремлевский, Соловецкий.
Да вижу, вижу по глазам.
Зачем ты тут? Кто будешь сам?
Скажу Васятке, сыну, пусть поводит
По Соловецким нашенским местам.
Все, дорогой! Как говорят в народе,
Ждем – на рыбалку, приезжайте к нам!
«Савватий милый, дорогой!
По гроб тебе! Навек... -
И тут Арсений поперхнулся,
А как обратно обернулся,
Уж никого, качалась гнусная портьера,
Сожрала бывшего премьера.
«Ого! – подумал Чигринев. – Хоть островной,
А все же Кремль. Все, как в Кремле.
Портьеры. Бывшие премьеры.

Кому - с лимончиком в чайной,
Кому - куриное филе,
А кто и так, пусть рукавом утрется -
Не Солнце в пятнах, обойдется».
Присел Арсений, в день осенний,
Дай, думает, по мыслям похожу.
На ихней-то платформе посижу,
Но сам, самим собой, останусь.
А нет, нельзя поэтам нам, артистам
К провалам быти слишком близко.
Забыв про странность, остраненность,
В провалы живо угодишь,
Твоей судьбе не угодишь,
Привычная влюбленность
Враз поменяется на ложь...

* * *

Зашел Арсений в магазинчик,
На полки глянул – колбаса!
Аж укусил себя в мизинчик:
«А че, везет же, полоса.
Не что-нибудь, а все же Кремль.
И должен отличаться
Хоть чем-то тот. Отцовский, деревенский
Ведь тоже Кремль. Та деревушка,
Где курица – избушка,
Так там, вобще, на всех три мухи,
Ползуба у старухи».
- Душка! –
Он продавщице. – Мне той колбаски,
Что в этой связке.
«Вот, - думает, - с собой чего возьму.
Когда по острову пойду
С Васяткой.
Буханку хлеба и кусок –
И все в порядке».

Ни с места продавщица,
Лишь только улыбается, стоит,
На всех глядит.
И он, Арсений, поглядел: народ!
Стоит и ждет,
Пол-очереди все
Как прикипели... к колбасе.
И смотрят на Арсения, и смотрят.
Во все глаза свои омраковенно –
Так жалостливо, необыкновенно.
Одна так даже всхлипнула уже.
- «Да дайте уж из нашего, - сказала. –
Утесову, поручику Киже.
Еще добавьте, если будет мало».
Арсений взял и вышел. И пошел.
И уж потом как будто прострелило,
Разъехался аппендицита шов!
По спискам – щелк, по блату – соль и мыло,
А мы чего хотели?
За что сражались, бдели
В СЛОНАх – сидели?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ **КРЕМЛЬ. СОЛОВКИ**

IX.

Пока Васятки нет, не прибежал,
Дай, думает Арсений, похожу
По рубежу, где двор – полуовал.
В ремонте весь, в раскопках. Нож к ножу.
Кинжал к кинжалу. К веку век.
Раскопки скажут, что за человек
Сюда к нам в черепочках добежал.
А все лежал...
Арсений к молодежи подошел.
- Ах, это вы, - они сказали, - Чигринев?

А это мы, студенческий отряд.
Из МГУ. Нам профиль этот подошел.
Не нов,
Копаем все подряд.
Разулыбались: вот здорово!
Уж едут нам артисты помогать.
Вон ту лопату и берите,
Что приготовили в момент.
К нам едет Президент!
Особой датой.
Вчера по телевизору сказали!
Чтоб поработать в отпуске лопатой.
- Алле, веселые ребята! –
Арсений взмыл, потрянул головой,
Запел их гимн, а значит, свой.

Орел 6-го легиона

(Гимн археологов)

«Пусть я погиб под Ахероном,
И кровь моя досталась псам.
Орел шестого легиона,
Орел шестого легиона,
Как прежде, рвется к небесам».
И все запели, хором, вместе,
Лопатой отбивая такт.
Арсений свой тут был, на месте.
На песню, как и все, был храбр,
Да-да был, бесконечен.
«Силен и, как всегда, неустрашим.
Пусть век солдата быстротечен,
Пусть век солдата быстротечен,
Но вечен Рим, но вечен Рим.
Под ассирийским знойным небом,
В сирийских гордых городах
Шагов солдатских грохот мерный,

Шагов солдатских грохот мерный
Заставит дрогнуть дух врага».
Прораб подходит:
- Все, ребята!
Пора грузить.
Кран подошел.
И двадцать два бывлых солдата
С той песней стали уходить.
«Мозоли, кров и пот не в тягость,
На раны плюнь, не до того!
Нам дал приказ Тиберий Август,
Нам дал приказ Тиберий Август,
Мы должны выполнить его».

* * *

И вот ушли. Ушел и кран.
Один остался тут Арсений.
Один твердил он, как коран,
Чужую песнь под них свой гений:
«Сожжен в песках Ерусалима,
В водах Ефрата закален.
Во славу кесаря и Рима,
Во славу кесаря и Рима
Шестой шагает легион,
Шестой шагает легион».
Присел на камень. Черепки.
Слои культурные, эпохи.
Их диалоги далеки,
Близки клопы, микробы, блохи.
Стена в два метра, ширей в три,
Пробей такую-то попробуй.
Киркой, лопатой, изнутри
Не разобщить всего. А чтобы
Не взяли с моря рейдера,
Когда-то те же англичане.
«Так что ты, что ты, что ты!

Я – солдат девятой роты!» -
Любимое словцо у друга – Гриши,
Коллеги, что ли, по театру.
Арсений, вспомнив Гришу, стал потише.
Вообразил перед собою «Татру»,
Автомобильчик, чешское пиво...
Куда так мысленно забрался.
Погладил Сеня на руке кольцо,
Да так сидеть с ним и остался,
Пока Васятка не пришел.
Такой мальчонка, третьеклассник дошлый.
И все-то знает, до всего дошел
Про нынешний век, давешний и прошлый.
Не зря живет и верит в наш народ,
На ум-то кое-что кладет.
То, что эпохой как отбило,
Отбыло, вроде бы забыло,
Совсем забыть Васятка не дает.
Ну, что ж! Алле, вперед!
В историю идем, в народ!
Пока он жив, пока живет,
Алле, вперед!
Туда, в недавние скрижали,
Когда нас всех пересажали.
- Да нет, - сказал Васятка, подойдя. -
У нас тут не сидели, ходили сидя.
- Ого! – глаза аж выпучил Арсений.-
Свобода, да? А как насчет Гулага?
А море здесь зачем? А корабли?
- Ну да, кольцо снаружи, изнутри
В двойном кольце. В кругах Земли -
Свобода для всего народа.
Ты походи тут, походи,
Сказал артист, – ко мне поближе!
О том гутарить - погоди,

Пока с отцом тут свижусь.
- С каким отцом? Ну, погожу.
Сижу, и хорошо сидится,
Глядя в лица.
- В Кремле ведь, мыслится отлично, -
Вздыхнул Арсений Чигринев. –
Сам будто воздух тут столичный,
Всей атмосферой анемичной,
Столицей дух перегружен. -
И отвернулся чуть в сторонку,
И мысли бросились в раскат.
За ними Чигринев вдогонку,
О Господи Иисусе!
За хвост хватает, как котят!
А те летят,
Как гуси.

* * *

Где кладбище? Никто не говорит.
Где хоронили? Мерли ведь, стреляли.
Молчат, как в рот воды набрали.
Никто не знает, трали-вали.
Все тут, где надо, что ли, оставляли,
Тут - на поверхности Земли?
В морях топили, где-нибудь в дали -
В углах межвежьих счет вели?
Они же призраками стали,
Каноном не погребены.
Дух возмущенный переставил,
Перенацелив в тень Луны,
Он сонмы призраков представил,
Тьму легиона – изнутри!
И раем быть тут все могло бы,
Но адом стало, посмотри,
Так тесно им, о грудь стело
Толкает мертвых и живых.

Уж и дыхнуть, пожалуй, нечем,
Как это все легло на них.
Вон археологи – ребята,
Копая, извлекают черепки.
А тут, пожалуй, и копнуть-то нечего.
Все шито-крыто, тень из-под руки.
Но Кремль стоит! Не то, что ввысь, -
Рванулись к вечности моменты:
Шпили, колокола, фрагменты.
А те, внизу, не поддались,
Энергия пошла в разлет,
Вон как скулу монголу гнуло,
Простором ширило полей.
Есть на Земле места такие –
Иль проклятые, или святые, -
Одни берут, сосут в себя,
Другие отдают, любя.
А тут?
Ведь явно знали деды,
Где ставить Кремль? Кого святить?
С того и происходят беды,
Не знают, как нас выключить?
Переменить верх с низом, дух победы
Слить с пораженьем, свету с тьмой.
Безграмотность ли? Бесовство ли? Веды
Так перепутаны с тюрмой.
И все на нас эксперименты:
Страна такая, люд больной -
Авось не выдюжат, стеной
Народы ломают, конкуренты.
Со зла и мора, от печали
Сойдут на нет, мол, в изначале.
А этот – тот же Белый Остров,
Счастливый Остров. Под эгидой
Утопией с него и назовут -

Чудесной Атлантидой!
Искали там, а он, счастливый, тут.
Энергия рождает Красоту,
А Красота родит ее опять.
На пустоте получишь пустоту,
На сатанинстве – дьявольскую рать.
Начнет тебя за волосы таскать,
Куда-то вниз, в свои клоаки,
Во мраки, а как иначе?
Во сне оставят, поместят на дно.
Вот это все Утопией зовется,
Она – на дне колодца,
Что утянуло нас и утонуло,
Со счастья вроде начав.
Утопия! Попробовать хотели
На тысячах, на сонмах те химеры.
Кто это делал, знал ведь, что творил.
На самом деле,
Приняв меры,
И сам, в конце концов, свой путь закрыл,
Оставлен был без крыл.
Должны быть выходы Земли
Тут под вулканом, на разломах плит.
Магниты! О чем все это говорит?
Должны быть где-то тут «зарубки».
Подвижки, эхо мира, глыбы,
Алмазов кимберлитовые трубки...
И тут Васятка подошел поближе:
- Ты, дядька, что-то размечтался.
Ушел от темы. Зачем ты, рыжий,
К нам сюда приехал?.. Ну я пошел,
А ты – остался?
- «Ну что ты – что ты, что ты – что ты?
Я – солдат девятой роты!» -
Стряхнул с себя химеры наш Арсений,

Конечно, не без опасений,
Что вдруг останется один.
Но бесконечно небо. Бес с небес
Запел и в нем, в его больной груди,
Когда мальчишка грянул впереди:
«Пусть я погиб под Ахероном,
И кровь моя досталась псам!»
Арсений знал по голосам:
Мальчишка бродит рядом с троном.
«Орел шестого легиона,
Орел шестого легиона,
Как прежде, рвется к небесам».

Х.

И тут Арсений наш притих.
Стрела дороги так пряма
Почти на двадцать километров –
Гора Секирная! Как миг,
Взметнулась ввысь на сотню метров,
Притягивала, как магнит сама.
Отец! К тебе иду, иду.
Маяк! Хорошая работа –
Светить на море кораблям!
На Белом море – гора и море.
Тут подошел чернец – монах.
(Ну надо ж! И ты оттуда взялся?):
- Не надо ли чего?
«Да надо, надо! Пересилить страх,
Лежащий где-то на устах.
Возьми нас, боже, от всего».
- Где, отче, тут у вас могилы?
Смолчал монах.
Весь как-то сник, зачах.
Как выпиты вдруг силы,
Всего сразили.
Арсений ему сразу:

Быть тут алмазу,
Брильянты кроются в земле,
Земной тут шов...
Монах вздохнул и отошел.
И подбежал Васятка:
- Ну че, – идем?
Да и повел столичного артиста
Показывать свой Соловецкий дом.

* * *

Сижу, пишу, а кот мой наподобье льва,
И тоже Васька,
На шею влез да и сидит на шее.
Мурлычет что-то, шепчет мне слова.
Соавтор мой. А ну-ка, Васька, слазь-ка,
А то ведь шею поверну едва,
А ей вертеть туда-сюда,
Ходить она должна свободно.
Воротники носить не модно,
Как бы петля Шенья на шее.
Слезай же, Васька, поскорее, -
Артист народный, первородный.
Левее к морю повернули.
Васятка вел, все знает, как пиит.
Твой гид! Гудит себе, как улей,
Заливчик – там, а тут – Архимандрит
Садки держал, ловил рыба с кораллов.
Когда хотел, стол просто царский был.
Не тут ли мужичок двух генералов
Однажды в прошлом веке прокормил?
- Это сад Архимандрита виден, -
Сказал Васятка, тоже пионер.
Шел впереди, как и отец, что ль, лидер.
Как и Савватий, значит, был пострел.
Возник лесок. Прошли немного в гору.
А вот и сад. Прикрыт сосновым взлобком.

В октябрьскую-то, золотую пору
Прекрасно как!
Арсений глянул робко
На яблоню:
- Такая ж, как у нас.
Васятка ему:
- Яблоня Палласа,
Немного кисловатый квас.
Арсений: - И мелка сама, без кваса.
Плоды, как у рябины, чуть крупнее.
У нас дрозды рябину ту клюют.
Васятка ему, ликом пламенея:
- У нас же Севера! Почти Полярный круг!
Тут яблоня работает за двух!
И сливы есть, и даже вишни.
Любил Архимандрит кутнуть.
Арсений:
- Ну, а это уже лишне.
- Естественно, - продолжил парень путь.
И далее – с Архимандрита, с сада,
Арсений по-иному Соловки
Воспринимать стал. Все исчадья ада
Переплетались с раем от Луки.
Октябрь какой! Самой судьбе подарок!
Зеленые во злате Соловки!
Пошли озера, озерца. Так ярок
Их синий цвет – с небес, в тених строки.
- Денек деньской! Что ты со мной наделал! –
Шептал Арсений сам себе. Слеза
Смывала чернь во сне златом и белом.
«Только синь сосет глаза». –
И тут – Есенин,
Вот какое дело!

* * *

Кто и зачем сюда его впустил?
Под эту вот березку из Рязани,
Со мной под круг Полярный затащил?
Из-под березы взгляд со стороны
На что глядит, на что он намекает?
Работали, как черти, те слоны,
По бревнышку по острову таскали.
Не все предусмотреть за них могли.
Звонили тут не зря монастыри,
Архимандрит в любую часть земли
Проехать мог на лодке. Посмотри!
Венеция – от озера до озера
Каналы в досках темных, обомшелых.
По васнецовской лепоте и водам
Чего тут только-толочко не вожено!
Поэзия! Недаром этот Бродский
Отсюда и в Венецию бежит.
Так там ведь и остался,
В фортеции их прописался,
На Русском кладбище лежит.
Среди таких же, как и все тут были,
А Русские каналы не любили.
Как бурлаки, на лямке
Таскали грузы, всякие дела
Империй зла, от ямки и до ямки.
Тот опыт в лету ведь не канул.
Вот он, Архипелаг Гулаг,
Идею выдал Беломорканалу,
Свой опыт СЛОН на всех распространил,
Союз как там, в канале том, и был.
- Еще бы реки повернуть, -
Сказал Арсений пионеру. –
Чтобы текли на Юг, к примеру.
Три съезда у писателей сосали

Идею эту, как конфету.

В ответ Васятка сходу, слету:

- Не подпущу таких к буфету!

Они всю воду заберут,

А нам чего оставят тут?

И засмеялся Чигринев:

- Да глянь! Воды тут – море,

Весь Ледовитый океан.

Чего тут боле, так только горя

Да слез, наполнивших канал.

- Вот он нас всех и доконал, -

Заметил дошлый пионер.

Все знал поэт без эполет.

Готовя для принятия мер

Свой – без оленя – пу-ло-вер, -

Понял или нет?

(Настаивает наш Васятка,

Чтоб было так, а для порядка –

Был парабеллум, «револьвер»), -

Ну понял или нет?

- Все понял, - мне сказал Васятка.-

И передам японам.

Арсений:

- Японцам?

- Японы, как авиаматка,-

Сказал Васятка. –

С них тоже все идет. Но – кратко,

Так лучше для порядка.

- Ну, ты даешь! – Арсений засмеялся.

Да так, разинув рот, бы и остался,

Но мимо вальдшнеп просвистел.

Или глухарь.

- Косач, - определил сынок

Савватия,

Куда-то глянув в бок.

С ружьем, наверно, там сидел,
Когда вчера косач летел.
- «Мы что-то отошли от темы», -
Подумалось артисту сладко.
- «Да просто жизнь свою воткнула клемму», -
Ответил Вася для порядка.
- «Ого!» - опять же выпучил Арсений
Свои омраченные глаза.
И оглянулся: сзади, по стреле,
Еще был Кремль, еще собой давил.
Там заседали, там Савватий был.
Насчет уловов, перевозок
И разных – всяческих дорог,
- Чего, Васятка?
- Батя строг.
- Ну, молодец!
Что понял, наконец.

* * *

Не Кремль давил, не зданья давят,
А люди сами по себе. Отчасти
Хоть себя противопоставят.
Особо кто на стульях-то, при власти
И наливаются от счастья.
Катают желваки по стульям,
Как колос ржи какой-нибудь с кистой,
Торчит – пустой.
Арсений знал, уже давно: в искусстве
Как только чуточку успех,
Так рядом зависть. Вид искусный,
Пока ирония и смех
Под прошлогодний снег.
А как успеха чуть побольше,
Живи хоть в Польше.
А как успех тебе велик,
Так начинается охота.

Сначала, может, недород;
Чтоб маловато было в рот.
А как не понял –
Туда, к «японам».
Или в Венецию, где Бродский,
Есенин, Гоголь, Пушкин... Троицкий...
- Имен вам, дядя, не хватило? -
Остановился вдруг Васятка. –
- Откуда знаешь? Про себя ведь было.
- При всех, но кратко.
А для порядка, дед,
Понял или нет?
- Иди-иди, сиди-сиди, -
Бежал Савватий впереди.
Вот тут о пере-вопло-щении
Мысль и закралась к Арсению.
Каналы. Доски. Темная вода
От озерца до озерца.
Не пей с лица, с того конца,
С лица воды, вобще, не пить,
А груз возить
На лямке той, на лямке
От ямки к ямке.
Хоть рядом и стрела
К Секирной прямиком вела.
Шли, шли. И тут дожди.
Порывы вдруг. Заморосило.
Секирная, громадясь впереди,
К себе звала, торча, кровоточила.
Но это только лишь начало,
Кого тут прежде укачало?
Кто чай попил – какая сила!
Кого тут по морю носило?
Идет охота! Идет охота!
На глухаря, на бегемота.

Вчера сидел Савватий в связке
С другими, даже был Васятка.
Да, Вася? Тоже, значит, был?
И ты охоту полюбил?
- Сама идея хороша, -
Сказал Васятка. – А для порядка.
Чтоб не выпирали, не вымирали.
Тех и гоняют, трали-вали,
А то - летают,
- «По диким степям Забайкалья», -
Запел Арсений
В защиту всевозможных потрясений. –
«Парни снабжали махоркой».
- «Где золото роют в горах», -
Вы, дядя, это пропустили, -
Сказал Васятка.
- Пою в своем я стиле,
Кратко.
- Для созиданья беспорядка? –
Сказал Васятка.
- Ха-ха, ха-ха, - сморгнул Арсений.
А не смешно.
Какие-то дожди, погоды, тени.
Даже потоки с градом.
На миг все замутило дно
В канале, что чернел тут рядом.
Секирная изогнута в вопрос:
Как ты подрос, на чем подрос?
Колосс!

XI.

И перед ней стоял я – автор.
Маяк светил как бы до океана.
И думал я: всходить иль не всходить?
Так быть или не быть?
А страшно ведь чертилась «изобара».

И даже жутко. «Куда идешь? На что летишь, минутка?
В житейском мире, в океанах грез.
О Леонард! И ты, и тот колосс!
Тебе захочет кто-то сделать плохо,
Что будет? Мать твоя Мария,
Большой отец Иосиф, -
Понял или нет?
От божеского вздоха
Мне жить, их отпрыск я,
И дальше буду жить,
Я – человек, пришел сюда навек.
И кто прервет ту золотую нить,
С богами будет говорить,
Защита у меня от неба,
Кто весь в себе, в своих морфемах.
Вон колосок высок у хлеба,
Да пуст. В монетах
Отражен, в другом.
И что ж, меняются монеты,
Как и портреты,
Дыханием богов». -
Так Чигринев и думал, как и я,
Перед горой Секирой,
Об основе бытия –
Всемирной.
Весь мир вдруг отразился в Маяке
Тут, на Секирной.
Всечеловечность. Брызнула слеза
«Только синь сосет глаза»,
Все вытянуть готова из тебя,
Так и живем,
Других любя.
Богиня – мать, я на тебя молюсь,
Святая Богородица! Сентябрь
В числе стоит.

На месяц отмолил я муки,
Еще ей дали – божеской старухе –
Пожить до 21-го. Пиит
Молил богов – поэтов,
Сам мучаясь при этом.
Не побоимся повториться,
Сказав опять-таки про лица:
«Кладем восьмерки два нуля
Плашмя, горизонтально,
И получается, как бы случайно,
Бесконечность,
То есть вечность,
А применительно к живому –
Бессмертие души.
Вот вам и Бродский, тайна к дому,
Шифр к «Назиданию», проверьте,
«Как режут ножницы восьмерку на нули»,
Так из бессмертия мы сделали конечность –
Смерть круга, как два глаза,
Чтобы смотреться в вечность,
В муки ада, да так,
Что аж глаза слезятся,
Взглядываясь в Керры, в лица,
Своих, родню там узнавая или нет, -
В любой гляжусь портрет.

* * *

Развешали мы тут свои портреты
И думаем, что это хорошо.
А ведь такие в поры меты
Нашлют, что только рожи корчи
От всякой порчи.
Но Джо так обожал свои портреты,
Не глядя в вечность, а наоборот.
Хотят Бессмертия, приметы
Неживи каждый сам на себя кладет.

Так вот, стоял герой наш Чигренев
Перед горой Секирной,
Не думал, но предчувствовал, из снов
Превозмогал сон практикой эмпирной.
Все холодочком, все Секирой,
Какой секли, как Петр своим стрельцам,
Так тут монахов верою и вирой,
Чуб отделив, сплавлили к праотцам.
Запахло кровью...
Со стороны Кремля Секирная полога.
Входить легко. Да круто там,
По тем бокам,
Всходить - вредить здоровью.
Скала еще от ледника
Иль сыпана рукою, как курган?
Так круто, вообще, а не слегка,
И много же ходить, коль по кругам,
До неба у Секиры площадь.
Тут и Маяк. Чтоб видеть самому
Все эти мощи.
И чтоб тебя окрест видать могли,
Такие-то на небеси рули.
Арсений к краю ближе подошел.
От моря Белого тут синева, тут небо.
Зеленым бережочком бахрома
Из белого кипения прилива.
А что от острова, от суши? Глянь сюда!
Арсений ажник задохнулся:
Такая красота, такое диво!
Зеленая страна, по ней волна
Из золота октябрьского призыва.
Да, по зеленому, по золоту – она,
Глаза – озера, а на озере
Голубизна на мамином лице.
При солнечном венце.

Ну, чудо! Лепота! Дары природы!
В сиянии дневном –
Безоблачны, так щедры небосводы,
Бескровны в основании своем.

* * *

И тут Арсений где-то сбоку
Заметил лестницу. Крута.
Невероятной глубины. Пороку,
Коль не предаваться, то соль с листа.
Как нотный знак, как звук, чиста.
- Да ровно двести семист восемь
Ступенек тех, что сверху вниз, -
Сказал какой-то человек. Попросим
Еще раз повторить, такой у нас каприз.
- Да, 278! – он повторил.
Арсений вздрогнул: где он был?
Ведь было пусто тут. Маяк
Безмолвствовал. Не ночью,
Когда он жив, воочию горит всегда.
- Представьте, со ступеней вниз
Хоть головой, а хоть ногами,
Чего получите внизу лететь сюда,
Какой сюрприз?
- Вы кто? – спросил Арсений,
Не подходя из опасений,
Держась подальше от него.
- Смотритель я и, более того,
Васяткин дед, что вас сюда привел.
Вон где уже – на Маяке –
Глазами вертит. Любит мой «костел».
- Костел? А почему?
Поляк один тут... сброшен был...
Так называть себя любил...
«Все двести... семьдесят... плюс восемь...»
В ушах Арсения возник

Вдруг шум прибой. Вот работа!
Кровь закипела. Мыслью лик
Отцов означился чего-то.
И рядом с ним еще отцы,
А за отцами и сыны... и всем-концы...
- А женщины тут были? –
Спросил Арсений Чигринев.
Зачем спросил - не знаю. Ну чтоб светили,
Маяк ведь, хоть он и не нов,
Исправно светит в тьму основ.
Включат, когда стемнеет.
Особенно, когда шторма
И ураган срывает мачты,
Он прорезает мглу, вернее,
Мгла расступается сама.
- Чего мы тут стрим, -
Засуетился дед – смотритель. –
Зайдем, что ли, в мою обитель?
- Да нет, - сказал Арсений, - я пойду.
А то до ночи до вашего Кремля не добреду.
А хочется еще туда вон заглянуть.
- Ах, вы про тр? – ответил дед притихши. –
То лагерь был, а после школа юнг.
Учился Пикуль, Штоколов был юн.
Тут рикши
Изображали свой велосипед, -
Понял или нет?
Канун.
- Чего?
- Штормов.
Придут опять. Зима уж близко.
Расти, расти, моя редиска.
Ну, будь, монах, и ты здоров.
- Редиска – нехороший человек?
Снаружи красный, белый изнутри?

- Маяк тревожит век,
Его бодрит, силенку множит,
А те того не знали,
Свое изобретали.
Ну, я пошел.

* * *

Арсений в одиночестве остался.
Так и стоял у края самого.
А перед ним то озеро. Взметался
«Костел» тот как строенье одного,
С лицом очеловеченным – кого?
А все отца, какого он не видел,
А помнит то таким, а то другим.
«Тут не сидели», - слышалось в корриде.
Глас бычий, голоса за ним.
Савватий, что ль, Васятка тоже?
«Тут не сидели, тут ходили, боже!
Слонам тут было некогда сидеть.
Придумывались всякие работы...
Что ты – что ты, что ты – что ты,
Я солдат девятой роты
Тридцать первого полка,
Дунул, вынул, и пока».

* * *

Зашатала лестница его,
Закачала, затошнило что-то.
Понесло куда-то от всего, -
Адова, бесовская работа.
То ль вздремнул, присев к стволу березы,
Так устал, что в высь и без того
Подняло, болезного, его
И куда-то там перенесло,
Перешел какую-то черту,
Чувствует себя то набело,
То вчерне – каким-то налету,

В общем, весь какой-то не такой,
Человек со сломанной ногой.
Ах, отец? И я твой сын, в тебе
Вдруг отцом на миг какой-то стал?
Черный Карадаг, где Коктебель,
Как же за чертою ты устал...
Вниз сойди, попробуй те ступеньки
Сломанной ногою пересчитать.
В мир иной – под звуки летки-еньки,
В этом же – себя не узнавать.
Сын мой, сын, а в мире том рули,
Где плывут морями корабли,
Маяки им светятся вдали.
Ну, а я на этом берегу
Все хожу кругами в том кругу.
Круглое, круглое озеро,
Круглая, круглая дверца.
Острым тебя приморозило,
Острым и ранило в сердце.
«Землянка наша в полнаката,
Сосна сгоревшая над ней».
И две дыры на полбушлата
Навечно в памяти моей.
В два этажа кирпичный дом,
Начальство где-то, часовые.
Все остальные не при чем,
Суть держится на тонкой вые.
Всю вынув внутренность в тебе.
Все - коллективу, все СЛОНу,
Вот что останется себе,
Всего-то тень себя к окну.
Сюда лишь толечко взгляни,
Так сам себя за тр вини,
Что за тобой недоглядели
Большие, малые артели.

Да что мы ели?
Что мы пили?
Чтоб не сидели,
А ходили?
В журнальчик пишет свой, в газету
И «в свет» выходит даже тут,
Чтоб «прокуроры» были к лету.
Хотя б на несколько минут.
Приехал Горький, съехал с горки
И стал ходить, бродить, как бриз.
Что не сидим – открыли створки,
Что не абсурд – по центру вниз,
Вернее, книзу головой,
Чтоб ведал, знал «пролетарьят»,
Что им сказал писатель свой,
(Да тише, тише! понимаешь),
Тут тоже ходят, не сидят
Все, что копают все подряд.
Тут мысль творят, изобретают,
«Шарашкой» лагеря слынут.
Слоны не куры, не летают,
Им день за год не зачисляют,
От смеха куры не помрут.
Принес вчера стихотворенье
Про сына своего отца,
Как он тут – первое творенье –
Вторично видит подлеца.
Тут нарабатывались схемы
На всю страну, на весь Союз.
Так и работают системы,
Так и висит на шее груз.
Спросили: кто же, значит, первый?
А кто, естественно, второй?
- Отец народов Я же нервный,
Бушлат второй прожег дырой.

В башке две дырки те, ихдырки,
В одном лишь помню нашу Рось,
Что камень катят во всю ширку –
Сизифов труд, в канаву сбрось.
А он стоит перед глазами –
Отец мой, дедовский завет:
Иосифыч к Прекрасной Даме
Подрисовал и свой портрет, -
Понял или нет?

* * *

«Дядюшка Джо обожает свои портреты», -
Скажет Черчилль, что ли,
Перед Тегераном. Вот кадеты –
Те обожали чужие портреты.
До сих пор еще ходят по воле
Эти кадеты, тем боле.
- Подъем! В карцер меня начальники.
- Ты, - говорят, - чужим портретом
Не накрывай чайники.
- Так я не тем накрывал, а своим.
Нарисовал ведь себя.
- А ты, - говорят, - не распускай тут дым,
Портрет что-то не похож на тебя».
В общем, сижу на «жердочке»,
Как петух недожаренный.
Гlossы вырабатываю, получаю по мордочке,
Чтобы идей не рожали мы.

* * *

А то ведь и в «шкаф» посадят,
Как сажают курицу в клетку.
Водят нас в детский садик,
Где часовые стреляют метко.
Мы, говорят, вырабатываем
Нормы для всего мира.
А вы, говорят, акробаты,

Северная Пальмира.
«Вот с вас и будут остальные полмира
Копии брать для... для... для...
- ... сортира, -
Подсказал один тут, поэт корявый,
Так его тут же взяли и расстреляли.
А другого пустили по лестнице
Под номером 278, -
Милости просим.
Если все это вместится
В лето и впрозись,
В вечности и впроголодь,
То зима – лето,
Зима – лето,
А там, в конце всего, и конфета
За хорошее поведение,
За стишки натуральные -
Виртуальные,
С хорошими мыслями.
Да не про то, что ранее Родине дал,
А про то, как сейчас видишь, в розовом свете.
- А где же розовое, говорю?
Все голубое сейчас, зеленое - к январю.
- Все говоришь как-то всенепременно.
- Не ведаю, что творю.
-носишь тут свои глоссы,
В стихи вставляешь,
Людей спанталыку сбиваешь.
На Секирную смотрят,
Бегают кроссы.
Мы скоро, наверно, процесс затеем,
Осудим вас и расстреляем.
Других пришлют,
Землянки и так разбуханы.
- Одно, - говорю, - пришлют,

А другое – дыра, - говорю, -
Ходим зачуханные».

* * *

Господи! Тряхнул головой Арсений,
Вернулся назад сюда из наваждения,
Из превращенья в отца,
А тут смотритель перед ним на заднем сидении,
Замер на половине лица
И, булькнув где-то, летит из свинца.
Тут его и спросил Чигринев,
Не помнит ли он отца его?
Михаила Иосифовича тоже чьего-то сына.
А тот ничего не ответил
Даже за сто рублей,
А так съел сразу три апельсина,
Какие Арсений вырастил тут для него
Вроде бы из ничего.
И фигуру из трех пальцев сложил
И задним числом выдал.
Тот взял и ушел куда-то за рубежи.
Обида...
Так и стоял Чигринев у лестницы.
Переходя то в те, то в иные миры.
Пока не окрепли мысли его –превозвестницы
И не передвинули его шары.
И волю к движению создали! Боже!
И ты тоже
Не даешь с Арсением нам покоя.
Вот хожу, Леонард я, с клюкою
По лестнице, иду и скриплю, тоскою
И движим из опасения,
Что шагну ниже,
И, боюсь, получу сразу все 278.
«А что будет с моей колбасой,
Что в кармане,

Да милости просим!
Пока еще себя носим
Себя хвалим, а других косим.
Так и живем милостью божьей,
На корму-то подножном.
Да Соловки бесконечны,
Это дни быстротечны.
Будут они, как и были,
Хоть писать людей научили.
Вот и строчат, зубы точат».
Так думал Арсений, стоя у лестницы,
Совсем, мужик, оклемался.
А я впереди скрипел и думал тоже:
Боже! А вдруг треснетса?
И то, и другое?
И сам в кризисе, и под ним.
Двигался вниз головой, аж занкался,
Протрезвел мигом.
Вместе с всем Союзом распался,
Рассовался по диалогам и по веригам.
По всем тяготам и интригам.
«Там, думаю, - монологи, портреты,
А тут – внутренние диалоги.
И как ты в нем, так и он в тебе тут при этом,
Прежде чем стать поэтом.
В берлоге своей –
Человек уже никогда не станет прежним.
То, бывало, Хрущев, а то Брежнев.
Но это когда еще будет –
В перепутанности твоей.
Забегает вперед – вот и путаешь
Времена да и те же лики –
Великих –
И не великих,
Под себя подгребают блики,

Чтобы блистать за всех без исключения –
Действовать от имени и по поручению, -
Так понял или нету?»

* * *

То кнутомогреют,
То дадут пососать конфету.
Яблоки лежат, преют,
А бочки собьют только к лету,
Раскатятся они по всему белому свету,
Что оставят поэту?
Иосифу Бродскому, например,
С его разрезанными нулями?
Вот эта землянка – его полимер,
А в остальных «мышиний хвостик», как знамя.
Под знаменем и читали. Диссиденты.
Это какие создают инциденты,
Про Брамапутру мы уж сказали,
А про Индиру Ганди еще нет.
Разрежут спину, вставят бубновый туз и – на вокзал.
Создавать волну прецедентов
Из подобных моментов.
Договорятся тут у нас до «континентов»,
Станут министрами, лауреатами, -
Вот тебя и «шарашки» проклятые!
Слоны несчастные, атомы,
Ставшие лауреатами!
- Ну, а теперь предадимся
Конкретике фактов:
- Кому продадимся
В записях актов
Гражданского состояния?
Вот тут сидел писарь,
Один из нас тут и сидел,
Остальные стояли.
Вот он у нас и был «лыцарь»

Гражданского состояния.
Один из нас и говорит ему:
- Я живой, как видишь, а тут написано «умер».
Вычеркни посему,
Дай другой сему номер.
- И куда, - спрашивает Арсений,
Их с того света – совали?
Где кладбище?
Где мой отец?
- Спрашивайте у начальников,
Носы у чайников,
Имеющие большой, понимаете, вес, -
Говорит до сих пор тот писарь. –
Ставили им компресс.
И – в лес.
А где – не знаем,
В каком раю с ними еще обитаем.
У нас тут, как и везде в жизни, чересполосица.
Попросишь скибку – дадут,
А потом рука со скибкою так и носится...
А тут землянка была, где журнальчик делался.
Когда «Светлая жизнь» назывался, когда «Искра».
А когда «Утопия».
Так главный редактор до того добегался,
Все прыжками в синкопии,
Что подошел к копии,
А та его сразу в номер,
Вот он взял да и помер.
И легла где-то бумажка,
А где - не знает даже «шарашка»...
А отец твой? Да что отец!
Сам-то как, молодец?..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СОЛОВКИ

XIII.

Совсем энергией погас.
Солнце, гляжу, к Западу клонится.
Нас, видать, поминала не раз
Эта вот колоколица.
Вот завелся! Отца ищу.
Где он тут – мне скажите,
Перед озерком трепещу,
Словно тут его давний житель.
Запрещалось ведь, а смотрели
На Секирную, на синеву.
А чего бы они хотели,
Чтобы было тут наяву?
Ну, а те Красоту искали,
Брали лодочку, и - вперед!
Над Секирную синь видали,
Если боги ее сами давали,
Если Родина создает.
«Только синь сосет глаза»,
Только озеро, небо и море.
Навернулась сама слеза,
Перекрыла Арсеню горе.
Где отец? Куда они дели?
Где кладбище? -
Обегал все.
Были тут великие тыщи.
Только синь все глаза сосет.
Был бы тут и Сергей Есенин,
До подобного дровиви.
Был бы Блок, Маяковский... Ленин...
В этом храме да на крови.
Был бы Пушкин и Исаковский,
Если Бродский тут позже был.

И Ахматова, и Цветаева...
Синь сосала, слеза не таяла.
И кого я еще позабыл?
Ну Корнилова, ну Рубцова,
Самого бы товарища Сталина...
Ну себя самого... Еще бы!
Приручили бы власти Кольцова,
Сам Кольцов горе слишком любил.
Все поэты, вместе с автором
Перепутались в голове.
На Секирную в лодочке матовой,
Загребая, как бы по Неве,
В Константиново кочуем прямо,
Мы с Есениным как бы вдвоем.
Вот отец мой! Нашел его, крестного.
Одногодок природы – отца.
Он позвал нас в поэзию с Острова,
Этой сини тут без конца.
Константиново – что тут скажешь?
Константинополь? А где Царьград?
Побывал. Ко всему нас обяжешь,
А еще про других говорят.
Власть поэта и власть Митридата,
Власть царей и властители дум,
Где поэтом насижена дата?
Многодумен поэт, вольнодум.
Воплотитель всего – артист.
Воплощая, сливается Слово,
Все одно, все березовый лист,
Всякой нации боль, основа.
Пред Секирной вдруг лик возник.
Синь сосала, Есенин в лике.
Не какой-то мелькнуло миг,
А стояло огромным, великим.
Вот отец где! на небе тут,

А искал его на земле.
Маяки утонуть не дадут,
Если ты где-то на корабле.
Если море Белым зовут,
А оно в своей синеве.
Тут Есенин, отец мой тут!
Если пуля сердца левой.
Если верят все в за-го-во-ры,
Если злом пересилят Любовь.
Правь, лодчонка, на боговы взоры!
Выплывай, пересиливай кровь!
Но не ту, что с тебя в бессознании,
А какую пролили в озера.
Гамлет где-то сказал, еще в Дании,
И один ведь сказал, без хора.
Хор всегда мелет вздор,
Чтобы выжить.
Лишь один – идет на позор,
На смерть даже идет,
За народ.
За божественность сфер;
Люцифер! –
Соловки, Соловки,
Все левее руки.
Где-то тут оставались полки.

* * *

Совсем уже герой всего Арсений
Поплыл отсюда до свободы, в синь.
Уж лодку отвязал в воде осенней –
К Секирной плыть, в исчадия Руси.
Но тут вдруг женщина явилась,
Верней, она уж в возрасте была.
Прекрасной Дамой там цвела,
А тут старушкой объявилась.
В слезах иссохла, Реквием прошла.

В Матросской тишине себя забыла.
Ня разу раньше с ними не была
И не видала то, что в сердце плыло,
С каких агоний бросило в огонь!
Какой старухой стала, превратило.
- Вот где-то речка есть Сморгонь,
Откуда я, мой милый,
Там каждый год свою справляю тризну
По сыну и отцу. Отцу и сыну!
Не знаю, где не выбрали отчизну,
Но выбрать можно круг, где править тризну.
И ваш, наверно, там, куда хожу и я,
Куда они безвестности свозили.
Ах, боже! Издраки событий, бытия,
А не вопят уж, отравились. Стгнили
Все косточки, а свет от них идет.
Кто ваш отец? Иль мать? Иль брат?
Ах, все наоборот? Вы тут, кто там живет?
- Да, матерь, - ей сказал Арсенин, -
Я тут, пока я твой!
А где отец в поре осенней?
Да тут вот! Тут, где весь народ!
Сергей Есенин.
- Ах! Значит, и - Есенин?
- О боже! И? В поре осенней?
- Да, да, все вместе. И без потрясений.
Я - Блок, Ахматова, Есенин
И прочая, и прочая...
Я плачу, мать, воочию...

* * *

«Рыдаю, стресс, уж нету сил,
Всю жизнь себя во твердости носил.
Терпимомудрие мое уже устало
Сражаться с теми, кто сидит... у пьедестала.
Мы все нули для них, восьмерка врозь,

Разрезанная на две половинки.
И все, бывало, в лоб, все вкривь и вкось,
Под дых и в кость,
Интриги тают и питают льдинки,
Ту атмосферу, где всегда мороз –
То в глаз, то в нос,
А не до драки.
Был капитаном Клосс
И все четыре на броне собаки.
Спасибо телевизору,
Кое-когда нас просвещает.
Вот, видишь, бабушка по твоему капризу
Архангел пятый год уж посещает,
Меня свободе посвящает»
Арсений пал пред нею на колено,
Поцеловал Прекрасной Даме ручку.
- Вы, мэм, дворянка, Чернышова? Денно
И ночью твержу я имя Александры.
А как лишь получу получку,
Так забываю, забивают барды
Век девятнадцатый и весь двадцатый век.
А там ведь тоже, -
О господи! – был человек,
Ну, может, нас на чуточку моложе.
- Идем со мной! – сказала мать ему. –
Хожу я только к одному,
Но и тебя к себе приму.
И что же? Пошел Арсений с ней -
По злобе дней,
К сиянию огней –
К отцу как будто своему.

* * *

«И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык!» -
Так, увидав зеленый холмик,

Арсений процитировал слова,
Он был артистом тут, на Волме,
Везде, где пилят мысль дрова.
Версаль какой-то, зал зеленый.
Когда бы ведали Европы,
Какой тут урожай ядреный,
А, как и прежде, неча лопать.
Мух по окошкам только хлопать
За настроением следить,
Прервав судьбы златую нить.
Арсений сразу не поверил,
Что тут быть может и отец.
Закрытый образ, скрыты двери,
Придумано-то наконец.
А все же трогало, взывало
Туда, на дно всего овала,
Где совершалось, где, подлец,
И распоясался вконец!..
И хватя себя тут за язык
Арсений. К дереву приник
«И вырвал грешный мой»... Артист,
Поэт, художник, - вот он, лик,
Перед тобой. К закату солнца
Блеснуло, как лучом в оконце,
Полунебеснейшее с кем-то.
Добьют потом –
То пряником, а то кнутом.
Такой их вечно генотип
К душе восторженной прилип.
Одни поют, чего – не знают,
Другие их, стеная, распинают.
Так и живем,
Не то, чтобы совсем не пели,
А пели бы то, что не хотели.
Когда к Кремлю уж возвращался

Гипотенузой, а не по прямой,
Все с треугольником общался,
Квадрат звало уже домой.
Канал теперь был где-то слева,
Замшели доски – отчего?
Скрывалось что-то там за деревом:
Есенин, Бродский в голове
Артистом был без сожалений.
Что то, что это – тоже тут.
Недробен невозвратный гений,
Когда еще ведь издадут?

* * *

Уж вечерело. Уж полотнищ
Отсиневела синева.
Канальчик слева, что полощешь?
И пусто, пусто, где капуста,
А где-то строилась Москва.
Я точен, видите, навечно
Слились едино мы с артистом.
Иду, шагаю небезопасно –
К Кремлю поспеть бы, аж со свистом
Глухарь над нами пролетел.
Назавтра много всяких дел.
На Муксалме побыть – сказали,
Там тоже всякие скрижали
Лежать лежали.
И продолжали.
А Женщина? Да как ее зовут?
Вы поняли иль нет?
«Все Реквиемы тут! -
Сказал поэт. -
Так, наконец, вы есть иль нет?
Полотнище с есенинским портретом
С небес хоть не давило,
А звало, покамест ночь своим багетом

Нас утверждала!
Глухарь возник. Уж где-то в полутьме.
Уж призраки? Уж звук галлюцинаций?
А дело, понимаете, к зиме,
Где выживанье человека, наций.
Все, понимаете ли, ясно,
Кого куда и кто когда во мне,
Все – в тишине.
Все тут светло, прекрасно,
Пока что вечер не проник вчерне.
Извне.

* * *

Мы вышли все из тех энциклопедий,
Которые готовились и мне.
Да, до чего ж вы докатилась, леди,
Что погасили чувства, где оне!
Куда девали красоту поэзии,
Ведь все-таки поэзия была?
А что ж ты магнетизмами магнезии
Чудовище такое родила!
Утопию бы утопила в море,
Прекрасному бы ходу не дала,
Какое следом разродила горе,
Пока тут по Гулагам пробрела.
Вернись к себе, верни меня обратно.
Зачем я тут, средь соловецких пут?
Я вопию,
Я, поколение, кратко,
Словами мне за дух мой воздают.
- Молчи, юнец! – сказали с Неба боги. -
Помилосердствуй, слово не брани.
Всегда ведь словом убивали многих,
Не фарисействуй, придержи огни.
Молчу, молчу! А то ведь не дойдут,
Умолкнут мои бедные скрижали.
Превозмогу себя, свои печали,

Я – сын того, кто был на берегу.
А не могу! Во мне мой коллектив,
Все бессознательное, все грядет во сне.
Перепечалит духи негатив
И возвратит свои печали мне.
Греми во мне, проклятая эпоха!
Жить не дала, наклала столько в жизнь!
В предсердие мое, под океаны вздоха!
Хоть стой, а хоть сиди и не ложись!
И Перуны, и Зевсы не при чем,
Все в нас! Все эти синхрофазотроны
Ударились в бега. Все держится на том,
Все королевства, все цари и троны!
Все мало нам! От истины, от сердца, -
Так Прометей бы нам сказал тогда.
Открыто все, закрыта только дверца,
Ведущая отсюда и туда,
Где смертны все. Чего же мы пугаем
Таких же, как и мы.
И сами мрем.
Печальники! Себя провозглашаем!
Куда зачем кого и с кем ведем?
Умрем и что? Проклятья, пустота.
Останутся лишь жалкие портреты.
Сотрутся даже липкие монеты,
Слова все те же, музыка не та.

* * *

Летят лета, идут года, как прежде,
Кругом опасности и мрачные невежды.
«Я говорю, их силе вопреки,
Россию не воздвигнешь с полруки.
Хотя бы дописать роман свой третий,
Себя с богами на дороге встретив.
Уж помоги, мой бог, моей Руси!
И сам ты, Лев, не очень колбаси,

Не очень раскрывай свой дикий зев,
Хотя и Лев.
А мигом язычок прикусят
Напоят вусмерть,
Рублик подадут,
И скажут: «И ты, наш Брут,
Продался, что ль, большевикам?»
Да нет! Векам
Продать себя всю жизнь старался.
Однако тут вот и остался –
На Соловках, как и отец,
Среди чужих сердец!
Вот генотип наш, наша атмосфера:
Идем, бредем, летим, да есть ли мера,
Какая задержала бы наш бег
Среди людских утех, как прошлогодний снег?
Другие боги и другая эра».
Арсений встал под дерево, стоит.
А если вдруг грозой нас поразит?
Уйди, уйди. Скорее на дорогу,
Которая дает всего помногу,
Но забирает больше, паразит!
Насквозь сквозит!
Темно. Уж ночь. Глухарь в лесу раздался,
А Кремль далеко. Властен чуть, слегка.
Арсений постоял,
Да так бы и остался,
Остался бы под купой навека,
Но выстрел! Кто-то выстрелил!
Идет охота. Васятка, где ты? В полоборота
Не на себя, а на грозу, на тех,
Что жаждут крови, чувствуя успех.
А он витает ночью где-то, смех
Без продолженья. Мотоцикл. И бег.
И - ничего. Все та же темь и ночь,

Какую так хотелось превозмочь.
Уж близко Кремль. Уж мотоциклы где-то.
Нажаждались. Напились в глухарях.
Такая-то подсунута конфета,
Кусок колбаски съеден в лагерях,
Когда мы там Секирную смотрели.
А, в самом деле, видятся глаза,
Которые воздать тебе хотели.
Спасибо вам, живущие в Кремле,
По списку получающие это.
Опять застряла на зубах конфета,
Сидим мы голым жо... лобом в земле.
Не обижайтесь, женщины! Себе не обижайте,
Поболее рожайте!
А то не хватит летчиков в полеты,
На корабли сажать, на Соловки.
Спасибо, варит Русь еще компоты,
Чеснок сажает вам тут от цынги.
А все – круги,
А все – круги.
Средь Заполярья, в знак пурги,
Куда кочевники загнали
Нас, трали-вали.
А может быть, наоборот,
И сам отсюда к ним испуг?
Отсюда, с Севера на юг –
Блиц-криг. Блиц-круг....
Остановился наш Арсений.
Уж ночь. Все сжато, как в тюрьме.
А перед ним горит Есенин –
На полотенце, в полутьме.
Тут мотоцикл ушел в сторонку.
Глухарь токует, в горло льет,
Так мало? И тебе вдогонку
Бес посылает окорот.

Страшны не ночи в Соловах,
Ведь при Луне лучи прекрасны,
А призраки все явственней. В руках,
В росе уж, месяц настоящий, ясный.
И очертанья острова, берез,
Сосна над гривой. Сон. Мороз.
У круга у Полярного все живо,
Естественно, не лживо.
Они хотели насадить тут ложь.
И что тут с каждого возьмешь,
Когда и ночью все красиво?
Таинственна ночная красота.
Стреляют в глухарей сегодня.
Все б метили гремучие места,
Из-под куста все целились бы в броднях.
Охотник! Пыль на полусапоге!
Ружье двуствольно - тозовка, с креста
Все целится по острову в пурге,
Все в страхе безнадежном Красота...
Какой-то жутью обвивало Сеню,
Освобождало дух от потрясений.

XV.

Арсений был, Арсений тут стоял,
А те сидели. Он же глухаря
Тут слушал, видимо, не зря,
Для духа добирал свой высший бал.
И я с ним был. И я в нем состоял,
С артистом набирался сна воочью.
Архимандрит. В его садке коралл
Да пустяки в сравненьи с этой ночью.
Естественно, а где-то под ружьем.
Но силой тьма на Соловки легла.
Что тут посеют, то мы и пожнем.
Остра, искросыпительна игла!
Все в сердце острем, во глубину.

Стоит Арсений – внутрь не пропускает.
Глухарь! Спел песенку одну,
А тут Луна уже в росе блистает.
Скорей отсюда! Как свидетель ты:
Стреляли ведь, сразили глухаря!
Все перепутаны деревья и кусты,
А зря.
Арсений встал и тонко, озираясь,
Воспринял мир, который не был днем.
И до Кремля! От паутины обираясь,
С Есениным все шел
В воззрении своем.
Полотнище все перед ним витало,
А на полотнище все те же бог и лик.
Нам, русским, все чего-то не хватало,
Так пусть восполнит наши бреши миг.
Луна вкатилась, тут же и рассталась
С судьбой его, с ночью красотой.
Отец тут был! С отцом она считалась,
Своею Правдой и своей мечтой.
Ни боже мой! И я б от них сбежал.
Так страшно. Ведь стреляли в глухаря.
И все лунищу в сокращенье брал
Чернега тот, небесный тот овал.
А зря.

* * *

Наутро, будучи в Кремле,
Арсений уж не чувствовал себя,
Как хмырь в золе.
Попробуй ночь провести, любя
Природу-мать, стрельбу и глухаря.
А тут – заря. А тут – постель,
И в сон Арсений закатил себя, дуря.
Маяк, исход свой, где-то Коктебель –
Писательский, в Крыму,

Где был когда-то, нравилось ему
Жить у Волошиных в дому.
Артист! Да что с него возьмешь,
Кругом одна святая ложь.
Стреляют бойко,
А – перестройка!
Такой куплет, -
Ну, понял или нет?
Глядите в оба, не постреляли чтобы.
А ныне – как при Катерине,
Не говори про лица,
Пол может обломиться,
А Пушкин сам и застрелиться.
Теперь орудуют у нас,
Как в Туркестане, между глаз.
На чем и держится страна,
Все допускает Сатана.
Уж молод больно «перманент»
В такой момент.
Мне жаль его из-за всего,
И больше, больше ничего.
Да за такое вчетверь силы
Тебя бы ранее скосили
Или сюда бы, в Соловки.
А то сказал, а те ушли, -
Ловки, ловки!
Сидеть серед своей Земли,
В чужую взглядывая оком –
А не глубоко.
Иль не глубоко?
Еще и повторять! Коль нелегко.
Вот до чего нас довели,
Мой друг, просторы, страх Земли.
Полковник нынешний в отставке
Аэродром построил в Шауляе.

Кажись, чего же боле?
Как в школе.
«Фантомы» тут наверх взмывают
В металлах тугоплавких.
Садятся легчики во след
Во имя завтрашних побед, -
Так понял или нет?
Ну, Соловки! В костях одна ломота.
Проснулся утром – в теле что-то
Неподдающееся нам.
Арсений в дверь и по столбам
Пошел теперь на Муксалму –
Отца искать! Что так ему
Неймется, как, в общем-то, и нам?
Еще пройдемся тут и там,
По Соловецким ягодным местам.
Итак, чего нам не хватило,
Чтобы цынга зимою нехватила?
Не разлилась бы пятнами на теле,
А в самом деле?
Арсений шел и мыслям предавался,
Совсем в другую сторону он шел.
А колбасу в кармане содержал и ей держался.
А че бы ты хотел, козел?
Ишь, как взметался!
Видали всякие козлы,
Как ягоды снимают тут с иглы
Те женщины, что тут при самолете
А из Архангельска.
Часок какой в полете,
Полна корзина на болоте
Бруснички – царской ягоды – в компоте, -
Так, понял или нет?
Послаще, может быть, конфет.
Когда царево возводили,

Год високосный возродили,
Дал нам всего наш многоликий дед
На много-много-много лет.
Опять роман свободно мой потек.
А потолок разок протек,
И я объелся груш, –
Молчок. Пока не быть дождю,
Стою, жую,
Вернее, жду.
«Намедни, как тут и сегодня.
Я – человек свободный.
Не летописец чей-то, а пишу.
Пока грешу, а дальше будет видно.
Облобызал и чуточку в сторонку,
Пусть жмет другой жену - японку,
А нам и русских тут хватает».

* * *

Идет герой на Муксалму,
А снег, а снег уже летает.
Щекотно-то как в носу!
Налево женщины жнут клюкву.
Направо – стежка. «Стой-ка, стой!
Возник вдруг в форме часовой:
- «Сюда нельзя!» - «Здесь, что ли, база? –
Сказал Арсений. – Вот зараза!»
А тут на схеме - ни боже мой,
Турист – он мой шабер!
А возвращайся-ка домой,
Пока не срезал пень бобер!»
Ушел, конечно, от греха.
И хи-хихи, и ха-хаха.
«Тут можно, а туда нельзя,
Кому-то выгодна стезя».
Арсений, он же Чигринец,
Уж брел назад, едва добрел.

Не то домой без всяких слов
Могли отправить бы в Орел.
Ну, в крайнем случае, в Архангельск –
В свой город главный, областной.
Что значит, леший, домовый,
Гадающий, ребята, вам по Ванге.
«Чего тут было – не было со мной»
И сжало его тут всего.
Какая трепетная связь
С Землей ли, с бессознанием взялась?
И так Арсения пробрало, прокосило,
Всего в кругу превозносило.
«И тут отец возможно, где-то может быть». -
Мне намекнули женщины у клюквы.
(Ну сколько можно вам
Про клюкву-то долбить?)
- Нельзя ли осторожней быть?
Ведь самолетами летаем,
Без виз на клюкву тут взираем.
- Какой-то беспредел!
А че бы ты хотел?

* * *

А вот и Кремль во тьмах кромешных,
И где-то тут Архимандрит.
И он, герой трагедий здешних,
За все тебя благодарит.
Пришел. Вошел в свои палаты,
А на столе – письмо, записка.
Родные, милые пенаты
Обеспокоены. Не близко
Отсюда до твоих Бобров.
Артист, поэт! Ну, будь здоров.
И ты, Арсений Чигринев.
«Звонила Вам какая-то Мария,
Из Чигринево, что ль?

Жена, наверно, мрия.
Еще, сказала, позвонит».
- «Мария! Имя повтори я
- Хоть двести раз,
Не станет выше карамболь.
Так две жены? Чужая боль, -
Сказал вдруг сам себе Арсений. –
Так видится, пардон, со стороны
Его фигура в день осенний.
А где жена фактическая? Где же
Ты, Агриппина! Грушенька моя?
Как голосок твой в опереттке нежен,
В какие укутила ты края?
Сниматься и снимать пред режиссером,
Очередным в очередном кино,
Что отродясь-то женщине дано.
А ведь дано... бабенка-то со взором,
Испепеляет... в жар бросает... но
Где дети их? Опять в специнтернате?
Когда жена не на зарплате,
А «колыма», – в кино.

XVI.

Письмо, какое из Бобров,
От матери, все разъясняло.
«Сыночек, будь здоров!
Ну как ты там, мой малый?
На этих Соловках, где сгинул твой отец?
Письмо сюда прислала Груша.
Там, на Алтае, уж давно
Снимается опять в кино.
Не нравится мне все это, послушай,
Как вы живете с Грушей?
А дети беспризорничают где-то.
Получится, сыночек, что из них?
Уж лучше бы ко мне перевезли.

Да, что ль, с Марией бы сходились.
Она не против,
Да нос-то твой в пыли,
Все норов... Ай другие появились?..
Отца нашел? Какие-то следы?
Могилку, может быть, какую?
О господи! Недолго до беды,
Живем вслепую.
Ты хоть бы там маненечко прозрел,
В СЛОНах-то этих, там, на Соловках.
Как был, сыночек сызмала пострел,
У матери один-то на руках,
Так и остался, че там говорить,
Оборвалась семейственная нить.
Так с молодости бог и не дал счастья,
Не проявил участия.
Так ты хоть на могилку-то цветочки
И за меня, мой милый, положи.
Вот плачу все за жизнь,
Дошла до точки.
Ты, мой сынок, хоть за Бобры держись,
А то как ветер в поле.
Мария – в той же школе,
Хорошая, мы с нею душа в душу.
Послушай!
Так ты и за меня там поклонись
Отцу своему, моему мужу,
Его лишь и любила одного,
Никто другой мне не был нужен.
Товарищам его, всем Соловкам –
Таким в народе страшным, нехорошим,
А тоже поклонися в пояс. Храм,
По радио сказали, будут делать там,
На острове, на море этом Белом.
Я за тебя болею, трепещу,

Едва сойдемся мы с Марией -
Твоею мрией,
Я все молчу, все по тебе грущу.
Ну с тем прощай,
Вернуться поскорее обещай,
Сама крючок откину и впущу,
Хоть днем, хоть ночьюю.
Здоровым будь, особо не болей,
Не разжигай в себе, в своей печи углей.
Отец бы тоже так тебе сказал.
Бери билет и – на вокзал.
Ждущая тебя мать».

Прочел письмо от матери Арсений,
Аж губы затряслись, глаза промокли.
Еще раз пролетел, еще! А все Есенин
Стоял с отцовым ликом. Мог ли
Арсений по-другому вспоминать
Отца и мать?
Ведь не видал отца, в лицо не знает.
Иной уходит и детей бросает,
А тут – забрали...
Ударником был на заводе,
Не дали бы хорошую квартиру,
Так бы и жили мы не знали бы навроде
Ни Соловков, ни этой тяги к миру,
Какой прикрыли ихнюю квартиру.
Все мир да мир на всей планете
Уж выколачивают дети
Всех тех, каких Архипелаг
Забрал и съел на Соловках.

* * *

Сказал Савватий истину
Что тут, кто побывал,
Когда-нибудь опять сюда вернуться.
Ведь в добром смысле это он сказал,

А не в преступном. Что как ведро в колодце,
Туда-сюда таскают,
В водичку окунают.

* * *

Сходил Арсений на Муксалму.
Еще по всяким разностям полазил –
Искал захоронения, ему
Стало не в мочь от этих безобразий.
Не то, что кладбищ, – ни одной могилки.
Ни памяtnичка, ни числа, таблички
Хотя какой бы никакой.
Ни слова насчет валки-пилки.
Спилили и свалили. И – покой.
Опять леса листвою шелестят,
В озерах рыбка бегает, плескает.
Каналы умудренные блестят.
И МВД без визы не пускает.
К Калинин у достал письмо отца
Из своего нагрудного кармана.
Недавно мать передала. С конца
Прочел о просьбе покаянной.
И кровь артисту бросилась в лицо
За униженье наше и отцов!
В шкафу мать «покаянье» продержала,
Только теперь вот сыну отдала.
Как время незаметно пробежало,
Уже и старость между ними встала,
И смерть, «переворот», и всякие дела.
- «Да что ж ты, мать!
Он вспыхнул. – Не послала!
- Куда, зачем? – раздумчиво сказала.
- Да в Кремль же, в Кремль!
Вот мать! Вот пень!
Был «всесоюзный староста» Калинин!
- Да, было. Фамилию тебе бы не сменила,

Сидел бы ты, как филин,
В глазах – по блюдцу, за спиной – могила.
Артистом быть ли? Да еще народным!
- Зато свободным! -
Сказал он это ей,
Любимой матери своей.
А то ведь властвует, гнетет,
Все ходит призрак, Есенин вот
Опять недавно приходил.
- Да что же плохо, что Есенин, -
Всплыла мать не без опасений. –
Приходит. Хорошо, что был.
Отец твой книжечки любил,
Стихи писал тайком.
- О чем, о ком?! – вспылил Арсений.
- Да, так... да просто... ни о ком.
- Вот-вот, так все-таки о ком?
- Вон Чепуха сказал при всех, и что?
- «Рениксу» по-латыни прочитать, сумел.
- Ну да, «Рениксу».
- Вот десять лет и просидел.
Отпарился, принес оттуда «фиксу».
- Какую «фиксу», мать?
- Ну зуб вставной.
Тот, что зияет,
Как рот он раззевает
На весь-то шар земной.
- Наверно, вышибит был свой,
Да, мать?
- Наверно.
Вот так бы и с Калиным примерно).
Весь этот самый диалог
Возник, представился ему.
Бумага больше ни к чему,
Калинин тоже б не помог!

Тот, кто читает монолог,
Не любит тех, с кем диалог
Возник и как бы между строк
Продолжит жизнь -
Десятикратно!
Ну да, им только покажись,
Не ходят ведь назад, обратно,
Сам на ногах своих держись,
Все истолкуется превратно.
Японский бог, «шпионов» развелось.
По спискам, наверно, не утянет лось
Тот воз, ту бось – побольше, чем самих японцев
В стране той с Восходящим Солнцем.
Один другого сгоряча
«Японцем» бухнет со плеча,
А уже «номер восемь»
Бежим, стучит – доносим.
Сосед соседа, как медведь,
В берлогу посадил, под клеть.
Терпи, медведь! На то ты лес, элита!
Переворачивай корыто!..

* * *

О господи! Вот так и жили.
Ни с кем не ссорились, дружили,
И втихаря все там служили,
Все монологу одного внимали,
И – трали-вали,
В столице этой отдыхали –
Всего Гулага,
Слоновъего Архипелага,
Откудова и Солженицын.
«Средствов» бы надо попроситься
Хотя б на эту книгу.
Издать. Хоть малым тиражом,
Чтоб не порезали ножом.

Другим дает, а тут, как всем, наверно, -
Фигу».

Вздыхнул Арсений с автором совместно
В вопросе этом слитно, заодно.

Да и прощаться начал с флорой местной,
Хоть с фауны наскресть бы на вино.

Прошел на берег. К водорослям снова.

Поговорить, где этот «лабиринт»,

А где «дольмены»... Подумать вдоволь,

И выбраться захочешь из ланит.

Когда и где, в ком и за что горит?

Вон капитаном этот самый Флинт

На теплоходе в компасах сидит.

Туристы все – народные артисты!

Так на всю мощь наяривают твисты.

И все равно прощай, слоновий Кремль!

Не на совсем хоть, временно.

Звучит потерянно.

Когда еще сюда к тебе вернемся.

«Москва, Москва! Как много в этом звуке

Для сердца русского слилось!»

В Москву, в Москву -

В нее нас тянет лось.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КРЕМЛЬ

XVII.

Как только прибыл,

Лишь вступил в квартиру,

Дружку так сразу он и позвонил -

Григорию, конечно.

- Ах, это ты! – тот грохнул гирей. –

Ну, Сенечка, чего во имя миру

Там у себя, в Бобрах, ты натворил?

- Какие там Бобы!

Я из Кремля и – в Кремль! –
Пел в трубку, отстранясь, Арсений. –
Из Соловков сюда, в московский Кремль.
К наследникам Калинина. Есенин
Меня вчера об этом попросил.
- Где черт тебя носил! --
Григорий дико хохотнул. –
В тот раз ты гимн, я помню, привозил.
Сейчас послание поэта?
- Да нет, отца. Калинин,
С тридцать восьмого года.
- Ну ты даешь, сонет! –
Понял или нет?
Вот на Москве дебиллов развелось!
- Да, Гриш, я – лось,
И у меня – рога.
Уж так пришлось,
Что жизнь – зеленая пурга...
Где? А под Полярным кругом...
Отец? Ну да-а-а...
Да, Гриша, да-а...
Да жду, конечно, мигом –
Припасть к стопам, к твоим веригам.
И шлепнул трубку, и замолк Арсений.
«Ну, и чего дружку нагородил?
Чего-то про Полярный круг...
Тридцать восьмой... Калинин...
Есенина зачем-то учудил...
Ну, хорошо. Подумаем за двух.
Григорий – башковитый человек,
Оценит все за весь двадцатый век».
Влетел Григорий – этот Маршал Жуков,
Которого он только что сыграл:
- Ты слышал, что в Москве творится!
Дзержинский адруг решил свалиться.

- Откуда, Гриш?

- А с пьедестала!

Стоять ему там тошно стало.

Собрались толпы...

- Да я, Гриш, в Кремль хотел бы,

К Президенту. Все об отце,

Другим чтоб неповадно...

- Нашел, куда идти, зачем?

Вон гимн другому приписали.

Вот и идем к Дзержинскому –

Смотреть, как пьедесталы тут у нас шатают.

А то привыкли в вечности сидеть.

Насчет свободы – ша, не обещают.

- Свободы люди сами добывают, -

Прервал Арсений Гришенькин поток.

- Ты это все... насчет... порток? -

Острил все Гриша. –

Так бывает.

В портках – чувствительнейший орган,

Не проморгать бы, как над ним

Из окон будет старый Морган

Вертеть седалищем своим.

- Напротив, что ли, на Лубянке?

- Идем, идем! Опять бьют склянки!

* * *

И потащил его Григорий,

Всегда тут бывший в курсе дел,

На площадь, где среди магнолий

Железный Феликс не сидел

(Сидит в Орле, как и сидел

В известном всей стране центре),

А все стоял в своей шинели.

На самом деле. Стоял и бдел.

Виднее там, чем кормится народ,

Вдруг отойдя от всяких дел.

Шли задом наперед, судьбу катили.
У пьедестала рык, автомобили.
Давно ли на Васильевском гуляли,
На Красной Пресне строили редут?
Соскучились по песням, трали-вали.
- Смотрите, вновь под флагами идут!
То белые, то триколерные,
А красные немного в стороне.
Вот весело живем в такой стране,
Где прикрывает флаг вопросы спорные.
Все новые, все бывшие советские,
Перевернулись, все у нас в раю.
- Иди туда, - друг указал, - твои там, соловецкие.
А я тут, под Дзержинским, постою.
Он подошел. Особо от толпы
Держалась кучка – старые, больные.
Не отрывая взгляда от тропы,
Одним сверкали глазом, как хмельные.
- Я только что оттуда, -
Сказал Арсений.
- Откуда?
- С Соловков.
Так никакой там памяти покуда,
Все в тьме веков.
И тут возник вдруг кран, бульдозер.
Взялись кранами снимать.
Швырнув канат на шею бронзе,
Веревкой начали шатать.
Поплыл Дзержинский и упал,
И крики тут же взмыли ввысь.
А пьедестал как и стоял,
Хоть удавись.
И что - опять на пьедестал?
Или хотя бы где-то рядом?
Хотел куснуть, до носа не достал.

И речи, речи. Дали слово чадам.
В смысл не входил, какие могут смыслы
В толпе? Млел искаженный эхом рот.
И тут он, как на коромысле,
Себя качнул и выбросил вперед.
- Друзья мои! Я только что оттуда!
- Откуда?
- А из Соловков.
Нет памяти там, скоро все забудут!
Я камень предлагаю – без оков,
Свободный Камень! Да, из Соловков!
Воздвигнуть тут,
На памяти советской.
Вив Камень Соловецкий!
И стал читать им Пушкина:
«Москва, Москва!
Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось...
Москва... везде в глуши...
Я думал о тебе... в тиши...»
- Уррра-а-а!! – взметнулась крыша на Лубянке.
Его качали: «Наш артист, народный!»
Как Ельцин в танке,
Проехал он на головах
По Площади Свободной.
* * *
Пришел домой. А телефон
Вот надрывался, раскапился.
И голос вражий:
- Это он!
Ну, наконец! Ну что - врубился?
Тебе мы ставим Красный Крест!
Жди, Чигринев, артист!
И тут же в телефоне свист,
И голос как воскрес:

- Арсений? – Это режиссер.
Да, это я... Ну, молодец!
Ты у нас просто гений
С некоторых пор.
Ну, наконец!
Хоть завтра «Гамлета» играй!
Садись на что-нибудь,
В театр сюда давай,
На репетицию. Вернуть
Тебя всегда мечтал я...
И отрубился телефон.
«Да, то главреж,
Хоть с пирогами ешь.
Да, это он, -
Чуть улыбнулся Чигринев. –
Тот голос был как из металла,
А этот так... из серебра...
Умеют все – вопрос не нов,
Когда им надо!
Но Гамлет – высшая награда!
Так быть или не быть?
Не нов вопрос.
Ты, кажется, уже подросток?
Колосс!
Кого свергают.
С какого краю?
С любого -
Колосса молодого.

* * *

А к вечеру с Алтая позвонили.
- Ну да! Из Сросток я, от Шукшина... ну да...
Мы тут, снимаем. Я, как лошадь, в мыле.
А тут тебя по телику сюда...
Не ожидали! Давно бы так.
Определился...

В линии идей...

Да так, у нас тут... землемер разбился...

На тачке ехал к барышне своей.

- Ну, ты гляди там у меня, ей богу, -

Сказал ей глухо в трубку Чигринев.-

А то ведь богу рогу ногу – строго.

Приемчик старый, голосок не нов.

- Да ладно уж тебе,

Бандит известный.

Чья б квакала лягушка...

И треск. И тишина.

Порывчик местный,

А кажется, что, грохнула она,

И началась война.

И про детей ему ни слова.

Когда куда и с кем, а все одни.

В Бобры их наотрез, корова!

Женился вот - себя за то вини.

* * *

В театр вернулся. По фойе пошел,

А там, где имена

И все портреты,

На его месте – тишина,

Вернее, пятнышко еще.

Багеты.

И сжалось сердце Чигринова,

Ведь кровью добывалось это все!

Вопрос не нов, да новая основа,

Все старенькое, это «карасе!»

Просил повременить,

Собрать силенки – «Гамлет» все же.

В Бобрах у матери побыть,

Да, были мы тогда моложе,

Когда о «Гамлете» мечтали!

На Соловки еще бы съездить,

Туда же на рыбалку звали.
И Камень выбрать, чтоб получше
Отцы идею отражали.

XVIII.

Какая песнь плыла над миром!
Какая это Красота!
Он десять раз проплыл эфиром
По этой музыке с листа.
Промерил десять раз шагами
Вокруг – и вдоль, и поперек.
Установил, где Спас над нами,
А где заря грядет, Восток.
Вот где-то тут и Президент,
Где был когда-то и Калинин.
Остановился на момент,
А вечер белый, синий-синий.
Рубины красные, немея,
Трехцветный облик создают.
Наверно, Гриша, правду брея,
Сказал тогда, недавно, тут.
Права и мать: кому там слать
Отцову жалкую «слезинку»?
Кому там было принимать?
У самого – видать по снимку –
Жена с тюрьмой сидит в обнимку.
Вот затевалась в бряге брага.
У всех в крестах,
На всех устах,
В делах всего Архиделага.
Дня три Арсений проходил
Вокруг Кремля, кремлевских вящей
Да так идею и забил,
Куда подальше, в долгий ящик.
Но тлеть осталась головешка
До всяких будущих времен.

Пусть караулит поле пешка,
В ферзях еще побудет он.
Пошли с Григорием в «киношку»,
Хоть посмотреть там на себя.
Все забываем понемножку,
Забудут люди и тебя.
Театр твой, громкие премьеры,
Неподражаемые роли.
Останутся пенсионеры,
Кино! Не менее, не более.
И вы там с Гришей божьей волей.
Что «Гамлет»? Пролетел, и нет.
Потряс и взволновал эфиры,
И звук исчез, все слопал бес –
И облик твой, твои потиры.
- Я, Гриша, больше, чем театр,
Ценю теперь простую жизнь.
В ней естество, в нем – соль и яд.
- Ну, матка бозка! Ну, держись! –
Смеялся остролико Гриша. –
Ты, может быть, откажешься совсем?
Пусть доиграет этот... Смоктуновский?
Совсем старик стал плох.
В тираж кабы не вышел.
А режиссер так в нем и ловит «блех»:
Не тем моргнул, взял голос где-то выше.
Сорвал премьеру, видите ль, на днях...
АРСЕНИЙ. Как сорвал? Премьера состоялась.
ГРИГОРИЙ. Ну, состоялась! Забодай вас, прах!
Да ведь не та. Не то, что ожидалось.
Молчит вон пресса. В рот воды набралась.
Я, Сеня, думаю, что это от тебя все.
Хитрит и интригует режиссер.
Тебя ему... одна тут шепчет Настя...
Тебя все подставляет, вот козел!

Козлы! Не говори мне ничего.
Уж я-то знаю, кто когда кого...
Куда зачем и почему...
Ты возразил? Играй Фому,
Хотя ведь Гамлета хотел.
АРСЕНИЙ. Так есть предел всему.
ГРИГОРИЙ. Предел-то есть. Тебя тогда приделал
И за другого взялся.
Теперь вот Кеша на язык попался.
Скажу по-тихому...
Одни мне говорили лица...
В таком он виде,
Как тот его обидел,
Что может... застрелиться...
Ша, я ничего не говорил,
А ты и ничего не слышал.
АРСЕНИЙ. Послушай, Гриша!
Так его надо поддержать,
Ведь в нашей воле.
ГРИША. Ну, вот и откажись от этой роли.
Чего нервишки старику трепать?
Пусть молодые Гамлета играют.
И ты ведь не фонтан
Для этой роли.
По молодости надо все... бывает...
Опять твоя сбежала к дяде Коле?
АРСЕНИЙ. У Шукшина играет.
Нет, я, наверно, откажусь.
Штрейкбрехер, что ли?
Кешу обижать.
Когда его привыкли обожать,
Действительно, он может... отравиться.
А мне потом страдать.
Козел! А это не капуста.
Святое, понимаете, искусство!

И мы в нем что-то значим.

ГРИГОРИЙ. А как иначе?

От роли откажись

И уходи в другую жисть,

Какую в Соловках ты начал.

Вон как на крышу-то взлетел –

Автомобилия!

АРСЕНИЙ. Как бабу сгрочил!

Все, ухожу. Пускай играет Кеша.

Пускай живет,

А я его люблю!

ГРИГОРИЙ (*расхохотавшись*).

Ну вот! На чем ты, Сенечка, замешан.

Искусство, говоришь, из сердца так и прет?

А что же ты от Гамлета в кусты...

Ха-ха, я все придумал с Кешей.

Ну, а ты, а ты – эх, ты!

Шары у нас пусты.

Две с половиной на двоих кисты.

Пойдем-ка, врежем по рюмашке.

Еще от Председателя замашки.

Чуть что – решать проблемы

С помощью глисты.

АРСЕНИЙ. Какой глисты?

ГРИГОРИЙ (*махнув рукой*). А-а, да так сказал,

Какой – не знаю.

Ну, мысль вот так я выражаю.

Идем к буфету, -

Понял или нету?

АРСЕНИЙ. К какому? Буфету?

От Фета – до буфета?

ГРИГОРИЙ. И где ты этой дряни нахватался!

С буфетом связывать По-эт-та!

Еще какого – Фэта!!

АРСЕНИЙ. На, вот тебе конфета.

ГРИГОРИЙ. Идем-ка на Васильевский.

Там – митинг. Бесплатно наливают,

И нам нальют. Нас все же знают.

АРСЕНИЙ. Не стыдно, брат?

Ведь наливают – кто за них.

Ты за кого?

ГРИГОРИЙ. Не знаю. А ты?

АРСЕНИЙ. А я – за Соловки.

За Соловецкий Камень.

ГРИГОРИЙ. Ну, пей тогда с одной руки,

А я – так с двух.

АРСЕНИЙ. А почему?

ГРИГОРИЙ. Так я тебе же друг!

И голосую в обе.

АРСЕНИЙ. В обеи?

ГРИГОРИЙ. Нет, в обе.

Река такая есть в Сибири – Обь.

Катунь и Бия.

Послушай!

Там где-то с дядей Колей Груша.

АРСЕНИЙ. Ах, как нехорошо

Так складывать слова.

Бия, потом – Катунь,

Братунь!

ГРИГОРИЙ. А шо?

АРСЕНИЙ. Молчи уж, Председатель.

ГРИГОРИЙ. Но – не предатель!

Заметь, я за тобой в огонь и в воду!

Идем служить народу!

* * *

И послужили. Так что голова

Трещит уж третий день.

Опять звонил Григорий.

Все слова

Какие-то, теперь про крематорий.

Вот, говорит, умрем – где похоронят?

Я говорю, а как на Соловках –

Нигде! Умы такие и таланты!

- Так мы ж не арестанты?

- Опять слова – теперь про «мышь» какую-то.

- Из «Гамлета», мой милый. Ох и ах!

ХІХ.

Все говорят про Болдинскую осень.

А тут мой «Бедный Рюрик» - в девять дней,

А после уж пол этого романа

С дна океана. Милости не просим –

В себе свое все носим, а верней –

Какое там число в раскате дней?

Двадцать четвертое? Еще тут пару глав

Подержит, как на плахе, мой удав

Да в деревушку, на поселок снова –

Еще дня три, наверно, до Покрова,

И будь здорова, ты – моя дойная корова.

А там и на Алтай, к сестре, в огне –

В «Неопалимой купине» - купаться,

Где написались прежде «Два пророка».

Так зримо око,

Коль аура чиста.

Менять места

Да петь с листа,

Затем и ездить так далеко.

* * *

С Кремлем все не расстанется Арсений,

Как присосался к каменным стенам.

Весь в беломорской белогривой пене,

Все Солнце ловит купол, ценит нам.

Бежал Арсений из теснин квартиры,

Поднадоело с Гришей квас варить,

«А что ж не могут командиры

Чужие изорвать мундиры»

И, квас пия, тащить на бой мортиры,
И чистить Гамлету сортиры,
И начищать судьбы эфиры
В мундирах мужики –
«О русские штыки!»
Да, так? Но это уж не Пушкин,
А Лермонтов, что с дедушкой учил,
Когда еще я в школу не ходил,
Но пил уже из общей кружки
Наш деревенский квас,
Который варят в праздники для нас.
АРСЕНИЙ. Да мы ж естественность сама и простота!
В киоске – музыка не та.
ГРИГОРИЙ. Ты шпагою Полония проткнул
За занавесью, а подумал – мышь.
- Не надо, Гриш.
Не вешай мне лапшу.
Там крысы были,
Крысы!
- Подумаешь!
- Да ничего не скажешь.
И выключили с Гришей телефон.
И выбросить хотели вон ключи,
А чтоб не соблазнялось.
И на газу все грели кирпичи.
Варили квас, а брага получалась,
Едва уж к ним вахтерша достучалась.
- Вы, - говорит, - пожар мне сотворите!
Квартиры ладно – люди погорят.
- Ниче, - смеялся Гриша, - тетя, спите!
А люди – что ж, пущай поговорят.
Ушел в конце недели и Григорий. –
Водить по сцене армии, полки.
Арсению же захотелось моря!
Каким его он зрил из-под руки

Там, на Секирной, где торчал Маяк.
Сиял, мигал на все пространства, эры.
И в Белом море посреди Земли
Ходили голубые корабли.
Их Одиссеи, кажется, вели
От призраков до призраков, в рули
Вложив свои святые атмосферы –
Из Соловков, куда они свели
Умы со всех концов земли,
Утопию, тот монолог удав
Из них – отцов моих –
Создав.
Звоните, надрывайтесь, телефоны!
С артистом мы не подойдем!
Осточертели эти злые звоны!
Ловки! Мы, понимаешь, не глухи
Мы с Соней пашем, мчат мои стихи –
Про Соловки!
Глотайте химню, краситель,
А наш - ржаной, в жару спаситель.
И, если все внутри горит,
Так самый первый прохладитель,
Когда ум будит, а душа не спит
И с океаном говорит.
Вот разошелся, просто ужас!
Рука – река как насаку.
Квас речкой льется – вон уж лужа, лужа-с,
Все б черпал и совал в строку.
Вот навидался на веку,
Стихий различных поднабрался,
Да на крючок сюда попался, -
Остановиться не могу
На том и этом берегу.
И лью строку,
Строка к строке,

Конец пока что вдалеке.
О завершении романа
Покамест, милый, думать рано.
И главное пока что впереди -
На доминанте!
Куда себя, мутанты на мутанте -
На божий промысел, веди,
Не покидай, живи в таланте!

* * *

Все въет свои круги Арсений
Вокруг Кремля, уж не тая.
Все заряжает сна и сени,
Как вышел на круги своя.
Все мысли там и тут – все вместе
Переплетаются, грядут,
Совсем покою не дают.
Ведь не из милости, из лести
Он думал драться до момента,
Когда увидит Президента,
Чтобы ключи, что ли, вручить
От Соловецкого Кремля?
Все ждет, когда он все же вылетит,
Воздаст, поклонится лопатам.
Возьмет одну –
Помочь ребятам,
Орлам «шестого легиона», на всю страну,
Да и поедет на вокзал,
Как он когда-то и сказал.
Но Президент все мимо, мимо,
Все неотложные дела:
То баба негра родила
С Россией несопоставимо,
То затонула «сумбарина»,
В Ираке рвется кошелек,
В Венесуэле нефть пролили,

То в батискаф ударит льдина,
Тень ляжет где-то между строк,
А ты мотайся да вникай,
Весь мир к России привлекай,
Лезь вон из кожи, -
Страна такая, на все велика.
Вон Буш, для пополнения ума,
Пьет у себя на ранчо из арыка,
Из одного тут – Санчи Панчи,
А тот сам взял из «проклятых» их королей
Да и приставил лить елей
К царям российским,
Вот Буш его-то и читает,
Всего хватает... Одалиски –
К истории уж очень даже близки...
Ну что нам эти рожки-ножки
Погоды – визы – «неотложки»?
Нам бы деньжонок, хоть немножко,
За нефть, за газ, за русский лес
(Опять я не туда полез,
В такие дебри на вопросе,
Теперь у них мы на подсосе).
Хотя ума у нас палата,
Не велика одна зарплата,
Да смертность все ж великовата.
Еще немножечко подвымрем,
Под ручку «короли» пройдутся,
Концы с концами и сойдутся...
Вот работенка, вот дела!
Жена негра родила.
То Президент, то Буш, а то все Гамлет,
Принц этот датский в русской голове!
Всю душу переел, переворочал камни,
Так и застряли где-то там в траве.
Найти – да самый лучший в Соловках!

Не острой, а формою округлой
Он должен прорезать года, века,
Быть Красотой, не огородным пугалом.
Там Красоту искали – в Соловках!
По озеру на синь шли – на Маяк,
Порою смерть за это получая.
Так воздадим – в себе разгоним страх,
Преодолеем страх – вернемся к людям.
Так быть или не быть? Вернись домой,
Несчастный Гамлет мой...
И потекли опять былые строчки
Тут, на виду московскою Кремля.
Он и запел их, доведя до точки,
Все то, чем переполнена Земля,
Душа, театр в нем, дом и память.
Все, что тогда он лично написал,
О роли бреда, о Прекрасной Даме.
Да как же вдруг мечту оставить, бросить!
Прекрасную да в пиковую осень!
И он запел вполголоса, под нос,
Что раньше сам Шекспир ему принес.

«МОЙ ГАМЛЕТ»

(песня Арсения)

«Гамлета мечтал я, наконец, сыграть.
Грезилось мне, снилось: «Быть или не быть?»
Каждому артисту суждено страдать,
Каждой королеве хочется любить.
Режиссеры разные, Гамлет же один.
Мысли безотвязные, кто им господин?
Пики, черви, крести – любви Сатане,
Только «туз» бубновый на моей спине.
Думы мои, думы! душу обломив,
Песни наши, песни! на любой мотив.
На театре жизни круты времена,

По чужому полю сеем семена.
Бедный, бедный Гамлет! Призраки и жизнь.
Датскую корону не могу забыть.
Принципы и принцы, быть или не быть?
Йорика сгубил бы, только попадись.
Гамлета сыграл бы, по живым скорбя.
А теперь играю самого себя.

* * *

«И «попался» Йорик где-то на пути!
Остается что тут нам еще прийти.
«Бедный, бедный Рюрию» - только что нашел,
В девять дней писалось - это хорошо!
Йорик, конунг, Рюрик – все одно лицо.
Дания, норманны, Киевская Русь,
Викинги, варяги – курица яйцо
Мне снесла крутое, ну и ладно, пусть!
Из норманнов, наша княжеская власть?
Гамлет знал, тот череп брать куда и класть.
Если Йорик – Рюрик, князь тут – там король,
Кто ж тогда нам Гамлет, принц наш дорогой!
Рюрикович, сын он, с княжеским лицом!
Русь нам начиналась и его отцом!»

* * *

Вот какие мысли около Кремля
Нашептала Сене матушка Земля.
Прежде бы, по младости, беззастенчив был,
Гамлета бы вырвал, если дорожил.
Гамлетовой роли так бы не отдал.
А сейчас – тем боле; лезет, правит бал
Сатана, а бесы крутят, не скажи,
Всякие вопросы, острые ножи.
«Жалко все же Кешу – Гамлет, да какой!
Я-то, что я вешу? – поперек ногой.
Господи! Дождали тоже до седин.
Что же заслужили? Взгляды из-за спин?

Все интриги, козни, сети бесовства.
Заметет могилку павшая листва.
Гамлеты останутся, далее пойдут.
Чем они питаются? И зачем мы тут?»

* * *

И рванул Арсений прямо от Кремля
На вокзал с лопатой, как бы ты и я.
А туда, где дышит матушка Земля.
В Волме оказался, около Кремля.
Кремелька селянского, деревенского,
Ездили тут, были –с красщка залесского.
- Дед! – говорю. – Ты живой?
Ну что, шипучки, - говорю, - осетинского?
Был на Соловках. Ни кладбища, ничего
Там, где отец.
Камень Соловецкий поставим, - говорю, - на Москве -
Во, до небес!
Дзержинского сбросили,
На шею веревку и вниз.
Дед моховой прищурил глаз
И Арсению что:
- Дзержинский-то? Тут, что от нас?
Окрест Волмы? Где отец твой родился?
А не пожалел земляка. Домой с глаз -
Вон куда извился!
А пал как и все. И стального,
Железного,
А все одно и такого
Жалко, болезного.

XX.

Направился он напрямик в Бобры,
В свои пенаты, к матери своей.
Все три Кремля с Секирой-то горы
Смотрели в спину, в душу, в лоно дней.
Все в памяти, все перед ним витает,

Все призраки невидимо сошлись.
Вот так всегда, чего нам не хватает,
Так это их живыми видеть вблизи.
Есенин, знает, он поэт всеобщий,
А лик отца, вот с Гамлета теперь.
Лицо в той роли – Кешино. А в общем,
Замучен он и мечется, как зверь.
Лось бьет копытом тут, у Валуна.
Приходит ночью, ест на дубе листья.
Мария прибежала не одна,
А с матерью – во страхе, боли, мистике:
«Господь, останови!
Останови, Господь!
Не доведи тень до самоубийства».
Ласкали, обнимали, целовали.
И отмолили. Это отошло.
И снова, и снова где-то, трали-вали,
Связалось что-то, время потекло.
Он рассказал им, сидя на дорожке,
Как мучает Есениным отец,
Портрет его, являясь понемножку.
Сказала мать: «А ты помногу сразу
Смотришь в лес, как бес.
- Так я же лось, а лось всегда в лесу, -
Сказал Арсений им обеим сразу. –
Глухарь токует, слышите? В носу
Комар звенит – глядит в зенит, зараза!
- Все это так, гал-лю-цинации, –
Ответила Мария. – Видишь – нет
Ни комара, ни лося. Только нации,
Каким хорош и Фет.
Достаточно. А тут еще Есенин.
И ты стихи пописываешь - брось!
И вытащит тебя из потрясенней
То, что нам прямо, а не то, что вкось».

- Всем миром, а не врозь, -
Сказала мать. – Езжай к Есенину,
На родину его, где он и рос,
В его родные сени,
И черноту всю, окаянства сбрось.
- В Константинополь надо мне, в Царьград! –
Метнулся к валуну Арсений.
Но это так я... бесы говорят,
На самом деле, в Константиново.
Увижу я отца в свой день осенний.
- Ну да! Во-во! –
Обрадовалась мать. –
Чего тебя за всех, сынок, страдать?
Ты о себе побольше думай,
О нас с Марией,
О своих ребятах,
О ближнем, а не дальнем.
Вот встретила я кума,
Так он упал нечаянно,
Как крышу красил,
И ничего, живой ведь, цел.
И вот на праздник нас к себе зовет.
Живет народ,
А времечко идет.
Мария обняла его, сказала:
- Пойдем втроем:
Арсений ей:
- Куда же - в сторону вокзала?
Лопату взять, мне ехать в «легион».
Мать - беспокоясь:
- А что это такое – «легион»?
- Да песня есть, - ответил ей Арсений, –
Про Рим, раскопки и про Соловки, где СЛОН.
- Слоны-то в Африке, - пожав плечами,
Метнула взгляд свой на Марию мать.

-То в Африке, а то на Соловках.

Слоны там все, кто был:

Начальство, «ээки», страх.

Единственное, что объединяло

И ехало не в сторону вокзала,

А оставалось на своих местах.

* * *

Вот так вот и рождаются эпохи,

Закатывая эры и века.

«Миллениум!» - трубили ахи-охи,

Работали, как СМИ на дурака,

Ходило всяко-разно по газетам.

Тем желтая, тем красная, а тем...

-Из строя вышел телевизор летом,

И вот на нем теперича я ем.

Стояла миска при пустом экране,

Не говорило вроде ничего.

Соседка принесла слушок нарани:

Дом быта закрывают, и того,

Теперь не вызовешь, как было, с телефона.

- И ехать тоже некуда, а что? –

Сказала мать Марии как-то сонно.

- Да вон Калекин – мастер на все сто.

Все может, только денежки плати.

- Ты, что ль, совсем бы к нам переселялась, -

- Сказала мать. – Чего те ноги бить?

Ходить туда-сюда,

Да че там дорабатывать осталось?

И Сене надоели города.

Да, Сень? – сама рукой коснулась

Плеча Марии, Сенечки слегка.

- Да! Да! – сказал Арсений резко. –

Вон был Есенин, острый как... стамеска...

Тут полежит, подальше переложат.

А все равно – стамеска...

Как монолог иль пьеска...
Вот так вот и поэт.
В столице все осточертеет,
Березки воспевают, к ним припрется,
А через день тошнит, давай назад.
Ажник потеет,
Как ведро на дне колодца.
Так все и тянется в поэтах,
От Фета – до буфета...
Мать оглянулась, далее прошла
Во глубину двора, оградки, сада.
- Ты что-то, Сеня, не такой стал, во дела!
Речь русская, а что-то не пойму.
- Ну, и не надо!
- Не говори так, будь у нас попроще.
Как раньше, как бывало, как всегда.
- Я, мать, про золотые рощи
Пою, как в зеркало гляжусь.
Артист ведь, я на Гамлета учусь.
МАРИЯ (*вскользь*). На Фета научился уж?
АРСЕНИЙ (*засмеясь*). От Фету – до буфету, -
Понял или нету?
«Ха-ха, хе-хе», - смеялись все сегодня.
Чтоб завтра было то же, что вчера.
Дай, боже, нам здоровья, дырку в броднях
Мы залатаем мигом, что одна дыра?
Вон в небе, говорят, такие дыры,
Такие черные, такие все насквозь,
И там ложатся на зиму в квартиры.

* * *

Про Кремль у Волмы матери ни слова,
Про Президента тоже ничего.
Зачем тревожить? Прежнего, былого
Уж не вернуть из дома своего.
Но мать есть мать. «Тут скучновато с нами? -

Она сказала как бы невзначай:
- Куда бы съездил. Снимешь с сердца камень.
Прошло бы все, переходи на чай».
И вот Царьград, есенинский откос,
Откуда озираема Мещора.
Ока внизу. Вот тут поэт и рос,
Вникая в каждый лист, цветок и шорох.
В числе стоит тот день, как у святых.
Октябрь тут. Третий. Тоже где-то камень.
И я тут в Константиново был миг,
Все отделялось где-то – сон и пламень.
Сидел, смотрел, всем шорохам внимал.
Народ стекался. Белый теплоход
Привез туристов. Сделал свой овал
Да к берегу тут и причалил вот.
Что шорохи! Звенела тишина.
Как бы стрела, натянутая туго.
И тучечка чернявая одна
Уже сверкнула, как лемех у плуга.
Дом Кашиной. Через дорогу – отчий.
Фрейлина, Анна Снегина, одна.
Привыкла к потрясениям. А впрочем,
Тут тишина, предсмертна тишина.
Все провалилось. Черное накрыло.
Раздался грохот, самолетный вой.
Не говорю, что есть, а то, что было.
Да и осталось в памяти судьбой.
Срывало крышу с Кашинского дома,
С корнями воротило все село.
В Иваново аж из второго тома
Живое к полумертвому несло.
Стоял один Исаич, как скала!
Как Прометей перед Зевесом стлался,
Директор константиновский. Орла
С небес громоподобных дождался.

Руками все пространство охватив,
Детей собой от дерева закрыв...
Потом сидели, заново рождаясь...
Дрожало все внутри огнеопасно.
Арсений – как какой сарматский князь,
Астахов – словно Гамлет, из кино.
Сидели, говорили ни о чем.
Флюиды невозможное творили.
Дом Кашиной. Фундамент с кирпичом,
Порожки те же, что когда-то были.
Казанской Божьей Матерью тут близко
Им осеняло каждый звук и миг.
И потолок навис над ними низко,
Ну, как при Анне, как при всех при них.
«Сарматы кочевали по степям –
Сыны ветров, нечесаны, лохматы»...
Арсений прочитал, что вывел сам,
Отцу читал – в последние раскаты.
- Идем! – сказал Исаич. По порожкам
Мы поднялись в таинственность, к богам.
- Вот! – показал Исаич. – Видишь, шрам!
Над правой бровью? Ложка
Вошла б туда и даже в этот слепок.
АРСЕНИЙ: - Нелепо!
Мне говорят, отечество смени,
А я держусь.
Тут русский дух, Царьград тут – сама Русь!

* * *

В Бобрах уж, дома,
Порывы ветра, и летит листва, -
Такая грусть, порывисты слова.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СОЛОВКИ

XXI.

Ставки, плевки, ловки – все Соловки!

Портрет с кого-то, с кем-то, где-то.

Такая тут примета:

Вернешься, если годы как гудки,

А надо сделать что-то.

Что есть, что вечно с нами –

Тут Соловецкий Камень.

А должен быть и там!

Как Кремль к Кремлю,

Мольба к мольбе, -

И все в тебе!

Сказал мне дед:

«Кремль – это тверди, камень»...

Все боги с нами!

Лед и пламень,

Все люди с ясными глазами!

Вот и Савватий, вот Васятка

Как раз на острова собрались.

- И ожерелье все вокруг -

Архипелаг.

И шепотом мне, на ухо направлясь:

- Слоны ведь и туда свозились, так.

Так что назавтра – на моторке,

Готовься к посеву и уборке.

Задерни ночью шторы...

Сказал Артист в себе Поэту:

- Что понял или нету?

Пошел Арсений к «лабиринту»,

К «дольменам» всяческим пошел.

К капусте, водорослям, Флинту, -

И это очень хорошо!

Поднакопилось всяких мыслей –

И глубина, и их разбег.
И месяц, как на коромысле,
Уж выплывал себя на всех.
Чего ему тут с нами надо?
Мы посидим и в темноте.
Лишь ум присвечивал бы, радость
И после смерти, как в фате,
Тут слово главное «счастливый»,
А с ним, отчасти где-то «радость».
И вместе с «радостью» – «красивый»,
Любовью веет в «лабиринтах»,
В «дольменах» этих тут, у Флинга,
Из начертаний тех веков,
Вернее, тех тысячелетий
Предвосхищений, правды, грез.
Цивилизации все эти -
Ответы на один вопрос:
- Так быть или не быть?
Всегда, везде, во всем, повсюду.
Все мысли – к Небу, тело – к блюду.
Вот так все и разорвалось,
Как съели яблоки в раю,
Перевернула Гея ось,
Запела песенку свою -
Судьбе навстречу,
Конечность смертью обеспечив.
А ведь мы бесконечно жили.
В одной поре – как остров Питкерн,
Все шестьдесят и шестьдесят,
На том кружили. А кроме –
Кто куда, на нитке.
Так и висят, все остров Питкерн.
А тут все авестийцы были,
А той «Авесте» – земной невесте –
Все двадцать семь,

В одном – по тыще лет.

Миллениум, привет!

* * *

Но и этого нам мало,

Чтобы понять, узнать, прозреть:

Кто мы, арийцы после бала?

Чем отливают бронза, медь?

Куда глядеть?

То ль аппарат с небес тут сел,

Местечко выбрал золотое,

А все откуда-то летел,

Не знало времени любое,

Что находилось в нем, жило,

А значит, не было и смерти.

И вот присели тут, на остров,

Или сюда из тьмы пришли, -

Голубоглазый, белый остов, -

Любя друг друга, не плодились...

Скажи так, засмеют и куры.

А как впервые появились

На белый свет?

Вот и вопрос:

А может быть, они – осколок

Цивилизации какой-то,

А их перебивало шесть.

Что можно из того прочесть?

А то – кораблик наш бумажный

В цивилизации отважной.

Но инструменты сохранились,

Скажи на милость.

Сначала нам Адам и Ева,

Народы развели, вкусив.

Потом змея вползает слева,

Нас смертью тут же сократив.

И получилось две вожжи:

То правой дернут, а то - левой,
Но обе в тесто сыплют дрожжи.
И только этот инструмент -
Реликт, из той цивилизации,
Какая не знала смерти.
Это как ствол насквозь,
Как древо жизни по стволу.
На ветках люди, как бы листья,
Падают и мрут, падают и мрут,
А ствол сам бесконечен тут.
Его зовут наследственностью
В ученом круге,
С такой естественностью
Открывают «коллективное бессознательное»,
И еще ближе к Истине (по Юнгу) –
«Архетип бессознательного»...
И тут Васятка подошел,
Жуя конфету.
- Ну, понял или нету?
- Не знаю ничего и не скажу, -
Васятка бросил под корягу корень
И побежал по рубежу,
Где сушь кончалась, начиналось море.

* * *

Вот тут и был тогда Счастливый Остров.
Утопия. Все сказочки Земли
Сошлись на ней
Еще до Атлантиды.
Любили люди, зависти не знали.
Полярный день был вечен, хоть куда.
Угодья вдоволь всем всего давали,
Все люди бы просились бы сюда.
В «Ведах» сохранилось у индусов,
Какие тайны режутся отсюда,
И до сих пор, мир счастья где?

Укажут – сразу ведь на Север:
Такая амплитуда: кто куда откуда?
Но катастрофа: то ль удар небесный,
Перевернулись, что ли (бывает через 750 тысяч лет),
И стало все тут по-иному.
И люди – авестийцы, считай – арийцы,
Вниз потекли по Камню, Уралу – Аралу,
На Юг до Индии, на Запад и Восток
С горы Хайрат, создали крест...
О господи! Откуда что взялось?
Все это предыстория, все ясно.
А что с людьми? Тут говорить – опасно.
Молчали, укрывали, чего знали,
Копнули – и такого накопили!
Но все как в рот воды... туды- сюды...
Так и ведется, звезда на дне колодца.
И днем, высокая, видна.
Когда тут тишина, на дне она.
- «Да что ты все об авестийцах,
Все об «Авесте», смерти и бессмертии.
О Рае! – сказала б даже и Мария,
Все разыграла б в лицах. – Вот черти! Звери!
Какие редкие потери!
Воруют все, украли в школе двери».
А он бы ей ответил:
- Да дверь в тебе! Как нож под горло.
- Посодють ведь! Конечностью запахнет.
Фортуна отвернется и зачахнет.
Вот он – каков в тебе инстинкт!
Извечность требуется, самосохраненье.
А в Соловках – так это ж убийство!
Архипелаг – так это холод, ложь!
Прекрасным звалось то, с чего ты ныне мрешь.
Бессмертья корень, за ратью рать -
Слонов тут заставляли вымирать.

И петь – с листа,
Какая тут свобода!
А без охраны ходят
С семнадцатого года.

* * *

Совсем уж тьма пришла.
Пристала, навалилась.
И берег пуст. Песок под каблуком,
Слегка даваясь,
С ночным тут устанавливаешь связь.
А ночь полярная длинна, с полгода,
В свои тона окрашивает дом.
Ближайший дом – до небосвобда.
Дымком пахнуло – печки затопили.
Как белы кости,
Темнеет лес, лесины на песке,
Где берег – мостик.
Ошкурены и брошены прибором
Те бревнышки, любое –
Таинственно, как серебро в руке.
От звезд – рябое.
Пустыню пересек кот-рыболов,
Чего-то промурлыкал про улов.
Сверкнул зеленым фосфором своим,
Ушел в небытие. И тут же
Зеленое сменилось розоватым,
Повисло над Кремлем, по луже
Провело пером павлиньим, каждый атом
Забегал в нем, как изнутри засвечен,
Разыгран в лицах,
Как засиял жар – птицей.
Полярный круг, проделками отмечен, -
Северное сияние, северное сияние!
Волшебство магнетическое, электромагнитное!
Никогда не узнаешь заранее,

Где оно и когда оно – чудо это элитное -
Нисходит на Кремль, где-то на куполах,
Золотом из минувшего плавится.
А люди прижукли в своих дворах,
Делать никто ничего не решается.
Засмеяться, заплакать, заголосить,
Когда по небу начинает носить
Его – Петуха Севера, глухаря токующего,
Это Северное сияние.
Арсений загляделся на все это –
Так непривычно. Слоны, небось, тоже
Смотреть любили.
Что это, какая примета?
О боже!
И сейчас же сорвалась где-то комета.
И пошли авестийцы дивизиями, полками,
Взмахивая руками.
И грянуло лихо
Из общего стона:
«Орел шестого легиона,
Орел шестого легиона!»
И – тихо.

XXII.

И «легионы» продолжали течь, как в кино из аппарата
Братьев Люмьеров.
Оттуда сначала, от Древнего Рима. Пеше и конно.
Куда авестийцы пробрались когда-то,
Падая туда волнами,
Окрашенные верой.
Шли они обратным путем –
Назад лицами.
Сколько их там могло лечь, расплодиться
На корме подножном том?
Шли оттуда, где Солнце садится,
Гнали скот позади себя,

Тоже сюда хвостами, назад ногами
По двенадцать километров в день, -
Ехали, мерили степь шагами.
Готы, вестготы, гунны – Атилла,
Анты, вандалы и венецы,
Киммерийцы, скифы, сарматы, -
Сколько же там их могло поместиться?
Всех забрала в неизвестность могила,
Все переходили друг в друга –
Эти кони и лица.
И, чем ближе сюда, к Кресту, к Камню
Уральскому, к Разуму Земли,
Откуда они брались,
Тем все лица яснее,
Суровости меньше.
Карталы – вот где они стрел набрались!
Металл выплавили, взяв прямо из-под копыт,
Мечи выковали, наточили,
Обоюдоострые, -
А дальше путь куда?
А на Север по Хайрат - горе,
Туда, где они и были на Острове.
Не строили города,
Но жили так в той поре –
Не воевали, никого не рубили,
А друг друга любили.
«Возлюби ближнего,
Сними для него все с себя.
Остров был, как невеста,» -
Так говорит «Авеста».
Шли оттуда - от континента - морем,
На остров, аки посуху.
Никакого не знали горя,
Слез никогда не видали,
Не толкали друг другу под руку.

Было их меньше, но все они были бессмертны.

Забыли уж, когда они и с кого,

Из какого все они теста?

И не знали, что такое ведьмы и черти, -

Так и гласит «Авеста».

А ведь когда тут случилось что-то,

Когда уходили по Камню вниз,

Думали, что поднимаются на новую жизнь.

«Рай впереди маячил готтам,

Ирий – Арий, где-то у устья Днестра,

Туда и гнали свой скот с Севера, -

А как же иначе?» -

Так утверждает «Авеста»...

Прибежал Васятка,

Толкает в плечо:

- Дяденька, что вы?

Плачете так горячо?

Ай чего-то не сладко?

Отец вас зовет на ужин.

Начнем пораньше – закончим попозже,

Братцы!

А то, говорят, - служба,

Рано надобно подниматься.

Взял за плечо Арсений Васятку –

Тряхнул так, для порядку:

- Ты че видишь тут, на море, где берег?

- Не-а!

- А там, на Небе, где Кремль, над Кремлем?

- Ага, Северное сияние.

- Значит, это мы видим с тобой вдвоем.

Скажи про то – не поверишь.

- Батя рыбу выхватил в море -

Вот такую! С корабль.

- Ага, - засмеялся Арсений, сияя во взоре. -

Это – Ершов. Сам-то ерш, чудное малое – краб,

А про чудо-юдо вон какое...
- Кит поперек всего моря лежит, -
Засмеялся маленький Савватий.
Копия – папаша, только мал.
- Уж охрип! Такая служба наша, -
Он сказал. – Ты вот слушал все и молчал,
А я берег весь прокричал.
Звал тебя, Арсений. Ну, скорее!
АРСЕНИЙ. Утро вечера мудренее.
«Ух ты! Ух ты! Что ты, что ты?
Я солдат девятой роты», -
Подхватился тут же Сеня
И часы свои посеял.
На руке держались плохо,
Эти мерзкие часы.
ВАСЯТКА. Обросли травой и мохом,
И глухие, и слепые -
Вот что стало от росы!
Утром сбегая
Сюда, где «лабиринт»
АРСЕНИЙ. Вон у Камня капитан...
ВАСЯТКА. Тот что - Флинт?
АРСЕНИЙ. А где берет?
ВАСЯТКА. Два компаса я куплю,
Дай немного подрасту.
Один – вяжется к хвосту,
А другой – к рулю,
Что такое будет, ну?
АРСЕНИЙ. Ничего себе, загадка!
Ходит взад-вперед, как тут?
Для начала, для порядка –
Так историю зовут.
Ты – Васятка, значит, Вася,
А Василий – базилевс.
Сядешь, трон собой украсишь,
Чтоб НИКТО туда не влез.

Милый Вася, добрый Вася!
Мы с Савватием вдвоем
Доминанту так раскрасим,
Ну, и дальше разовьем.
По сюжету – как по кочкам,
По картинам – как всегда
Омулевская по бочкам
Раскатилась череда.
Омуль то и омуль это,
Чуть с тухлинкой иногда.
Это ж малая комета.
Не осталось и следа
От того «рожна», который
К угольком костра приник.
И Савватий наш суровый
Вырвал грешный мой язык.
Со слюною, с аппетитом
Проглотил я язычок.
А что было с «лабиринтом»
Накануне – все, молчок!
Как и не было «Авесты»,
Легионов и полков:
Тут сейчас в любое место
Лезет дух из Соловков.
На моторке прилетели,
Вышли тут на островах
И сюда возить посмели,
Островка достиг Гулаг.
Камень сразу тут нашли,
Вот хорош для флага!
Где-то на краю земли
И всего Архипелага.
Как увидел этот Камень,

Как взглянул во все глаза,
Так и лег ему на пламень,
Раскатилась слеза.
Подержалась, словно брага,
В камне дырочку прожгла.
Из всего Архипелага
Дырка пламенной была.
Вспомнил позже Комарово,
Где Ахматова лежит.
Камень рядом - будь здорово
Прорезает рубежи.
Заполярный летчик. Виды
Повидал с краю Земли.
Аж из самой Антарктиды
Камень тоже привезли.
Этот Камень Соловецкий -
Приполярный брат ему.
На Лубянке на советской
Очень даже он к чему.
А Савватий говорит:
- Хватит! Все дела, дела.
Вон Васятка, вишь, сидит,
Жена негра родила.
- Ха-ха-ха, - смеялся Сеня
Так, наверное, впервой,
Как мой друг Ефремов Геня
После язвы прободной.
Счастлив был, что жив остался,
Что сюда не замели,
Столь латыни поднабрался,
Что хватило б, увезли.
Буква лишняя попалась.
А Савватий в слове док.
- Что-то, - говорит, - взыкалось.
Соль на зуб легла б, осталась

Где-то буква между строк.
День хорош был -
Ясный, божий,
Ничего себе денек!
Слабой солнечною дрожью
Обволакивало бок.
И покров, видать,
Уж близко.
- Что-то стало холодать?
- Не пора ли нам поддать?
Чтобы хата стала близко,
Чтоб из камня – обелиска
Было Родину видать.
- Вишь, Васятка? Есть ли братик?
Мать тебя ли родила?
- Негритенка-то? – Савватий
Затевал свои дела.
- Родила двух негритосов, -
Отвечал ему Арсений. –
Да забрал к себе Утесов,
В свой оркестр, под свои сени.
- Ты, Семен, запомни это, -
Был Савватий чуток к слову, –
Значит, врозь живете? То то
И оно-то... Как по нотам,
Разыграем черноброву.
- Есть Мария у меня, -
Сеня вспоминает.
Только сяду на коня,
Сердце тает.
Как пройдет и она
Где-то мимо,
Так и лопнет тишина
Херувима.
Размонашился когда-то,

Раздались мои бока,
Я теперь, мои ребята,
На двоих один пока.
- Вот артисты! Вот театр!
Встал Савватий в бродни. –
Видишь, Васька тоже рад,
Как и ты сегодня!
Все мы про камни, себя подаем.
Вишь, Васька как любит тебя.
Все для людей, для памяти живем,
Когда же, Сеня, будем для себя?

XXIII.

Светило Солнце. Правда, тускловато.
Однако это ж Север, Севера!
Савватий раздеваться стал: - Ребята!
А ну ко мне!
Бултых, как в ключ гора.
Плывет в прозрачных водах океана, -
Белейшая сметана, молоко.
Бултых Васятка следом. Даже странно,
Такая дрожь! А что с него возьмешь?
- Эгей! Не заплывайте далеко! -
Кричал Арсений с берега туда,
Где фыркали и плыли «фраера».
Нырjali, шлепали ладонями, вода
Была такая ж ледяная, как вчера.
- Моржи мы, - вышел на берег Савватий.
За ним сынишка, в водорослях весь.
Попрыгали, побегали по платьям
И начали остатки рыбы есть.
- Я тоже был однажды в этой роли, -
Арсений чуть поближе подошел. –
А на Байкале. Не теплее, что ли.
И тоже после бегали в футбол.
На БАМе был. На Северном Байкале.

Вот где вкушал я омулька с «душком»!

- У нас там омулек, - махнул рукой Савватий

В пространство моря. – На просторе том,

В Карелии! В озерах тоже. Кстати,

И я ходил туда за омульком.

- Ну да, ну да, - кивал ему Васятка.

А сам дрожал, весь синий, аж стонал.

- У нас тут сельдь! Садок! Кишмя... Касатка

Иной раз заглянет, проверит наш канал.

Вот этот остов, -

Кивнул он на баркас,

На берегу уже почти догнивший, -

Весь кормит остров.

Кормил и весь Архипелаг!

Не то, что нас –

Поевши и попивши.

- А ты, - видать со стороны, -

Хозяин, Савва, всей страны, -

Угодливо подхихотнул Арсений. –

Ну, точно, как один мужик

(И заурчал, запел:

«И он к устам моим приник

И вырвал грешный мой язык»),

Ну, как один, у Щедрина,

В такой же день осенний

Двух генералов прокормил

И море вычерпал до дна.

- К каким кустам твой дед приник? –

Спросил Васятка, чуток ухом.

- К устам приник! Не дед, а демон.

Едва за двадцать было, вот,

А века полтора уже живет.

- Да Лермонтов то, Лермонтов то, Вася! –

Савватий шлепнул по затылку сына. –

- Ого! Платон и Рубинштейн! Как курица снеслася, -

Захотел Арсений, льдина
Совсем уже растаяла и в нем.
САВВАТИЙ: - А где живем!
Где выросли, росли с кем?
Так тут же академики, тотем,
У нас других в СЛОНЫ не брали,
Одни нули в овале.

АРСЕНИЙ. А это – Бродский!

Разрезал тут «восьмерку» на нули.

САВВАТИЙ. Сидеть за честь считали б короли.

АРСЕНИЙ. Ну да, «восьмерку» положив горизонтально.

А все-таки печально,

Где и на что тут тратились умы.

САВВАТИЙ. Молчи, Семен! До будущих времен!

* * *

И снова бреденьком прошел Савватий

Вдоль бережка, подальше баркаса.

А Семион, по-нашему Арсений,

Чуть отойдя от прежних потрясений,

Опять готов был, как кашей во злате,

Лететь на самолете в роли аса.

Прошелся по Примбулю, вдоль приборя.

Повспоминал Одессу, Крым, Байкал

И снова был готов к печалим, к бою,

Ко встрече со «слонами» в дебрях скал.

Отец не выходил из головы.

Зачем тогда в «слонах» и оказался,

Когда не может в зарослях травы

Тут холмик отыскать, с землею тот смешался.

Все заросло. Все бурьяном взялось.

И даже то, что было вслух и явно.

А уж тайком, в тайге, как оказалось,

Так это, братцы, и подавно.

Однако не затем сюда приехал...

О! Вишь! Дымком оттуда тянет,

Ушица варится. Савватий – вежа,
И тут и там медами по устам...
Опять уж бредень тянет...
Однако не затем сюда с горы мы,
Заканчивали этот институт.
Прошел один свои все крымы-рымы,
До бредней дослужился,
Чтоб просто так сошел, сорвался, спился,
Не таковы мы с Бахтиным,
Терпимомудры,
Вокруг Фемиды златокудры,
Нельзя нам то, что можно всем иным.
Какой Бахтин? Земляк в четвертом томе.
В энциклопедиях мы есть и вроде нет.
Мы все в эфире,
Как в кефире.
Прокисло молоко на палочке такой,
На дрожжевой, особой.
Они то сделают рукой,
Что невозможно головой,
А головой – не сдвинуть и клюкой
Кобыле той в степях, жеребой.

* * *

Опять метафоры и глоссы,
Иносказания, вопросы,
Предначертанья божьи, лики,
И призраки, и Керы, блики, -
Все завертелось, все слилось
В калейдоскопе дум и грез.
Такую выбрал жизнь Арсений,
В артисты хоть зачем пошел?
Поэты прутся внутрь, в свой гений,
Кого когда и где нашел.
Вон все стоят в черед, в затылок,
Все по ранжиру, все слоны.

А что в слонах тут сами были,
Так не видать со стороны,
Когда кому зачем служили.
Их били, и они ведь били,
Зачем тогда в миру и были,
Кого любили?..
Глядит в свой Камень Соловецкий
Арсений, Сеня, Семион, -
Вот в ком дух вечный, почерк светский,
Всегда в раздумья погружен.
Прошел еще от ледника,
Вписался в здешние ландшафты.
А там? Другие ведь века.
Эльдары, Марки, Рыбкин, Гафты...
Все как один и разны все...
А что же этот... патриарх –
А Солженицын – не обустроит свой вопрос?
Не то, что всю Россию,
Хотя бы тех слонов,
Что выбиты за кость слоновью,
Судьбу детей их, долю вдовью.
Уж постарели, стали дряхлы,
Уж даже дети тоже стары,
А снимали с них шары
И даже в электрички стали
Их не пускать, куда они едва дошли.
А что же Солженицын
Всего боится?
Его-то конь под «красным колесом»
Питается овсом,
А дети – за границей...
Разверг глаза на Сеню Камень:
- «Что ты, что ты?
Ты солдат девятой роты?
И тебя питает пламень,

Прометей его всучил?
Пусть огонь свой сам и носит,
Он же бог, колосс в колоссе,
Он бессмертен, ты – молчи,
Пока в бозе не почил.

Хоть немножко Прометея
Остается и у нас.

Что ж ты хочешь, наша Гея,
По земле рассеять нас?
Все в угоду Зевсу, да?
Власти всяческой в угоду?
Нашу дикую природу
Укатали города.

- Эге-гей! - крик раздается,
Берег близко, звуки низко.

Как со дна души, колодца;

- Эге-гей! Уха готова!

И чего нам остается?

Гея, Гея, будь здорова!

Хорошо тут естся, пьется!

* * *

Прощай, мой Камень!

Дух мой, мой отец!

Вернусь еще, мы будем возвращаться,

Чтобы в ландшафты местные вписаться,

Чтобы любить, чтоб помнить

Свою вечную невесту –

«Авесту».

Прибрел на берег, сел прямо на баркас.

Дымок пройдя сквозь фирменные дебри.

А как встречают! Как тревожат нас

Слоны, которые ушли, лежат

В деревьях!

Ждем ветерка. И где-то Кремль в деревне...

- Ну, что? – Савватий зачерпнул

Половник поувесистей - наварцу, -
Уж я тройную сделал. Всю пульнул
Рыбеху этому засранцу.
У, шелапут! Со дна не выгребай! –
Половником батяня намахнулся,
Васятка нырь да по коленке ширь:
- Молчи, отец! Пока не поскользнулся!
- Видал, какой? С характером у нас, –
Савватий ел, подмигивая Сене.
Лежал в бутылке тут же русский квас,
И не бродили всячески тени.
Не кабинет – японцами замотан,
Свободно говори и выражайся,
Что там, что там?
Вот стали популярны «дилижансы».
Да дома хоть сиди. И что тогда?
Что впереди?
Ничто не вечно, таракан запечный.
- Сиди, сиди – останешься никто.
А то! Жак Ив Кусто!

XXIV.

Платки на зелени болотца
Так были яркие!
Как от небес подарки,
Как те же звезды из колодца.
Тут женщины? Зачем они? Ах, клюква!
По клюкву тут? Ну, живопись!
Ну, прямо Петров-Вордкин!
Как кони красным на хлсты упали.
Савватий подбежал:
- Вы как сюда попали?!
- Мы? Да вон с подлodka.
И показали перископ,
Смотрел сюда им прямо в лоб.
- А-а, - сказал Арсений,

Уже не удивляясь ничему. –
Вон в Муксалме по клюкву –
С самолета
Минут на сто полета. –
А сам подумал: «Вот как все ему!
Хозяин! Огород! За брюкву
Тут почитает клюкву.
Но власть есть власть,
Ее не обижаю,
Не даст пропасть
Любому урожаю!

* * *

Сидели у костра, балдели.
А, в общем, разговор был ни о чем.
На женщин просто мужики глядели,
Ухой их угощали, калачом,
Какой извлек запасливый Савватий
Из недр своих, из вотчин «тормозка».
Они давно уже не на зарплате,
Те жены офицерского полка.
Как нитка за иголкой, так они,
Туда-сюда, по морю, по флотам.
Подлодка подавала уж огни –
Пора оставить им по «конубрям»
Тут лазить.
Пора на борт, домой!
Из всяческих оказий,
Людских фантазий
Путь выбрал я и свой.
И шлюпка уже к мысу подошла.
А эти трое все еще сидели,
Все на чужих мужей глядели,
Свои приелись.
Розовела мгла.
Сгушались сумерки. Немного припоздали.

А все дела, все всякие дела.
И посидеть-то некогда в печали.
Иль в радости. Иль просто так.
И если тут мы все же люди,
То где-то там большие города,
А тут нас мало,
Друг другу рады будем,
Скучать, надеяться на чудо, чудеса,
Любовь – такая полоса.
Прекрасны женщины на северных морях!
Когда мелькнут, хоть жены и чужие.
Так быть или не быть?
Любить иль не любить?
«Тончу себя, тончу я,
Точу ножи я». –
Так думалось Арсению и мне,
Я тоже был у них не в стороне.
Они ушли, уплыли в этой шлюпке,
Три женщины, ушли во глубину.
Три туюска, три косвенные юбки
И перископ прямой во всю страну.
- Да, лирика, - Савватий прослезился. -
А я ведь туюски хотел отнять.
Круг солнечный еще не закатился,
Что их тут заставляло отплывать?
Летела в вечер брэнная моторка
На всех своих конях – «юпитерах».
Что ни волна, то маленькая горка,
Пахали носом, зарождался страх.
Корабль их плыл, мерещился Есенин,
Поэтов облик, что-то есть в отцах.
Савватия к рулю прижался гений
Гоньбы его на всех «юпитерах».
Все почернело. Вихрь и в этом вихре
Слабосоленой резало волной.

- «Мундштук!» –

Сказал Арсений.

- А вы пластиночку смените.

- На сколько штук? – они ему оттуда. –

А ну тебя, вот граммофон, зануда!

Житья нет никакого от шпионов.

Натыкали повсюду фраера,

Чудак паленый.

Сегодня, как всегда, намедни,

А завтра, как всегда, вчера».

За жизнь поднадоело слушать бредни

Соседей своего двора.

Идешь за хлебом, к мусоропроводу,

А все равно хоть галстук надевай.

Вот взяли, понимаете ли, моду:

Коль ты артист, в трамвай хоть не влезай,

А в давке и подавно не участвуй,

В пивной не стой,

Как человек простой,

А вроде ты с какой-то связан кастой,

В какие-то ботфорты облачен.

Всем можно все, и море ни по чем,

Тебе же все по морде кирпичом

И самые злокозненные сплетни.

Зимой – по-летнему.

А летом – как зимой.

Хоть не ходи домбй,

Живи себе, артист, на репетициях,

Весь, как в репьях, в репризах и традициях.

XXX.

Ну, наконец-то! И жена явилась.

- Что, Груша? Околачивалась где?

- Скажи на милость!

Ты – при бороде?

Сто лет не брился,

Сроду, как родился.

А ведь артист! Нельзя вам с бородой.

- Ты зубы-то не заговаривай, -

Арсений ей исподтишка. –

Семью всю развалила и доваливай,

Своя десница – правая рука.

- Нет, левая! Нет, левая! Вот эта, -

Ответила жена и обняла,

За шею притянулась к Сергею. –

Не виделись все лето.

Все лето я тебя ждала, Сергей Есенин.

- Все врешь, все ходишь к дяде Коле,

Плоды все пожинаешь где-то, мать.

Не лей елей, не будешь тем милей.

Вот что запела Груша, только слушай:

«Что я могу еще сказать?

... Все это, это... в твоей воле –

Меня презреньем наказать».

- Не ерничай, не искажай-ка текста.

Миледи, вы опять, опять невеста?

- Тебе-то что?

- Детей не отдаешь в деревню,

К матушке моей, - нахмурился Арсений. –

Все по спецшкалам, все кочевье,

Собака дерзкая на сцене.

- Все! – вспыхнула мгновенно Аграфена. –

Все, все, майн херц! Сам будешь с ними!

По школам, по кружкам водить! –

Взяла коробочку от фена,

Прическу стала наводить. –

Изауру, рабыню тут нащел!

Нехорошо! Не-хо-рошо-р!

Мой шпунтик милый!

- Какой я «шпунтику»? Новое словечко –

Из новой роли или из кино? –

Арсений занял у окна местечко,
Где сиживала Груша, и давно.
- Ну мы пошли, нам тут совсем не рады, -
Качнула торсом Груша вне себя. –
А вы тут пейте, ешьте винограды
С дружкой своим... Возьмусь я за тебя!
Детей домой сейчас же привожу.
Ты носишься, куда ни лень, а я служу.
Вот и осядешь, весь уйдешь в осадок.
Как кофе, что осталось уж полбанки.
- Урода! Оно – мужского рода. –
Арсений снова баночку открыл. –
Как в танке.
Вон гильзы – сколько банок,
Все отлетались, все без крыл,
А я ведь тут еще...
- ... не был?
- Нет, не был.
- Я в орфозепике – король.
- Купи сосисок, сыру, хлеба.
На ужин что-нибудь спроворь.
Все! За детишками качу...

* * *

И началась у Сени служба.
Домашний повар, поводырь.
Но устанавливалась дружба,
Свои же детки, все Сибирь,
А то все Соловки, Васятка
Перед глазами у тебя.
Хотя и тут общался кратко,
Все «музыкалка», плащ-палатка,
Сыны же, - слушаешь любя.
Как только был от них свободен,
Бежал к Григорию, к Кремлю.
Побыть старался на народе.

«Народный ведь, народ люблю».
Хоть лицемерил очень часто,
Толпу считая за народ.
Он был особенная каста,
Какая очень часто врет.
Хотя в свою же ложь не верит,
Не очень искренен союз.
А все же, все же, все же звери
Таятся в нас, не ошибусь.
Не модно ныне о народе
Благопристойно говорить.
Согласно деньгам, новой моде,
Нам просто некого любить.
Всех, кроме сцены и искусства,
В котором все от ремесла.
Давно в театрах что-то пусто,
Жар-птица крылья унесла.
Все на Васильевском – Арсений,
На Красной Пресне – Чигринев,
Все по асфальтам на колени,
Перед Кремлем на все готов.
Покаяться пред Президентом,
За что – не ведаёт и сам.
Не приглашают с песней к ментам,
Орфоэпически – к ментам.
В жюри любые не включают,
На пьедесталах не венчают.
Теперь все надо самому,
Чтоб не забыли, прсему
И подвернулся этот случай.
Ну просто гимн его замучил.
Припоминалось, как в деревне,
В Бобрах, все началось с чего:
В Москву собрался – в город древний,
Пешком до тракта самого.

С чего перетрудился так?
Как ухнул, рухнул,
Отрубился.
А радио включил,
Чтоб в шесть утра, как штгык, на свой большак.
Вот гимн. Поднялся с ним да и пошел,
Лунатик прямо.
Луна – как серебристый шелк
И петухи – по темным ямам,
По хуторам, какие тут на полпути.
Ну, понял че? А что - в двенадцать
Играли новый гимн для нации
Со старой музыкой. А прежде, ти-ти-ти,
С утра ведь пели. А вы б чего хотели?
Вот так! Тогда еще задумались слова.
Кто в лес, кто по дрова.
Пилили и рубили.
А тут и конкурс объявили.
На Глинку и на Александрова.
Не получается на Глинке –
Симфония, не те картинки.
По-старому, как заново, «лейб-гвардово».
Да только вот сейчас и утвердился
В рубахе той, в какой родился.
«Ни боже мой! Он мой шабер».
Арсений руку-то простер
Над чистым листиком бумаги,
Желанья полный и отваги.
Не что-нибудь, не тля, а гимн!
Какой ведь нужен и другим.
Вставать, ложиться, побеждать,
Любить, страдать и обожать,
В плохое не вlepиться с ним.
Вот лишь сейчас он разошелся,
Какой в нем шарик раскололся?

Артист народный и свободный,
Не ангажирован века!
И вот что Сеня накропал,
Туда ли Сенечка попал?

ГИМН.

«Россия великая, Русь изначальная,
Ширь евразийская, вещей полет.
Тебе, моя Родина, песнь величальная,
Тебя мое сердце поет и поет.

ПРИПЕВ. Свято храни себя, Родина славная!
Всех собирай под двуглавым орлом!
Мудрость народная, сила державная,
Стой навека, наш отеческий дом!

Прошли мы сквозь грозные годы, ненастья.
А столько дорог нам пройти предстоит.
Но к Солнцу, но к миру, свободе и счастью
Нас чистое, смелое сердце стремится.

ПРИПЕВ.

Сияй, золотись куполами, любимая!
Россия могучая, матушка Русь!
Моя неделимая, неродолимая,
Гордился тобою всегда и горжусь.

ПРИПЕВ. Свято храни себя, Родина славная!
Всех собирай под двуглавым орлом!
Мудрость народная, сила державная,
Стой навека, наш отеческий дом!»

И вот такие словеса создав,
Не знал Арсений, что хоть с ними делать?
Не отразил, жаль, Соловки, леса,
Свой Соловецкий Камень белый.
- Ну, ты и государственный, -
Григорий притянул его к груди. -
Ниче, все, парень впереди.
И сам просил автограф дарственный.

Спасибо, что в тех прикостровых играх
Не взяли черепушки ни одной.

- И то бы протрезвели, - вдаль Савватий
Вперял свой взор, есенински востер.
Хотя бы впереди огонь, костер,
Но нет его, «а мы не на зарплате».

- Да-да, да-да, сюда,
В большие города! –
Запел, себя бодря, Арсений,
Дух выводя из потрясений.
«Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно.
В роковом его просторе
Много... много...но чего?
Много бед погребено».

- Много жертв, - подсказывал Савватий,
Он был один тут на зарплате.
АРСЕНИЙ С ВАСЯТКОЙ. «Много бед погребено!»
АРСЕНИЙ. «Смело, братья, бурей полный,
Парус свой направил я.
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!»

- Как ты чуешь направленье, слышь? –
Чигринев Савватию кричал.

- Вот, - по лбу стуча себя по крыше,
Савва ничего не отвечал.
Жуть какая. Просто невозможно,
Как за жен приходится платить.
Все равно не будет осторожно,
Кто поэт, погодами крутить.
Ведь вода всегда его мучила,
Глубина всегда всего брала.
Степняки, такая кровь уж, жила
В Сене сухопугная была.
Все, конец! Накрыла всех волна!

Хоть рукой вычерпывай со дна
За волной еще одна волна,
А до дна – какая глубина?
Батискафа с ТОХа не доставишь,
За подводной лодкой не пошлешь
И сетей рыбацких не поставишь,
Сам, того гляди, в них попадешь.
Море, море! В радостях и горе.
Из-за горя радость не видна.
Погасают искорки во взоре,
Хоть бы тут звездочка одна!
А Васятка около отца,
В борт вцепясь, впиваясь, как намек,
Первым увидел с того конца
В черноте мелькнувший огонек.
- Вижу свет я! – крикнул. – Вижу свет!
Вон Маяк! Отсюда где-то с краю.
Это дед нам светит! Это дед!
А подлодка с клюквой охраняет.
Все ж Маяк поймали. Вел Маяк,
Выводил из сумрака, из ночи.
Не был наш Арсений в морях,
Лучше класть на суше кирпичи,
Чем болтаться в этакой ночи,
Чтоб в тебя летели волны с дом.
Дом на дом, а ты молчи, молчи,
Кто им только носит кирпичи?
Стоит-строит, строит-строит дом-м-м!
Посейдон великий, По-сей-дон!..
По сей день... по сей день...
- По сей день, - сказал Арсений Савве,
Как на берег только лишь сошли.
- Что про день ты? Чушь-то не мели, -
Савва ему. – В бухте корабли,
Долго это будет.. Только «авиа»

Да «окно» – день подходящий - жди.
Самолет летит на континент,
Вот тебе сюрприз, интеллигент!
Остров это, островная жизнь.
Море-море, морюшко вокруг.
Поживи, помайся, отлежись,
И «окна» дождешься, милый друг.

* * *

Крышу – над «гостиницей» заделали.
Все, не тек уж Соловецкий Кремль.
Полежал Арсений вместе с «Ведами»,
Поигрался в цифры «восемь», «семь»
Да и вышел утром на свободу.
В двор кремлевский, в этот монастырь,
Где как раз копали ров под воду,
А студенты в дверь вбивали штырь.
Небо было низким и тяжелым,
Не ходили даже корабли.
Просквозило. Хоть спина и колом,
А лопату в зубы и вали!
«Легион» их встал, как тут и был.
Стал копать какой-то мелкий желоб.
- Ничего, углубимся, пройдем
Всякие слои, культуры, метки, -
Им сказал Арсений. -
То найди,
Что когда-то потеряли предки.
«Орел шестого легиона,
Орел шестого легиона!
Как прежде вьется впереди!»
Долбили справа, долбили слева,
Долбить тут будем зиму, лето.
Насквозь пройдем и выйдем где-то,
Где с того краешка тут Ева
С Адамом, кажется была,

В раю тут яблочки рвала,
А Ньютон посчитал, что к яблоку Луну
С Землей сюда и притянуло вместе.
Как нас к «Авесте».
Что главное в невесте?
Бессмертные, какого боги жаждут.
Возжаждали и люди всей страны.
Одни во зле его находят,
Как Нерон... слоны...
- Таких забудем!
- Другие – в Слове, в смысле, в снах о Боге...
Копайте! Гните свои чресла,
Да не жалейте кресла,
И в нити золота
Святой
Ищите себе лучше места.
Может, и докопаетесь
До Руси святой.
А докопаетесь, ухватите момент,
Дай бог поможет Президент.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КРЕМЛЬ

XXV.

В Москву вернулся, к главному Кремлю.
Пришел домой, присел, расположился.
И замурлыкал: «Ай люлю, люлю»...
Ни разу, ни разочек не сбился.
«Эх, ходила дивчина бережком,
Эх, ходила дивчина бережком,
Эх, ходила дивчина бережком,
Эх, ходила дивчина бережком»...
А через стенку ему мелко-мелко стук:
- Эй, артист! Еще два раза повторите!
Никак все не запомнится.

Не рыжий ведь, уж где-то седина
Подъела его золото волос.
Великая, могучая страна,
А превратилась в шалость, в море слез.
На чем держалась славная держава?
На Соловках, где был Архипелаг,
Какой она сама себе стяжала
На покаяньи, на судах, а страх
И до сих пор ведь уползать не хочет.
Зла добавляют люди, годы, сны.
И по сю пору грезим, между прочим,
Должны три поколения смениться,
А два уж точно, между прочим.
Все путаем НКВД с милицией,
Как божий дар с «яишницей».
Не то сказал да не про вашу честь,
Не там присел да не оттуда вышел.
Две волосинки – на голой крыше,
Одни осинки – ведьмина «болость».
Всегда стонать, всегда скрипеть,
Всегда листвою шелестеть,
А даже и без ветра
Про те же что? – два метра.
А говорим, Бессмертьем каждый мучим,
Чего-то увлекаемо получим,
На что ложимся, а на чем встаем?
Отгалеся Чигринев от этой жизни,
На гимн переключился, ход конем.
И вот все об Отчизне, об Отчизне,
На что ложимся, а куда встаем?
А ведь с утра не кормлены ребята, -
И кот у них, вот и его корми.
А по Москве все громы, все раскаты,
Все Гамлеты, небритые вельми.

То Чингис-хан, то Грозный, то Атилла,
То Клеопатра где-то на коне.
Звериный стиль на скифской вазе, - мимо.
Проходит лавой где-то в стороне.
Периодами плиты поднимаем,
Эпохи их таинственно влекут.
Арсений уж никак не понимаем,
За что его концепции секут?
Башку забили файлы, группы, группки,
Партийные и всякие дела.
Вчера отколупнул ногтем от грубки,
Теперь ходи, в чем мама родила.
Дыра-дырой, и ты в дыре – второй,
А был ведь у дыры когда-то первый.
Какой ты, парень, все же нервный!
Играя всяко с этакой мурой,
Как с «кенгурой»,
При язве прободной -
С чужой женой,
Как с Сатаной –
В консервах.
Достукаешься, пень, договоришься,
До всяких происшествий и клеймений.
Сейчас, когда на все ты слишком злишься,
Срабатывают чисто, без затмений.
Везде одни «профессионалы»,
Считай себя за дурака,
А лезь в критериев анналы
Придурковатеньким слегка.
Все тебя давят, тебе плохо,
Малина в черном цвете лишь.
Припомни комиссара Блоха –
За сахарочком постришь.
Везут мешочки на тележке,
А все тропиночку клянут.

Мы, дескать, кто мы с вами - пешки,
Вот кто в коттеджах – те живут!
Рубли-то не переставляют,
Как мебель, из угла да в угол.
Бюджетник скудненький гоняют
Одним и тем квадратом, кругом.
Четыре точки на платочке,
Как на узле у этой бабки,
Все записавшей на листочке:
Куда кому, в какие лапки
Квартира, пицца, дача, чача.
На книжку не хватает, что ли?
А на театр – тем боле,
А как иначе?
Такую жизнь бы Президенту,
А не тому, кто выше, выше,
Кто над тобой под самой крышей.
Там взял, тут отдал ренту
К тому моменту. С документу
Пожизненно уж чадам пишет.
Какой-то гад, каких-то три,
А жизнь, весьма значительна,
Вдруг сделалась совсем уже пустой.
Пускать иль не пускать?
Товару много, а забыли Бога.
От всяких дел
Все к доллару свели
Свои рубли,
А доллар всех раздел.
И ты, как влитый,
В той Речи Посполитой.
И поминай тебя, как звали,
Не хмурься парень, трали-вали!
А тверже на ножонках стой
Хоть в ситуации простой.

- Теперь ты посиди с Захаром и Ильей.

С дядь Колей отснялась?... На – конфетку!

Иди, маман, семейной колеей,

Ходи в свою со Шмыгой опереттку.

- Довольно дома мне варить супы.

Пакеты и брикеты – пищу нашу.

Ну, я пошел... Заваривай тут кашу...

Герои все твои глупы

Чего-то.

- Не то, мать, слово – просто идиоты!

Наверно, скоро «Идиота» на сцене буду представлять.

Главреж уж намекал.

- А «Гамлета»?

- А принца пусть играет Кеша. –

Завел Арсений к потолку глаза,

Прищурил глаз.

- Иудушку тебе играть, Сень, – копия!

- Пока что есть талант, весь не пропил.

Вот «Идиота» в самый раз!

- Да хоть сейчас!

- Пей квас да рыбы больше лопай,

Ушами хлопай...

Арсений в дверь. Все надоело:

Жена, брикеты, перепалки.

Мир одиночеств, из-под палки

Как шло, так все и едет.

Какой-то бледный, жалкий –

Арсений - к Грише,

А Гриша: - Тише, тише!

Да знаю я, какой ты «Идиот»?

- Да самый настоящий, вот.

Не роль, а весь с природы.

- А бабы – дуры,

Не очень-то графине доверяй.

- Кому-кому?
- Ну, пиковой своей-то даме.
Опять входила с новеньким в трамвай,
А ты езжай, поплачься своей маме.
В платочек носовой.
Езжай к своей мамашке...
Да, кстати, вздрогнем по рюмашке?
- Ты что-то, Гриша, пить изрядно стал.
Со мной и то, а ведь и без меня.

- Я, Сень, уже взошел на пьедестал,
И никакая «шабля» не сшибет с коня...
Опять пластинку ставь про Соловки.
Крути, крути, на имечко работай.
Арсений отвернулся и из-под руки
Тихонечко:

- Ты, Гриша, дальше топай.
А я тут постою... в березках...
Там – камень не везут, какая-то загвоздка,
Тут – ты, Георгий Константиныч...
- Не стал ведь Рокоссовского...
- Не дали.
- ... а был бы брат.

Как звезды говорят,
Ведь тоже Константинович!
- Не Константин – Кирилл.
- Ну, и что ж? А тоже Маршал.
- Вымучен.
- Сам знаешь, кто за «Идиотом»?
Стоит, сидит, чья вся это работа.

* * *

Пошел в сад Александровский,
Что около Кремля,
У самой башни Арсенальной,
Чтобы посидеть, побыть под этой сенью.
Чтоб подпитала здешняя земля –

Возле Кремля,
Чтоб сам Сергей Есенин
Сюда пришел и посидел с ним, что ли,
Прошел по тяготам и боли
Своим неприкасаемым лучом.
А – ни скамейки,
Не на что присесть.
И тут же тень в гражданском,
Как из транс:
- Вы что-то долго тут...
- Простите, ваша честь,
Я тут всегда – артисты мы миманса.
Ушел, унес своим вериги,
Несуществующие дни.
Откуда-то со дна, из Риги,
Колонны жуткие, огни,
Глаз бесовской из тени, в недра.
Погода – ничего, но листья, ведра
Уж послетели, посмели и – в ведра.
Их увезли и где-нибудь сожгли:
Воспоминанья лета, жизнь деревьев
И Соловки, весь авестийский круг.
И тот маяк, и та его деревня,
Где он один всегда ведь стоил двух.
Мир как-то надвое, напополам делился –
Он и Мария, он и все вовне,
«Восьмеркой» авестийской отравился,
На Соловках в «дольмене» заблудился,
И вот теперь – полнейший идиот,
Его и представлять-то Сатана
Во имя Достоевского собрался.
Он к Вечному огню,
Который как в груди создался,
Так и горит у каждого
По всем проблемам сразу,

Едут по КАМАЗу,
А значит, и по Соловкам.
Ни Камня не везут в Москву,
Ни гимна из Москвы – столицы.
Гимн, правда ходит где-то по рукам.
Прилег в траву,
На спицы!
И прокололся там.

XXVII.

Про Соловецкий Камень говорит,
Где только ни бывая, в массах.
Артист миманс такого класса
Почти в любом из нас сидит -
Катнуть, кутнуть, пройтись по кочкам,
Сорвать овации, успех.
Да, боже мой, так по цветочкам
И протаскался целый век.
Вот кто за нас работать будет?
Себя кладя на свой редут,
Нам где когда какие люди
«Аббревьятуры» подберут?
Шенье взошел на эшафот, -
Про то Цветаева сказала.
Самой пришлось под петлю, в мот –
Вот эстафета чем лобзала.

* * *

Они приехали сюда
Со всей страны, но жалка кучка –
И странны уж, и стары, сиры.
Пусты, пусты у них квартиры,
Но были, есть, себя забыли,
Но жаром полнится душа,
Их Соловки в одно сплотили.
Побрел за ними Чигринев –
С Есениным и Бродским,

Со Смоктуновским Кешей,
С Ефремовым, Губенко с Гришей –
Немало было за спиной,
Во глубине на десять площадей.
С каким-то выступом таким -
За соловецкой кучкой,
Какой им всем хватило бы одной.
«Слоны везде, слоны одне,
Слоны во всех, во глубине.
Слоны – где плач, слеза и смех.
Слоны, слоны по всей стране». –
О чем подумал Чигринев,
Когда в огне своем горел,
Как тот поэт Сергей Орлов,
Какой зарыт уж в шар земной,
И тот пришел сюда, поспел.
Арсений вспрыгнул на капот
И произнес бы слово, речь
Про тот «комплот», про тот компот,
Который стоит свеч.
Свеча горела на столе,
Пускай себе горит!
Пускай огонь в своей золе
Сияет, говорит.
Пока Свободю горим
И вопиет в нас прах,
Мы говорим себе и им,
И прогоняем страх.
Но тут стакан какой-то рок
Толкнул – «компот» пролил,
Но Чигринова тот поток
В самом себе не смыл.
«Да ладно, - думал Чигринев, –
Когда-нибудь в «комплот»
Уж так вскочу, так закричу,

Пока молчу, молчу, молчу,
А после врежу, как хочу,
И выпью весь «компот».
Про гимн скажу, что он не медь,
Какой еще греметь.
Все шито-крыто, кто-то, где-то?
Жюри «журить», а людям петь,
Страну вести поэтам.
Послал кассету им, напел
Под лебединый свист.
А что б Овсянников хотел?
В оркестр слетает лист.
Осенний вальс, где лист присел,
Играет гармонист.
Молчит Овсянников,
Тот взор
Все знает, что к чему.
Он президентский дирижер,
Доверено ему.
Вздыхают, жалуясь, басы.
И словно, как в кино,
Арсений знает: роль, весы,
Известные давно.
А Одиссей, а Одиссей?
А Греция на что?
Уже в трех фильмах тот Андрей,
Отец его – в одном.
Наитий полон, весь в репьях,
Грехами низведен,
Арсений сам себе во страх
Отцами погружен.
Опять они, опять слоны
И площадь Регистан.
А если б с голоса страны,
То пелось бы и нам.

Жюри жюришь, и что нам тут?
Куда лететь листам?
Журят, но сами не поют
По всяческим местам.

* * *

Григорий не один в стране,
Опять стоит с ружьем.
Арсений где-то в стороне,
Покамест подождем.
Мы, как саперы, а они –
Раз ошибутся - все!
Кому рули, тому рубли,
Кому рубли, тому рули,
Кому впотьмах, кому огни, -
И это «карасе»!
В чернилах Солнце и Луна,
А месяц не взошел.
Зарплата? – плавает она.
И это «карасе»!
Что «карасе», то хорошо,
Все в жизни набекрень.
Кому нальют, кому еще,
Закусывать же лень.
Арсений подпитался там,
И призраки сошли.
Кто в свой карман слетает сам,
Кто просто ест рубли.
Корона где-то, короли,
У них валюта, евро.
А тут отсуттвуют рули,
Есть обувь просит, стерва!
Но мы дозволить не позволим,
Не позволяя дозволить.
Гляди, под флагами – мозоли,
А под мозолем – жуть.

Какой дозволить не позволим
Нам жизнь перевернуть.
Под красным те же доминанты,
А «верх» оно есть «верх».
Опять же требуют мутанты,
Но четко держит стерх.
Одной ногой, наверно, правой,
Чтоб левые другой,
Так вместе держатся державой,
Фамилией одной.
А Камень тот уж, говорят,
На континент представлен.
Да на вокзале, говорят,
Мол, не туда доставлен.
Не то на Нижний – город ближний,
Не то на Новгород Великий,
Где, в общем, божеские лики,
Не то, что этот Нижний.
А может, даже во Владимир,
Тот тоже был столицей.
А я-то, мню, крючок родимый,
И что мне, значит, мнится?
Сюда ко мне – в Малоархангельск
Как в пригород столицы,
Того Архангельска, того,
Или того-сего,
Куда и входят Соловки.
Когда в монастыре –по-ангельски,
Бывало, с первыми сидит,
Все делал вид, беря с руки
И остальную половину
Всего того, того-сего,
Что раздавал Архимандрит.

* * *

Пришел Арсений, втек во храм,
Спаситель - храм наш кафедральный.
Поставил свечку Соловкам
На камень натуральный.
На тот Валун, что выбран им,
Когда могилку там искал,
Отца во прахе после плахи.
Ну, а засим, ну, а засим
И от щедрот вкушал.
В рубахе той, в своей рубахе
Лежал он на отцовой плахе.
Забуть про то я не могу,
Как эти самые, как льдина, -
Савватий с сыном –
Носились голяком картинно
На снежном берегу.
После Спасителя без риска
Метнулся к Грише Чигринев.
А что тут - рядом, очень близко
Мы при Спасителе живем.
В районе старого Арбата
Или Никитских, что ль, ворот.
А может быть, наоборот? –
Живут они – мои ребята,
Герои моего романа,
Артисты не второго плана,
Фигуры, хоть сажай на мрамор.
Пусть посидят, на Спаса прямо
И поглядят, и пусть их Спас
Спасет еще, в последний раз.
Когда они повсюду лезут,
Везде затычка, ключи в дверь,
Где лепит всяческую «дезу»
Ей всякий травоядный зверь.

Григорий почивал как раз,
Устал от этого поста.
Менял места – то от Христа,
Который спас,
То от театра, где стоял с ружьем,
Был в быт домашний погружен,
В порядок местный, мелкопоместный.
Сверкали блики,
Троллейбус возгорал на стыке,
Молчало лишь метро.
Снаружи.
А нет не спится –
В нутро уж вставили перо
Жар-птице.
Протест Кавказа всей столице.
- О, господи! В глазах дробится, -
Вздыхнул по-маршальски Григорий. –
Спиваюсь, брат. Сходить опохмелиться,
Что ли, к дяде Боре.
Сейчас бы в самый раз.
А вам чего? А вас?

XXVIII.

А нить протянута и к вам,
Та золотая нить.
Иль просто так опохмелить?
Ну, все! В последний раз
Пьем тот – американский квас!
- Пойдем-ка, Сеня, в зоопарк.
На Красной Пресне.
Там, говорят, слоны сидят
С жирафом вместе.
И зашагал из уголочка в угол.
- Где ты такому научился?
- Да так, давно. Когда влюбился,

Ходил к подругам.
Возьмем с собою ребятнишек,
Пусть смотрят детки,
Как, несмотря на дня излишек,
Сажают в клетки.
- Там, говорят, теперь свободно, -
Заметил Сеня. –
Вольер раскрыли всенародно,
Расширив сени.
- Раскрыть раскрыли, а свобода
Лишь в Африке жирафу.
И то – до года.
А тут как сели на кефирчик с молока,
Так и гляди, того, Свободу – с молотка!
«Посодють» в клетку, как и мою соседку,
Сдавала метры не тому пока.
Вот ей свои же и намяли-то бока,
Самодержавы.
Препроводили. Сами метры взяли,
Шалавы!
Рисую этак картинку московской жизни,
Не думаем, что где-то как-то по-другому -
По всей Отчизне.
Свои нюансы поют романсы, от дома к дому.
С собой Захара взяли и Килью,
Записку – Груше. Бери, бери и кушай!
И порцию оставили свою,
Скрепленный «яблою» с грушей.
- Подхалимаж, - заметил Гриша. –
А как иначе?
Не то опять от тех, кто выше –
Получишь сдачи.
- Такая женщина! На черта это нужно? -
Вскипел бульон в поваренной кастрюле. –
Все ходишь по кругам, окружно,

На черта это нужно!

- Ша! Я не слышал, ты не говорил.

А то займы мне Груша уж не даст.

Арсений куру допалил –

На медленном огне

И бросил в квас:

- Все! Эй, Захар, Илья! Сюда ко мне!

Подъем!

К слонам идем!

* * *

- Слоны ушли, куда хотели.

Остался толечко жираф.

- Нет, вы серьезно, в самом деле? –

Допытывались ребятишки.

- С вас штраф!

За любопытство.

- Нет, папа, папа, неужели

Штрафуют тут?

- Да-да, еще и за бандитство.

- За бан-ди-тизм, - поправил Гриша. –

Я в орфоэтике – король.

- Не отличаешь си-бемоль

От арфы, от конька на крыше.

- Всегда за тех я, кто повыше.

Видал – жираф? На самой крыше.

Во шея, а костяшек как у воробья, -

Заметил Гриша.

- Вопрос тут ясен.

И в том я с ним вполне согласен.

Я – как и автор этого романа,

Какой уж показал мне хвост.

Пока что хвост еще не прост,

А все же, все ж, а скоро будет с воробьиный.

Как ночь в июне,

Сон краток, вечер длинный, -

Так что? Тигр да и тот
Тут поджимает хвост.
- Тигр, тигр! На, на – тебе! –
Захар прикрикнул, кинула рука.
Так тигр как задом стал
Да лапу приподнял
И писанул на нас,
Захару прямо в глаз.
Вот смеху было! Вот веселье!
Брандмейстер звал на новоселье,
Узнал по смеху тех артистов.
А тигр был горд, а тигр был стар,
А тигр дышал уже со свистом,
Он знал еще Ференца Листа!
От Брамапутры главный дар,
Вот какой тигр нам тут попался!
В Европе проскитался,
А тут по старости годов
И приютил его Бодров -
Слонов начальник;
На нос навешивай хоть чайник,
Такой уж его нос,
Все заостряется в вопрос.
- Таких начальников люблю! –
Сказал Илья.
Поверим же Илье, в Илью!
- На Соловки везут слонов!
Там много всяческих «бревнов», –
Сказал Захар.
- Бревнов нельзя, а надо – бревен, -
Илья поправил, слово вставил
И пар, конечно, всякий сбавил.
Ведь тоже родом из Бобров.
Как хорошо быть в зоопарке!
Люблю и я слонам подарки!

- Такая жизнь! -

Смеялся после Гриша. –

Хоть второй раз женись...

И появилась у Семена «ниша»:

«Теперь побудет с ними Гриша.

А мы с женой хоть по кино походим,

Посмотрим на себя в народе».

Концепция не та, а то бы Гриша

Такого натворил, что и повыше

Не знали бы, куда девать детей от Гриши.

Как Бельмондо, в натуре и кино – одно.

Как Лановой! В трудах на выходной.

Как я, и днем и ночью – кручу, ворочаю.

Роман – он чем хорош, что можно все

В один котел, но, чтобы борщ варился,

Огонь горел, дровишки были,

Чтоб все как бы крутилось в колесе

И чтоб читатель вдруг не подавился,

Картошки целиковой не клади,

Все виждь, что впереди.

Сон снился? Так встань, перевернись,

С сюжетами совместно развивайся.

Как яблоко – с чего бы? – наливайся,

Свободный стиль свободного романа,

И не верлибр, и не в броне сонет,

А ритмика – качание тумана,

И лексика – брэнчание монет.

Явь как внутри, так небыль вне,

Живь и неживь, в пропорциях снега,

Метель, пурга,

Света и тень,

Орловско-Курская дуга –

Хоть каждый день.

Как горстью сеешь семена, зерно,

Чтобы все, что есть в тебе, дано,
Взошло, и снова семена до неба,
Все просит хлеба.
И все кинематограф личный:
Куски, монтаж, кинема-то-графично!
Раскрась – раздашь
Себя – до дна,
Со дна – коллаж
В раю горчичном.

* * *

Сказали: Камень уже где-то под Москвой!
Платформа специальная, везут.
Арсений трижды ездил к кольцевой,
По Ленинградскому шоссе и там, и тут.
Вписал в историю, какой был день и час.
Чтобы потомство ведало, как было.
Хотя история не замечает нас,
Но ничего, что канула, светила.
Молчит. Но помнит имена,
Ужасное собой перекрывая.
Опять же взбудоражена страна,
Рванула вверх внимания кривая.
Опять нервишки, что ли, ни чертям!
Разъехались. А все опять же сцена.
Вот «Идиот» в какой уж раз идет,
Князь Мышкин где-то, что-то снится нам
В том городке на Волге,
Где жена,
Где Груша рождена,
Где мать ее,
Где детки были долго.
Князь – русский Гамлет,
Бедный, бедный принц -
С «пуховым», бесконечно добрым сердцем!
Среди дерьма и прокаженных лиц!

Как, впрочем, был и сам тут Достоевский.
Как мы ушли от тех еще времен!
И как все эти рожи тут же близко.
От них и сам, стоишь, как прокажен,
На пьедестале, обелиске.
Вон Слишке – «Пионерской правде»,
Как приехала в Госдуму из Самары,
Приходится обратно – к себе туда – хоть на часок,
Хоть воздушку глоток -
Дыхнуть, чтоб тут не отравиться.
Забиться,
Снять свои угары –
На правде!..
Клавдий старый!
Что натворил ты, в ухо яду влив!
Все человечество во мраки погрузив.
И Гамлета тут, в русском, отразив,
Да в каждом он из нас,
Да в каждой тут собаке,
Какая вечно кость грызет
И мяса ждет,
Надеясь на случайности, однако
Он и за кость любую в вечной драке.
Я успокоился,
А он шел по бульвару
И вглядывался в окна:
Вот провезут тут Соловецкий Камень,
Вот просияет бело-лубяной,
А что потом останется меж нами?
И что еще за эрой ледяной?
Опять на Белый Дом наставят кружку?
И черным стены выпотрошат вдруг?
Вот поглядел бы соловецки Пушкин!
Вот Бродский из нулей бы сделал круг!
Вот бы Есенин жив был... Милый друг!

Конечно, ты тут у меня в груди,
«Предназначенное расставанье
Обещает счастье впереди»...
Все! Упал однажды тут Арсений
И затрясся, и вцепился в кость –
С жизнью той, какую дал Есенин,
Не хотел быть врозь. Но только брось,
Так все авестийское в груди
Муками задушит впереди.
Что нам маки – алые во мраке!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СОЛОВКИ

XXIX.

Снова на поправку надо к маме,
На Бобры держать опять же курс.
Рассказать своей Прекрасной Даме,
Откусить родименького кус.
Вновь весна. И русские погоды.
Делают из нас опять людей.
Вешние сошли уж где-то воды
В мир тревог, в миры борьбы идей.
Соловки все в памяти! Нейметса
Завернуть в любимый уголок.
Уголек там тлеет, остается,
Очень уж глазастый уголек.
Полыхнет – величественно знамя
Где-то в ком-то возблаговестит!
Соловецкий Белый Камень.
В недрах тех – возвышенных – горит,
Об униженных и оскорбленных
В ветвях дней распущенных, зеленых,
Снова, опечалась, говорит.
Сотвори мне, мать родная, чудо!
Помоги печаль унять в груди!

Живы мы, пока мы есть, покуда
Те слоны пред нами впереди.
То отцов, то братьев воздымали,
Всю страну тащили из грязи.
Выжимали, все налоги драли,
Платышко последнее сдирали,
Господи! Прости их, не рази!
Ведь не знали, что творили, боже,
Набивали чрево, бдили власть.
И опять же где-то близко то же -
Окаянство, воровство и страсть.
Соловки разлиты по Руси,
Окаянство сеют, как овес.
Кони бродят, мнут, иже еси,
Тот овес, что изо рта пророс.
Президент Всего Земного Шара.
Этот очень странный Велимир,
Умирал в Санталово от жара,
Войны на себя оборотив.
Белый Камень тоже его пишет,
И Рубцова Колю, и меня,
Выхвачен я тоже из огня
Теми, кто почил, уж не горя.
Вряд ли кто-то вычеркнет нас свыше.
Эти сонмы, зрящие не зря,
Эти сонмы, спящие деревни,
Эти сонмы уж обречены.
Запишите, камни и деревья,
Пусть запомнят-это все слоны.

* * *

Отоспался. Отвела Мария
От него обтерханный венец,
И опять, о боже, та же мрия
Возвратила к жизни, наконец.
И опять по городам и весям,

Снова Мышкин сценами гремит.
Где-то провалялся целый месяц,
Разошелся шов, аппендицит.
Многое за месяц передумал,
Перемог, пересмотрел еще.
Не одна-то львица, кошка, пума
В лик ему разила горячо.
Отжилась ты, русская деревня!
Он последний сын ее – артист,
Выходец из края, где деревья
Понимают, что такое «ожисть».
Лист летящий, падающий мимо,
Чтобы где-то в долах и пропасть.
Мышкин, Чигринев – ты, очень мило,
Не дай бог под колесо попасть.
Боги уж его предупреждали,
Вот он «Волгу» ту свою и сжег.
А вернее, те ему сжигали,
Кто себя тогда не превозмог.
По Сибири, Волге, по Уралу,
Серединной матушке Руси
Мышкин сам в себе мало по малу
Нес в душе свое, иже еси.
Деревенских заводил в кулисы,
Ездил в села, до «местов» глухих.
Чтобы там не только в телевизор,
А в живую видели таких.
Вглядывался в лица обреченных,
Где-то намечаемых на снос, -
Доходных и старых, обреченных,
Что не бросил разве что Христос.
Остальные уже сгнили в ямке.
Вон слоны – и те ушли в навоз.
В олененке, в мальчике – подранке,
Видел обесточенный госхоз.

Стены ферм уже почти без крыши,
Зернотоков беспробудный хлам.
Растащили потурой, мыши
По своим присутственным местам.
Хомуты – зачем они сегодня?
Трактора – кому они вчера?
Кто ж к кому ходить тут будет в броднях?
В снах и мыслях, спать уже пора.
Хлеб нам привезут из-за границы,
Ножки Буша вывалят в котел.
Все смотрел в оплавленные лица,
И чего нам чем он приобрел?
Молодежь хоть приделась чище,
Пробежал асфальт - кому куда.
Только в жизни стало круче, лише,
Хоть и называют «господа»
Даже тех, кто носит по три зуба
На двоих, троих, десятерых.
Вот и все история у чуба,
Вот и «жизня» пролетела вмиг.
Вот они откуда – в Соловки
Уходили, лучшие в деревне.
Грамотны, непьющие, сурки,
На ногу свободны и легки,
Там легли под камни все деревья.
В прошлом все, я это говорю,
Можно, что ли, стало то теперь.
Сам как автор внутренне горю,
Жалко ведь, свои ведь, тех потерь.
Только что сказал мне это псих
Тут один, что влез на пьедестал.
В той же речи – тот же самый стих,
Чепуху «рениксой» прочитал.
Ну, и что? Про это скажем дальше,
Где-нибудь, наверно, под конец,

Чтобы прозвучало как-то «звяньше»,
Что ж так сразу взять и под венец?
Это дело тонкое – стихия,
Тоже есть на это аппарат.
Сами с неба сыплются стихи, - я
Лишь ловлю их да и ставлю в ряд.
Вот мне что про это говорят:
Не Есенин, не Катанов; что же,
Выше, чем Тургенев, что ль – ты, брат?
А в садочке цветики вы ма-а-ленькие.
- Да нет, - говорю, - вот кто выше –
Грачев (глава района – во, богатырь),
Всем панихидам псалтирь!
А мы с Пушкиным люди маленькие.
Вот такой «карамболь»
За эпоху едину.
Два шара – два куплета,
Дуплетом –
Желтого в середину.

* * *

Как-то где-то около Томска
Что я им рассказал,
Приехав сразу на их вокзал?
Там народ умный, многие академики.
Знают, что и почем, где какне слоны,
Эники-беники, ели вареники.
Знают, и что такое «верстка»
И какая с ней бывает загвоздка.
Так вот, говорю, режут вас пополам.
Мистика - одна половина тут,
А другая – там, по полям.
И ведь нет никакой цензуры.
- Это все деньги, - говорят, -
Погоду делают.
Не погоды, а дуры,

Вот и страницы белые.
А чего б не поставить, - говорю, - всех в ряд?
Через одного хотя бы,
Так что в ответ мне говорят?
Ничего себе! Вроде я тоже Мышкин,
Буду накрывать книжкой крышки.
А вы, - говорю, - выпускайте, не занимайтесь слишком.
И не кладите себе на сберкнижки.
И что еще? А-а, почему я
Тоже навроде Мышкин?
И что я узнал? Это ж Гамлет наш русский.
Тут широкий, там узкий.
Гамлет – Мышкин наш –
Так даже и в печали
Не носил в груди своей свинец.
Почвой был, однако, в изначале –
В Киевской Руси у первых русских,
Бедный Рюрик – вот его отец!
Бедный Йорик – череп двойника,
Держит Гамлет череп тот века,
Йорик, оказалось, был король,
Умер там, у нас тут объявился, -
У норманнов, викингов, варягов.
Рюрик! Йорик – Рюрик!
Ревела буря, ветер злился.
Норманнский князь тут прилунился,
И вот династия случилась.
Ревели ветры, буря злилась.
Все дети Рюрика как сводные у Гамлета.
И, если есть такая связь,
То царь Иван был тоже,
Где-то с Гамлетом скрестясь.
Так что и Гамлет ночью бузкой
Навроде русский.

* * *

Аж рты разинув –
Сидят у магазинов
Те мужики, что любят погугарить,
Дозу взяв тут, сидючи на досках.
Ей богу, Сеня их готов мытарить
Своей высокой речью человечьей.
Ну, как Шукшин, бывало, в Сростках,
Слоны,
Их юмор не со стороны,
А свойский.
Народ – геройский.

* * *

Григорий, аж из театра своего, что на Москве,
Все слышит (Сене):

- Не геройский, так не говори!

А ге-рои-ческий!

Я в орфозпии – король.

Арсений Грише тут же вслед:

- А я кто? Кто же я тогда?

- А ты – князь Мышкин.

Вот так вот всем и говори:

Народ вы ге-рои-ческий!

В момент критический.

В критический момент

Не потеряли важный документ –

Свой облик греческий

В стране отеческой.

* * *

«Вот облик всей Европы и лепили

Две точки. Одна – где Карталы,

Металл в земле добыли,

Мечи и стрелы наточили

И волнами туда, где были, во след золы.

Другая точка – Причерноморье.

Север. Скифы. Где сколоты –

Вскормили хлебом греков,
А уже греки – все нации,
Всей европейской цивилизации». –
Так думал наш Арсений,
Водил по сениям его гений,
А с ним, конечно, и меня,
Не все-то тайнства храня.
По всем местам слоны тут были,
Они-то Сеню и водили.

* * *

Вернулся Сеня из поездки
В Бобры отмаливать грехи, -
Чужой, одушевленный, дерзкий,
Но ха-ха-ха и хи-хи-хи,
Валитесь из души, грехи!
И, аура, тут очищайся!
Пей воздух, лучше ощущайся!
Дышите глубже вы, мехи!..
Мария тут же прилетела.
Прижалась, крепче обняла
Да и в сарайчик повела,
Где с ним была, когда хотела.
Любил Семен свои пенаты.
Любил валить, пилить дрова,
Пока росли в Москве ребята
И не кружилась голова.
«Уже малы отцовские рубахи
Парням, рожденным в грохоте войны», -
Сказал поэту.
И этого галахи,
Как не было, по воле Сатаны,
Как и поныне нету.
- Свое мы носим. Свой престиж.
Да, Гриш?
Ты тоже вырос без отца.

Как Котюков без Кузнеца,
К какому после уж прижился.
Просох, приехал, закружился,
Своих теперь не узнает,
Столичный мир воображает,
Столичность эта и поныне
На нашей вырастает глине.
Да, вот забыл еще он что!
Про зелена нам спеть, про хлебы.
Такую женщину и мне бы
С такую песней и в манто.

«ЗЕЛЕНЯ»

Слово, введенное в оборот речи
Тургеневым.

«Снеговье обоймет, и с зеленых полей
Понесет меня к Солнцу, в заветные дали.
Я иду, я иду – ветер злее и злей,
Мы горластей еще не видали!
Норовит под кожанку, в теплушку залезть –
Застудить, опрокинуть, закинуть в курганы.
Обопрусь о дуб, - уж какие мы есть,
Переждем, перебесятсь старые раны.
Те поля уж не пашут, а те зелена
Уж, наверно, последние, - экое дело!
Бурьяны, бурьяны ободрали меня,
Когда шел, где, бывалыча, греча кипела.
Привезут из-за моря, и горюшко с плеч.
Перемелют – и крышка, без всякой мороки.
Промеменяют на хлеб нашу русскую речь
Да еще и чужие подсунут пороки.
Ветер рвет кожанок со плеча моего.
Посижу у костра, пошаманю на тризне.
Натерпелись за жизнь, навидались всего
Зеленя, зеленя, зеленя по Отчизне!»

* * *

Арсений спел стихи мамане,
Марии, всем, кто подошел,
Потом Арсений, сев на камень,
Под ним два беленьких нашел.
Грибы – веселые ребята.
В фуражке рыжей, как Лужков.
Не велика такая дата,
Но,если глянуть далеко,
То так «у нас в Рязани –
Грибы с глазами».
А, как известно, С.Есенин
Был «крестным» на Бобрах у Сени.
Естественно, что все грибы
Не так уж были с ним грубы.
Иной раз в гости приходили
И не хотели уходить,
Такая, в общем, процедура
Охоты нравилась ему.
Губа не дура,
Когда по случаю сему
Мать жарила в Бобрах картошку,
Грибов совала понемножку,
Чтоб не глядели тут в углы,
А украшали нам столы.
И тут нагрянула к ним Груша
И ребятишек привезла.
- Мать, видишь, кто? Иди послушай.
Не приезжала век. Дела-а-а!..
И чем роман в стихах хорош,
Что в нем без всяких лишних слов
Быка вдруг за рога берешь
И в зад ногами поддаешь.
А то Толстой Лев Николаевич
Что нам при этом говорил?
Поэзия – это как пашешь, что ли,

И за сохой танцуешь танец,
Не уважаешь речь, тем боле...
Но я такое позабыл,
И вот к концу идет роман,
Все эти двадцать буйных дней.
Блеснули в памяти моей.
А он стоит, как истукан.
- Да кто хоть?
- Да Арсений перед ней –
Законной Грушенькой своей.
Вот вам дуга и треугольник.
Свобода. Брак. Ведро. Подойник.
Мать подхватила и ушла.
Корову надо ей доить,
Хоть та подоена была.
Но, значит, так тому и быть.
А вы тут сами разбирайтесь
С той геометрией своей,
Но ребяташек не касайтесь –
Святое это. В лоне дней
Факт в биографии твоей.

* * *

Увидела Марию и – прямо в бой!
А волосы да книзу и – ногой!
И в стороны, и в стороны трясти.
- Детей прострволосить?!
Семью разбить, без мужика оставить?! –
Вопила Агриппина.
- А ну, пусти! –
И торсом ее, торсом всем Мария.
Сумела отразить, остановить,
Та хватать опять за волос длинный,
И повалились обе. Мария
Наверху, споднизу Агриппина.
- Да что ж ты смотришь!

Твою жену ведь бьют!
Да прямо на твоих глазах!..
Картина.
И кинулся Арсений разнимать.
Назад уж не воротишь
Того, что было там и тут.
И, вся в слезах,
Ушла Мария. И поле битвы,
И всякие молитвы
И причитанья, бабьи крики –
Все это тут, за Грушенькой, осталось.
- Да велики ль потери? -
Он вставил осторожно.
Но – невозможно
Ей было мужу отвечать.
Захар с Ильей сбежали сразу,
Чтоб не смотреть тогда на мать.
Теперь из-за сарая наблюдали.
Фразу
Последнюю
Уж не могли они от всхлипов отличать.
Так и стояли.
Картина боя вся сошла к концу.
Пошла. Ишь, покраснелась. Хоть к венцу
Веди такую - одалиска.
Затарахтела, но уж как артистка.
Гляди,
Круги вдруг стала вить,
Вокруг него
Ходила очень близко.
Хотела вновь в себя влюбить.
И поскользнулась, пала низко.
Поднял ее Арсений и ушел.
С подойником мать с дойки появилась
И внуков начала понть.

- Вот хорошо!
Вот хорошо!
И ты бы, дочка, молочка напилась,-
Сказала мать жене сыночка.
И та не взвилась.
Стояла молча там, где бочка.
И Аграфена -
Копна волос. Как только из-под фена.
Графиня с Волги, городочка Мышкино.
Верней, княгиня! Князь же теперь он –
Князь Мышкин!
Бобры теснят со всех сторон,
И кур тут всякие излишки.
Свинья, сады, автопокрышки, -
Весь этот двор, крестьянский дом.
И – князь! Стоит тут, родиной гордясь!
Но, придержав свой язычок,
Сдержала Груша все порывы.
Ведь груша, тоже тут молчок,
Большая «дуля» за сараем,
Где провода на дверь свисают.
Все, слова богу, куда живы.
А кто порвал – не знаем.
Живут тут, в общем, ничего,
Хоть и одни, без самого.
Сам скажет, если что, иль промолчит, -
Вот как сердечко в матери стучит.

XXXI.

Пришел Арсений. Объявил:
- Звонили из театра!
Гастроли,
Отправляемся на Юг.
Берут его в той самой роли.
Ну, Мышкин, Мышкин!
Князь один за двух.

Все пашем, пашем.

И жене с детьми:

- А вы тут оставайтесь

В именье нашем.

* * *

Скончал певец. Грачи в поля слетели,

Гусыня гордо через двор прошла.

А где-то там, в родной сельхозартели,

Коррупция уж больно расцвела.

Об этом мать немедля сообщила,

Чтоб Груша знала, надо очень ей.

- Вот Сеня наш, болезный, горький, милый,

Не могут обойтись? Кого бы помоложе,

Кто может, да кого бы пошустрей,

А то такие-то дают все роли –

Сплошные боли.

Нельзя ли, что ли, посмеяться

Иль погрустить?

Все быть или не быть!

Уж так тут репетировал «тады» –

На все лады. Раз тыщу.

А те на роль других не ищут.

Кому бы дать, плюгавенькому, гному,

А от добра добра не ищут.

Теперь за «Идиота» взялся. Пищу

Опять ведь перестанешь есть.

А матери волнуйся все, гори,

На ум да на сердце бери...

Все -- «ваша честь!»

Все – «ах, вы бьете фонари!

С зари и до зари»...

Вот понаслушалась чего

За жизнь от сына своего.

Детей в артисты не пушай, не надо.

Такими же бездомовниками станут,
Как мать с отцом,
Все носятся с лицом.
Да ведь, Илюш? Иль ты, Захар?
Идите – грушу потрясите...
- Да перестаньте, мама!
Склонять родителей при детях.
Вот встану
И буду тут стоять, да вот, с таким лицом!
ЗАХАР ей:
- Как пилорама.
ИЛЬЯ:
- Футбол перед концом.
БАБУШКА им:
Мать все же, Аграфена!
ЗАХАР:
Как суслик из-под фена.
ИЛЬЯ:
Такие мелкие кудряшки
У нашей маменьки-мамашки.
ЗАХАР:
У Машки!
БАБУШКА всем:
Ну, ладно. Хватит вам,
Довольно!
Вы бабке б лучше рассказали,
Как там ваш град первопрестольный?
Кто там бывает на вокзале?
Какие поезда, платформы?
По молодости ездила, теперь
Вот толечко на эту гляну дверь,
Так плачу...
Как в поезде покачивает...
Все думаю да все воспоминаю...
Воронеж... свою квартиру...

Путь свой на полдороги к раю...

ЗАХАР С ИЛЬЕЙ. Ты, бабушка, нам после все расскажешь,

ГРУША (*вставив*). А мы – на Камень!

За грибами!

- Идиллия, - сказала Аграфена. –

Вторая смена.

* * *

Вошел Арсений в «Идиота»,

Как деверь в выбитую дверь.

Такая уж у них работа:

Любых своим аршином мерь.

Чтоб стали образы своими,

В их шкуре, в общем, походи.

В натуре делается имя

Другими,

А ты полицействуй, погоди.

Да с трепетом: заметят не заметят,

Как ты вчера на сцене-то, чудак,

Не то сказал, фальшив, а облик светел.

В копилку бросил старенький пятак

До той еще реформы, довоенной.

Пятак тот не берут, хоть вид отменный.

Ходить не хочет этакий пятак.

А вот полтинник, хоть еще из НЭПа,

А польза есть, ложись хоть в кружку.

Чтоб пить из кружки воду,

Посеребри, такую взяли моду:

Чеснок на хлебе

И – народу.

* * *

«Мы все – артисты, не свое играем.

Сказал одно, а мысленно – не то,

Написано – так третье уж. За раем –

Тот ад крошечный, с бесом – дух святой.

Сидит чиновник. И с тобой, как с мышкой,

Как лис какой-то, все ужасно лжет.
Такого вдруг наобещает лишку,
Наговорит вдруг с легкой-то руки.
Он думает, что все тут дураки,
Сам в креслах преспокойненько живет,
А тут где брать энергию, откуда и с чего?
Как из колодца, звезда тебе смеется,
А в руки не дается.
Нагнулся – нет уж той звезды.
А все, поморщась, все нам от воды,
Так тебе в блеск и разобьется.
А тут еще от той воды и знак беды,
С чего сердечко жметя.
Опять же прессы, эти прессы.
Все под чужие интересы,
Под наши стрессы
Все та ж водичка льется, -
В театре вместе, при то же интересе.
В поэте, в ресторане и буфете,
Во всякой школе – тем боле,
Во всяком идиоте – на такой работе,
Где все мы хлеб да соль жуем
И вроде блага создаем,
Чтоб те их тратили, играя.
Себе нациплют, как дают,
Вот так вот лисами взирая
На твои внутренности - тут,
Где сердце учащенно бьется.
А что еще нам остается,
Как не стоять, не ждать, не быть.
Чтоб все в себе соединить
Стихии, когда они глухие?
Ты – идиот, с их точки зренья.
Со всех других подобных точек.
Нормальный тот, без подозренья.

Где тень березы «бруньки» точит.
А в мире все наоборот,
И тоже за себя хлопочет,
Но пальцы не клади им в рот,
А то – откусят».
Так в своем вкусе
Арсений и живет.
На плаху «Идиота» все кладет,
Не думая о деньгах и здоровье.
Все многосложно.
«Какое там здоровье?
Тает и питает.
Ложь. Все ложно.
Скорее все истает,
Когда себя на плаху-то кладешь.
Какая вошь, такая ложь.
Уж если там, где классики
Намяли кой-кому бока,
До революции ползли века,
То почему же в нас сейчас играют?
И делают, как клоуны, прыжки
На пульсе матушки-руки».
«Опять главреж! Опять кошмар!
Да забодай его комар!
Тут даже главное не в нем -
В мече,
Какой мы с ним куем!
Он валит с плеч, меч на плече,
А я держи и ничего им скажи,
А то – а то, а то – а то,
Что ты – что, что ты – что ты,
Я солдат девятой роты
Триста первого полка,
Я же винтик, и пока
Не завинтит нас рука,

Не придется пить компоты,
Мы с солдатом – идиоты.
Но прикрылись, так-то легче
Увернуться, к пулям бегши,
Уходить в одну атаку,
Возвращаться из другой.
Идиоты мы, в Итаку.
Убегаем, дорогой!
Так считает - наш комроты,
Положив сапог в «компоты».
Три состава – Русский квас,
Это, батеньки, про нас,
Все слоны, слоны, заказ
Вам на бивни... кость слоновья!..»
« - Ну что, режиссер ты наш, очередной?
Чего-то главреж не приехал?
- Нам мало, товарищ, свободы одной,
Нам надо добиться успеха!
- Опять амбразуры? Опять фраера
За нас в пиджаках колят дырки.
Вчера как намедни, сейчас как вчера,
Ихдыры мои и ихдырки.
- Ихдырь – это что? Ереван, Эривань?
Ниче себе, древненький город...»
Вот так и сидит в репетициях дрянь,
За что наш главреж мне и дорог!

XXXII.

Прислал письмо Савватий
На четырех да ватманских листах.
Рассказывал, как он едва не спятил.
Как камень брали, сто послал проклятий!
Едва не утопили в тех местах,
Где были мы – на островках.
Васятка тоже написал –
Четыре буквы на листах.

«СК» - «КС». А что? – сам догадайся.

Письмо Арсений придержал,

Так прочитал:

- «СК» - как «Соловецкий Камень»,

«КС» - «Кремль. Соловки». -

И улынулся: - «Васька-пламень!

А мы у Васьки-огоньки».

Ответил тут же, мигом сбегав

На почту, бросил в ящик синий.

Международный. И такой красивый,

Как месяц узкий. Как бы «Омега

Фиолетовая глаза».

Да и помчался, полетел на репетицию –

Продолжить театральную традицию,

Спектакль шлифуя,

Пройтись еще по «конопям»,

Чтобы князек нам славы не пресек,

Из леса бы не бегал

В ненужном месте.

«А ты еще похлопочи,

Не бойсь, тут даже покричи.

Чтобы на сцене голос не иссяк,

Не покатило наперекосюк».

Так говорил главреж,

Который постоянно ясен,

И я с ним в том согласен.

* * *

Ах, Соловки! Секирная гора!

Маяк на ней, светильник в Белом море.

Все «278» где-то со двора.

На высоте и с высоты на горе.

Слоновый хобот Камень нам принес.

Везли не по каналам, а проливом.

И Горький заостряется в вопрос,

Когда читает, творчески, игриво.

И Пикуль те ли мифы создает?
И Штоколов романсы те ль поет
Печально так, красиво?
Как те оригиналы с копий,
Слоновья кость покуда вопиет,
Слоны покуда бродят по Европе...
Арсений встал, себя изобразил,
Как на капот машины он взлетает.
А небо чисто. Выше нету сил,
Вон тучка по - над площадью летает.
И – тает, тает
Прошлогодний снег
В сердцах у всех.
И даже где-то там, в Китае,
Куда он с «Идиотом» едет,
Назад поспеть хотя бы к Покрову.
Да господи! Да все в каком-то бреде!
Нам надо в Кремль, на Соловки,
А едем вон куда – в Пекин.
Продюсеры ловки,
Где доллары, где всякая валюта,
Туда нас прут, как бес попутал.
Вдвоем и едем. Главреж и я,
Просил еще и Гришу
Как сменного, ведущего спектакль.
Кому ж водить полки по автобанам?
Махнул главреж: «Ты как твой сын Илья.
Все бы, ха-ха, по девочкам, по баням.
Так там ли и не там ли?
Мой Идиот, князь Мышкин –
Русский Гамлет!»
Пашу, пишу - живой пока.
Что больше всех отсохло, так рука -
По локоть.
То молотком по лавке хлопать

В ремонте дома,
То так лететь от тома и до тома.
Вон Тита Скипа в пятьдесят притих,
А у Карузо в мой-то лета
Кровь горлом хлынула на сцене.
А я качу свой Камень в стих,
От Фета – до буфета,
И только бесы, призраки и тени –
Свои, чужие и родня
Тут где-то, в глубине меня.
«Страна, весь мир, все человечество,
А главное – артисты, все Отечество!
История – живая, из огня,
Возьми в пик современности меня». –
Так думает Арсений Чигринев,
Как Заратустра.
И письменно, и устно.
Как и друзья:

«Я как они, они как я».

* * *

И стал он думу думать, как друга
Савватия, с Васяткой вместе –
К себе в Москву когда-то зазовет.
Как встретит предложение подруга,
Все не пойдет ли задом наперед?
А все-таки, а все-таки, а все же
Ту комнату, ту спальню – для них.
Им одеяльце новое, кормить чем будем их?
Побольше мяса
И – кваса.
Вот! Такой у нас тут будет оборот!
«А интересно все же,
Едят слоны мясное или нет?» -
И пробежал мороз по коже,
Едва он заглянул к себе в буфет,

Куда, блин, не заглядывал сто лет.
А может, целых двести.
Еще, наверно, при «Авесте»
Буфет был дедом взгроможден,
Сам делал, сам!
Семейная реликвия.
«Но больно уж ободран он.
А лишь, бывало, пикни я –
Мол, что-нибудь туда забросить –
Канистру водки, тонну хлеба,
Так эта преподобная графиня
При имени крестьянском Аграфена,
Такой тебе концерт устроит!
А дело все-таки простое:
Буфет хотя бы нам покрасить.
Наверно, пять слоев на нем –
От синего до черного.
А для Васятки, а для Васи
Да мы его вишневочкой пройдем.
Все выгребем, все лишнее сожжем,
Развеем прах столетий
В родном своем, прадедовском буфете.
И песенка та будет спета!
Я думаю, Захар с Ильей
Одобрят сей прожект».
Все маг себе, шаман себе Арсений –
Про деда, про реликвию из сект.
Одно лишь явь: его домашний гений
Искал, чем смыть вину с себя пред ней,
Предстать получше пред женой своей
И отыскал чего, - буфет!
Как все в одном, как все связалось в узел.
Концы сошлись, сцепились – не раззять.
И Соловки, при соловецкой музе,
И подновить квартиру, блеф создать.

Хотя, вообще-то, жен своих – княжон -
Кое-когда нам надо утешать.
Вот что такое СЛОН!»
На подвиг нас зовет, так поднимает.
Но все же, даже, может, и страдая,
От одиночества,
Арсений на это был нацелен,
А делать-то кому?
Жена в манто. А сам ты кто?
И тут же Сене Грише позвонил:
- Ты знаешь, Гриша,
Указ какой-то вышел.
Идет пере... перерегистрация идет...
- Кто и куда кого ведет?..
Ах, перерегистрация? –
Сказал Григорий в трубку, -
Чего? Буфетов?..
Там есть еще канистрочка одна?
Не без вина?.. Ах, красить?
Ну что ж? Я – где народ...
Кладу-ка трубку – беру голубку,
Свой «Мерседес», и сходу в лес,
К тебе, мой друг, мой ангел, бес!

* * *

Открыл Арсений сени –
Вот и он! Давно не виделись –
Вчера лишь. Но друг на друга не обиделись,
Как иные в банке, на дне.
Как тараканы в склянке...
Поэты и артисты в глубине...
- Вот я и кисть свою принес!
Видал? Покрасил ей Монблан!
Теперь он синий.
- Мне синего не надо, - сказал Арсений. –
Мне вишневкой. Вот этот вот буфет.

Ему уже сто лет. А мы весенней,
Веселенькою красочкой пройдем.
Ну, не Монблан, поменьше кубатуру,
С природой не шутите сдуру.
Ты крась, а я тут кофе, что ль сварю.
Ну, в общем, квасу, Гриша, сотворю,
Пока ты будешь красить.
- Ты кто? Ты – Дон Кихот? Я – Санчо Панса? –
Григорий губки подобрал.
- «Да что ты – что, что ты – что ты,
Ты ж солдат девятой роты!
Триста первого полка».
Грохнул кисточкой Григорий
По буфету, по буфету -
Прокурором будешь к лету!
Брызги в пол до потолка!

Гриша красил, извивался,
Сеня квасил и смеялся.
Мне б такого Гришу – друга!
Хоть бы, хоть бы одного.
Бы! Не лопнула подпруга
У пегаса моего!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КРЕМЛЬ

XXXIII.

Не спалось и мало-мальски,
Просквозилась третья ночь.
Все какой-то Мамонт Дальский
Сене пробовал помочь.
Повисал трагичной тенью
Из театров тех времен.
Чигринев привык к кипению,
Ну, не шел проклятый сон!

Все висел над ним комар,
Концентрируя кошмар.
Точка маленькая где-то,
А пронзает и века.
И артиста, и поэта
Обижает чуть, слегка.
Ну, покоя не дает,
Бьется в глаз иль где-то в ухо!
Бдит Арсений; где – народ,
Мысля, точит зуб старуха.
Зависает с топором
Над Раскольниковым гром.
А уже и не старуха
Целит Сене прямо в ухо.
Ходит Сеня по Москве
Вместе с комарами –
Прошлогодними, в траве,
В колбасе, с сырами.
В общем, как театр абсурда
В голове засел артиста.
«Идиота» носит чуждо,
Внешней улицей, со свистом.
Все дома – то жизнь, то смерть.
Как зашел да глазом шарк:
Бронированная дверь –
Эта тварь, как Жанна Д'Арк,
Высоко над всем сияет,
В недра жизни не выпускает.
И за сим кипит и чайник,
Во главе сидит начальник.
Стольник. Мерин молодой.
С оттопыренной губой.
Все чан гоняют с жамками
Водохлебы – москвичи.
Обложился стольник танками,

Перекурчики в ночи.
Те «чай» определяют
Всю страну, какой ей быть.
День от тени отделяют,
Заставляют не любить,
Флаги красить, звезды реять,
Деньги наверх выдавать,
В кабинетах эпопен
Бухгалтерские клепать.

XXX

Арсений думает, куда
Несут его в своей стране?
Была над ним одна звезда,
И та уже на дне.
Какая черная дыра,
Такая экология!
И спать пора, и жить пора,
Все делать, как и многие.
Но не таков наш Чигринев,
Всему идет наперекор.
Страна, очистись от веков!
Живи без дураков!
Как ветераны той войны,
Так, понимаешь, льготы.
А как какне-то СЛОНЫ -
Не наши, идиоты.
Не наши люди с Соловков,
Какие там полеты!
Страна живет без дураков!
Всех съели псы и квоты.
Слоны, - да их уже в горсти,
Погоды эти – дуры,
Что тут осталось проползти
Таким до амбразуры?
А совесть где? Один момент

Забыли важный документ
Задверные фигуры.
И все же, путая цвета,
Он как интеллигент,
Когда проходит мимо мент,
Косится на мента.
Все как-то так, неловко что-то.
Коль не в тебе, так, значит, в предках.
Такая чертова работа!
Клейма какие-то на метках.
И все же где-то у Кремля,
На травке посидев,
В садочке том, где есть земля,
Арсений углядел
Живут струйку ту прямую,
Что временно течет
В театр Кремлевский, а к тому я
В реку такую, где народ
И отдыхает, и поет.
Вот люди разных направлений
Прут к Боровицким, как в запарке,
Свободный мир, как в зоопарке,
Где есть слоны, свобода мнений.
И выдал Сеня про себя
Такую, значит, песню,
С какой давно ходил, любя,
Один по Красной Пресне.

«ЧЕРНАЯ ВУАЛЬ»

(песня Арсения)

«Уж не зальется Россия гармониями.
Как-то по-дикому кычет сова.
Все прокутили мы, все проворонили,
Опустошили святые слова.
Было ль бывшее, да жили иль нежили?»

В прошлом какой-то кровавый туман.
Как же себя мы иллюзией нежили,
Как на сплошной попадались обман.
Как нас на Север свозили вагонами,
Как по теплушкам сгорали до тла.
Вот за такими стальными прогонами
Дама пиковая вкось и легла.
Так и останусь, наверное, в меченых.
На ночь опять же разводят мосты,
Снова калечат уже покалеченных:
Кто-то – в Париж, а кого-то – в Кресты.
Силы небесные душу рисковую
Розгами молний секут пополам.
Синими брызгами Даму пиковую –
Вас, как в шампанском, купают, мадам!
Круглая, круглая, от постороннего
Черной вуалью укрыта Луна.
Все прокутили да все проворонили,
А ведь Россия, простите, одна!»

* * *

Такая песнь, такие ныне перлы,
А ведь народный стал при прежней власти.
Отбушевали прессы, стрессы, качки.
Вот так могла бы жизнь и пролететь,
Как бы во сне, в какой-то дикой спячке.
Теперь, как бард, поешь про клеть и плеть.
Играешься в слова, как мальчик в мячик.
Какие «голливуды» на Москве?
Куда такие ленты прорезаешь?
Мосты разводят где у нас? Вдове
Где «Реквием» поют? А что – не знаешь?
Есть город, есть еще такой,
Не древний эпос, но тоже ведь столичный
С провинциальной, видите ль, судьбой,
Герой, с погодой анемичной.

То вкось, то вкривь. То дама пик,
То туз бубновый на спине.
Один танкист к стране приник,
Один такой в стране,
Приличный,
Где бы ты, Семен, желал родиться,
Чтоб с детства поселиться?
Чтобы туманы Альбиона
Не съели к старости, любя.
Где Пушкин сам во время оно
Освобождал тебя?
Чего, с чего? А от того,
Что было вкось, теперь «браво»,
Игриво так, игриво!
В тених всего, в тених сего
Стемнели хвост и грива!
О Лео, Лео, Леонард!
Ты в самом деле, что ли, бард?
«Да кто ж ты такой?
Да кто ж ты такой?
Артист, что ли, бард, композитор?
Стучи, Чигринев, в дверь своею клюкой!
Сыпь перлы в чужое корыто!»
Он эту песню при себе держал,
Не спел ни разу даже другу Грише.
Не нравятся любителям держав
Слова такие, надо, чтобы тише.
Вот говорю, а – противоречив.
Верчусь, мечусь, как слон в посудной лавке.
В какой-то канифольной давке!
Как ни метаться, ни делать имитаций
И для своей, и для подобных наций,
Какие все еще в походе,
В кочевье,
Мы – в степном народе,

Нам еще буря – развлечение,
От дел - потеха, отвлечение.
Чай бы все бы нам гонять,
А к ним по карточкам давать
Без сахара печенье.

* * *

Арсений вышел и зашел,
Опять зашел и снова вышел.
Спросил кого-то: «Хорошо,
Что дождь стучит по крыше?
Что осень на дворе, как лето,
А летом снова будет осень.
Что наша песенка не спета,
У МВФ все денег просим.
Как, понимаешь, «Идиота»,
Того – из Достоевских недр? -
Читаешь? Тоже ведь работа!»
Ответил тот: «А разве нет?
Мы все немного безработны».
«В Японии – одни цунами,
Все электроникой замотаны.
Шуршат асфальты, едут сами», -
Сказал Арсений и подумал,
Как всякий русский, «опосля»:
«Они – Восток, слегка угрюмый.
Сидят на месте, мысль сверля.
Японцы те ж на материк
Попробовали раз вернуться»...
- Ах, развернуться, да, старик? –
Сказал тот шеф, тот русский гений,
С кем жизнь свою Семен, Арсений
Хотел прожить без потрясений.
А тут вам – нате, экстрасенс,
Насквозь тебя читает!
Нас только Фрейд, летучий секс,

Не за людей считает.
Все те же Индия, Китай –
Сидят себе на месте.
А ты, кочевник, ты, считай,
Все бегаешь под песни.
Все надо нам в пространствах быть,
Во времени казаться.
Теснить кого-то, в новом жить,
При старом оказаться.
Так и сражаешься, любя,
С любимыми в борьбе.
Все это, парень, для тебя
Записано в судьбе.

XXXIV.

Пораньше встали. Утро, будь здоров!
Плиту зажечь, так подломилась спичка.
Она себе сварила два яичка.
Набросив шубку кунью,
Сказала: «Сам себе жарь глазунью,
На сале из твоих Бобров».
Врозь вышли из дверей, да поскорей!
Куда-то молча медленно спешили.
Так до метро и не поговорили.
Не то что если муж – еврей,
Политика и митинги вовне
Не отражаются на доме и семье.
Не как у русских, песенки одне,
Когда мужик всю жизнь на Кольме:
Знай наших!
Кто пил, кто пьет,
Кто пишет, пашет.
Кто с кем куда на что идет,
Поет и пляшет?
В одном вагоне вместе ехали.
Она туда ж, куда и он.

Одними станциями и вежами
Перемещался эшелон.
И только где-то в самом центре
Расстались, все борясь со сном.
Все дело, видите ль, в акценте
При направлении одном.
Ушла Агриппа, чмокнув в щечку.
Косынкой белой мелькнув.
Арсений с ней провел бы ночьку,
А может, даже не одну.
Бывает так на белом свете,
Жена навроде, крыша, дети,
А все не вместе, и всерьез
Все заостряется в вопрос.
Кипит Москва, всегда кипит.
Особо в центре, на Манежной,
Такой по площади безбрежной,
Когда народ на ней стоит
При разных позах и знаменах,
Под разным соусом, вождах.
Оголоушило Семена
Косой тумана и в дождях.
Но знал Арсений, с кем куда
За что когда идти.
- Откуда будут к нам везти?
Через какие города?
Примкнуть бы с полпути.
- Да он уж тут, везут сюда
От самых Соловков.
- Туда к нему, к нему туда –
Раскован, без оков,
Прошел один аж до Тверской,
Где Соловецкий Камень будет!
Шел и поглаживал рукой,
За ними следовали люди.

Все гладил камешек шершавый,
Свой камень этот с рыжиной.
Тут-то и встретился с шалавой –
С своей законною женой.
Увидел – ахнули! Друг к другу
Через дорогу перешли.
За Камнем вместе уж пошли,
С людьми - широким общим кругом.
В колонне уж куда-то шел.
Еще чуть-чуть, еще немножко.
Но так опасна та дорожка,
Особенно последний шов.
Стоят, сверлят из подворотен.
Готовы драться, бить, бузить.
Последний метр – в трудах, в работе
Прошли – вот тут ему и быть!
Да, это он! Его Арсений
Нашел на том Архипелаге!
Вот каково теперь движенье,
Не просто Слово на бумаге!
Вот он, конкретный Белый Камень,
Морена ледников.
Он вместе с ним. Он вместе с нами!
Живи, страна, без дураков!
- Я это знала, знала, знала! -
Жена счастливою была.-
Я так тебя давно ждала,
Средь... средь...
Он тихо ей:
- Средь шумного бала?
Она ему, законная жена:
- «Случайно.
В тревогах мирской суеты».
Он – ей:
- «Тебя я увидел. Но тайна»...

- А где Григорий? Друга Гришу?
Для счастья полного сюда.
- Да вон стоит... ты видишь нишу?
Но смотрит Гриша не туда.
- Да как же так? – метнулся Сеня. –
Пойду и Гришу приведу.
- Ты – идиот! Ты что, Арсений!
В сомнамбулическом бреде?
Твой друг давно уже не гений
И едет не на тот вокзал. -
С печалью говорила Груша. –
Он свое знамя, свое имя
Давно с портретами связал...
Арсению не верилось. Конечно,
Бывает всяко. Всяко может быть.
Мысль – идиотка, но она не вечна,
Она не то в нас может учудить.
Пройдет и это. «От Фета – до буфета».
Но тут в руках увидел автомат.
- Григорий! Что ты?! Друг мой, Гриша!
А тот в ответ отборный русский мат,
Аж голуби смахнули с крыши.
Григорий, Гриша! Жалко ведь терять
Такого друга, брата, полководца!
Такого братцы, где еще сыскать?
Звезды такой на самом дне колодца!
И тут прошли – с Арбата, из Коломны,
Из Петушков, из Пушкина прошли.
И двинулись за ними их колонны.
«Григорий, Гриша!» - крик пропал вдали.
Все на Лубянку! За Большой театр.
Все танки к танку! Множа во сто крат,
За рядом ряд, заряд в заряд -
Идут колонны за Большой театр.
Все на Лубянку! Там уж этот Камень!

Его туда уж, наверх, провезли!
И Соловки идут тут вместе с нами, -
Счастливым остров – берег всей Земли.
- Зеленый Остров, черный остров...
- Архипелаг, Гулаг-Гулаг...
- Григорий, Груша!..
Эй, потише!
Вы – с автоматами в руках!..
Пишу сейчас – неактуально:
Чернобыли и Соловки.
Сказал один по пятибалльной:
«На кол тебя с любой руки!»
- «Так что же, если летописец,
Все про портретики писать?
Вы были сами, стали «вице»,
Кому за это отвечать?
Все не при чем,
Всего не знали.
Все ей по пузу кирпичом –
Давно затрепанной медали,
Не говорящей ни о чем».
Стоял Семен, в жену влюблялся,
А Груша, кажется, в него.
Кто рядом с ними оказался,
Аж окривели от всего –
От бурных сцен, энергий, массы,
Какие делают талант.
А тут Лубянка, площадь, классы
Свой выдают «эксперимант».
Прононсы тоже тут же рядом –
Корреспонденты «Фигаро».
Пронзают фотовспышкой, взглядом
Твое семейное «зеро».
Он защитит жену готов
От этих бонз, от этих бронз,

От комаров своих летучих,
От этих толп чужих, могучих!
Вскочил на танк, на грузовик.
На этот самый Камень!
Гремит Лубянка! Эй, старик!
И ты тут вместе в нами?..
И вспоминался С.Орлов
С лицом, сожженным в танке.
«Его зарыли в шар земной»
Как будто на Лубянке!
И, грянув, пели соловьи, как были – молодые.
Пока без гимна Соловки,
Поют, пока живые.
Поют еще что и сегодня,
Сейчас, сию минуту тут.
Тот островок, Савватий, бродни,
Где вы? Сюда на пять минут!
И он запел, вскочив на танк,
На грузовик, на Белый Камень!
Так, значит, так! Так, значит, так!
Все Соловки тут рядом, с нами.

СОЛОВКИ, СОЛОВКИ...

(песня Арсения)

Соловки, Соловки,
Не тревожьте ребят.
Пусть ребята немножко поспят.
И к нам сюда пришла весна,
Ребятам стало не до сна.
Не потому что наших бьют,
А потому что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.
Соловки, Соловки,
Не тревожьте ребят,

Пусть ребята немного поспят».
- За всех погибших и умерших,
Расстрелянных, свое не спевших,
Голодомором съетых, в верши
Попавших, выбраться не смевших
Из тех сетей, что плел Гулаг
На весь большой Архипелаг,
Во всю великую страну,
Какую за отца – люблю! –
Кричал Арсений в массы, в классы,
Они все пели «Соловьев».
Фатьяновских, каких велю
Поставить при последнем часе
Своем – своей поющей массе;
Галина Николаевна при том
Присутствовала, пел я ей в глаза,
С каких в меня катилась слеза...
Вот я о чем!.. Вот я о ком!..
- Камень Соловецкий! Камень Соловецкий!
Северная наша сторона...
- «Не нужен мне берег турецкий!
И Африка мне не нужна!..»
Голоса сливались в общий хор,
Песней облекался грай грачиный,
Не тускнел с того голодомор
Во державе нашей самочинной.
Не сходило время,
Уходило – в бремя.

* * *

Домой лишь к вечеру вернулись.
Грушенька – такая хлопотунья!
Щечки вон как округлились, вздулись.
Жарилась Арсению глазунья.

XXXV.

В театре снова эпопея,

Куда-то делся Гриша.
Зато главреж – кричать не смея –
Стал чуточку потише.
Сказал Арсению однажды:
- Наш полководец что-то
Не с того голоса поет.
Ответил Чигринев, и дважды:
- Он – Председатель, где народ
Крестьянский. Русская деревня.
- А что же ты? Ведь тоже деревенский.
- Качаются трава, деревья,
Конгресс какой-то венский.
На белой глине мы, самой собой,
Навек замешаны Судьбой.
- Я говорю, фантастика не та
Из пед. соображений.
Из внутренних движений
Тобою водит Красота.
А что же этот Стародубцев,
Едва не ходит тут с трезубцем?
Такой же ведь национал,
Господь на голову послал.
Была у власти-то деревня.
Всемировая. Отошла.
Теперь идет под шум кочевья
Всемирный город.
- Из села.
Ты тоже, говорю я, сельский?
- Хоть корнем деревенский я, –
Главрежу выдал вдруг Арсений. –
Родился в городе-то я,
Такая, стало быть, семья.
- Ну да, мы все из Соловков, -
Вздыхнул главреж всерьез. –
Все мы слоны в чреде оков,

Так быть или не быть? – вопрос.
Давай дружить. Вот моя лапа.
В мой кабинет – когда захошь...
- Турецкоподанный – мой папа,
Мне стул и свой, мусье, хорош!
- Ну что ж. Имей в виду, Арсений, -
Вздыхнул еще разок главреж. -
Я так, из пед. соображений.
Смотри, мой друг, меня не съешь.
Держи в уме... Когда и что...
Когда вдруг распахнется ворот...
Мы, в общем, понимаем то,
Что, в общем, понимает город.

* * *

Опять пришел в театр Арсений
Тянуть мучительные сны.
«Ага, из пед. соображений
Такие люди им нужны»
- Какие люди! в Голливуде! –
Увидев, Гриша закричал.
Арсений встал и промолчал:
- «И что же дальше?
Что-то будет?
Приносят голову на блюде,
Уходят Гамлеты в народ».
- Ха-ха, или все наоборот? –
Григорий грустно улыбнулся, -
Артист, как истый полководец. –
Скажи, при всем честном народе,
Так, значит, ты в театр вернулся?
Талант тобою водит.
- Спасибо вам за «комплиман»,
Из пед. соображений. –
«Так Чигринев - на первый план?
И на второй - Арсений?»

Подумал так уже при Григе
Сейчас Арсений Чигринев.
Стучите, дождички, в вериги.
- Ну что ж, Григорий, будь здоров.
- Не пропустить ли по рюмашке? –
Сказал, как прежде, Гриша вслед
И поиграемся в «канашки»,
Сыграем в «штосс». Пройдем в буфет?
- Сказали – что-с? Ах да, все бесы,
Все демон, Лермонтов, провал.
Ах да, та свечка, стоит мессы,
Но не сейчас себя в подвал.
Такого друга бы и мне бы,
Какой сегодня мимо нас.
Не помогает что-то небо,
Ведь люди разные у нас.
Один устроит нам такое,
Что десять умных не поймут.
- Ты про меня?
- Ты что? Ни в коем.
А годы, между тем, идут.
И что ты ходишь с автоматом.
Неужто бахнул бы в меня?
- Другие есть на то ребята.
Работа валит и коня.
- Ну ты даешь! Тебя чего-то
Схватить уж, братец, невозможно.
Не тот, не то, - сказал Арсений
Из пед. соображений.
- Вот и слова пошли главрежа, -
Смотрел Григорий за окно. –
Ах, господи! Да по рюмашке врежем
Да и пойдем смотреть кино!
- Пить Гриша, будем теперь реже.
Да и встречаться заодно.

И все же так нехорошо
Терять былых друзей.
Не променяешь ни за что
На Мышкиных – князей.
Не променял бы ни за что
На булку хлеб свой черный.
Хотя жена и без манто,
Не дремлет друг проворный.
Туда нельзя, туда не можно,
Кто за границу перекрыл?
Все б ничего, душе тревожно,
Бороться уже нету сил.
Опоры нет, химеры – где там?
Их на кого переложить?
Зимой и летом, зимой и летом
Театру только и служить.
А с кем дружить? С кем заодно
В театре, в музыке, в кино?
Без мафий мы еще не можем,
Как без семейных мелодрам?
Ток удивителен под кожей,
Кровь перебулькивает там.
Тут – эта явь: жена, портреты,
Зарплаты, дети и буфеты.
А там – все призраки, все мифы,
А между ними – море, рифы,
Корабль без паруса несется,
Вот-вот утес! Букет из гроз!
Отец Савватия, сдается,
На Маяке возник из грез.
Ведут Бобры его по морю –
По нелюдимому слегка.
Мы все почти привыкли к горю,
А как прилипнет – на века.

Запишешь в жилы, в кровь и гены,
Освобожденные едва.
Истоки призраков мгновенны,
В потоках призраков – слова,
Одни на всех – из двойника.
Теперь такой его маршрут,
Его он совершает с Грушей.
Сначала с ней пешком идут
До оперетты, самой лучшей.
Затем, расставшись у дверей,
Он направляется к Кремлю,
К Манежной площади. «Скорей!» -
На том себя и я ловлю.
Чем ближе к площади, тем ниже,
А тут опять на высоте
Сияет Кремль, и мыслишь выше
О том же самом друге Грише,
С кем отношенья уж не те.
Побудешь около Кремля,
И ближе матушка Земля.
И вспомнишь тот наш, деревенский,
И Соловецкий вспомнишь тут.
И про конгресс особый, венский,
Внутри уж сны не вопиют.
Мельчают как-то планы, бесы,
Тебе уже не воздают
И возбуждают интересы
Хотя на несколько минут.
И золотой свой треугольник
Он завершает на Лубянке,
Где молоко звенит в подойник
И соловьи поют на танке.
Придет Арсений к соловьям,
И Соловки как будто ближе,
И к тем Васяткиным словам

Свое прибавит ниже.
«КС» - «СК»... Дрожит рука,
Как бы свое выводит.
«Кремль. Соловки» - «КС», «СК»...
Савватий в броднях бродит.
Всего-то «Соловецкий Камень»
По фону выбито на нем.
А ешь душою и глазами,
И вспоминаешь оком
С глазами синими, с Секирной,
Озера матушки Земли.
И с очень даже стенки мирной
Видать отсюда все Кремли.
Они глядят нам в ту «Авесту»,
Какую видели отцы,
Маяк любили, как невесту,
Жену, подругу, мать. Концы,
Предошущая, всех любили:
Детей, друзей, Счастливый Остров, -
А что же мы их позабыли?
Гниет на острове тот остов –
Баркастик, сброшенный на берег.
И рыбки, всякие дорады,
Всегда с тобой нас встретить рады.

* * *

«СК» ладонью чуть прикроет,
На пьедестал без дна взглянет,
Вспомянет близкое былое
За давним далее пойдет.
Опять к Савватию – к вокзалам,
На Ярославский, тот вокзал,
Где был Савватий, шел по залам,
И ничего ведь не сказал.
Где мать была, откуда ехать
Пришлось и ей, как декабристке.

А те уж вымерли б от смеха,
Когда бы рейтинг был их низкий.
Когда ж отмолят Соловки
Деянья, тот обгнивший остов?
Индусы зрят из-под руки,
Из «Вед» глядит Счастливый Остров.

XXXVI.

Пока Арсений где-то бродит,
Все больше около Кремля,
Мария там – живет в народе,
Где только небо да земля.
Хлопочет в Чигриневской школе,
Кохая всех, как своего.
Кабы их чуточку поболе,
А то ведь в первый – никого.
Не до себя уж, не до песен
И восхвалительных речей.
А мир, ребята, все же тесен.
И свой, конечно, и ничей.
Взглянула как-то в телевизор,
А дальше – не оторвалась.
Арсений там на Камень вылез,
Про соловьев запел наш князь.
Про Соловецкий Белый Камень,
Про Севера, где мать была.
Где он оброс уже друзьями...
И мимо Груша проплыла...
Взыграло в Маше ретивое,
Подождала, подождала
Да и в Бобры, чтоб было двое –
Она и мать. Чтоб позвала
Сюда сыночка, в те Бобры,
Где люди так к нему добры,
Где мать все ждет и где Мария –
Все в первых, это там – вторые.

Пришла в Бобры, в его пенаты.

Мать прихворнула, тяжкий свист.

- Видала? На Москве палаты?

А в тех палатах наш артист.

Вскочил на Камень – соловьев

Переиначил в Соловки...

- Кто, кто?

- Арсений Чигринев,

Твой сын! А все- хоровики,

Вся площадь, вся она, Лубянка,

Всем хором вторила ему.

Ну, как недавно Ельцын с танка,

Так он там, судя по всему.

Какой он все же у порога,

Вот воспитала ты его.

- Не надо мало, надо много, -

Сказала мать. – Всего, всего!

- И горя? – вспыхнула Мария.

- Зачем? – закашлялась сама. –

Да, он такой. А не гори я,

Не бейся, рыбою об лед,

Так под соломкой бы остались!

Все шло бы задом наперед.

- Так жили все. Кто на фронтах –

Погиб, а дома – в тьме кромешной.

- Да, Маша, это, может, так.

А может, не совсем, конечно.

- Ты вот что, мать, - прошла Мария

В ту горницу, где стыли склянки. –

Сейчас тебе поправим крылья.

* * *

Грудь разотрем, поставим банки.

Подыдем, мать, тебя, подыдем.

На почту, что ль? Под твоим именем

Дай телеграммку отобью.

Лежала мать в руках навестки,
Иль как там, как ее назвать?
Ну, как в раю, куда повестки
Мы не привыкли посылать.
Аптечку где-то отыскали,
Лекарства всякие нашли.
- Нам главное, чтоб вы бы встали.
Мама, что нам те рубли!
Какими манят нас вдали.
Лишь попроси, возьмем такси
И привезем
Сюда врача
К нам, из райцентра.
- Не надо нам, - сказала мать. –
Мы оклемаемся и так.
Привыкли сами мы вставать,
Когда чего у нас...
- Приляг.
- А че он все возле Кремля?
Смотрю и я тут телевизор.
- Да он, маманя, у руля.
Все к премиям куда поближе.
Привык, наверное, года.
- Да нет, - закашлялась, со вздохами –
А как же Соловки тогда?
- Другая, мать, уже эпоха.
Что раньше было бы нам плохо,
Теперь все это хорошо.
- Х-ха, ой! – мать покачала головой. -
Да есть там друг у сына – Гриша,
Так он такой.
«От хорошо!
От хорошо!
Когда выпил и ищцо!»
- Запомнила и Гришу, и слова.

Жить будешь долго, в памяти тверда...
Пошевелилась мать едва- едва
И повернулась ликом к ней сюда.
Глаза свои на миг перемыкала,
И от жары все возбуждалось в ней.
Ей стало плохо, мать все икала,
Постанывала капельку сильней.
По горнице Мария заметалась,
Хваталась у печи за чугуны
И на ямки повсюду натыкалась,
С крючка валились Сенины штаны.
Когда совсем уж маме стало плохо,
Бежать к соседям, справа что, взялась.
«Не надо мало, надо очень много», -
Качалось в ней, как вся недавно власть.
Прикрыла мама Сенины глаза,
И приоткрыла мама Сенин рот.
Стояла в маме тихая слеза.
Или в Марии?.. Все наоборот?..
Куда, куда зачем она течет?
Когда народ уж рядом от всего,
В любой хатенке - по одной живет,
А через две – совсем уж никого.
Сбежались люди тут, со всех Бобров.
И дальние пришли – из Чигринево.
«Ну, дожили!. Вот наломали дровь!
Уж нет больнички нашей участковой!
Ну что там «фершал», надобно врача...
Смотрите, как маманя горяча...
Такси, что ль, вызвать?.. «Скорую» прислать?..
Плоха маманя, гаснет наша мать...»
Шептались люди. Вон уж полон двор.
Стояли с непокрытой головой.
О господи! Какой-то прямо мор.
Уж ореол сияет над вдовой.

Священника бы, батюшку позвать!
Крещеная ведь, наша – христианка.
Не шевелясь, бестрепетная мать
Лежала, соскочила с тела склянка.

* * *

Арсению за сцену принесли
В антракте от Марии телеграмму.
Не знал, зачем куда его вели,
Он видел пред собою только маму.
Он – Идиот! Он князь сегодня, Мышкин!
Он должен доиграть его. Народ
Там - ждет!
Там - ждет его народ!
А пауза уж затянулась слишком
Петля на шее. Это – Достоевский.
И призраки, и бес над ними реет.
Бородино зачем-то и Раевский,
И ядрами швыряют батареи.
Зачем он тут? Когда все наши там?
Опять враги так близко, под Москвой?
И масса телеграмм по городам,
И на границе самолетный вой.
И мне ружье! Мне дайте автомат!
Отдай мне, что ли, свой дружище, Гриша!
Они лежат, бессмертные, вподряд,
И громкие герои, и потише.
И где-то между ними мамин сад –
С богами в ядрах, в небе где-то реет.
Чего от нас они еще хотят?
Раевского стреляют батареи.
Клочок земли, какие-то два метра
Святою головою на Восток,
Откуда все поползновенья ветра
И где народа нашего исток.
Носи, мой конь! Мой пращур вороной!

По битвам, по «исходам» и могилам.
Нам мало этой матери одной,
Нам надо много, чтобы много было!..
Спектакль закончен. Жив еще тот князь,
Что снял петлю на шею Достоевской.
На город Мышкин, весь оборотятся,
Сидит в гримерной господин Раевский.
Все перепуталось. Сначала времена,
Теперь уже и лица, все герои.
В такую круговерть вовлечена
Вся наша жизнь... но это уж – второе...
А первое – вот эта телеграмма!
Звонили Груше, Груша прибежала.
Ей говорили: «Умирает мама,
А он вам нате... кошка пробежала...
Да в самолет, в мотор ему попала»...
Взяла такси, забрала, увезла.
Домой доставлен, на тахту положен.
Четыре все чернобыльских угла
На пять семипалатинских помножим.
Одни узлы, одни на небе дыры,
Куда от Солнца денутся лучи?
А тут «не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские пытки?»
- Ты не кричи!
Молчи, молчи, -
Все бегала, все хлопотала Груша. –
Послушай!
Нет вовсе никакой тут телеграммы.
Все хорошо там, хорошо у мамы.
А это вот бульончик,
Кушай, кушай».

А та, в Бобрах, вдруг приоткрыла веки.

- Где сын мой? – шевельнулась, ожила.

Ответили ей рядом человеки:

- А скоро будет...

Чтоб она ждала.

Она ждала. И первый день, и третий.

Нельзя ей было просто помирать,

Арсения, сыночка, тут не встретив,

Туда себя навечно отправлять.

Соседи расходились - с Чигринево,

И дальние, и ближние – Бобры.

Мария оставалась с мамой вдовой.

И сын второй... вне памяти, игры...

Приемный, что ли, или от сестры?

Ведь не могла одна тут помереть,

Без Сени своего, уйти последней.

Вот только бы дожить, добыть, успеть,

У Господа побыв в его передней.

Арсений слышал это, понимал,

Сквозь междометья прорезались гири.

Какой-то помрачительный овал

Держал его как будто бы в Сибири.

Еще тогда, когда он начинал –

С Читы, а может, Красноярска? –

Уже тогда мучительный провал

Ему перерисовывала краска.

Такая связка – чтоб ехала не тряско

Его – коляска.

Причем тут этот Красноярск или Чита?

А музыка не эта и не та.

Когда в ночи, сбегая по ступенькам,

Чайковский в трензель презабавно тренькал.

А голову ломило, - это стресс!

К нам повышает интерес.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
СОЛОВКИ. КРЕМЛЬ
XXXVII.

Савватий, как отправил Камень,
Так стал готовиться в столицу.
На Кремль взглянуть, проведать ставень,
Какой у Камня отворится.
В Москву, в Москву! Куда зовут.
Письмо вот получил от друга.
Васятка просится, и тут
Ослабла у коня подпруга.
Решил он окончательно поехать,
Хоть раз в первопрестольной побывать.
Такая жизненная вежа,
К тому ж серьезно заболела мать.
Сходил туда ж, на малый островок,
Навялил в печке рыбки провисной.
Бруснички царской, клюквы, сколько мог,
Собрал все то в канистрочке одной.
А тут пошел на глухаря,
Знавал одно местечко под Секирной.
И, встав ни свет и ни заря,
Засел на кочке комариной.
Сменился год, и мы уж в летах.
Давно ли, кажется, Арсений
Тут побывал, на Соловках,
Такой же был денек осенний,
Такая ж неба синева,
Глаза озер, гора Секира.
А появилась вот Москва
В его большом обзоре мира.
И объявился ихний Камень
У них там где-то, на Москве.
Проведать хочется тот пламень -
Рыжинки, белым по канве.
Периодические тени

Перебегают небо. Что ж,
На завтра может быть и дождь,
А уж пора и на мороз.
Глухарь себя во тьме пронес –
Тяжеловатый, шумный, грузный.
Отъелся, парень, на рябине.
И вот по такой причине
Мы может взять его. Наружный
Уж сделан, кажется, осмотр.
Теперь как далее пойдет...
Писал Арсений и про Гришу.
Мол, полководец, самый первый.
Нельзя ли чуточку потише?
Все про войну мы, дождь на крыше.
Про маршалов, про генералов
И наконец-то про солдат.
А сам Арсений, добрый малый,
Хлебнул ребенком, говорят.
А что ж про них, про население,
Про репрессированных – что ж?
Штрафбаты, Армия Спасенья,
До Волги допустили, что ж?
И все победы, полководцы –
Друг друга вяжут заодно.
А лейтенант – на дне колодца,
А рядовой, солдат в кино
Да с лейтенантом заодно,
Как в перевернутом кино...
Конечно, мы всего не знаем.
Из всей войны – такое грянем,
А утром на костре хоть жарь.
Но мы его побережем,
Побыть ему дадим в столице,
Пусть этим тоже погордится,
Раз мы в столицах не живем.
Зато есть Кремль, как и у них,

Такой же ликом златоглавый,
Прославлен тоже ведь державой.
Как говорил Архимандрит,
Недаром поперек лежит.
У бога – вечность, в людях – миг,
Пришел, уходит в бесконечность.
Одна тиара на двоих,
Одна в Кремле у нас гитара.
Васятка дай-ка подрастет,
Возьмет ее и с пылу с жару
С гитарой по Москве пройдет,
Как эти, нынешние, ходят.
Потом сюда их, к нам, приводят...
Археологию копать...
Такая бесконечность кстати,
А как еще ее назвать?
Еще копати и копати,
Чтоб что-нибудь хоть откопать...
Глухарь побыл себе на ветках,
Чуть покачался, посидел
И в ту Европу, где соседки,
Где Штоколов когда-то пел,
За вдохновеньем полетел!
Савватий встал – сорвалось дело.
Ниче, еще нас подождет.
Еще на завтра день нас белый
К себе опять переметет.
Пока живут тут глухари,
Сиди с зари и до зари,
Не тратя нервы, силы, порох.
А все равно подстрелим скоро.
Подарок! Слышал и Арсений.
Как токовал – петух осенний.
Но вот призвал Архимандрит,
От бога уж не улетит,

Играя корпусом и веткой -
Вдвоем с соседкой.

* * *

С утра поднялся и – в палаты.
Поставить по кроме печать.
Кто посередке в день зарплаты –
За это будет отвечать.
А ну, молчать! Чего там, девки?
Ах, телеграммочка от Сени?
Какие, понимаешь, сделки!
Он друг мне... был тут в день осенний...
Забыли, что ли, мы артиста?
Артист такой, что не забудешь!
Мастак, художественный свист,
Себя сама в такого влюбишь...
Ах, телеграммка! Что же в ней?
Он просит ехать поскорей.
Что плохо с матерью своей...
Вот кто мне брат! Мне Сеня – друг!
В такие тяжкие минуты
Меня зовет... Все! Мчусь, генух!

* * *

Вот тоже человек с ружьем!
А смотрит в неба окном,
Какое вечно над Кремлем.
И как сказал Архимандрит,
«Земля грешит, а небо бдит».

* * *

И пролетали мимо гуси,
За ними стадо лебедей.
Они – от бабушки Маруси,
Похожи чем-то на людей.
Одни – как серые печали,
Другие – белая беда.
Собою берег увенчали

И от Секирной никуда.
Все «270+8»
Обсели, по порожкам склизь.
Все на Маяк себя возносим,
А с Маяка все сверху, вблизи.
Какою белою Секира
Вдруг стала сразу оттого!
Перевернулося полмира
Вокруг «столба» тут самого.
«Столбом» Полярную звезду
Тут признавали авестийцы.
Савватий только раз в году
Сюда всходил, чтоб поклониться,
Поставить свечки тут и там.
Тут – братьям и отцам недавним,
А там, туда еще, к летам –
К тысячелетиям – подавно.
Прибавил кое-что Арсений
К тому, что Савва знал и сам, -
Про «лабиринт» и что Есенин
Зрим авестийским маякам.
А жив в колодах и «дольменах»,
Трудясь во всех приходах, сменах
Звезды, и Солнца, и Луны.
Нам все видать со стороны –
Причем тут Столб, зачем капуста
При ламинариях морских?..
В свой скит Савватий приходил,
В каналы вписывался вольно,
Савватий наш как тут и был!
И было им тут все довольно.
Была Свобода, естество,
А что – когда нам нет Свободы?
Не силой водят одного,
Особенно – когда народы

Вести насильно захотят.
Вон скачут племена, породы,
Объединенные в кочевья,
Разогнанные синхрофазотроном,
Под царским оком, царским тронном.
Сошли отсюда в приключенья,
Спустились Хайрой сверху вниз
И превратились все в кочевья,
В морские волны, жить взялись
В морях, как раньше жили.
Сто раз металлом всех накрыли,
Европу всю обворожили.
Заставил Сеня и Савватия
Дух авестийский выражать.
Не знаю, кстати иль не кстати я,
И меня тоже отражать...
Савватий смолк. Засобирился.
Все авестийское пресек.
За современненькре взялся
И на Маяк к отцу потек.
Старик был лунь богоподобный,
Набрался белого от Лун.
Был ближе всех он к булке сдобной,
К ней, круглоликой, - старый гунн,
Атилла – взрезавший века
Да и присевший тут пока.
- Ну, что, отец, в Москву я еду.
Васятка тянется за мной.
Считай, что я тебя проведаль,
Взят отпуск мной очередной.
- Бери, бери, чтобы отдать,
А отдавай, чтобы запомнить, -
Сказал старик. – В нас благодать
Не оттого, что люди темны,
А оттого, что мы светлы.

Наш свет на сущее влияет.
Я знаю, ходят где козлы
И где какой чего читает.
- Козлы? Читают? – взял Савватий
Кусочек Камня, с Соловков.
- Козлы – какие на зарплате...
Туда, за озеро, там были...
Во глубине времен, веков
И состояли из оков.
- Ты про чего? Про лагеря? –
Сказал Савватий – Немного стало узковатей,
Их там расширили, а зря.
Землянки держат дом кирпичный...
Ну, в общем, в город я столичный,
Тебе подарок привезу.
- Х-ха, козлам – козу, -
Дед засмеялся.

Так с тем Савватий и расстался,

XXXVIII.

Приехали в Москву с Васяткой
И для начала – прямо в Кремль
С Кремля и до Кремля, –
Такая наша уж земля. –
Где Кремль – начальник, самый главный,
И Кремль поменьше, островной.
И еще есть Кремлечек славный,
Но это уж Арсений знает,
Где тот себя располагает,
В упряжке катится какой.
Все треугольниками метим
Страну, себя, свои края.
Коль спросят нас, чего ответим?
А ведь что знает дурь моя?
С чем завтра утром встану я?
А авестийцы это знали

И еще много кой-чего.
Какая дырка на медали
Там у Творца-то самого.
И что пролазит в эту дырку,
Чтобы упасть к его ногам...
Савватий крыл судьбу – ихдырку,
Ведь не привык к ее благам.
Вот где блага! А на Москве.
На то она у нас столица.
Какие шолохи в траве!
Какие ведренные лица!
А уж с Кремля и на Лубянку –
Проведать этот Камень свой,
Не отросел ли спозаранку,
Не стал ил цветом голубой?
Не стал, не отросел.

«КС» - «СК».

Васятка дале тут присел,
Ему тот Камень – до виска.
Погладил – тепленький, шершавый,
Стоит теперь за всей державой.
Попробуй толечко упасть,
Тем более, кому украть.
Погладил Камень и Савватий:
Лежи и просветляй людей,
Когда они не на зарплате
В великом мареве идей.
Когда не хочется лежать,
А предлагают все сидеть.
Нас так привыкли обижать,
Что мы отвыкли уже петь.
Пошли куда-нибудь от глаз,
Ну, с глаз долой, - перехватить.
Себе местечко застолбить –
Поесть, полить – водички в квас.

Нашли местечко, гутен тах!
На Патриаршьих, кажется, прудах.
Где – по Булгакову – с трамвая
У Берлиоза соскочила голова,
Иное время выражая,
А тут как раз растет трава.
И они стали жарить рыбку
Под словеса свои, улыбку.
И подошел какой-то мент:
- Вы что тут, граждане, творите!
В одну минуту, в сей момент
Пруды освободите.
- Свободу мы прудам дадим,
Присядем заодно
Да и пойдем в огонь и дым,
Какого тут полно.
- Кого мы ждем? – возник вопрос. -
И с кем у вас тут связь?
- Да есть у нас один тут босс,
А проще если – князь. -
Сказал Савватий. Мент приник:
- Какой тут князь! Какой мужик!
Какие тут князья!
Ты что-то путаешь, старик,
А путать тут нельзя.
Столица все-таки, Москва!
Не любит всякий сброд.
- Так это ваша трын-трава?
Она у вас живет?
Князь Мышкин – вот нам кум и сват,
А проще – так артист!
Такой – красивый, говорят,
Художественный свист.
- Давайте мы без дураков, –
Сказал высокий мент.

- Да мы, товарищ, с Соловков.
Уйдем в один момент...
Пошли посмотреть, где Берлиоз,
А где трамвай стоял,
Когда башку свою и нос
Он под трамвай совал.
Трамваи есть, а Берлиоз
Ушел к себе в вопрос.
С башкой своей под мышкой нос
В свой кабинет унес.
Окно к окну, все министерства,
Все чистые пруды.
Туды-сюды, туды-суды,
Судам находят место.
Вот рифма! Тоже намекает,
Как министерство сокращает
Одно такое место –
Раскопана «Авеста».
Раскрыты Карталы, все шахты,
Все тысяч тридцать пять,
Какие повернули вспять
Цивилизацию опять.
Какие целят нацию
На ту цивилизацию.

* * *

Устали что-то тут бродить.
Китай и городок -
Как нам все это совместить?
И весь этот поток?
Решили поискать театр,
Где представляет князь
Свою державу, всех вподряд,
Соединяя в связь.
Арбат нашли, а в нем колонны.
Не те, что ходят, а стоят.

Несут особенные тонны,
Когда в театре бдят.
Прошли туда, в апартаменты,
Где правит аппарат.
А им такие элементы –
За дверью что сидят:
- «Болеет Чигринев Арсений.
Больница номер... тигры в клетке...
Денек не для веселий,
Мы – на работе...
Жена его из опереттки,
Ее там и найдете...»
Нашли жену. Ключи им дали.
И проводили до метро.
Две стороны одной медали.
Все это ново и старо.
Подземкой ехать на метро!
Изображая пассажиров.
Жар-птице вставили перо,
И вот все мчится, мчится , мчится.
Жар-птице ныне, не до жиру,
Не может все остановиться,
Согласно пассажиру.

* * *

Сидели, в зеркало смотрелись,
В так называемый трельяж.
На кухне пить чай уселись:
Вот это класс! Вот это блажь!
Вот это экстрасенсик наш!
К окну огромен холодильник,
Какой в Москве лишь продают.
«ЗИЛ» называется. Светильник.
А этот тут за так дают.
Тут много разных – всяких див,
Такая чистота!

И все красиво, вид красив,
А музыка – не та.
Роман уже перед концом,
Читаю все с листа.
Такое важное лицо,
А музыка – не та.
Большое фото – Чигринев
Перед Кремлем, с моста.
Основа всяческих основ,
А музыка – не та.
Так просидели бы они
Все рондо, все года,
Спасибо, телефон возник –
Сам Чигринев сюда.
- Ах, это вы? А это мы!
Вот радость-то, беда!
Я тут прилег, мы тут немы,
Ко мне скорей сюда.
Да мать больна,
Да маме плохо...
Да не одна она...
У нас одна только эпоха...
И то, когда ей плохо...

* * *

А это кто – большое фото?
Одно, наверно, стоит двух?
Так что за буквы, чья работа?
Ах, это «Щепкин» - Гриша, друг?
Тот самый Щепкин – дровяная
Его фамилия, гляди.
Такая щепочка лесная,
Не командирская, поди.
А ведь играет полководцев
И председателей, поди.
А сам сидит на дне колодца,

И той звезде не расколется,
Когда талант в груди.
В любом, простом, нелепом споре –
Кто прав, а кто не прав, скажи?
Чей выше гений! На Босфоре –
Есенин у межи...
Включил Васятка Сенин маг –
Магнитофон, попроще. Взвелся
Какой-то голос... Тарахах...
И голос Сенин вдруг пробился:
«Никогда я не был на Босфоре,
Но ты мне не говори о нем.
Все равно твои глаза, как море,
Голубым колышутся огнем».
- Мы сейчас, мы едем к тебе, Сеня!
Ожидай у входа, ожидай!
Знаем, знаем станцию, братеня!
Доктору привет наш передай!

* * *

Станции метро – они какие?
Разные эпохи и творцы.
Новые – безликие такие,
Старые – музеи и дворцы.
В этой даже в праздник заседали,
Когда орды были у ворот.
Можно даже выбить на медали.
Станцию, победу и народ!
Маяковский, что ли, имя дал ей.
Это тот, что горлопан – поэт.
Имя его выбить на медали?
Остановка всех его побед.

В больнице Арсений друзей подждал
У самых больничных ворот.
- Ты, что ж это, Сенечка, так заплошал!
Вставай, оглядись, идиот!
Обнялись, в глаза поглядели друг другу:
В них Белое море за синим.
И там, за Секирной, всех ходят по кругу
Отец и товарищ Калинин.
Отец ему жалобу вот-вот вручит
Про свой титанический крест.
Идет и о чем-то молчит и молчит,
А тот как не слышит протест.
- «Жена, - говорит, - у меня ловит мух,
Пришел тут жену я проведать.
А вы почему-то являетесь вдруг
Чтоб вместе со мной пообедать».
- «Не надо обедать, по горло я сыт, -
Отец ему, «старосте», вслух говорит. –
Мне главное – это мой сын, он пиит.
Он с Бродским с утра выполняет лимит,
А вечером в ритмах сидит».
И Сеня – Арсений сказал Соловкам,
Что это он знает давно.
И с Саввой ударили тут по рукам,
Как в тот телевизор кино,
Где Сенечка ритмами режет восьмерки
На оба нуля пополам,
Поодаль там с рифмами ходят шестерки
И сеют грехи по полям.
Какая беспечность? Какая безвестность?
Какой авестийский настрой?
С поэтами вместе одна бесконечность
Из образа в образ горой.
Про маму Савватию Сеня сказал –

Вполне уж в простом реализме.
Мол, тут он, а там за вокзалом вокзал,
И мама на краешке жизни.
У Сени при этом пробилась слеза,
У Саввы с Васяткой ком в горле.
Как будто влез в горло весь Курский вокзал,
Вдобавок и с клекотом орлим.
- Про ту бесконечность тебе говорю, –
Арсений сказал Соловкам. -
А сам и не знаю, чего уж творю,
Пишу вот одним облакам.
А раньше еще и играл в поддавки
У лона какой-то реки.
Теперь, после Белого моря, ловки,
Мавроди испортили глаз.
Все криво да вкось, все куда-то лечу,
Да переступаю черту.
Какие-то перлы, свободы хочу,
Они мне дают, да не ту.
- Смотри, как я раньше про те ж Соловки
Писал на своем реализме.
Слова вылетали, как голубь с руки,
И поверху стлались, по жизни.
- Нутро, нутряное не брали, как ныне.
Одно на другом промешав.
- Ты был бы поэтом при Екатерине,
Шекспир тебе в том не мешал.
- Читайте. Послушай, что я говорю.
Что тихо, бывало, творю.

«СОЛОВКИ»

(из раннего Арсения)

I.

«Соловки да Соловки –
век живут в народе.

Соловки да Соловки –
вздохи по свободе.
Как топор скользнет с руки:
«Чтоб тебе на Соловки!»
По себе нашел пустырь
Соловецкий монастырь.
Первые монахи -
воры, вертопрахи.
Им на помощь исстари
гнали всяких высланных.
Не ударишься в бега –
это Север, снег, пурга.
А сбежишь южнее, на юг, -
за кадык да и на крюк,
На костер, на дыбу –
вялить, словно рыбу.
Присмирели много –
верить стали в бога.
И заметили: в округе
климат мягче, чем на юге.
Если тут пахать за двух,
на хрена нам этот юг.
Развели, земельке рады,
лук, картошку у ограды.
Сеяли расстриги
по стене булыги.
Вот какие, черти!
тяжелее смерти.
Размахнулся вкось и вширь
Соловецкий монастырь.
Приходили новые
да на все готовое.
Старые монахи –
воры, вертопрахи,

Уж седые, пегие,
все – за привилегии.
Новых, коли дураки, -
в землю глубже, в Соловки.
Вот костями и высились,
на кладбище выселяясь.
Соловецкая зима –
во все стороны тюрьма.
Раем был, а стал пустырь –
всех подвел под монастырь.
Соловецкий остров –
корабельный остов.
А еще в народе –
соловей навроде.

II.

После класса, после клемм и схем
Юнги устают, да не совсем!
- Что это? – все спрашивал парнишка.
- Трапезная. Ниша для винишка.
Служки монастырские подчас
Обожали не единый квас.
- А вот это что?
- А это – пушки.
Чтобы, значит, ушки на макушке.
Чтоб отсюда вражья рейдера
Не зашли России со двора.
- А вот это?
- Что да что, пострел!
Штокало какое! Надоел.
Ведь и мы не враз сообразили,
Штокалов каких сюда свозили...
Кашлянул парнишка, отошел.
К морю встал лицом, к ударам волн.
А они, басовые дробились.
Волосы на парне шевелились.

И вот этот Штокалов запел,
Как душа велела, как сумел.
Про крутое море в Соловках,
Про булжник в молодых руках...
Вот они, какие Соловки!
Острова свободы и тоски».

* * *

- Вот, видишь, писал я, как будто там был, -
Сказал тут Арсений Савватию. –
Историю, братцы, всегда я любил...
- А че, когда не на зарплате... ю...
Вот, лишняя буква попалась,
Со мной эта пешка связалась. –
Заметил Савватий – Васяткин отец.
- И что же?
- Срубил, наконец.
- А это недавно уже написал, -
Сказал потихоньку Арсений. –
Как там я у вас уже раз побывал,
Все в тот же период осенний.

«СОЛОВЕЦКИЙ КАМЕНЬ»

(стихи Арсения)

«Как с горы Секирной белыми ночами
Головы летели, падали с горы.
Мы их величали, тут нас и кончали –
Всех недосидевших до поры.
Что же ты, Россия, сыновей-то губишь?
Все туда же нас – на Соловки.
Отчего таланты так свои не любишь?
Все под камень нас да на крюки.
В православную, в белокаменную
Провезут на Лубянку, под окна.
Чтобы видели, чтобы впрок нам,
Как обидели, что наделали!

Острые ступеньки свысока – висока,
Двести семист восемь сверху вниз.
Я – твоя кровинка, мой отец, мой сокол!
Вот мы и дождались, вы – не дождались!
Ах, отец, отец мой, вновь сиренев вечер ли,
Скользкие ступеньки, а под бичевой
Тянем мы, потянем, а навстре... навстречу
Ты – мой Соловецкий Камень гробовой.
В православную, в белокаменную
Провезут по кровям да под окна.
Чтобы видели, что наделали!
Как обидели!
Камень – честному, Камень – смелому;
Пыль по черному – кровь по белому!»

* * *

- Да кто ж ты такой?
Да кто ж ты такой? –
Артист ли, поэт, композитор? –
Савватий сказал и Арсений рукой
Смахнул комара – паразита.
Сидел на щеке. А теперь на руке
Одно только красное пятнышко.
Арсений с Савватием так, налегке,
Присели под топодем рядышком.
Васятка крутился, чуток отошел,
Пускай, мол, отцы говорят.
Вот тему какую Семен изобрел:
Некрасов – про Сталинград.
Про подвиг солдатский, про наших ребят.
Ведь там, где стоял Сталинград,
Всего-то, бывало, денек наш солдат
Тогда выживал, говорят.
- Вот видишь, что Слово – нам значит, -
Савватий сказал. – Как будто бы там побывал.
Семен усмехнулся:

- А как же иначе?
Не слово, а недра, Ваал.
Все словом возможно -
Убить и любить,
Запомнить и позабыть.
Нам надобно с ним осторожнее быть,
Священные камни долбить.
За ними – Пространства
И Время – за ними,
И горя людские, и скит.
Мы – дети «Авесты», мы, коли гонимы,
Оно только нас защитит!
«Авеста» - невеста
Развернута, вместо
Дел темных и черной дыры.
На белом, на смелом
Замешано тесто
С высокой Секирной горы!

XXXX.

А где-то в Бобрах, в серединной России,
Где мать Чигринова жила,
Уже пробегали в заоблачье синем
Чернявые перья орла.
К чему-то летели, чего-то вещали,
Кого-то куда-то вели.
Какую-то райскую жизнь обещали
В какой-то несметной дали.
Лежала мать в горнице, уж при параде,
Уж прибрана вся, но жива.
И были глаза ее солнышку раде,
До Сенечки б лишь дожидла.
И, как только там его чуть отпустило,
Как только наладилось чуть,
Он тут же приехал к ней – Сенечка милый,
Чтоб воздушку с нею хватнуть.

Побыть у родного-то человека
Не дальше дыханья его.
Какие там лавры, какая там Мекка,
Устали мы все от всего.
От всяких любезностей, переворотов,
Контрастов и всяческих месс.
Какие-то рожи, зеленое что-то,
В котором беснуется бес.
В котором то призраки, то авестийцы
Родят всевозможный момент.
Родные, свои деревенские лица
И весь городской контингент.

* * *

Сидел Арсений перед ней,
Она была ни там, ни тут,
А где-то близко. Без огней
Стояли сонмы всяких дней
Без всяких тяжестей и пут.
Они, те пути все, ушли
В даль, в неизвестность, в долю ту,
В какую тягости Земли
Не уходили за черту.
Она была с ним посредине,
У края где-то, в острие,
Где он был с ней в такой картине,
На самом краешке, в семье...
Какие временные камни
И постоянный лабиринт,
И берег ближний, берег дальний
Средь самодвижущихся плит...
В мерцаньях времени, сознанья
Всплывало ей его лицо.
Он был тут с ней, ловя стенанья,
Последние перед концом.
На нет та ниточка сойдет,

И мать спокойно отойдет
В миры иные, пока – чужие...
Пока она была жива,
Отвел Арсений Савву к Камню,
Тут – под Бобрами, к Валуну,
Лежал тут друг Свободы давней,
Пришел от самых Соловков
Или откуда-то оттуда;
Обозревая тут Луну,
И прилунилось это чудо.
- Похож. Как наши. Тоже бел.
Структура та же вся, морена...
И, отойдя от всяких дел,
Пришла Мария, как всегда,
К нему сюда.
Стояла скорбно, неизменна
В своих пристрастиях к нему.
Сказала что-то, он ответил.
Савватий – Сене в глаз и в бровь:
- Сень, что ли, эта, Сеня, эта?!
- Да, то – жена, а эта как у поэта –
Мечты, любовь.
Как говорится, мрия!
Зовут – Мария...
Ушел артист в свои пенаты
Тянуть безрадостье минут,
А тут остались, как солдаты,
Савватий с Машей, что-то ждут.
Стоят, никак не перейдут
Той отчужденности, черты,
С какой не видят чистоты.
Все нравы, нравственность и совесть,
А также долг, пока не смолк, -
Все гасят медленную повесть,
Чтоб голос страсти сник, истек.

У Саввы просто все: одна
Должна быть верная жена,
Служить иконой,
Быть – законной,
Вот и все!
И что еще?
Васятка взял велосипед
И удочки смотал,
И вот часа четыре нет,
Засел под чернотал.
Уклейку хочет, но ерша
Все ловит напролет.
А что ж уклейка не идет?
Раз клюкнула, и ша.
Савватий ходит по Луне,
Прилунный бел пейзаж.
Песку намыло, на бревне
Качается мираж.
Жены законной что-то нет,
И внуков нет пока.
Стоит при матери буфет,
То дедова рука
Таким его и сотворила –
В виньетках давних, пиках лет,
Про завещанье мать забыла. -
Понял или нет?..
А пики – в ликах...
Вот, наконец, приехала и Груша.
С детьми – Захаром и Ильей.
Дала им что-то там покушать,
Свела со всей родней.
И познакомила с Васяткой:
- Ниче, ребятки!
Идите, где-то поиграйте,
Пока мы тут... вы не страдайте...

Мария тут же все отметив,
Держалась где-то за сараем.
Была не первая – вторая,
А может, третья?

* * *

Мать умирала. Медленно, без горя.
Век все же долгий, тяжкий прожила.
Вот только не была на море,
Ни метра в теплых водах не плыла.
Другие пели и другие пили.
Распутничали, были широки.
Она все дома, хоть таких любили
Бобровские смазные мужики.
«И что? – наверно думала графиня. –
Что – хорошо? Всему один конец».
Что думал князь про свою нить и связь,
Своею мамой внутренне гордясь?
Князь Мышкин! Идиот старинный!
Прожил уж сколько, а чего нажил?
Ум короток, хотя и чуб-то длинный.
Накрыл бы, что ли, тягости и лжи.
Пришел священник, мать отпевали.
Служили, что положено служить.
Чего когда им, батюшкам, давали?
Куда им надо что-то положить?
Не знал Арсений этого всего.
Что будет после – обмывать потом.
Зачем тут рушники и отчего
Они так длинно виснут над столом?
Крутились бабки, эти знали все,
Свой навек заведенный ритуал.
Весь двор был с того края залесен,
Где гроб пустой вверх донышком стоял.

* * *

Пришла «газель». Приехала братва.
Страховка, электричество, за газ.
За радио! На всех на них, - жратва!
И питье – веселие, и класс!
Смотрел на все Арсений, удивлялся:
«Какие же обычай у нас?»
Погнал бы в шею, но народ старался:
И бабкой, и Марией сделан квас.
Притерлась незаметненько Мария,
Команду, в общем, на себя взяла.
А Груша, что ж, а что ни говори я,
А Груша все же главной тут была.
Сидела на скамейке, восседала.
Где вся родня, сватья и кумовья.
Она, как все, чего-то ожидала:
Что мать оставила? В конверте что ея?
Конверт лежал на самом видном месте.
И, хоть тут сын присутствовал при ней,
Все из себя уж вышли и из лести
Его держали в памяти своей.
Уж те, что угостились там, запели, -
Инспектора, нудисты – фраера.
И только внуки головы не смели
Поднять, как и отец. Еще вчера,
Как и сегодня. А сегодня как и вчера.
Сошла она. Дыханьем истончилась.
Приставили круг зеркальца ко рту.
Фальшиво удивились, - скажи на милость!
И подвязали рот, на глаз – по пятаку.
Так перешла она черту.

* * *

Бобры – двory, кладбище – на селе.
Где церковь, это, значит, в Чигринево.
Бобровских там хоронят. Так сие!

И нет тут ничего другого.
У свежей ямы, положив венки,
Поставили гроб тут, на табуретки.
Вот для чего их держат мужики
И в городе, в любой квартирной клетке.
И встал Арсений, рядом друг Савватий,
И две жены, и вся его родня.
Вот где, у гроба, помним, люди – братья!
Вот где вконец пронзило и меня!
Народ уходит, племя остается.
И внуки, к венчику губами приложась.
И все, кто знал, швырнули, как в колодцы,
От крышки дробно глухость отдалась.
Когда уж все. Венки уж положить.
Савватий поклонился: «Мать! Вдова!
Какие тут слова! –
И положил на холм, что надо. –
Пускай наш Камень у тебя лежит,
Как будто муж лежит с тобою рядом».

ЭПИЛОГ

Скачу по крышам – вся эпоха мчится.
Одну смахнул и далее лечу.
Нет, каково в России нам родиться
Да на судьбе расейской разрядиться,
Скатить с себя
Свой генотип хочу.
Такого наклепали за столетья:
И нерадив, и пьяница, и вор.
Такие распустили злобы, плетью, -
Империал, империя, террор!
Дух инвалюций, штучная реформа.
Все сокрушим, что строено века.
А жить – так на все сто, такая норма.

Придурковаты, все под дурака.
Иванушек, не помнящих родства,
Изображаем из себя поныне
На базе богатейства, удалства,
Язычества, двуликости, Добрыни.
На Муромской дорожке – заколодело,
Кататься по Владимирке – смешно.
То в кандалы подзакует нас родина,
То припустит бедностью на дно.
Проснемся – на себя уж не похожи.
Все мимо революции гоню,
Остановиться все никак не можем.
Война и та уж за телегой где-то,
В куски нас Сатана бы изрубил.
Элементарно это для поэта,
Кабы поэт наш в бозе не почил.
Был Остров Счастья, да и тот пропал,
Лишь Шар Земной перевернулся с блеском.
Как правил Кремль, так Кремль и правит бал,
Но островной какой-то, сельсоветский.
- К отцу приехал? – догадался хан.
Востоковатый, чуточку раскосый.
Скуластый человек присел при этом.
Немножко трезв, немножко, может, пьян,
Немножко пил, как некогда Утесов.
- Приедешь на рыбалку, на путину,
Понравится, - сказал мне человек. -
На Муксалме такую вам картинку
Изобразим – на весь двадцатый век!
Так с той поры на Остров и лечу.
Карабкаюсь по Азиям, Европам.
Все обвиненья снять с себя хочу,
Какие на отца навесил Коба.

Какая Власть, такая, в общем, снасть.
А лица все такие же, как Власть.
Ну не дают, майн херц, остановиться,
Такая Власть хоть не дает украсть.
По всяческим харизмам и платформам
В обочину ментальности гоню.
Греми, исток! По винтикам, реформам.
Испей, казаче! Дай простор коню!
Такие мы! Не потому что дабы
Жизнь проклинать, ее двадцатый век.
Какие вулканические бабы!
И как же подловат был человек!
В эпоху ону, в пик очередей,
В Ташкенте, помню где-то на вокзале
Зашли три бабы наших, что сказали
На этом самом их желдорвокзале?
Где матом, в морду, где улыбкой, так -
Как будто скрипкой
Вытянул, чужак,
Мелодию из масс.
Не пили русский квас,
С утра, возможно, ничего не ели,
Хотя б «спасибо» им сказали
За тот порядок, что воцарили бабы на вокзале.
Зато себе билет не взяли.
Спасите, женщины, Россию,
Когда не могут мужики!
Давно бы жили покрасивей,
Когда бы баб в большевики!
Когда бы реже воевали,
Венков бы меньше возлагали.
Когда бы пить с одной руки,
Как те, что были на вокзале,

Где «кузьке» маму показали.
Лепи роман, сквози цензуру!
То вкось, как в горло кость,
То в кость гвоздями сдуру,
То вместе гвоздь, то гвозди врозь.
Сам президент на Соловки собрался
Похорохорить русскую натуру,
С лопатой поработать на раскопке
Отвалов тонких, -
Да что-то где-то задержался.
Так я на времена распался
И на пространствах изнемог.
Опять мне старый друг попался,
Опять готов мне вилы в бок.
Спешу закончить этот свой роман,
Чтоб в Кремль, на Соловки пробраться.
Дай настрогаю, думаю, шаман,
«Нагрохал», братцы!
Кремль Соловецкий, Кремль на Соловках.
Вот ересь где застряла на устах.
Всю промытарили страну, - соединяйтесь!
Да электричками вину не прикрывайте...сссс...
Все Севера, где Солнце лишь на воле.
Все на войне как на войне,
Ком а ля гер, ком а ля гер.
Не ходите, не бродите, не чудите в стороне.
Те колонны не колонны, а таланты,
Энергетика народа – арестанты.
Были совестью страны,
Ум, эпоха!
Напридумано вины, где-то недра Сатаны –
Из-под вдоха.
Соловецкие кремлевцы... как, уже?..

А ведь лучшие сыны,
Сестры, дочери –
Всех по очереди.
То советские, то со-ло-вецкие
На едином рубеже.
По морям, по волнам,
Нынче здесь, а завтра там.
Школа юнг на Соловках – направо слева,
А Секирная гора – слева направо.
Вот такой была держава,
Прокричала зло и ржаво,
Отсекла пустое чрево,
А чего бы мы хотели –
От себя как генотипа?
Вон кругом какие ели,
Вековая липа.
У Кремля на Соловках,
Как на выселках держава,
Островной Архипелаг!
От Кремля билет мой членский,
Самолет на остров личный.
Три Кремля, как Штраус венский,
Городской и деревенский,
Трое Штраусов отличных.
Кремль – один из них столичный,
К этим двум в стране советской,
Статус умный, остров светский.
Те колонны - в миллионы. В три колера.
А в колоннах - око змия да иконы.
На иконах – все святые, их дублиеры.
Все в ушах перипетии, разговоры.
Остров счастья и террора
Дух Савватия и мора...

Роман и второй уж, как песенка спета.
 Добить бы и третий скорей!
 «Цари никогда не любили поэтов,
 Поэты всегда не любили царей».
 За Пушкина дай-ка вступлюсь и за Фета,
 За Блока, Есенина, как за себя.
 Охота идет на артиста, поэта,
 А, значит, охота идет на тебя.
 Уходят колонны, приходят другие,
 Я выстрел Дантеса беру на себя.
 Мои дорогие, артисты благие,
 Опять в архетип заключили тебя.
 Приехал в Москву, как и где-то в начале.
 Припал, как во храме, к иконе своей.
 О храм в Толмачах, Третьяков со свечами!
 Не дали медали – простору налей!
 «Не утоли моя печали», бери и пей!
 Не прогоняй из памяти своей!
 Талант как божий дар, как свечка.
 Коню уздечка, путы насакаю.
 Так и течет от Рождества та речка,
 Несет роман мой людям на крюку.
 Сакральный крест
 Задуман в Комарово,
 И вот он, забодай его комар!
 Покусан будет, знаю, вижу сны...
 Кому Архипелаг не Остров Белый –
 Одна из неприятных прошлых тем,
 А не судьба России оголтелой.
 Луна, Луна – и та от Сатаны,
 Отъедена наполовину где-то,
 А тут полжизни съели у страны,

Другую часть – в огонь войны,
И ничего. Как бабушка в оконце.
Три зуба с половиной на бумаге,
Ей выданной – не выданной в Гулаге.
А мы рождаемся от Солнца, света сами,
Сыны и внуки – дань Прекрасной Даме.
Как разогнали синхрофазотроны,
Так и лечу с естественностью барда
По Красоте – в болотины, затоны
В своих пространствах, мастер Леонардо.
У Времени, может, изъяты полсвета,
В просторах Земли и морей.
На книжках всегда рисовали поэтов,
На деньгах – рисуют царей!

Конец второй книги.

14 сентября – 1 октября 2005г.,

г.Малоархангельск Орловский.

ГУБЕРНАТОР ПРОВИНЦИИ
(драматическая трилогия)

«ОХОТНИЧИЙ ДОМИК»,
ИЛИ ГОЛУБАЯ РОЗА
(лирическая драма)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПАНКРАТОВ ФИЛИПП ГРИГОРЬЕВИЧ – губернатор провинции, хозяин всего положения.

ЩЕДРИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – районный воевода, по кличке «Хрущев навыворот», весь в радужных перспективах.

ФЛЕРОВА-РОГНЕДА – любовница Щедрина, медичка, богиня красоты.

КРАТОВ СЕМЕН СЕМЕНОВИЧ – финансист районного звена, по кличке Беря.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА – ЖЕНА ЩЕДРИНА, женщина с апломбом.

НОСАТЫЙ – директор «Охотничьего домика», по кличке «Доллар».

ФЕДЯ – шофер Щедрина.

ВЕРА и НАДЯ – подружки Рогнеды, молодые учительницы – интеллектуалки.

ТОНЯ – официантка, дочь народа.

РЫБАКИ РЫБОЛОВЕЦКОЙ БРИГАДЫ.

БАБКА ФЕШКА – районная достопримечательность.

ИНКОГНИТО – друг Панкратова, высокий гость из Москвы.

Действие происходит в Тинякове – небольшом городке, центре так называемого «столичного» района, расположенном на не главной, но важной дороге между крупным городом и еще более крупным – областным центром.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Веранда «Охотничьего домика» на берегу озера. Живописное лесное местечко. Волны лижут валуны. На веранде – плетеный столик, стулья. В шезлонге Рогнеда – лет двадцати пяти, местная богиня красоты.

РОГНЕДА (*рассуждая сама с собой*). Отчего-то роза тут, под окном, голубой стала? Все вокруг желтые, до самого берега, а эта голубая? Почти как глаза мои, только чуть посветлее. У кого бы спросить?.. Сергей Никитич – этот «Хрущев навыворот», районный воевода – привез меня сюда и укатил тут же. Готовится очередное мероприятия на высшем уровне. Как там оно у них называется – межрайонный семинар, областная конференция? Что-то показывают, какие-то районные достижения, потом гости собираются в лесопосадке, где заранее уже сбиты столы, даже дощатые «клозеты» установлены. То все – для речей, тостов, для восхваления сильных мира сего. А вот этот «охотничий домик» – для самых важных персон, для элиты. Район-то «столичный», сюда везут самых-самых. Здесь даже космонавты когда-то бывали, сам Герман Титов. И из Совмина гости случаются - там, в области, им шапки ондатровые дарят, а тут на головы их одевают, так величают. А после ордена, фонды всякие для области и района, для себя выколачивают.

Как при Хрущеве где-то в Ярославской области - на охоту вывозили, бывало, Тито, что ли? Пороosenочка вместо кабана привяжут в лесу где-то к дереву, ружье гостю в зубы: охоться, пожалуйста,целься в живую мишень. Тут уровень, конечно, пониже – не генсеки, не главы совминов, но все же личности, щедрый народ. Скольких моих подружек после этот «Хрущев навыворот» по другим краям, городам распахал. Замуж выдавал вплоть до генералов. А меня при себе держит...

Появляется Федя – шофер Щедрина, районного воеводы. Тацит ящик с бутылками – с белыми «боеголовками».

РОГНЕДА (*кокетливо*). Чего это ты, Федя, неподъем-то несешь?

ФЕДЯ. Да так, шипучка.

НОСАТЫЙ (*идя следом*). Как это – «шипучка»? Вишь, написано – «Советское шампанское», «полусладкое» – значит, самое лучшее.

РОГНЕДА (*вступаясь за Федю*). Конечно, шипучка. И это «советское» тоже шипучка.

НОСАТЫЙ (*приостанавливаясь*). А чего ж за граница у нас производство заказывает? Видишь? «Абрау-дюрсо»! Дно вовнутрь, выгнутое. В подвалах специальных делают – женщины в резиновых фартуках и сапогах, рабыни двадцатого века.

РОГНЕДА (*настойчиво*). Вот вы директор этого заведения, а не знаете, пора бы и знать, что скоро у нас этот титул снимут – «шампанское»!

НОСАТЫЙ. И кто же это?

РОГНЕДА. А суд европейский. Европа – плюс, шампанское – минус.

НОСАТЫЙ (*подходя к ней поближе*). Это почему же? Основу основ у нас подрывать?

Федя, прислушиваясь к разговору, ставит ящик на пол.

ФЕДЯ. Да, почему?

РОГНЕДА. У них там, за бугром, всякое «шампанское», всякое-всякое – даже итальянское и из Испании, отовсюду уже не шампанским зовут, а «шипучкой». Одна честь под всякими флагами.

ФЕДЯ. А...а...а что же тогда остается нам, православным?

РОГНЕДА (*раскачиваясь на шезлонге*). А ничего, «советское – значит, отличное», но тоже шипучка. Шампанское единственно настоящее так это там, где его мать родила, во Франции, в области Шампань - Арденн. Департамент есть такой, где растут специальные виноградники и где вино такое веками делали и поныне делают. Торговая фирма! Отстояли право свое на всех международных уровнях. А вы все таскаете, таскаете эту бурду.

НОСАТЫЙ (*раздражаясь, иронично*). Много ты понимаешь. Нахватались тут всякого.

РОГНЕДА. Да, понимаю. Во, холодильник что-то не так работает. Дребезжит как-то мелко, мелко. Будто что-то в него положили (*Вставая с шезлонга*). Сейчас проверим: что это туда Сергей Никитич внедрил?

НОСАТЫЙ. Для тебя, что ли?

РОГНЕДА. А может, и для меня (*проходит в угол, к холодильнику, извлекает оттуда бутылку*). Да! (*обрадовано*). Вот-вот! Читаем... Не наши буквы – французские. «Шампань – Арденн». «Розовое шампанское». Вот это – шампанское, розовое! (*Носатому и Феде*). А вы таскайте, таскайте бурду свою в апартаменты.

ФЕДЯ. Да что ж они, что ли, лошади – пить «советское шампанское» ведрами? Мы уже коньяки носим.

РОГНЕДА. А коньяк настоящий, между прочим, тоже из Франции! Город такой есть в районе Бретани, в Юго-Западной Франции, – Коньяк! Так и называется.

ФЕДЯ (*растерянно*). А что ж нам пить-то тогда остается?

РОГНЕДА (*с усмешечкой*). А ты, Феденька, пей свою фирменную – зелененькую, самогоночку... гони ее ведрами из сахара да из яблок. А не эту, всякую дрянь, из стеклоочистителя... Да, Федя, а почему это роза у нас тут под окнами желтая вся, а вот кустик один – голубой?

НОСАТЫЙ (*раздраженно*). Вот гейши-то эти! Ну, гейши, гейши! Нахватаются всего, что ни попадя, грамотными у них тут на коленках становятся, ну, не дают работать сурьезному человеку.

РОГНЕДА (*смеясь*). Ты, что ль, Доллар, «сурьезный»?

НОСАТЫЙ. Это почему же Доллар? Я с рублями дело имею, на рублях работаю.

ФЕДЯ-ШОФЕР. Да это тебя так в народе зовут. Доллар да Доллар, зеленый какой-то. Хучь и на рублях, а как доллар... с портретом.

НОСАТЫЙ. Это с каким же портретом?

ФЕДЯ-ШОФЕР. Хозяина нашего, воеводы районного, «Хрущева навыворот» – Сергея Никитича.

НОСАТЫЙ. Вот скажу ему, как ты его обзываешь.

ФЕДЯ-ШОФЕР (*обиженно*). Я, что ли, это придумал? Народ. Все так люди, зовут его. А ему самому даже нравится.

Рогнеда берет из серванта фужеры. Звонит одним о другой – хру-

стальные.

РОГНЕДА. Ладно! Хватит вам. Давайте расслабимся. Открывай-ка Федя! Ты у нас специалист...

Федя разливает по фужерам молодую, бурно искрящуюся жидкость.

НОСАТЫЙ (*тянется к фужеру*). Хоть попробую.

ФЕДЯ-ШОФЕР. Во, дочь народа! Не жалеет добра.

Появляется Тоня – официантка.

ТОНЯ. Это кто ж дочь народа? Она, выдра?!

ФЕДЯ. Ну ты, ты, конечно! Но шампанское нам кто дал – вот она! (*на Рогнеду*).

ТОНЯ. Она – дочь «Хрущева навыворот». Это я – дочь народа, из народных масс.

РОГНЕДА (*наливая Тоне*). Ладно тебе, рassiфонилась. Хоть попробуем тут у него настоящее шампанское, а там можно и помирать.

ТОНЯ (*с усмешечкой*). Что-то ты это, Флерова, помирать вздумала? При такой-то барской жизни можно жить и до ста.

РОГНЕДА. Через два года старая стану, никому не нужна. И-эхх!.. она танцевала только одно лето... Бах!.. жаркое лето в Берлине...

НОСАТЫЙ. Вот, девочки, как надо жить! Надо уметь обзреть все вокруг – в районе, в области, в целом мире... И за что я люблю этого черного лебедя, так это за то, что у него красный нос...

РОГНЕДА (*наклонясь к нему*). А кто ж это черный лебедь-то, кто? Сергей Никитич?

ТОНЯ (*чокаясь с Носатым*). Да кто же это, кто?

НОСАТЫЙ. Все, девочки, все! Вы меня доконали! Глядеть на вас мне большая мука и удовольствие. Вот – мой личный заглашник, мой «нз» - коньяк грузинский – пять звезд. Наливай! Сколько стоит? – Выливай!

РОГНЕДА. Все в доллары переводишь? Так что у нас тут намечается?

НОСАТЫЙ. Не забегай, проживем – увидим.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же, те же. Появляется районный воевода Щедрин Сергей Никитич. У него озабоченный вид.

ЩЕДРИН (*Феде-шоферу*). Где это ты пропадаешь? Жду, жду тебя, а ты как ключ на дно. На бензовозе пришлось приехать.

ФЕДЯ. Что ж в администрации никакой другой машины не нашлось?

ЩЕДРИН. Значит, не нашлось (*Метнув острый взгляд на стол*). Чем это вы тут занимаетесь? Пьете, что ли?

РОГНЕДА (*кокотливо*). А что ж только вам шампанское пить – начальникам? Мы тоже люди.

ЩЕДРИН. Вы обслуживающий персонал. В первую очередь, все должно быть готово к приему высоких гостей. После сами отмечать будем.

РОГНЕДА (*недовольно*). Опивки, объедки добирать?

ЩЕДРИН. Ты, Рогнедушка, будешь во главе стола сидеть, с самим губернатором. Сам хозяин всего положения будет, Панкратов Филипп Григорьевич. Целую команду с собой везет. Птицы важные – факт, велено встретить по полной программе. Слышали анекдот по корреспондента? Не знаю, кто такой едет, но, девочки, на всякий случай подмойтесь.

ТОНЯ. Я, Сергей Никитич, официантка.

ЩЕДРИН. Ты у нас рыжая, неприкосновенный запас. Это я Рогнеде говорю.

РОГНЕДА. Что ж я вам на всю команду одна?

ЩЕДРИН. Вот что, Федя, дуй-ка в Столбцы, в школу Столбцовскую за подкреплением. Директор в курсе. Там новые учительницы появились... тоже красивые... вместо выбывших – Вера и Надя... сюда их срочно.

РОГНЕДА. Это какие уж были тут? В прошлый раз забыли переодеться, так Федя за платьями ездил. Да, Федя? Так ты в этот раз их сразу одетыми, в платьях, вези.

ЩЕДРИН (*иронично*). Ничего, мы тут их разденем. Если прикажут.

РОГНЕДА. И меня, что ль?

ЩЕДРИН. Чего тебя?

РОНЕДА. Ну, разденут.

ЩЕДРИН. На тебя в прошлый раз сам Панкратов глаз положил. Про тебя говорил специально, чтобы ты была. Говорит, чтобы эта Кармен была непременно. Будешь украшением стола. Приедут люди со вкусом, с пониманием. Тоня, конечно, хорошая девочка, но куда ей до тебя? Простовата, под стол пешком ходит. Пусть подносики носит, посуду моет.

РОНЕДА. А я что тебе – клумба? Украшенья нашли.

ЩЕДРИН. Конечно, можно пригнать сюда батальон девок из районного интерната или из коммунхоза. Но, сами понимаете, какой контингент? А вы у нас, - хоть ты, Рогнеда, хоть подружки твои Надя и Вера – что поглядеть, что поговорить – интеллектуалки.

РОГНЕДА. А я тебе что – дура?

ЩЕДРИН. Ты у меня особая статья. Но на сей раз тебе с Панкратовым придется сидеть. Панкратов такое выражает желание.

РОГНЕДА. И, что же, из-за стола уходить тоже с ним? Я с тобой хочу.

ЩЕДРИН (*Носатому*). Комнаты готовы?

НОСАТЫЙ. Какие?

ЩЕДРИН. Ну, спальни, спальни – опочивальни.

НОСАТЫЙ. Первые или вторые, левые или правые?

ЩЕДРИН. И те, и те. И левую, и правую готовь. Может, и гость из Москвы изъявит желание.

ТОНЯ. Кто же это?

ЩЕДРИН. Пока Инкогнито, потом увидим. А сейчас разглашать не имею права, за что и держат.

ТОНЯ. И кто держит?

ЩЕДРИН. Вот дочь народа! Все ей скажи, разубьясни. Сама, что ль, не знаешь? Ну кто у нас хозяин всего положения? Сам губернатор, Панкратов Филипп Григорьевич. Любимое словечко у него «незаменимых нет».

РОГНЕДА. Протоптал дорожку. Только теперь по боковой дороге и ездит – через наш Тиняков. Главной дорогу сделал на Храмовск.

ЩЕДРИН. В Храмовске, сами знаете, он работал, первым был, пока в

область не выдвинули. Вот и ездит.

РОГНЕДА. Пенки снимает.

ЩЕДРИН. Не пенки снимает, а хороший человек, настоящий руководитель. Все никак не может расстаться с родным коллективом, с районом родным, городом областного значения. Он еще там депутатом избран.

ТОНЯ. Кабы у этих депутатов карманы поуже были, жизнь бы скорее лучшела.

ЩЕДРИН (*реагируя*). Вишь, дочь народа что говорит! При мне можно, смотри при них не ляпни. А то засунут нас всех тут туда, где Макар телят не пас.

ТОНЯ. Макар – мой отец. Я им горжусь, он фронтовик.

ЩЕДРИН. Ну гордись, гордись! А языком-то не трепи, как помелом... Вот что Рогнеда! Иди и комнату выбирай по праву первой...

РОГНЕДА (*не особенно радуясь*). По праву первой леди? Ты так считаешь?

ЩЕДРИН. Ну да, леди! (*Носатому*). Белье лучшее постелить, простыни, наволочки, пикейные одеяла. Ты ж говорил, что накупил всякого добра. Особенно индийские наборы тебе по нраву. Ну вот и стели, не жалей. Пришел момент. шк всей твоей деятельности. Что есть в печи, на стол мечи.

НОСАТЫЙ (*ворчливо*). Нам-то что, нас выдвигать некуда.

ЩЕДРИН. Ты чего под нос себе бурчишь? Выдвигать некуда, а задвинуть всегда есть куда. Иди, хлопочи. На стол лучшую скатерть постелешь. Как в тот раз. Чтобы под электрическим светом даже и днем тонкий рисунок давала. Особо когда сбоку глянешь, при боковом освещении.

НОСАТЫЙ. Вы, Сергей Никитич, прямо эстет, красоту любите (*Подмигнув Рогнеде*). Да, Рогнеда?

РОГНЕДА. Да, да! Взгляды любит менять свои – партийные. То за одних голосует, то за других.

ЩЕДРИН. Чего ты мелешь-то? У меня партия одна, единственная – где Панкратов. Я с ним, хоть какие перевороты... Помните кино старое, кажется, «Ленин в октябре»?

ФЕДЯ. «Человек с ружьем».

ЩЕДРИН. А ты откуда знаешь?

ФЕДЯ. Уж десятый раз про это рассказываете.

ЩЕДРИН. Ну, давай гони... вместо меня... а я послушаю.

ФЕДЯ. Я – шофер, мое дело возить. Без эксцессов.

ЩЕДРИН. Ого! Эрудиция.

ФЕДЯ. Без аннексий и контрибуций.

ЩЕДРИН. Это уже ближе к теме. Ну, давай про фильм-то.

ФЕДЯ. Значит, так. Вот мужик с ружьем на войне, еще в той революции.

Солдат, значит. Один политик его и спрашивает: ты, говорит, за кого – за белых ай за красных? А солдат как раз поросенка смутылил у крестьян и держит под мышкой, а поросенок визжит – сверху белый, а внутри, естественно, красный. Как быгь? Что ответить? Вот мужик переложил с руки на руку поросеночка-то...

ЩЕДРИН. Я про поросенка не рассказывал. Это ты, Федя, приплел. Фольклор твой, личный.

ФЕДЯ. Ну, в кино-то было? Вот я и говорю про поросенка-то, представляете?

ЩЕДРИН (*нетерпеливо*). Короче, короче!

ФЕДЯ. Какая дорога есть, такая и есть, короче не сделаешь. Вишь, как Рогнеда страдает, что сидеть за столом придется не с вами, Сергей Никитич, а с хозяином всего положения.

ЩЕДРИН. Так с самим же губернатором! Честь!

ФЕДЯ. Ей нужен не журавль в небе, а синица в руке.

ЩЕДРИН. Какой тебе журавль, какая синица?

ФЕДЯ. Да он на журавля похож, Филипп Григорич-то. Ноги сухие, длиннющие. Так и кажется, затопчет, захлопает крыльями, а закричит по-петушиному.

ЩЕДРИН. Что это значит, почему это?

ФЕДЯ. Анекдот такой, он сам однажды рассказывал. И кричал вот так, хлопал руками себя по боку... В общем, так мужик сказал, тот солдат: «А с кем

Ленин?» – «Ну, Ленин за Третий интернационал». – «Так вот и я. Где журавль в небе, там и мы с Сергеем Никитичем».

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же, на веранде. Районный воевода Щедрин Сергей Никитич остается один. Сидит некоторое время в задумчивости.

ЩЕДРИН (*тряхнув головой, в сторону*). Ну, все, Никитич, ниточки собирал, композицию составил? Будем действовать. Люди привыкли расступаться, сила солому ломит.

Ослюдываясь по сторонам.

И где ж эти все? Персонал-то, челядь. Федя за барышнями укатил, они гвоздь программы. Носатый на своем «Оппеле» в райпо на склад отправился – еще кой-чего привезти, дефицитненького. А девчата, Рогнеда с Тоней, в апартаменты углубились, прихоращиваются...

Так, значит, так. Полагаю, не простая это поездка у Панкратова, нюхом чую, неужели в Москву забирают? Мне свои люди там, в областном аппарате, стукнули, мол, из Москвы Инкогнито едет, из орготдела, кадрами занимается – первыми лицами. Вроде как выдвигают нашего Филиппа – начальником главка по картофелеводству, а может, и выше? Так, значит, так. Если его забирают, передвижечка произойдет. Тогда первого зама, скорее всего, на его место поставят, кого же еще? Так и в Храмовске Панкратов сделал, когда уходил. А потом уже в область Илью Ильича перетянул, опять-таки сделал первым замом. Так и сейчас, такая-то диспозиция... Так, значит, так. А если Илью Ильича в губернаторы, местечко его освободится, не так ли? Так, так. А потом Панкратов его в Москву за собой потянет, и губернаторство освободится. Первый зам – стартовая площадка. Кто на этой «площадке» сидит, ведет строчку сельского хозяйства, тот и губернатором будет, область-то сельскохозяйственная. Так, значит, так. А я у Панкратова любимое дитя. Правда, есть еще один человек – в Егорьевском районе, воевода – красавец мужчина! Знойный брюнет! Женщины нам больно нравятся, жене Панкратова – Катерине Семеновне. Вот если она перетянет, тогда, значит, «Хрушев навыворот», твоя песенка спета. Это – кон-

курент! А если брюнет тот усядется, дай бог тебе хотя бы тут удержаться... Но, думается, Филипп Григорич, в таком важном вопросе проявит характер. В мыслях я у него нахожусь, свой человек в Гаване... Н-да, многое зависит от того, как берется верхняя нота. Хотя бы на этой встрече, при приеме Инкогнито – высокого гостя из Москвы, кадровика. Стелись, голубчик! Твое времечко вот оно, случай стучится в дверь.

ЩЕДРИН (*мурлыча песенку*).

Не закрывайте, люди, дверь,

Пусть будет дверь открыта.

Рогнеда, выходя из тайной, малой двери на веранду, подкрадывается, обхватывает сзади его обеими руками за уши.

ЩЕДРИН. Рогнеда!

РОГНЕДА (*смеясь*). Откуда узнал?

ЩЕДРИН. По запаху. Духи французские. Я же тебе дарил.

РОГНЕДА. Мало ли кто мне еще дарил.

ЩЕДРИН. Да уж не много найдется.

Рогнеда обнимая его.

РОГНЕДА. Ну, поцелуй меня, поцелуй, да покрепче!

ЩЕДРИН (*исрия с ней*). Василиса не разрешает.

РОГНЕДА. А откуда она узнает-то, твоя благоверная.

ЩЕДРИН. Она у меня экстрасенс! Тоже на нюхе работает. Приду домой вечером, так она за шею меня и нюхает, нюхает, всего обнюхает. А я вот что придумал: духов французских по два экземпляра покупаю. Один – тебе, а другой – ей. Так она давай «Красной Москвой» одеколониться, французские, мол, приберегаю. А я и тебе купил «Красную Москву»...

РОГНЕДА (*ласкаясь к нему*). Остроумно! Умеешь жену за нос водить... Слушай, Сережа! Не отдавай ты меня этому Панкратову – старому псу, я же твоя уже больше года. Два аборта от тебя сделала.

ЩЕДРИН. Откуда знаешь – от кого?

РОГНЕДА (*гневаясь*). От тебя! От кого же еще?

ФЕДЯ. Сергей Никитич, ваше указание выполнено: девчата доставлены

в целостности и сохранности. Как велели: они лучшие платья одели.

ЩЕДРИН. Ничего, ничего, мы их потом тут разденем. А после выдадим аттестат зрелости и - замуж за генералов. Ты им это сказал?

ФЕДЯ. Они говорят, лучше за лейтенантов. Лейтенанты генералами потом станут. А генералы, мол, уже смотрят в могилу.

ЩЕДРИН (*смеясь*). Ух, какие прыткие! А что директор?

ФЕДЯ. Да, говорит, пусть, мол, «Хрущев» принимает меры. А то, мол, я эти два места все вычищаю и вычищаю, а институт все направляет и направляет. Карусель какая-то получается. Кадровики в области обеспокоены, нажимают на роно. А те им а мы, говорят, ничего. Ситуация, значит, такая. Скоро комиссия нагрянет, разбираться будут...

ЩЕДРИН. Пусть раньше времени не помирает. А как же быть директором, руководителем-то? Надо брать на себя, а то ведь, как говорит Панкратов, «незаменимых нет»... Ладно, иди, исполняй обязанности. Помогай Тоне на стол накрывать. Да сервиз дорогой, гляди, не грохни. Как в прошлый раз, фужеры хрустальные вдребезги. А то живо причешу вас с Носатым-то, в долларах штраф пришпандорю.

Появляется Надя и Верочка в ярких шифоновых платьях, улыбаясь в предвкушении предстоящего.

НАДЯ и ВЕРОЧКА. А вот и мы.

ЩЕДРИН. Ну, давайте, давайте, комсомолки, вперед! А что это в руках у вас? Муфты? А в муфтах что – пистолеты?

НАДЯ и ВЕРОЧКА. Глупости какие. Что это вы, Сергей Никитич, так плохо шутите?

ЩЕДРИН. Надоело быть умным, щеки перед всеми надувать. Хочется, как и все. А то и просто-напросто побыть идиотом.

Незаметно появляется жена Щедрина – Василиса Ивановна, женщина солидная, с апломбом.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА. Ты и так полный идиот. Как тебя зовут-то в народе – «Хрущев навыворот». Соответствуешь.

ЩЕДРИН. И откуда взялась хоть?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА. Носатый привез.

ЩЕДРИН. Вот Носатый тебя пусть назад домой и увозит. Срочно. А мы тут на работе. Сейчас высокие гости нагрянут, сам Панкратов Филипп Григорьевич.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА. Так что ж я чучело тебе, что ли? Боишься начальству жену свою показать?

ЩЕДРИН. Это тебе не гуляшки, это... как бы тебе сказать-то... совещание, понятно? Но только в неформальной обстановке. Важнейшие деловые вопросы решаются. На высочайшем уровне.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА (на *Рознеду*). А это кто?

ЩЕДРИН. Официантка.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА (на *Надежду и Верочку*). А эти кто? Тоже официантки?

ЩЕДРИН. Да, официантки.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА (на *Тоню*). Ну эта, вижу, официантка. Что ж у вас столько официанток?

ЩЕДРИН. Да, столько! Как в Европе – плюс, в Англии – например. Высокий гость сидит за столом, а сзади у каждого по лакею. В черном стоят, только манжеты белые. Так и взлетают, когда рюму наливать, так и взлетают.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА. Кто взлетает? Кто взлетает!

ЩЕДРИН. Федя! Отвези домой баронессу, а то пешком далеко. Гости вот-вот, а у нас тут не все готово. Так, значит, так. Делаем стойку, наносим последние штрихи. Мы на работе, слушай сюда, мы на ра-бо-те!.. В черном, Носатый, за Панкратовым будешь стоять.

НОСАТЫЙ. А может, за Инкогнито? Все же он гвоздь программы. А Филипп Григорич тут не впервой, вроде как свой человек в Гаване. А вы – за Панкратовым.

ЩЕДРИН (делая большие глаза супруге – ну уходи, уходи же, Федя – давай). В черном, Носатый, будешь стоять за Инкогнито, манжеты белые есть?

НОСАТЫЙ. К-как-кие м-манжеты?

ЩЕДРИН. Экономить на спичках? Доллар экономить, а фунты целые

пролетают.

НОСАТЫЙ. Какие доллары? Мы в рублях работаем. А в Европе вообще уже евро, а не фунты.

ЩЕДРИН. Нет, в Англии по-прежнему стерлинги. Англия – держава самостоятельная, даже канал не хотят англичане эти рыть через Ламанш.

ТОНЯ. Так уже прорыли канал-то, уже и поезда под землей ходят. И вроде бы не Ламанш называют англичане-то, а Английский канал.

ЩЕДРИН. Тоня, что у тебя по английскому в школе было?

ТОНЯ. Пятерка.

ЩЕДРИН. Ну вот, направим тебя на инъяз, на английское отделение. А закончишь – в школу, в Столбцы попадешь. А потом сюда опять же. Вот тогда и будешь мозги нам крутить, как Рогнеда, например. А сейчас марш на кухню! Готовить салаты из крабовых палочек. А Английский канал или Ламанш – нам без разницы, безобра-а-азницы-ы-ы...

Запевая вполголоса, сvedя ладони, потирает с усилием их до блеска, аж искры летят.

Ах, палочки крабовые!

Ах, палочки крабовые, палочки!

Обожаю вас, обожаю вас, милые дамочки!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Там же. Все ушли вовнутрь, в апартаменты. Федя увез Василису Ивановну домой. Рогнеда на веранде одна.

РОГНЕДА (*раскачиваясь в шезлонге*). Кармен я ему, да, Кармен! Кажется, у Кармен должна быть роза в волосах? Красная, ярко-пунцовая. Да, но почему тут, под верандой, растут голубая? Во всю ширину полисада - желтые, а тут голубая? Сорт такой же, все то же самое, а цвет другой – голубая.

Встает и подходит к перилам, всматривается в даль озера.

РОГНЕДА. Как будто волна с озера доплеснулась сюда. Озеро оставило капельку, след свой. Роза – часть озера, неба. Где-то вдаль небо с водой свободно переходят друг в друга. Там свобода! А тут я, как канарейка, в клетке.

Сергей как меня добивался, а теперь готов пустить по рукам! Подставляет этому старцу, человеку в почтенном возрасте. Без зазрения совести. Видите ли, производственная необходимость, так надо ему, «Хрущеву навыворот», так зовут за глаза его в людях. Василиса, жена его – тиранка домашняя. Такая, бабница, сильная женщина! Была когда-то женой директора крупного завода. А когда тот умер, Сергей женился на ней. Она старше его лет на восемь, да он птенчик по сравнению с ней. И зачем женился на ней? Вероятно, из конъюнктурных соображений, иначе бы не сидел тут, в этом кресле. Может, от того и уходит на работу часам к шести-семи утра, чтобы меньше видеть ее, слышать ее уже дребезжащий, старческий голос? Или давняя, что ли, привычка еще колхозного председателя – чуть свет мотаться по фермам? Вставать с третьими петухами...

А мне жаль его. Не заметила, как втюрилась, жалеючи. Зато он никого не жалеет. И, прежде всего, самого себя. К себе он беспощаден, работает на износ. Карьерист несчастный, просто эталон карьеризма. Ради карьеры не жалеет ни здоровья, ни сил. Матери родной, наверно, не пожалеет. Однажды посадил меня рядом в машину, лично сел за руль и возил почти целые сутки. Подъездную дорогу до хлебоприемного пункта достраивали, так он тысячу раз туда-сюда. Каждую машину остановит, с каждым водителем за руку. Бросается к телефону, звонит-то в соседнюю область, в Железногорск, откуда идет щебенка, то даже в Белоруссию, откуда везут асфальт. Все стыкует, подгалкивает, проталкивает. Трудоголик несчастный, темперамент просто невероятный! Зато в постели на всю ночь его не хватает...

И за что втюрилась? Даже не знаю. Ну не за трудовой же порыв. И не за кресло, наверно. Что мне его кресло, я – человек свободный. Корни мои не здесь, три года уже отработала по направлению. Хоть сейчас подымусь и домой к себе, в Воронежскую область. Там живут побогаче, посвободнее, шире. Там и помещиков не было, южнее – уже донская степь, казачьи земли. Вот донские казаки и спрашивают меня однажды: «Не из донских ли будешь казаков?» – «Да нет, - говорю. – Из города я, родом из самого Воронежа». - Вот он и говорит мне: «А знаешь, кто такой Степан Разин?» – «Ну, конечно, знаю. Герой, главный донской казак!» – «Так вот, - говорит, - этот донской казак тоже родом

из города, из Воронежа твоего, с окранны. Ушел в степи и стал казаком».

Сказал это, у самого в глазах тоска смертная! По свободе, что ли? Сидит, упирается в этом кресле своем, замотанный телефонами, тысячами нитей связан с людьми, с конторами всякими. Весь в интригах, на нервах. А сбросить с шеи все это хозяйство не может.

Думаю, что и я ему как глоток свободы. Со мной Сергей не стесняется, говорит, о чем угодно, даже о своих неудачах. Правда, всему есть предел. Однако говорит почти как с равной. Вот и этот «Охотничий домик» для меня сначала придумал. А, как потом сказал, организовал «индустрию отдыха» для высоких гостей. Фонды выколачивать, решать нужды района. «Да много ли мне надо самому-то? – говорит. – Я, как птичка, заскочил в столовую, в кабинетик отдельный, клюнул два раза, и сыт». Василисино варево не перевариваю, директора своего бывшего живьем закопала. Так и стоит Сергей перед моими глазами – какой-то весь одинокий, неухоженный, сам себе рубашки покупает, костюмы. О людях заботится, а о нем самом и подумать-то некому. Василиса, знай, стегает его по малейшему поводу, который, по ее мнению, роняет достоинство его как районного руководства.

Вон шаги слышу – Сергей Никитич, «Хрущев навыворот», сейчас будет звать на примерку. Новое платье, наверное, привез.

Панкратов этот, надо же, глаз на меня положил!

* * *

Кабинет районного воеводы. Рассвет за окном едва намекается, а Щедриш уже в кресле, у своих цветных телефонов.

ЩЕДРИН (позевывая). Отбой дали вчера, перенесли совещание на сегодня. Значит, и в «Охотничьем домике» тоже все переносится на сегодня. Еще кое-что подкорректируем, чтобы все было в ажуре (в угол куда-то). Слышишь, Филипп Григорич? «Без сучка и задоринки, - говорю, – чтоб все было в ажуре в «Охотничьем домике», не возражаешь?» А че там, не воз рожать. Три «п» – главное в нашем деле, да, Григри? Даже больше, чем у вас в имени, два «п» – «Филипп». – «Ну, и каких три «П»? А так, значит, так. Палец (поднимает палец

ввысь), пол (*опускает палец вниз*), потолок (*снова поднимает палец ввысь*). Что сие означает? Наша, Григри, плановая политика: палец поднял - верх с низом соединил... пролетарии всех стран, соединяйтесь!.. Хватит, отсоединились. Пора рассоединяться, чтобы снова потом соединиться...

Панкратов везет сюда гостя – проветриться, показать флору и фауну, всяческие достижения. А у нас еще греча не кошена, свекла в поле, скоро зимой накроет. Что показывать-то? Не в Японии, «кадры решают все». Даже в Японии где-то этот наш нэповский лозунг у себя на заводе каком-то приспособили. Начертали огромными иероглифами. Интересно, как все это в иероглифах выглядит? За границу съездить, что ли?

Господи, все трудовые успехи, трудовые подвиги, личной жизни никакой! А ведь все, как и было. Только слова, лозунги прежние исчезли – «страда», «трудовой фронт», «кукурузные початки протянулись до Камчатки»; «много дел, а цель одна: больше дать стране зерна. Наша главная задача – молотьба и хлебосдача». Ишь, как влезло. Только кому оно теперь нужно все это? Куда деть зерно, где продать? Все перевернулось: за рынки сбыта теперь сражаемся. А по сути две мировых войны тогда ведь из-за рынков и произошли, а политической прикрывались...

Ладно, окоротись, «Хрущев навыворот»! О личном подумай. Ну, не о Василисе же, эта сама о себе способна подумать. О Рогнеде, конечно. Вот, стерва, зацепилась за сердце! Про нас с ней люди скоро начнут болтать всякое. А это нам ни к чему. Мигом кадровики там, вверху, зашевелятся. Подниматься тяжело, слетишь – в один миг. На должностях держат самых устойчивых, способных терпеть. Иные жены, знаю по соседним ребятам, так распоясались, что глядеть на ребят невозможно без слез. А терпят, куда денешься? Зато и позавидуешь тем, кто сидит в кресле при обеспеченном «тыле». Де-факто, а не де-юре.

Глаза у Рогнеды синие, синие. Как васильки. А волосы – воронова крыла. Из половцев, что ли? Половчанка? Отпрыск степей. Как взглянет – прожигает всего насквозь. Где ж Филиппу Григоричу устоять, когда я еле-еле? Филипп – имя такое, в переводе – «любящий лошадей», а тут – женщина! «Любви все возрасты покорны»... Да, но мне что от этого? Как сказал он тогда про нее,

так сердце и упало. И ноет, ноет. Как не у мужика. Держись, «Хрущев»! Выворачивайся наизнанку. Уж я Надюшку с Верочкой для чего приглашаю? Может, он с Рогнеды на какую-нибудь из них глазик свой переведет. Они тоже ничего - молодые, красотки! Плохих не держим, только таких.

Щедрин встает с кресла и начинает расхаживать по кабинету. Наискосок, из угла в угол.

ЩЕДРИН. Сейчас круговерть завертится! Рабочий день начнется. Едва рассветает, как с цепи сорвется, зарычат телефоны. Секретарша к восьми приходит, у иных воевод с семи, с полвосьмого. Тут – то с полседьмого, даже с шести – у нас, воевода, самая работа. Друг с другом общаемся, нужные люди звонят. А с восьми, как официально все начинается, меня уже нет... Графоманы заели, книжки стали писать по районам, районные будни. Это мы, воеводы, их расплодили. Сами понапечатали «истории районов», вот нам и подражают. А денег давай – решают на своих презентациях.

Вот! Уже зазвонили! И сразу в два телефона. Прощевай, Рогнеда, до следующего утра. Вернее, до встречи сегодня в «Охотничьем домике»! Надо переходить на сотовые - для лучшей интимности да и для эффекта связи с соседними воеводами.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Там же, в овальном кабинете районного администратора. Щедрин Сергей Никитич плотно сидит в своем кресле.

ЩЕДРИН. Как у американского президента кабинетик-то – тоже овальный. И стол от прежнего воеводы остался. Кажется Рейган или, что ли, Клинтон, когда уходил, дела сдавал преемнику, так вроде бы написал да в стол сунул записку: «Слушай, парень, когда тебе будет трудно, вали все на меня». Чудаки, американцы! Да у нас только тем и занимаются, и без всяких тебе церемоний. Ну это, когда на пенсию кто пойдет или кого уберут. А когда выше поставят? Звезды кремлевские все видят. А чего не увидят, сами там догадаются.

Так, значит, так. Запарка телефонная, утренняя зарядка проходит. Начинается планерка, где деньжонки районные делим. Да посещения тех, кто через

секретаршу сумел прорваться. Экстренные случаи или очень уж важные люди... Так, ну кто первый?

Входит известная всем бабка Фешка – районная достопримечательность. Идет к столу, распевая песню еще от порога.

ЩЕДРИН (*вставая навстречу*). Ногами дверь открываешь, как начальство какое-либо великое. Как сам Панкратов!

БАБКА ФЕШКА. Чего хозяина-то порочишь?

ЩЕДРИН (*пропуская мимо ушей*). Кто ты сегодня у нас – бомжиха или народная артистка?

БАБКА ФЕШКА. Бомжиха не склоняется и не спрягается.

ЩЕДРИН. Заявочки! Ну че там у тебя?

БАБКА ФЕШКА. Да вот прочитала в газетке «Искра», у большевиков. Пензию нам, оказывается, уж лет семь как недоплачивают. Коэффициент ниже взяли, за счет чего коттеджи себе и создают. А народ страдает. Страсбургский суд одной бабе в Новосибирске постановил: оплатить! Нарушение прав, на остальные миллионы пенсионеров решение распространить.

ЩЕДРИН. Ого, заявочки! Ты сегодня у нас прямо-таки министр иностранных дел. А я тебе что – председатель совмина? Всего-то районный воевода. В Москву тебе надо ехать, к министру. Или хотя бы в Пенсионный фонд, обратиться к Зурабову тут у нас по назначению.

БАБКА ФЕШКА. Чего Зурабов-то исделает? Я прямо к тебе, к самому, ты же у нас «Хрущев».

ЩЕДРИН. «Хрущев», да навыворот. Что я тебе – кузнец счастья? Хошь Абдулову позвоню, пусть рубликов пятьдесят тебе прибавит к пенсии. Из районных средств. Для особо нуждающихся ветеранов.

БАБКА ФЕШКА. А я и не нуждаюсь. Вот живу на половину пензии, а половинку – в детсад номер один отдаю. А добавишь пятьдесят – что ж мне, и другую половинку теперь и номеру два отдавать? Гляди, чем кормят детей? Одной манкой, третий день без молока сидят. И крыша в детской библиотеке течет. А ребенок в Алисовой, это уже сорок первый в районе, при живой-то матери – алкоголичке, как есть сирота сиротская. Как услышал про Страсбург-

ский суд, так бежать от бабки сюда, в райцентр, босиком по снегу. А ведь трех-летний малыш. Вон сидит у тебя в приемной.

ЩЕДРИН. Не брешь, бабка Фешка, грех брехать. Это все твои миражи. Зло на людей не распространяй, только доброе. На добро у нас сил не хватает.

БАБКА ФЕШКА. А я и так вот, песни пою, народ веселю, цветы у «хозмага» намеренно высадила. Хожу каждый божий день, поливаю. Вот бы дед бы мой дожил до такого дня, фронтовик. Сталинград отстоял, домик Павлова, а тут ногу отдало, так и помер безвременно, царство ему небесное.

ЩЕДРИН. Как безвременно? Лет уж под девяносто было, а? Ты вот что, бабка Фешка, иди пиши заявление. А я потом прочитаю. Только не стихами, как в тот раз, а драматически. Чтобы можно было нам тут до совещания прочитать. Понятно, доступно тебе говорю? Иди. Все. Приходи еще, когда вздумаешь. Когда песни кончатся, мы тебе еще тут подбросим. К Сапрыкину сходи, что поэт тут у нас, он тебе еще напишет.

БАБКА ФЕШКА (*делая ручкой*). Ну, я пошла, разогналась.

ЩЕДРИН. И куда же?

БАБКА ФЕШКА. В ЗАГС – в запись актов гражданского состояния. Сколько умерло, сколько родилось? Пусть посчитают.

ЩЕДРИН. Иди, иди к Абдулову, я ему позвоню.

Бабка Фешка, распевая песни, выходит из кабинета. Щедрин провожает бабку Фешку глазами. Утирает пот со лба.

ЩЕДРИН. Ух, ты господи! Никакого сердца не хватит! Ну, кто там еще, Ниночка? Все, больше никого. Аппаратное совещание. Или это... финансиста зови... кого-кого? Берию, Берию! Да это кличка такая, что ж ты не знаешь? Ну, Кратова Семен Семеныча – финансиста нашего. Пусть идет со своими легендами, кое-чего тут обсудим.

Вкрадчиво, озираясь по сторонам, входит Кратов Семен Семенович – финансист районный, с кем Щедрин любит беседовать больше всего, морочуя над цифрами – над источниками и истоками поступления и отступления.

ЩЕДРИН (*важно*). Слушай сюда, Семен Семеныч! Вот я впервые тут задумался: ну я-то «Хрущев навыворот», ясно-понятно, Никита Сергенч – Сер-

гей Никитич. А вот почему ты – Берия, а? Почему тебя так в народе кличут? Ить не в милиции работаешь, не в НКВД, а в финансах.

КРАТОВ. А что ж тут непонятного? Так, значит, так. Бери, стало быть, я – а трать, стало быть, ты.

ЩЕДРИН. Что удумал! А что ж, я чтоб брал, а ты тратил? Вас, таких мудрецов, много находится тратить-то. Только затем и прутся сюда, приходят.

КРАТОВ. Так официально вы же распорядитель кредитов, на вас все в районе замыкается.

ЩЕДРИН. Ну, а ты берешь, что дают, да? Что от меня останется? А мне дуже много всего надо... Ну, это мы пока что отбросим. Давай-ка на нашем любимом, тайном дитяти сосредоточимся – на «Охотничьем домике». Ведь нелегально содержим, средств ни это область ни грамма, хотя в основном тут на совещаниях обретається. Всех поим и кормим, да еще и Москве кое-что достается. От бабки Фешки отщипываем, а Инкогнито даем. Слышал, едет такой к нам сюда из столицы.

КРАТОВ (*мрачновато*). Уж приехал. На бронзовом автомобиле. На иномарке, с нулями. И с милицейским сопровождением.

ЩЕДРИН. Так это Панкратов с ним, он же губернатор, ему сопровождение положено. Охрана в штатном расписании области.

КРАТОВ. Что ж он карагод весь таскает?

ЩЕДРИН. На сей раз одна «Волга» с мигалкой. В райотделе милиции на прикол встала, там и стоит. А Панкратов один по району поехал. Отказался от моего сопровождения. Я, говорит, и сам все тут знаю. Думаю, на границу с Глашатовским районом поехал – встречать гостя из Москвы, Инкогнито. Что-то задерживается, заметил? Не вместе едут, а врозь. Делают вид такой, вроде тут случайно встречаются.

КРАТОВ. Для кого вид-то?

ЩЕДРИН. Для всех. Для генерал – губернатора и органов. Так, ну ладно, давай по делу. По финансовым легендам пройдемся. Ну, что там у тебя по «охотничьему»-то?

КРАТОВ. А ничего хорошего. Вот, глядите! Что выделяем и что тратим

– не стыкуется. Как будем восполнять дефицит?

ЩЕДРИН. А хозяйства на что?

КРАТОВ. Значит, снова бери я, а тратить вы будете? Или этот... Носатый? Нос свой длинный всюду сует, все вынюхивает, где что плохо лежит.

ЩЕДРИН. Ты его не ругай, он, я так считаю, на ответственном посту. Через него по сути идут инвестиции, финансовые потоки. А ты только подхалимничаешь, подхватываешь готовенькое.

КРАТОВ. Мы – согласно планированию. У нас девяносто процентов дефицита, область покрывает районный бюджет.

ЩЕДРИН. Если бы на бюджет только жили, давно бы уж по миру пошли. Так, значит, так. В основном у нас три источника – три составные части марксизма, так? Что на базар несем? Деньги, источники. Пенсионный фонд – девятнадцать миллионов, так? Бюджетников – учителя и врача, так? Ну, и мы с тобой – чиновники госучреждений, так? И кое-какое... так себе... производство, хлеб в основном...

КРАТОВ. Ну, так, так.

ЩЕДРИН. А пятая колонна должна быть в самом Мадриде. Внутри нас сидеть. Это – инициатива, понял, Семен Семеныч, по кличке Берия? Инвестиции, инвестиции и еще раз инвестиции. И внешние и внутренние. А они просто так не даются. Тут мозгой надо шевельнуть, на талант поднасесть, без таланта в нашем деле, Семен Семеныч, нельзя. Время такое – стопчет, и люди заклюют. Вон даже бабка Фешка явиться изволила...

Ну, ладно. Давай поконкретнее, не растекайся мыслью по древу. Так что у нас по «охотничьему»-то, сколько чего не хватает? Для роскошной жизни отдельных граждан? И где чего брать, чем дыры забивать?

КРАТОВ. Не больно-то свирепствуйте. А то Василиса к вам принохивается. Это баба такая, все ваши планы к чертовой матери.

ЩЕДРИН (*протуская мимо ушей*). Дороги надо строить. Приводить все в движение на уровне конца двадцатого века с переходом в век двадцать первый. Что ж мы все на телегах будем ездить? А дороги – бездонная бочка. Особо федерального значения. Три «лимончика» – километр. Будем хлопотать, чтобы

дорогу из областного центра на Храмовск сделали главной. Вот что-нибудь и себе отщипнуть сможем от магистральной-то. Аргументы? На сорок километров путь из Храмовска в областной центр спрямляется, сокращается время.

КРАТОВ. Щипачи! Да уж давно по дороге долдоним, а что толку?

ЩЕДРИН. А сегодня конкретно поставим вопрос. Перед губернатором в присутствии Инкогнито. Как это Панкратов перед высшим гостем будет выкручиваться?

КРАТОВ. Голова, ты, Сергей Никитич! Действительно, как это Панкратов перед высоким гостем будет выкручиваться?

ЩЕДРИН. Не подхалимствуй! Финансовый воротила! Ищи лучше внутренние резервы, это я насчет «Охотничьего домика». Чтоб все было шито-крыто и официально полный ажур.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Там же, в овальном кабинете. Районный воевода остается один, глядя вслед уходящему Кратову – финансисту. Стучит костяшками согнутых пальцев по дереву – по столу с телефонами, сплевывает три раза в угол.

ЩЕДРИН (*напевая, под нос себе*). «Мы все в эти годы любили, но, значит, любили и нас»... Вот привязалось, это тебе не Сапрыкин, это тезка мой...

Набирает свою приемную.

Ниночка, больше ко мне никого... Кто-кто? Интеллектуалки? Ах, мои добрые знакомые, говорят? Ну, этих давай сюда, пропусти.

Входят Надя и Верочка. Обе прямо с порога в один голос.

ЩЕДРИН (*перебивая их*). Ну, что у вас там стряслось, Гильденштерн и Розенкранц, Добчинский и Бобчинский, двойственное число?

НАДЯ и ВЕРОЧКА (*вразнобой, но заодно*). Сергей Никитич, переведите нас в другую школу! Тут мы больше не можем.

ЩЕДРИН. Что я вам – роно, что ли? Или зав. кадрами?

НАДЯ и ВЕРОЧКА. Он же нас помогает. И помогает и помогает. Просто житья никакого!

ЩЕДРИН. И кто помогает? Какого житья?

НАДЯ и ВЕРОЧКА. Ну, директор, директор наш, женолюб.

Воевода делает незаметное движение рукой под столом.

ЩЕДРИН (*отвываясь на спинку*). Ну, говорите, говорите. Излагайтесь, я слушаю.

НАДЯ и ВЕРОЧКА. То вот к ней одной приставал, к Наде. А теперь сразу к обеим.

ЩЕДРИН. Так, значит так. То, когда к одной приставал, все было хорошо, не спа – не так ли? Мы молчали. А когда был открыт еще и второй фронт, мы вопим, на кого жалуемся?

НАДЯ и ВЕРОЧКА. Да на директора же, на директора! На Одинцова Виктора Петровича.

ЩЕДРИН (*улыбаясь*). Вот видите, Одинцов – одинокий человек. У него фамилия такая, а вы его пригреть не можете, обратить на человека внимание. А ведь он еще не стар, холостяк. Это де-факто.

НАДЯ. А де-юре - противный. Формалист несчастный. По урокам таскается, давление организует, протоколы на нас подшивает.

ВЕРОЧКА. У него слюней во рту много. И какие-то кислые. Никита... Сергей (навыворот, как вас?) Никитич! Переведите нас в другую школу.

ЩЕДРИН (*вовсе весело*). Во, девочки! Имена уже стали путать. Скоро забудете, как и директора-то зовут. Как хоть школа называется, помните?

НАДЕЖДА и ВЕРОЧКА. Да в Столбцах, в Столбцах школа!

ЩЕДРИН (*рассмеявшись*). А говорите, директор домогается. Но аргументов – ноль, никаких. Одни эмоции, переживания, не подкрепленные фантасми. А вот мы сейчас с вами тут концерт устроим хора имени Пятницкого. И плохое настроение развеем...

Включает магнитофон на подоконнике. Раздается голос Надежды Бабкиной: «Конфетки-бараночки... от мороза все пьяные»...

ЩЕДРИН (*аж подсказывает, сидя в кресле*). Ух, Бабкина! Что бы мы без тебя делали! А сейчас на вальс переключим. Это мне кассету Сапрыкин, поэт местного значения, подарил.

«Осенние листья

Шумят и шумят в саду».

НАДЯ. А это уже Алла Пугачева.

ВЕРОЧКА. Ух ты, люблю Аллу Борисовну!

Обе интеллектуалки аж притоптывают, прямо-таки танцуют на месте. Воевода не выдерживает вскакивает из-за стола и гоголем проходит между ними, подкручивая несуществующие усы. Подхватывает одну за талию, другой кладет руку на плечо. Вальсируя, идет из угла в угол, наискось всего кабинета.

ЩЕДРИН. Вот жизнь! Это я понимаю! С Василисой начисто забыл про вальсы, про Бабкину тоже. Все работа, цифры, как блохи, перед глазами мотаются... Девочки, девочки! Ничего дверь двойная! Ключиком так вот щелк, и никто не войдет...

НАДЯ. Вот бы глянул на нас наш директор.

ВЕРОЧКА. Вот вошел бы Панкратов.

ЩЕДРИН. Щедрость души, предадимся разврату... ну это, правда, сильно сказано... предадимся чувственному порыву. Минута отдыха, а то я уж с шести утра тут, как сыч, при своих телефонах... закис совсем...

Воевода валится на кресло, радостно возбужденный.

ЩЕДРИН. Ну что – боржомчику?

Наливает в сифон одной рукой. Смотрит, как они пьют из хрустальных стаканов.

ЩЕДРИН *(в сторону)*. Японские гейши, египетские пирамиды – подружки самой Клеопатры. *(Вслух)* Им, значит, все было там, в истории можно, а нам тут, значит, ничего нельзя? А сейчас, девочки, переходим ко второму акту. Сейчас настроеньице мы вам маленько подпортим *(в сторону)*. Черти меня несут, нельзя ведь на этой должности. А все же интересно, как они реагировать будут? *(И опять вслух)*. Вот, слышите?

Раздается легкое потрескивание не то где-то внизу под столом, не то в углах кабинета. И голоса молодые, девичьи-то слитно, а то врозь. Наконец, слова проясняются, однако фонит.

«Сергей Никитич, переведите нас в другую школу... Он все нас помога-

ется... Ну директор, директор»... - это они обе вместе.

«То вот к ней одной приставал, к Наде». – Это мой голос, - шепчет Верочка.

«А де-юре противный, формалист несчастный». А это я, - шепчет Надя.

И опять обе сразу: «Сергей Никитич, переведите нас в другую школу, никакого житья».

У Нади и Верочки, у обеих интеллектуалок, аж глаза на лоб лезут. Щедрин сидит, довольный произведенным эффектом.

ЩЕДРИН. А вы думали как. Се ля ви. Сижу вот, весь японской аппаратуры замотанный. И пока ничего. Знаю, где что включить и вовремя выключить. Вон американское посольство наши построили в Москве, так они начисто отказались переезжать. «Жучков» каких-то в стены наши им там понасовали. А они нам там у себя в Вашингтоне...

Девочки! Да что же вы, сразу в слезки. Если что не так, извиняюсь... Ну, пошутил, дико так пошутил. Не хотел ведь обидеть вас, мои дорогие. «Хотелось, как лучше, а получилось – как всегда», - это так Черномырдин – премьер наш – когда-то сказал. А пресса уши нам понабивала. Что ж, значит, им так все можно, а нам тут ничего, что ль, нельзя? Пошутить даже нельзя?

НАДЯ. Во дурак!

ВЕРОЧКА. Он же навыворот, у него все навыворот!

ЩЕДРИН. Это вы про кого?

НАДЯ и ВЕРОЧКА. Да про Черномырдина, про кого ж.

ЩЕДРИН (*доставая коробку конфет*). Угощайтесь! Видите вот, я взял все и стер. Нет ваших голосов, как сон, как утренний туман.

НАДЯ (*жуя конфету*). Ну, да, а горечь воспоминаний?

ВЕРОЧКА. А я шоколадные не люблю. Зато вальс останется в памяти.

ЩЕДРИН. И Надежда Бабкина! Как поет!

«Гимназистки румяные,

От мороза все пьяные.

Грациозно сбивают

Рыхлый снег с каблучка-а-а...»

Щедрин так и ведет их, полюбив за талию, вальсируя до самой двери.

НАДЯ и ВЕРОЧКА (*приостанавливаясь*). Сергей Никитич, можно мы будем к вам иногда приходиться?

ЩЕДРИН (*бездумно, весело*). Можно, можно! Приходите, заходите! Скажите в приемной, чтоб мой шофер Федя отвез вас сей же момент в «Охотничий домик». А Носатый платье вам подберет, там у него уже целый гардероб. Ну что, до побачення?

Девчата уходят. Районный воевода сидит какое-то время, пусто смотрит в окно. «Уф ты, – утирает, наконец, он пот со лба. – Неловко как пошутилось. стыдно, брат, вести себя так с молодежью».

Набирает номер своей же приемной.

ЩЕДРИН (*в трубочку тихо, почти интимно*). Ниночка, дорогая! Больше этих барышень ко мне не впускай. Для них меня всегда нет... Табу, да, табу... Для них я всегда то в область уехал, а то по району... По району, говори им, мотается... Совсем замотался, мол, этой японской аппаратурой... К чему тут аппаратура?.. Действительно, ни к чему. Но так, к слову. Когда Федя, шофер мой, вернется – скажешь мне.

Воевода включает запись, находит нужное местечко. «Вот бы глянул на нас наш директор... Вот вошел бы Панкратов... Щедрость души, девочки... предадимся разврату»...

ЩЕДРИН (*в сторону*). Первое надо, на всякий случай оставить, а второе, на всякий случай, стереть. Вещдоки – вещественные доказательства, за спиной ничего не должно оставаться. А то забудешь, а Василиса тут как тут, на страже нравственности. семьи...

А с директором надо подумать. Может, и правда к контингенту ладится. Что ему – на стороне не хватает? Надо нам путать карты. Игру в покер превращать в подкидного... Запасной аэродром пора создавать где-нибудь в еще более глуховатом местечке. Может, скоро уеду отсюда, перебазируюсь, от этой встречи тоже что-то зависит.

Входит Федя – его шофер.

ЩЕДРИН. Ну, отвез?

ФЕДЯ. Кого?

ЩЕДРИН. Да девчат же, интеллектуалок этих. Были тут у меня на приеме.

Составляя хрустальные стаканы опять на поднос. относит на отдельный столик, подальше - с глаз долой.

ФЕДЯ (*окинув их наметанным глазом*). Да нет, не отвез.

ЩЕДРИН (*посуровев сразу*). Почему!!

ФЕДЯ. В парикмахерскую отправились. Красоту наводить.

ЩЕДРИН. А-а, ну это надо. В парикмахерскую за ними заедь, отвезешь в «Охотничий домик».

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Тот же «Охотничий домик». Только уже не веранда, а внутреннее помещение – небольшой и уютный зальчик, оформленный празднично, с огромным столом. Хрустальная люстра. Окна с видом на озеро. Воевода сидит на месте номер три, в ожидании гостей, весь взведенный.

ЩЕДРИН (*в сторону*). Хозяин звонил только что. Просил не встречать, чтоб глаза не мозолить. Сам дорогу знает. Гостя тоже отдельно привезут (*Вслух, глядя на озеро*). Лебедей, что ли, тут развести, чтобы под окнами, грациозные, плавали? В прошлый раз, когда Германа Титова принимали, были лебеди – белые. Черных бы теперь завезти – редкая птица. «И за что я люблю этих черных лебедей, так это за то, что у них красный нос» Кто это так написал? Неужели Сапрыкин? Талант. Лебедей черных из Австрии привезти, что ли?

А девчата – все прихорашиваются. Красотки, лебеди белые в белых платьях. Особо Рогнеда. Комсомол, молодежь! Одним своим видом стенки пробивают - любые.

«Гимназистки румяные...

Грациозно сбивают

Рыхлый снег с каблучка...»

А скатерть-то, скатерть! Самая лучшая! При боковом электрическом освещении выдает внутренний свет, тайный узор. А сверху глянешь – ровное снежное поле. Эстетика – называется, красота!

Входит Рогнеда. Темная копна волосы по плечам, а лик светлый, глаза синие.

ЩЕДРИН (*про себя*). И за что любят хоть васильки, ведь они же сорняк?

(*Все еще не замечая Рогнеды*). Да, Рогнеда? (*В сторону*). И что останется от нашего времени, что будут знать о нас люди в будущем? А что Сапрыкин напишет, то и будет (*наконец, замечая Рогнеду, вслух*).

А-а, вот и ты, черная лебедь.

РОГНЕДА. Почему черная? Я же в светлом платье.

ЩЕДРИН (*притягивая ее к себе*). Дорогая, потому что ты из Австалии.

РОГНЕДА. Не отпускай меня, Сережа. Не отдавай никому.

ЩЕДРИН. У меня и у самого сердце ноет. Да императрица моя... ну, баронесса, баронесса... Василиса Меркурьевна... на страже своих интересов...

РОГНЕДА. Как Меркурьевна? Василиса Ивановна.

ЩЕДРИНА. Ну, Ивановна... Василиса Премудрая... уж позабыл, как ее и величают. И чем пахнет, как говорил артист Никулин, у жены под мышками?

РОГНЕДА. Фу как! Чего это ты, Сережа?

ЩЕДРИН. Зато реализм, жизненно важно. Иди переодевайся в черное платье. Будешь менее привлекательной. А Верочка пусть оденется в белое.

Рогнеда уходит. Щедрин снова остается один.

ЩЕДРИН (*в сторону*). Ишь, губы раскатал – в область, на губернаторское место намылился. А тут хотя бы на воеводстве-то удержаться. Высшие власти – у них снасти, так называемые «объективки», на каждого. Вопросов тьма, а ответы у них. Ниточки к каждому, главное – не потерять обратной связи, от себя туда, наверх. А то живо найдут причину «соответствия - несоответствия».

Так, значит, так. Рогнеда будет сегодня черной лебедью из Австралии.

Кармен! С алой, пунцовой розой в волосах. А я конь вороной, и мы будем ее выкрадать... выкрадывать? Да, выкрадывать. Нет, лучше выкрадать, как покороче... Надо у Сапрыкина спросить, как – выкрадывать или выкрадать?.. Что-то сердце трепещет, вещует что-то неладное, дисгармоничное. Чует, что после этой встречи со мной что-то произойдет. А с Рогнедой? С характером, своим нравна, не покомандуешь. Губы твои еще чувствуют прилив ее губ - сладковаты, грешны.

Щедрин проходит вокруг накрытого стола, проверяет все по номерам - ложки, вилки, фужеры.

Появляется Федя – шофер Щедрина.

ФЕДЯ. Едут, Сергей Никитич, едут!

ЩЕДРИН. Кто едет? Оба?

ФЕДЯ. Сам Панкратов. Его машина показалась.

Все забегали, взметались.

ЩЕДРИН. Спокойно! Народ, на веранду, к порогу! Рогнеда, хлеб – соль на полотенце! Длинное, с петухами! Выходите, встречайте.

Раздается трехголосный сигнал во дворе. Это Панкратов, сам губернатор провинции, собственной персоной. На веранде оживленные голоса, женский смех, грубоватый, серебристый баритон. Сделав стойку, Щедрин встречает высокого гостя у самых дверей. Вот и сам Панкратов Филипп Григорьевич – высокий, с седой шапкой волос, которую он несет торжественно, важно.

ПАНКРАТОВ (*передавая воеводе от девушек рушник с хлебом-солью, слегка притягивает его к себе, отстраняет и чмокает по-московски – прямо в губы*). Ну, как ты тут, гвардеец пятилетки? А ничего, ничего, молодцом!

Проходит в зал. Садится привычно, в торец стола, на первое место.

ЩЕДРИН (*покраснев до корней волос, делает Рогнеде большие глаза*).

Садись, садись рядом! С другого борта!

Рогнеда покорно садится возле Панкратова с левой стороны. С правой – место около него остается пустым.

ПАНКРАТОВ (*хмуря брови, указывает на него*). Чье это?

ЩЕДРИН (*замешкавшись*). Так это для вашего друга. Для гостя из Москвы.

ПАНКРАТОВ. Не подъехал?

ЩЕДРИН. Звонили, сию минуту подъедет.

ПАНКРАТОВ (*грубовато, смешочком*). Пока подъедет, мы уж по рюмке пропустим. Как вы, девочки, не возражаете. Ты, Кармен, как?

ЩЕДРИН (*уходливо*). Кармен не возражает, да, Рогнеда? И все не против, да, девочки?

НАДЯ С ВЕРОЧКОЙ. Да, да, конечно, мы не возражаем.

ПАНКРАТОВ (*Щедрина, властно*). Садись рядом, хозяин района, подъедет - передвинемся, какие проблемы.

ЩЕДРИН (*суетливо, на себя не похоже*). А никаких проблем, никаких абсолютно.

ПАНКРАТОВ. Ну вот. Отдыхать приехали, а не проводить совещание. Совещания остались там, а тут мы – люди, все одинаковы. Всех мать – отец родили, на свет божий пустили.

Все живо усаживаются по местам, заранее определенным. Щедрин сидит рядом с Панкратовым – справа, рядом с ним оказывается Верочка, далее – Надя. Слева от Панкратова сидит уже Рогнеда. Носатый мечется с полотенцем в петухах – с хлебом-солью, которое сунул ему Щедрин, не зная, куда деть это проклятое полотенце.

ПАНКРАТОВ (*показывая на Носатого*). А это кто?

ЩЕДРИН (*слегка наклонясь к Филиппу Григорьевичу*). Это? Директор нашего заведения.

ПАНКРАТОВ (*грубовато смеясь*). Ах, пан директор из «Кабачка 12 стульев»? Ну, пусть тоже садится. Вот тут, есть же пустые места, стулья.

НОСАТЫЙ (*кланяясь в пояс*). Спасибо, Филипп Григорич. Мы тут к двери поближе. Чтобы, помогать Тоне – нашей официантке.

ПАНКРАТОВ (*широко улыбаясь*). Располагайся же, пан директор. А Тонечка и сама справится, да, Тонечка?

ТОНЯ (*зардевшись вся*). Конечно, справлюсь. У нас все готово.

ПАНКРАТОВ (*потирая сильные руки, аж искры сыплются между пальцами*). Все на мази, все на мази! Молодцы! Как это в народе у нас: эх, пить будем да гулять будем, а смерть придет, помирать будем!

ЩЕДРИН (*улыбаясь сладенько*). Что вы, Филипп Григорьевич! Вон вы какой громило-то, богатырь земли Русской! Вам и слову нет и не будет.

ПАНКРАТОВ (*обнимая его за плечи*). Не дождутся враги, которых мы сегодня клеймит не будем. Мы будем пить, петь, танцевать, да, девочки? Так, Щедрин? Вот какая у тебя фамилия – значительная, щедрая. А ранее я этому внимания не придавал, а теперь придаю... прида-ю-ю...

ЩЕДРИН. Не играет значения, Филипп Григорич. Главное – вы приехали, и мы все тут счастливы. Свет, свет, свет включайте! Забыли включить. Видите, как скатерть-то отдает рисунком при боковом освещении?

ПАНКРАТОВ (*вставая во весь свой неограниченный рост*). Ничего, ничего. Первый тост – за хозяев.

ЩЕДРИН (*угодливо*). Вы у нас тут хозяин, первый человек. Хозяин всего положения, губернатор вы, Филипп Григорич, любящий лошадой....

ПАНКРАТОВ (*несколько смутившись*). Каких лошадей?

ЩЕДРИН (*чувствуя, что его куда-то несет*). Ну нас любящий, нас – народ. «Все мы немного лошади», - как сказал Маяковский, - «лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи».

ПАНКРАТОВ (*увещательным тоном*). Ну, это ты брось. Эпоха уже другая.

ЩЕДРИН (*выплывая на другой бережок*). Но люди остались?

ПАНКРАТОВ. Вот за людей и выпьем. Действительно, все мы немного лошади. Если уж пьем, так пьем. Как говаривали в древности, питье есть веселие Руси... Ну, вздрогнули! За великий русский народ!..

Что тут у нас – грибочки? Очень мило. Положи-ка мне. Роксаночка, вот сюда...

ЩЕДРИН (*за спиной Панкратова делая знак Рокселе*). У него самого дочь Роксана. Тебя с ней немного путает. Ничего, ничего, бывает.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Там же, в зальчике, те же.

ЩЕДРИН (*слегка наклонясь к Панкратову*). Нравятся грибочки? Берите еще. Рогнедочка, клади Филиппу Григоричу еще, еще. Мы, Филипп Григорич, баночки с грибками вам в машину уже положили. И вареньица, и соленьица. Грибки у нас тут сами к нам бегом бегут. Вон тем бережочком, бережочком, сюда прямо к домику. А там вон малина... брусника – царская ягода...

ПАНКРАТОВ. Почему царская? Полагаю, цари любили?

ЩЕДРИН. Брусничную воду любили, из ягод брусники. По легенде – тут у нас, говорят, и собирали.

ПАНКРАТОВ. Легендарные места, легендарные. И невесты тут, полагаю, тоже царские? Для царей росли такие красавицы. Во, Кармен, с алой розой в волосах. Прямо царская невеста. Ну-ка, выпьем с тобой, голубушка, на брудершафт... Аге, ах, Русь любите троицу? Второй тост – за кого? За женщин, за вас, девоньки! За наших царских невест... Все, делаем паузу.

ЩЕДРИН (*осторожненько так, оборачиваясь, глядя на дверь*). Что-то наш Инкогнито задерживается.

ПАНКРАТОВ. Ничего, приедет. Любит, старик, фокусы. То раньше приехать, то опоздать... Мы знакомы с ним вечность. Где только с ним не бывали. Даже, представьте себе, в Антарктиде. Китов когда-то били по молодости, ходили туда из Одессы с флотилией «Слава».

ЩЕДРИН. Да, Филипп Григорич, где вы только не побывали, чего только не повидали. У вас – биография! А профиль хоть на монетах печатай.

ПАНКРАТОВ. Ну это ты зря. Зря, батенька мой. Еще рано так говорить. Вон еще сколько на столе всего, только ведь начинаем – полдень всего, до вечера далеко. Разгон должен быть не так уж и крут. Не то – что? что, девочки? – ждет нас фиаско. В нашем возрасте это не позволительно. Суворов брал Измаил – вон какие стены высокие, а взял. Влез русский солдат на невозможную высоту, преодолел. А тут мы дома, так, Сергей?

ЩЕДРИН. Так, конечно, Филипп Григорич. Вас тут любят и ждут всегда, в любую минуту.

ПАНКРАТОВ (*поднимаясь опять-таки*). Ну что – третий тост? Расслабляться, так расслабляться. Ну, вот ты, Роксаночка, и предложи свой тост.

ЩЕДРИН (*из-за Панкратова, делая Рогнеда большие глаза и указывая на его широкую спину*). За него, за него.

РОГНЕДА (*вставая*). У нас всех тут одно предложение – за вас поднять тост, Филипп Григорич, отец наш родной! Все «за»?

ВСЕ ХОРОМ. Все, все, конечно. За вас, Филипп Григорич, за ваше неувядаемое здоровье.

ПАНКРАТОВ (*махнув рукой*). А-а, ну что там... Ну, что же, спасибо. Я вам весьма благодарен. Будем держаться, оправдывать ваше доверие, дорогие друзья.

Уж и третий, и четвертый тост пропустили, да не злило, а по самому центру, а Инкогнито все не было. Может это и шиф – Инкогнито этот, если бы Федя лично не видел в городе шомарку с московским номером, когда ездил туда за французским шампанским. Может, они заблудились, не по той дороге поехали?

ЩЕДРИН (*вслух, Панкратову*). Бродит, небось, где-то тут по болотинам, как Иван Сусанин. А дорог никаких.

ПАНКРАТОВ. Кто бродит?

ЩЕДРИН. Да друг же ваш, Инкогнито. С флотилии «Слава». Ваш друг, китобой.

ПАНКРАТОВ (*закрасневшись, склоняется к Щедрину*). Так, сынок, так. Между прочим, друг мой - кадровик. Больших людей делает еще больше. Возраст у нас уж такой, между прочим. Хочет приблизить меня туда к себе поближе, к кремлевским звездам. А тут, естественно, передвижки... Родина тебя не забудет, Сережа... засиделся ты тут...

ЩЕДРИН (*задышав тяжело*). Да что вы, Филипп Григорич! Нам и тут хорошо.

ПАНКРАТОВ (*поднимаясь важно из-за стола*). Физкульт-пауза! Ее, проклятую, всю не попьешь. Мне баян! Есть баян?

НОСАТЫЙ. Есть, а как же. Заведения укомплектовано, и гитара есть.

ПАНКРАТОВ. Вот молодец! На гитаре я не могу, это друг мой может, его прерогатива. А я слегка пиликаю на баяне. Для души. Ну, давайте баян.

Носатый вручает Филиппу Григорьевичу инструмент.

НОСАТЫЙ. Не ахти, но на заказ все же, в Туле делался.

ПАНКРАТОВ (*подстилая на колени бархотку*). Нам без разницы, мы и на тульском, и на тальянке можем.

И тут же изображает «Полонез» Огинского. И сам себе смеется по-молодому, оглядывая всех: ну как? А люди просто в восторге. Надо же, а? Просто не верится.

ПАНКРАТОВ (*вытирая пот со лба*). Я еще вальс «На сопках Маньчжурии» могу, но похуже.

Носатый, спеша на выручку, принимает баян из рук высокого гостя и вальс «Амурские волны» заликает зальчик, охотничьи берега. Носатый - мастак на это, талант, художественной самодеятельностью когда-то руководил.

ЩЕДРИН. Мы его специально сюда директором поставили, гостей веселить.

ПАНКРАТОВ. Ну, давай эту вот песню – «Вот кто-то с горочки спустился», можешь?

Носатый кивает, а как же. И пошло, поехало, покатило. Сначала русские народные песни, потом просто народные. А потом и до романсов стали добираться.

НОСАТЫЙ (*Панкратову*). Какой у вас серебристый голос, «баритон» - в переводе «красивый».

ПАНКРАТОВ. Спасибо, друг. А вот можешь такой романс, кажется, Бешенцова «Отойди, не гляди, скройся с глаз ты моих»?

Носатый нажал на кнопки, Панкратов запел романс, но слова знал не твердо. Носатый встал и пошел за песенником.

НОСАТЫЙ. Вот, сборник «Русский романс».

ПАНКРАТОВ. И это предусмотрели! Нет, ты, Сергей, просто гений, прекрасный организатор! Просто прекрасно сидим!

ЩЕДРИН. Гостя нет. И я, откровенно сказать, беспокоюсь.

ПАНКРАТОВ. Может, он в гостинице, в нашем номере? Позвонить, что ли?

ЩЕДРИН. Да столб телефонный на днях бурей свалило.

ПАНКРАТОВ (*пальчиком Щедрина*). Реагировать надо, важный объект.

ЩЕДРИН. Вон столб лежит, под окном. Завтра же, Филипп Григорич, поставим.

ПАНКРАТОВ (*поднимаясь из-за стола*). Ну, танцуем! Заказываю вальс «На сопках Маньчжурии». Белый вальс (*подавая руку Рогнеде*). Мадам! Приглашаю на тур вальса.

При всей своей массе Панкратов оказывается легким на ногу, особенно в вальсе. Даже Рогнеда, на что молодая и быстрая, и та едва поспевала за ним. Панкратов перепробовал всех, остановился на Верочке.

ПАНКРАТОВ. Вот котенок! Легка – меры нет, пушинка.

И в один момент в вальсе все закружились по парам: Панкратов с Верочкой. Щедрин с Надей, сам Носатый, играя одновременно, с баяном навесу и с Тоней. И только Рогнеда сидела одна, в уголке. У Щедрина отлегло от сердца: Панкратов не имел к ней особых притязаний.

ЩЕДРИН (*веселя*). Ну, так что будем делать с другом-то Филиппа Григорича, с китобоем?

ПАНКРАТОВ. Вот ес-то (*указывая на Рогнеду*). Роксаночку нашу, мы к нему, к Инкогнито, и пристроим. Кармен с красной, пунцовой розой, да, Роксаночка?

ВЕРОЧКА. А она не Роксаночка, Филипп Григорич, она – Рогнеда, Рогне – дочка.

ПАНКРАТОВ. А, ну да, Рогнедочка, дочка. Вот тебя мы к нему и пристроим.

РОГНЕДА. Что-то плохо мне, надо на воздух. Подышать, Филипп Григорич.

ПАНКРАТОВ. Ну, выйди на веранду. Подыши, подыши, голубушка.

ЩЕДРИН. Федя, проводи даму!

Там же, но снова на веранде. У перил Рогнеда и Федя. В приоткрытую дверь из зала слышны оживленные голоса, взрывы смеха. Звучит серебристый баритон Панкратова, рассказывающего очередной анекдот.

РОГНЕДА. Федечка, дорогой. Что-то мне плохо. И не пила ведь почти, а сердце стучит.

ФЕДЯ. Молодая еще, сердце-то слышать.

РОГНЕДА. Смотрю на розы – ну, чего они все желтые? А тут вот, под окошком, голубая. Смотри, какая голубая! Голубая-голубая – как небо. Ранний сентябрь, еще солнцем согрето, еще не померкло светило.

ФЕДЯ. Васильки в поле. Как глаза твои, да, Рогнедочка? Рогнедочка... Сколько слов, сколько звуков, сколько смыслов в одном имени...

РОГНЕДА (*слезка морщась*). Ты поэт, Федя. Знаешь, кто из поэтов тоже Федором был?

ФЕДЯ-ШОФЕР. Ну, кто?

РОГНЕДА. Федор Иванович Тютчев.

ФЕДЯ-ШОФЕР. А-а, этот... «Я встретил вас, и все былое»?

РОГНЕДА. Боже, сплошные эрудиты! Даже шоферы.

ФЕДЯ. А «Хрущев» наш таких и подбирает. Говорит, слабый начальник слабых в континент включает, а сильный – сильных, талантливых.

РОГНЕДА. Сергей Никитич – сильный?

ФЕДЯ. Сильный.

РОГНЕДА. А что ж он от любви-то своей легко так отказывается, не борется за нее?

ФЕДЯ. Да нет, тут все сложнее.

РОГНЕДА. Передает меня из рук в руки, как куклу.

ФЕДЯ. Кто вам сказал?

РОГНЕДА. Сама слышала. Только что. Хотят вручить меня теперь этому... Инкогниту...

ФЕДЯ. Не склоняется, не спрягается.

РОГНЕДА. Да знаю, знаю! Это я так, для иронии.

ФЕДЯ. Так кто сказал, что хотят тебя кому-то вручить? У «Хрущева» нашего от слов к делу дистанция огро-о-омного размера. Сегодня скажет, а завтра тому не быть.

РОГНЕДА. Как, он слово свое не держит?

ФЕДЯ. Держит. Но смотря какое, кому. Одни слова у него настоящие, а другие – так, дымовая завеса.

РОГНЕДА. А как же ты различаешь?

ФЕДЯ. Поезди-ка с ним, сколько я, станешь различать. Мы с ним слились, баранка – друг человека.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Там же, в «Охотничьем домике». В зальчике, где накрыт стол. С веранды приходит Рогнеда и видит: Верочка сидит у Панкратова уже на коленях, обняв его за шею и крепко прижавшись. Остальные хлопочут под яркой люстрой, освежая вытывки и закуски.

РОГНЕДА. За генерала замуж мечтала выйти, вот он и генерал.

ПАНКРАТОВ. Ничего, ничего, девочки. Мы вас за лейтенантов выдадим, которые станут потом генералами.

ЩЕДРИН (*бросая на Рогнеду косой, беспокойный взгляд*). Ну как? Подышала свежим воздухом? (*В сторону*). Только от этого отвязались, как другого приставили. Инкогнито зайвится – хватка мертвая. Вся первое – им, хозяевам высшего положения, гнись, провинция! Никакого покоя. Что – сжигает, да? Может, и ревность, сжигает. Все же тяга друг к другу у нас с Рогнедой образовалась, внутренняя связь какая-то нерасторжимая, а обстановка против. Так всегда, связь разжигает огонь, топлива только давай.

И Рогнеда какая-то бледненькая, как струна натянута, вот-вот оборвется. Может, домой отослать? Пусть Федя ее ответит. Однако настроение сразу спадет, инициатива в таких случаях наказуема.

ПАНКРАТОВ (*освобождаясь от Верочки, обеспокоенно*). Слушай, Сергей, может, и впрямь Федора послать? И, правда, может, что-то случилось? Сердце, скажем, схватило, лежит себе человек в пустом номере, а мы тут гуля-

ем, веселимся.

ЩЕДРИН (*с готовностью*). Филипп Григорич, давайте пошлем. Федя! Где ты? Езжай в город, поищи гостя. Скорее всего в нашем номере, в гостинице, где же еще?

ФЕДЯ (*высовываясь из двери*). Я пулей, Сергей Никтич, айн момент!

Федя исчезает в двери. Все заняты каждый сам собой, своими делами.

Происходит та самая пауза, которая готова взорваться. ввести события на еще большую высоту.

ФЕДЯ (*высунувшись из двери - радостно, возбужденно*). Товарищ Панкратов! Филипп Григорич! Вон по берегу озера кто-то идет, видите в окно? По моему, ваш друг, высокий гость из Москвы, Инкогнито.

ПАНКРАТОВ (*прищипывая к самому стеклу*). Ну-ка, ну-ка! Кто где идет?

ФЕДЯ. Да вот уже подошел. Сейчас войдет.

ПАНКРАТОВ (*отрываясь от окна, недоуменно*). И почему хоть пешком? Машина, что ли, сломалась? Ох, уж эти иномарки! Свои, отечественного производства понадежнее. А все, как одурели, пересели на «Мерседесы» и «Вольво». Я вон на «Волге» езжу, и ничего.

ЩЕДРИН. Так у вас «Волга» какая!

ПАНКРАТОВ. Ну, какая?

ЩЕДРИН. Особая, бронированная, с мотором, как у КАМАЗа, на воздушной подушке. Специально в Горьком делалась, штук пятнадцать таких только и произвели.

ПАНКРАТОВ (*явно гордясь*). Ну, конечно, конечно. А ведь можем все-таки делать-то, можем!

Раздаются шаги по веранде, дверь открывается: входит крупный, еще не старый мужчина – это и есть человек, которого ждут, высокий гость из Москвы.

Панкратов делает шаг к нему, они обнимаются, обхватив ладонями друг друга. «Урра-а!» - сотрясает все помещение.

ПАНКРАТОВ. Ну, где же ты пропал! Сказал, сам явишься, за тобой посылать не надо. Мы ждем, ждем, а тебя все нет. Уж и имечко тебе тут при-

шпандорили – Инкогнито.

ВЫСОКИЙ ГОСТЬ ИЗ МОСКВЫ (*смеясь*). Ха-ха-ха, мастера!.. В народ ходил, понимаете, в люди. Бабка у вас такая тут есть, интересный экземпляр.

ПАНКРАТОВ. А-а, бабка Фешка. Все ее знают.

ИНКОГНИТО. Пришла в гостиницу, привела целый карагод подружек. Так они мне пресс-конференцию устроили. Из первых уст, дескать, хотим знать, как и что в стране деется, какие у нас перспективы. О себе – ни слова, все о стране, заметим, о государстве, судьбе матушки России. Такая-то бабка, лидер народный.

ЩЕДРИН. Песни пела?

ИНКОГНИТО. А как же. И песни пела, и штофчик выставила - своей, зелененькой. Ух, хороша! Просто дух захватывает.

ПАНКРАТОВ (*загрохотав своим баритоном*). Ха-ха, губа не дура! А мы тебя ждем, без тебя чуть пригубили (*подмигивая всем сидящим в зальчике*). Ну, что освежили стол? Так вот, это друг мой собственной персоной – Инкогнито, как тебя уже тут величают. Штрафной, брат, тебе.

ВСЕ ХОРОМ. Штрафной, штрафной.

ИНКОГНИТО (*поднимая рюмку*). Гост, да? В Архангельске был, так там традиция еще петровская – от Соломбалы. Соломенные балы царь давал, на соломе. Так кружку во! с бадью - подадут, и – пей до дна. Так царь Петр проверял мужиков.

ВСЕ ХОРОМ. За вас, за вас, за вас.

ИНКОГНИТО, ВЫСОКИЙ ГОСТЬ ИЗ МОСКВЫ. Штрафной, так штрафной. Склоняю голову, виноват перед всеми (*Панкратову*). А перед тобой особо, друже.

И опять все пошло, покатило по полной программе. Теперь Рогнеда сидела рядом с высоким гостем, а Щедрин – районный воевода, откуда-то из-за вазы на столе метал на Рогнеду убийственные взгляды. Но Рогнеда их просто не замечала.

И опять танцевали, пели песни, добрались, наконец, до романсов.

ИНКОГНИТО. А вот это конек мой, есть гитара?

НОСАТЫЙ. Сейчас. Вот сборник «Русский романс».

ИНКОГНИТО. Слова и так помню. Любимые, еще со студенческих лет.

Перебора гитары знакомы, волнующи. Романс «Хризантемы».

ИНКОГНИТО (*напевая*). «В том саду, где мы
С вами встретились,
Мой любимый куст
Хризантем расцвел».

И ВСЕ (*вторя, следом*). «Отцвели уж давно
Хризантемы в саду».

Кончили петь, и – тишина. Слышно, как сердце бьется. Рюмки дрожат на столе, фужеры хрустальные.

ПАНКРАТОВ (*смахнув слезу*). Ничего не поделаешь, возраст. Слезливы становимся, сентиментальны, так, друже?

ИНКОГНИТО (*поднимая тост*). За русский романс!

Стоя, осушает бокал шампанского. Поднимая и оглядывая снизу бутылку: дно вовнутрь - «Абрау-дюрсо».

ПАНКРАТОВ. Это тебе не у бабки Фешки.

ИНКОГНИТО. Как в Шампани – Арденне.

ПАНКРАТОВ. Шампань далеко, а она тут вот – мать Россия, самая глубинка.

Стали выходить на веранду - посмотреть на озеро, оценить виды. Солнце уже на закат, Рогнеда не отходила от друга Панкратова.

ИНКОГНИТО. Да, Панкратов, друг ты мой дорогой. Гляди, как красиво! Придет время - нас с тобой не станет, мы с тобой свое прожили, а молодежь будет жить. Вот эти девчата, Рогнеда... Кармен, с красным цветком в волосах... И закаты будет все так же прекрасны, стремительны, вечны...

ЩЕДРИН (*возникая за спиной*). Собираемся белых лебедей завести. Чтобы плавали и украшали озеро.

ИНКОГНИТО. Это хорошо. Почему ты в черном, Рогнеда?

ЩЕДРИН. Черного лебедя из Австралии привезем.

ИНКОГНИТО. По Шекспиру черный -- цвет красоты, не так ли?

РОГНЕДА (*с готовностью*). Так, так, черный цвет.

Отходят в сторонку от всех.

ИНКОГНИТО (*Рогнеде*). Вот как это звучит у Шекспира.

Сонет номер 127.

«Прекрасным не считался черный цвет,

Когда на свете красоту ценили.

Но, видно, изменился белый свет,

Прекрасное подделкой очернили.

С тех, как все природные цвета

Искусно подменяет цвет заемный,

Последних прав лишилась красота,

Живет она безродной и бездомной.

Вот почему и волосы, и взор

Возлюбленной моей чернее ночи,

Как будто носят траурный убор

По тем, кто краской Красоту порочит.

Но так идет им черная фата,

Что Красотою стала чернота».

Все кричат, аплодируют «браво, браво, брависсимо!» Инкогнито улыбается с высоты своего положения, возраста, роста.

РОГНЕДА (*в порыве*). Видите, розы вдоль домика? Желтые все, а тут голубые. Почему?

ИНКОГНИТО (*пожав плечами*). Любил я очи голубые,

Теперь люблю я черные.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Там же, в «Охотничьем домике», но уже в самом зальчике. Все опять за столом. В окна светит заходящее Солнце. Вечереет. Сияет люстра, полностью включен электрический свет.

ПАНКРАТОВ (*занимая главное место - в торце стола*). Все собрались? А Тонечка? Зовите с кухни и Тонечку. Провожаем девчат.

ВСЕ. Как провожаем? Уже?

БЕРОЧКА (*капризно*). А я не хочу, я хочу тут остаться.

ПАНКРАТОВ (*улыбаясь*). Ну что вы, девочки, что вы? Мы вас, девочки, выдадим замуж за лейтенантов, которые станут когда-нибудь генералами. Еще погуляем у вас на свадьбе-то (*обращаясь ко всем*). Погуляем?

ИНКОГНИТО. Дорогие друзья, спасибо. Вы нас просто омолодили, лета сбросили, годы жизни прибавили, оптимизму.

ПАНКРАТОВ (*глядя на Щедрина*). В общем, на посошок – за прекрасно проведенное время.... Ну что там, Сергей, у тебя? Говори при всех, не стесняйся.

Районный воевода встает, волнуясь, явно нервничает, расхаживая по зальчику вдоль стола.

ПАНКРАТОВ (*улыбаясь*). Говори, говори, сынок, не стесняйся.

ЩЕДРИН. Да так... неудобно как-то...

ПАНКРАТОВ. Ну, что ты – для себя, что ли, просишь? Ты, известно кто, – бессеребренник! Про дорогу скажешь, небось. Знаю, бегают по району автобусы – каждый день до всех ваших сельских центров.

ЩЕДРИН. До Костино осталось три километра. Всего девять «лимончиков».

ПАНКРАТОВ. Хорошо. А чтобы дорогу через вас от Храмова до областного центра - сделать федеральной, вот у него, у Инкогнито, проси. Как, друг мой, поможем?

ГОСТЬ ИЗ МОСКВЫ. Придется помочь, разберемся в возможностях.

ПАНКРАТОВ (*Щедрина*). Еще что, Сергей Никитич?

ЩЕДРИН (*уже веселее*). Да про клуб я все, про Дом культуры. Везде в районах вон какие отгроханы, даже по деревням. А у нас в Тинякове, а ведь бывший уездный город, восемь районов соседних, в виде волостей, когда-то входили в уезд, а клуб – просто жуткая вещь, позор какой-то. Купеческий домик еще купца Кочергина – это клуб наш районный, представляете? Как бельмо в глазу.

ПАНКРАТОВ. Место выбирайте.

ЩЕДРИН. Уж давно выбрали. За памятником Пушкину. Прекрасное место.

ПАНКРАТОВ. Будем решать... Так, Федя, развози девчат по домам. Все, спасибо за внимание. А мы с моим другом пройдемся по берегу. Подышим тут перед сном свежим воздухом, кислороду поднаберемся. Посмотрим заодно на ваши охотничьи уголья.

ЩЕДРИН. Да, уголья у нас, что надо. За лесом – поля, тут заказник, живности всякой хватает. Такую охоту может организовать! Царскую, с русскими борзыми! У нас тут, у одного мужика, у хозяина - восемь русских борзых.

ПАНКРАТОВ (*проявляя явную заинтересованность*). Где же он взял-то? Ценность такая.

ИНКОГНИТО. Только цари дарили западным монархам щенят со своих псарен. Да у Гоголя в «Ревизоре» судья Ляпкин-Тяпкин берет взятки борзыми щенками.

ПАНКРАТОВ. Охота с борзыми – интересное предложение. Так откуда у мужика, у хозяина этого, столь царский размах – сразу восемь борзых?

ЩЕДРИН. Да, сразу восемь! Идет мужик, а они вокруг него – узкие, как стрелы, высокие, длинные, клубом между ног так и выются... Своих четыре да дружок оставил. Обнаружил в себя шведскую кровь, уехал в Швецию, а тут пока что четырех своих борзых другу оставил, чтобы там, в Швеции, они не дисквалифицировались. Вот мужик и гоняет их по полям.

ИНКОГНИТО. Глубинка! Живут же.

ПАНКРАТОВ. Ну, что, девчата встали! Целоваться не будем. Будем помнить друг другу и так! Желать счастья, удач, здоровья друг другу, дорогие наши молодые друзья!.. Ну, сели, посидели по русскому обычаю, встали, пошли, Федя, давай!

Сигнал во дворе. Машина Щедрина скрывается за поворотом. Панкратов с другом уходят гулять, Щедрин остается один.

ЩЕДРИН (*Носатому*). Иди, на машине своей Рогнеду назад привези. Чего это она, сука, возле Инкогнито закрутилась? Втюрилась, что ли? Или в

Москву захотелось?

НОСАТЫЙ. Не горячись, Никитич, не горячись. Гости еще не разъехались

ЩЕДРИН. Да к курганчику подвези, я туда подойду, в глаза ей хочу посмотреть.

НОСАТЫЙ. Не надо, потом. Как другу говорю. Ей богу, не надо. Все время расставит.

Нахохлясь, районный воевода какое-то время сидит, молча. Кипит весь. Вдруг ребром ладони резко бьет себе по коленке.

ЩЕДРИН (*Носатому*). Планчик такой у меня организуется! Слышал, что говорили большие начальники? Денег на районный Дом культуры, наверно, все же выделяют, Дом культуры мы все же построим. Поставим тебя директором. будешь веселить своим баяном куда большие массы. А лавочку эту, на всякий случай, все же прикроем. Создадим тут медицинский участок и заведующей назначим Рогнеду, Рогнеду Павловну. Пусть живет, работает, а я буду ее проведывать кое-когда.

НОСАТЫЙ. Конгениально! Вот это я понимаю!

ЩЕДРИН. Инициатива наказуема, понял?

НОСАТЫЙ. Чего уж там, понимаем.

Появляются Панкратов и друг его – Инкогнито. высокий гость из Москвы. Они оживленны, идут, размахивая руками.

ЩЕДРИН. Что-то вы быстро вернулись? Ай наши места не понравились?

ПАНКРАТОВ. Рыбаки встретились. Катер к берегу причалил, рыболовецкая бригада.

ИНКОГНИТО. Уху варят. А завтра, говорят, опять же пристанем – лапшу варить будем.

ЩЕДРИН. Какую лапшу?

НОСАТЫЙ. Какую лапшу?

ПАНКРАТОВ. Живете тут, а не знаете. Я полагаю, из чего варят лапшу - из уток. Вон их сколько тут плавают - нырков. Вот как только они их будут ло-

вить?

НОСАТЫЙ. А ружья на что?

ПАНКРАТОВ. Говорят, ящик водки привозите. Натуральный обмен: мы им – водки, они нам – рыбы.

ЩЕДРИН. Оставайтесь на целый день, ухи наварим. И к мужику съездим, на русских борзых хоть поглядите.

ПАНКРАТОВ (*другу*). Ну что – остаемся?

ИНКОГНИТО. Надо в Москву звонить.

ПАНКРАТОВ. Скажем, чрезвычайные обстоятельства.

ИНКОГНИТО. Что – шины прокололись у машины?

ПАНКРАТОВ. В народ пойдем.

ИНКОГНИТО. Да, пойдем.

ПАНКРАТОВ. Посмотрим, как хоть люди живут натурально, чем хоть дышат... Сережа, у нас тут найдется какая-нибудь одежонка попроще? Плащи брезентовые, фуфайки, резиновые сапоги?

ЩЕДРИН. Носатый, у нас есть тут такая одежда?

НОСАТЫЙ. Никитич, да у нас ночь впереди. В город смотаюсь, чего хошь привезу – и плащи, куртки, и сапоги.

ЩЕДРИН. Все будет в порядке, Филипп Григорич. Как в театре, перди-монокль. Идите, отдыхайте. Там, в спальнях, белье свеженькое, все нормально, не беспокойтесь.

ПАНКРАТОВ. А вы-то где ночевать будете?

ЩЕДРИН. Мы при вас, мы от вас никуда. Мы – охрана, и Вася – шофер тоже с нами. Только за водкой в город съездим. Ящик водки для рыбаков привезем.

ПАНКРАТОВ. Ну, мы пошли.

ЩЕДРИН и НОСАТЫЙ. Спокойной ночи! Приятных снов!

Панкратов и Инкогнито уходят с веранды вовнутрь «Охотничьего домика». Щедрин и Носатый снова остаются вдвоем.

ЩЕДРИН (*Носатому*). Ты вот что, побудь-ка тут, а я все же смотаюсь, погляжу ей, суке, в глаза.

НОСАТЫЙ. А Федя где?

ЩЕДРИН. А я на твоём «Москвиче».

Щедрин уходит. Носатый остаётся один.

НОСАТЫЙ (*сам себе, рассуждая*). Большая власть – большое беспокойство. То им кажется, все их любят, уверяют в этом, клянутся. А то, как маленько щелчок по носу, так взвиваются до самых небес. Какую обидчивость власть в человеке творит! Сам еще не знает, любит ли ее, Никитич-то, а вон уже как – на дыбы. Жеребец вороной! Кабы любил, не раздумывал бы, жить ему с Василисой или с этой, Рогнедой? Страсти, говорят, больше правят людьми простыми. Девчонок домой отправили, а самим ведь, в тайне-то, хотелось бы переспать с ними. Да дисциплинка партийная...

Автомобильный сигнал. Входит Федя – шофер Щедрина.

ФЕДЯ. Привез ящик водки на завтра, для рыбаков.

Появляется Щедрин.

НОСАТЫЙ. Уже приехали, Сергей Никитич, так быстро?

ЩЕДРИН. Нет ее дома. Хитра, бестия, куда-то смоталась. Как будто почувяла, что я приеду к ней. Ничего, ничего, она у меня доиграется!

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Утро следующего дня. Там же, во дворе «Охотничьего домика», на берегу озера. Двое – Панкратов Филипп Григорьевич и друг его – высокий гость из Москвы. Оба в грубых брезентовых робах и резиновых сапогах.

ПАНКРАТОВ. Ну, вот мы с тобой и опростились. Одеты, как рыбаки. Только вот кепочка у тебя щегольская, столичная, как у Лужкова. Придется кепочку снять. Федя, дай-ка ему свою фуражку, что ли. А сам походи в его кепочке.

НОСАТЫЙ (*с готовностью*). Филипп Григорич, айн момент. Мы сейчас, мигом – брезентовую шляпу найдем, с полями до плеч. Как у рыбаков.

ПАНКРАТОВ. Еще бородку бы сбрить, тоже ведь щегольская, московская.

ИНКОГНИТО (*пробуя рыбацкую шляпу*). Шкиперская бородка-то, еще с

южных морей.

ПАНКРАТОВ. Ну, что ж, – идем на берег, к катеру. Вон уже причалил (*Щедрину*). Ну, мы пошли – бороздить просторы вашего океана. Рыбку ловить. Какая у вас тут - карась?

ЩЕДРИН. И карась, и пелядь. Карась хорошо со сметанкой, но костист больно. А пелядь жирная - вялить. Под крышей подвесишь – ух, хороша, вяленая!

ПАНКРАТОВ. Все-то ты знаешь, а вот рыбу ловить не умеешь.

НОСАТЫЙ. А зачем это нам? Когда надо, приносят.

Федя бежит от берега, запыхавшись.

ФЕДЯ. Все! Маскарад уже ни к чему. Проспали все царство небесное. Рыбаков встречайте, уже с уловом, вон несут полные ящики.

Подходят рыбаки – всей бригадой, человек пять. Старшой с такой же икитерской бородкой, как и у Инкогнито.

СТАРШОЙ. Ну что - водка готова?

ПАНКРАТОВ. А что у вас?

СТАРШОЙ. В этом ящике – пелядь, в том – карась.

ИНКОГНИТО (*аж заплывав*). Уф ты! На то и щука, чтоб карась не дремал.

ПАНКРАТОВ. Да, а щука тут водится?

РЫБАКИ. Щуки мало.

ИНКОГНИТО. Акула океана. Редкое количество.

ПАНКРАТОВ. Что ж вы – всегда так рано встаете? Раньше, чем даже в сельском хозяйстве.

СТАРШОЙ. А мы тут и спим, на борту. Когда самый улов. У нас кают-компания есть.

ПАНКРАТОВ. Как же катер ваш называется?

РЫБАКИ. Этот – «Пелядь», а тот, что еще подойдет с рыбзавода, - «Карась».

ПАНКРАТОВ. А зачем их у вас два?

СТАРШОЙ. Увидите, как пойдём по акватории. К обеду придем к вам

лапшу варить.

ПАНКРАТОВ, Как лапшу – уху, да?

РЫБАКИ (*улыбаясь*). Нет, лапшу. Вы – уху, мы – лапшу, нам уха уже надоела. Меню надо разнообразить.

Стоя в сторонке, один рыбак подталкивает другого.

ПЕРВЫЙ РЫБАК. Глянь мужик – на кого похож?

ВТОРОЙ РЫБАК. Какой? На кого?

ПЕРВЫЙ РЫБАК. Да вон тот, что без шапки и без бородки, что бритый.

Ну на кого, на кого похож, а?

ВТОРОЙ РЫБАК. Да, небось, на отца своего.

ПЕРВЫЙ РЫБАК (*старшому*). Глянь, на кого тот мужик похож, что без шапки?

СТАРШОЙ. А на кого, по-твоему?

ПЕРВЫЙ РЫБАК. Да на нашего губернатора. Вылитый Панкратов, ей богу. Портретное сходство. В газетах, в детской библиотеке видел портрет.

ВТОРОЙ РЫБАК. Скажешь тоже, в ворота не влезет.

СТАРШОЙ. А еще «двойники» бывают. Копия, не отличишь. Вон у Гитлера, говорят, было двенадцать «двойников».

ПЕРВЫЙ РЫБАК. А у Сталина?

Замолкают, прикусывают язычок. Панкратов приближается.

ПАНКРАТОВ. А чего это вы, ребята? Про Сталина, слышу, обсуждаете?

СТАРШОЙ. Да вот он говорит, у Гитлера было двенадцать «двойников», а у Сталина – ни одного. А я говорю, не может этого быть. Вон какая Россия, а вон какая Германия, сравни население. У нас всего много, и «двойников» у «отца народов» было, наверно, раза в три больше.

ПЕРВЫЙ РЫБАК. Так он грузин, а грузины – нация несоизмеренная.

ВТОРОЙ РЫБАК. А «двойников», может, больше, чем во всей этой Германии.

Старшой ставит ящики во дворе один на один. Берет из ящика с водкой пару, потом возвращается, - еще пару бутылочек «Столичной».

СТАРШОЙ. По коням, ребята! (*Оставшимся - Панкратову и его другу*). А вы тут костер разводите! Уху варите. А мы часочка через два вернемся, чан притащим – лапшу будем варить на костре, не против?

ПАНКРАТОВ. Мы это дело (*хлопая по кадыку*) только приветствуем.

СТАРШОЙ (*уходя*). Хотите – поглядите, как мы в паре с «Карасем» акваторию бороздить будем. Если интересно.

ИНКОГНИТО. Интересно, интересно.

СТАРШОЙ (*метнув острый взгляд на Инкогнито*). Что ли, не наш, издадека, что ли?

ИНКОГНИТО (*замявшись*). Издалека, но все тут свои.

СТАРШОЙ (*махнув рукой*). А-а, ладно: Пошли, ребята (*Остановился, кричит уже с берега, издали*).

Костер-то разводить хоть умеете? Сушняка в лесу наберите, валежнику.

И «Пелядь» отчаливает, а оттуда, с того берега, на мысок, другой уже катер валит – «Карась».

ПАНКРАТОВ (*своему другу*). Ну что, Инкогнито, понял, кто тут хозяин всего положения?

ИНКОГНИТО (*смеясь*). А тебя за «двойника» приняли. Копия, говорит, наш губернатор. Торчишь, торчишь тут по всяком номере областных газет, по местному телевидению, а все тебя не узнают.

ПАНКРАТОВ (*вяло*). Так они газет не читают, телевидение летом тоже не смотрят. Некогда, рыбу ловят.

ИНКОГНИТО (*смеясь*). Водку пьют, когда им газеты читать? Только Ленина да Сталина по портретам и различают, ну еще Президента. А председатели Совмина так мелькают, так мелькают – небось, ни одного не запомнили, кроме Черномырдина - фамилия такая, запоминающаяся.

ПАНКРАТОВ (*резонно*). Не в фамилии дело, а во фразе «хотели, как лучше, а сделали, как всегда». Крылатая фраза! Вот посмотришь, хоть раз, а будет у костра сегодня произнесена.

ИНКОГНИТО. Кириенко, который якобы всех разорил, этого-то хоть помнят?

ПАНКРАТОВ. Сам спросишь – помнят ай нет? Когда вернутся и станут уху варить. Нет, уху мы с тобой будем варить, а они будут варить «лапшу».

ИНКОГНИТО. Из рыбы, что ли?

ПАНКРАТОВ (*рассмеявшись*). Вон в русской сказке солдат из топора кашу сварил. А из рыбы «лапшу» нам раз плюнуть... Тоня, Тонечка! Можешь на такой вопрос гостю ответить? Как это можно из рыбы «лапшу» сварить? Рыбаки собираются. А нам поручено костер, разжечь? Где тут валежник берется?

ТОНЯ (*озорно*). А че понимать-то? Когда они на двух катерах, то лапшу варят. А когда на одном, то уху. Двумя катерами сеть тянут по всей, как они говорят, «акватории». Вот чирки – нырки в нее и попадают, застревают в ячейках. Один голову сунул, следом другой. Видите, вон в струнку-то утки плывут, все по струнке будут в сетях, редко какой спасется... А рыбаки на берегу сети потом сворачивают, головы отрывают и в чан – «лапшу» варить. Мы уж это пятый год наблюдаем. Как у них катер второй завелся...

ПАНКРАТОВ (*сдвинув брови*). Ну, и что? Утки-то еще не перевелись?

ТОНЯ. Не-а, еще больше стало.

ИНКОГНИТО. А почему?

ТОНЯ. Кто ее знает. Наверно, меньше население – больше свободы, «акватория» шире. Чирки кишмя кишат по камышам. Это те, которые плавают, в сети попадают. А другие сидят себе в камышах, отсиживаются. А как катера уйдут, так и выплывут, начнут кормиться.

Панкратов и друг его хохочут. До слез смеются, пока разводят костер. А может, это дым глаза ест? Федя с Носатым таскают из лесу валежник, и затеваются костер во дворе перед окнами, с видом на берег. Высокие гости разводить костер Носатому с Федей вроде не позволяют. Причальят катера. придут рабыки «лапшу» варить - кого хвалить за костер? Тонечку, что ли? Нет, вот их, в первую очередь, - Панкратова и друга его, Инкогнито. А про Носатого с Федей и не вспомнят.

ПАНКРАТОВ (*подкидывая сучья в пламя*). А куда же Сережа наш делся? Сергей Никитич – «Хрушев навыворот», так его, кажется, величают?

ИНКОГНИТО. Это они его так любя.

ПАНКРАТОВ. Вот и тебе уже пришпандорили «Инкогнито». Правда, не знают, что это такое, но весьма презабавно.

ИНКОГНИТО. А у тебя, Филипп, кличка есть?

ПАНКРАТОВ. Имя у меня такое – «любящий лошадей». Лошадиное имя.

ИНКОГНИТО. У Чехова – «Лошадиная фамилия», а у тебя – имя.

ПАНКРАТОВ. У Чехова – литература, а тут в жизни – натуральное имя.

Появляется Щедрин. Сам сидит за рулем, ездил куда-то.

ПАНКРАТОВ. Иди, Сережа, ушицы попробуй. Тонечка, дай попробовать ему из половника прямо. Хороша? Ну и где был, куда ездил?

ЩЕДРИН. Да так. Я человек конкретный. У того мужика уже побывал, у какого русские борзые-то. А то, думаю, расхвалился, а борзых уже, может, нет и в природе. Тех в Швецию хозяин забрал, а те сами в бозе почили.

ПАНКРАТОВ. Ну и живы-здоровы? Все восемь?

ЩЕДРИН. У-у, что ты-ы!! Вьюном вокруг, перед хозяином. Вот зрелище! Высший класс!

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Там же, веранда «Охотничьего домика». Тут и стол накрыт, тут же уху с дылком и едят. Все те же: Панкратов, его друг – высокий гость из Москвы, районный воевода Щедрин. Носатый с Федей – шофером Щедрина.

Во дворе догорает костер.

Тоня носится с кухни к столу, таскает посуду.

ТОНЯ (замечая, что двор уже пуст). А где ж рыбаки? Бригада рыболовецкая, алкаши эти?

ПАНКРАТОВ. Не надо так, Тоня. Мировая ушица, тррройная!

ИНКОГНИТО. Поспешили домой пораньше. Говорят, банный день. Не успел спросить про Черномырдина.

ПАНКРАТОВ (усмехнувшись). Все же газетки почитывают, телевидение кое-когда смотрят. После баньки-то примут по стопочке и втыкаются в телевизор. А там – новости... крупным форматом...

НОСАТЫЙ. Какие же это новости, извините? Если крупным форматом. Вы, Филипп Григорич, уже двадцать лет на глазах. Все уж привыкли к вам даже в мелком формате.

ПАНКРАТОВ (*Щедрина*). Вот кого в Дом культуры надо ставить! На баяне лихо играет. А на ливенке можешь?

ЩЕДРИН (*зардевшись*). Это ему раз плюнуть. Он может на всяких гармошках... Вечерком тропинкой кривенькой.

В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой толпой.

ИНКОГНИТО. «По росе, по росе» надо в первой строке. «По росе тропинкой кривенькой»... Есенинская строка, она точная.

Внизу во дворе появляется Рогнеда.

ФЕДЯ (*шепотом ей, через перила*). И откуда взялась?

РОГНЕДА (*так же шепотом, пересвесясь*). На самосвале приехала. С людьми попрощаться. Вон стоит самосвал.

ФЕДЯ. Отпусти. Я потом тебя отвезу.

РОГНЕДА. Федя, найди лопату.

ФЕДЯ. Зачем?

РОГНЕДА (*капризно*). Ну, найди, найди! Мне пришло в голову копнуть под голубой розой, вот под этим кустом... Ну, копай, копай! Что-то под ним должно быть: почему это все розы желтые, золотистые, а эта вот голубая? Гляди, какая – голубая, голубая.

ФЕДЯ (*принимаясь копать*). Как глаза твои, Рогнедочка. Как васильки.

РОГНЕДА. Стой! Что-то звякнуло! Металлическое что-то, да, Федя?

ФЕДЯ. Металлическое.

РОГНЕДА. Что же это?

Федя выбрасывает из-под куста еще две-три лопатки земли, наклоняет розу и извлекает что-то из-под куста.

ФЕДЯ. Вот! Гильза от снаряда! Времен войны. Латунь. А латунь – это сплав, в котором, кажется, медь. Где-то читал: медь влияет на цвет растений...

РОГНЕДА. А-а, вот отчего она голубая! Дай-ка гильзу сюда. В ней что-то есть – ага, письмо. Обернуто в клеенку... наверно, послание к потомкам, в вечность...

ФЕДЯ. Тут лесной кордон был, партизанский пикет.

РОГНЕДА. Бумага уже потемнела, сыплется. Но прочитать еще можно. «Они схватили меня, Я ничего не скажу. Меня изнасиловали, терзают, убьют на рассвете... Люди! Живите по правде... Ваша Роза Иванникова».

Рогнеда с Федей стоят, замерев перед кустом.

РОГНЕДА (*тихо, дрогнувшим голосом*). Давай положим назад... Гости уедут, потом... Это наша маленькая тайна будет, да, Федя?

ФЕДЯ. Да, да, Рогнедочка.

Федя срывает цветок с голубого куста, прикрепляет Рогнеде на волосы.

Их замечают на веранде.

НОСАТЫЙ. Смотрите, Рогнеда явилась! Чего вы там шушукаетесь? Идите сюда.

Панкратов, его друг из Москвы, Щедрин – все в один голос: «Идите, идите сюда!» Тоня бежит за миской для Рогнеды, наливает ей свежей, дымящейся ухи: «Ешь, ешь, дорогая! Вон сколько ее – кастрюля целая».

РОГНЕДА (*уплетая уху и глядя на всех откуда-то исподнизу чистым, смелющимся взглядом*). Как снег на голову! Как снег на голову-у-у!.. Я приехала попрощаться, господа генералы. Редко ведь в наше время видишь хорошего человека...

И заплакала. Слезы хлынули из нее, текут неостановимо, потоком.

ТОНЯ. Это все нервы, нервы. Милая, ну, не надо, не надо, не плачь... Нет, если плачется, плачь...

ПАНКРАТОВ (*замечая*). Вот! Не красная, пунцовая роза в волосах у Рогнеды, а голубая. Глядите! Голубая с этого вот куста, под верандой. Голубая роза в волосах – что это? Как это мило.

ФЕДЯ (*подхватилски*). Как это мужественно!

ЩЕДРИН. Как это хорошо!

ИНКОГНИТО. Смотрите, небо - какое оно голубое. Но чуть с розовин-

кой. Солнце уже на закате. Пора собираться, Филипп.

ПАНКРАТОВ (*поднимаясь и шутливо грозя всем пальцем*). Пора.

ЩЕДРИН. Филипп Григорич, а как же борзые?

ПАНКРАТОВ. В другой раз, Сережа. Да, на прощанье надо что-то сказать? В благодарность. Конечно, мы с другом тут с вами прямо-таки омолодились. Стали моложе на несколько лет. Добрее будем, внимательнее к людям, мы снова ощутили, как бьется сердце, как оно еще способно удивляться, влюбляться. Когда-то люди жили тысячу лет, мы с другом по тем меркам еще молодые. Еще можем сделать что-то хорошее для людей. Вперед - и мы победим!..

И уже на пороге, обернувшись.

Не провожай нас, Сергей Никитич, мы сами.

Все так и остались стоять, как и стояли. На веранде, возле голубого куста, - жители этого «Охотничьего домика» - Щедрин, Тоня, Носатый, Федя – шофер Щедрина.

ТОНЯ (*всклинув*). Что ж это имя мы его не спросили. Так и останется в памяти Инкогнито. Человек без имени и фамилии.

НОСАТЫЙ. Да вот так. Не ревизор какой-нибудь, не огородное пугало – просто человек, высокий гость из Москвы, крайняя редкость.

ЩЕДРИН (*вздыхнув глубоко и прочувствованно*). И ничего-то мы не поняли, ничего. Губернатор наш, Филипп Григорич, приезжал к нам прощаться. А это кадровик – из высших сфер. И, может быть, и не друг ему, а кадровик специалист высшей квалификации, просто умеет говорить с людьми.

В Москву ли Панкратова заберут или на «низовку» пошлют – какая разница? В таком возрасте Москва уже ни к чему. Держаться надо поближе к земле, к могилам родным. Главное – не с портретов он сошел к нам сюда, а вышел прямо из сердца.

А нам тут пора приводить «Охотничий домик» в порядок, далее жить соразмерно.

Тоня и Носатый уходят вовнутрь домика. Сергей и Рознеда остаются одни.

СЕРГЕЙ (*Рознеде*). Что это значит - голубая роза в волосах? И почему

она у тебя голубая?

Рогнеда молчит, подняв голову. Над озером кружатся лебеди, белые лебеди – они, как снег на голову, валяются с неба, садятся посередине озера, на акваторию.

СЕРГЕЙ. Осень же, сентябрь - месяц. Они изменили свой маршрут, и теперь он проходит над нами, над нашим «Охотничьим домиком».

РОГНЕДА. А крылья-то розовы, розовы. Как у фламинго.

СЕРГЕЙ. Это от заходящего солнца.

РОГНЕДА. Смотри, как они грациозны, как плывут! Как это здорово, что мы видим их вместе, вдвоем!

СЕРГЕЙ. Я привезу сюда черного лебедя, из Австралии. Хочешь, съездим с тобой в Австралию? И ты будешь тут жить, хочешь?

РОГНЕДА. Фантазии все это, а у тебя работа такая серьезная. Столько людей зависят от тебя, твоего настроения. Только Шекспир мог сделать из черного красота. Пусть тут плавают белые лебеди. Белые лебеди в садах нашей памяти. Пусть пролетают на юг, им тут нельзя оставаться – скоро морозы скуют эти воды, превратят их во льды. И тогда им не взлететь.

СЕРГЕЙ. Ты будешь кормить их, топить русскую печь. И любить меня. Главное - это Любовь.

РОГНЕДА. А как же Вера и Надя?

СЕРГЕЙ. Они будут приезжать к нам всегда, они всегда будут с нами.

РОГНЕДА. И даже, когда станут уже генеральшами?

ЩЕДРИН (*рассмеявшись*). Надежда, Вера и Любовь – они и так генералы. Знаешь, зачем они приезжали сюда?

РОГНЕДА. Кто – высокие гости?

ЩЕДРИН. Им в городах не хватает Свободы.

РОГНЕДА (*поправляя у виска голубую розу*). Жаль, что лебеди уже после них прилетели. И они их не увидели, очень жаль. Мы одни смотрим, как плывут лебеди, отражаясь в стеклах нашего домика.

ЩЕДРИН. Я знаю. Это послал их к нам сюда Сапрыкин, поэт. Книжка его так и называется «Белые лебеди». Это его стихи или может, переводы с

французского?

«Песня лебединая уж спета,
Уходить пора в небытие.
Ночка – ночь, ты предпочла поэта,
Проведем тебя на острие.
Волосы опутывают. Шепот.
Неохватно узкое бедро.
К тайному ущелью – конский топот,
Со скалы спускается перо».

ЗАНАВЕС

30 октября – 2 ноября 2005 г.,
Мамонтово, Алтай -
Мещора, что под Спас-Клепиками
на Рязанщине – Мурашиха, что
под Малоархангельском
на Орловщине.

(семейная драма)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПЛАХОВ Леонид Иванович – Глава области, бывший летчик, Герой Советского Союза, среднего возраста.

ПЛАХОВА Лидия Ивановна – его жена, бывшая парашютистка, года на три моложе мужа.

Тетья ГАША – добработница, их дальняя родственница.

Действие происходит в городе Вепрянске – центре одной из российских провинций, подвергшихся радиации после Чернобыльской катастрофы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Зальчик в обыкновенной двухкомнатной квартире Плаховых. Диван, пианино, книжный шкаф, письменный стол с телефоном.

В комнате двое – сам Плахов Леонид Иванович и его жена Лидия Ивановна. Плахов сидит за столом, что-то пишет, одновременно прислушивается к включенному тут же рядом, на тумбочке, проигрывателю. «Все выше. и выше. и выше». – выговаривает пластинка.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (иронично). Да куда уж выше-то! Вон куда взобрался – Глава области. Чем выше поднимаешься, тем больше падать.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (не отрывая головы от бумаг). Судишь по своему опыту, парашютистка?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (перебирая книги в шкафу). Тебе опыт свой отдала, тебя движем... Ишь, как пластинку затер, сталинский сокол.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (раздраженно). Сколько раз говорить тебе, не называй так, не называй! Да, я лидер семьи, ставка на одного. Крепче тыл – крепче передовая.

крепче передовая.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*еще более иронично*). Война Бог знает когда была, а у вас все слова какие-то: «передовая», «ударный фронт», «гвардейцы пятилетки». Все темы военные, юбилеи. Как будто ничего другого и нет. нной жизни.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*хмуря брови*). Ну, и что?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*не слушая его*). Сейчас дружок твой заявится.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*настораживаясь*). Кто это?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, этот, землячок твой... с кем по субботам за бутылкой сидите...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*переставая писать*). У меня все земляки.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Все, конечно, из одного района. Все друг друга повиыташили, подпираете, уж до Москвы добрались. Как ты называешь их? «Колода»? Нет, моя «подкова». Стол заседаний у вас там подковой. А подкова-то, как пружина, разогнется и – по зубам...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*перебивая*). Ну, кто, кто придет? Небось, уже знаешь. Кто звонил?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Подумай хорошенько. Что у тебя много, что ли, таких, с кем ты пьешь по субботам?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Много. Целая область. Чего зря говоришь, когда мне пить-то.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вот книжка. Свежая. Слиплись страницы. «Фаворит» Пикуля, первая часть. Так ведь еще и не прочитал. Крапивой скоро зарастешь.

Леонид Иванович переставляет пластинку. Теперь из проигрывателя несутся энергичная, даже веселая телепесенка «Прокати нас, Петруша, на тракторе...»

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вот правильно! С самолета на трактор пересаживали. Дали скорость поменьше.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. А на чем еще ездить? Область-то сельскохозяй-

стенная, бездорожье.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Доездились. Одни ухабы. Очередями народ задавили.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*под нос себе*). Скоро еще хуже будет.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*берет тряпку, переходит к письменному столу*).

Глянь, и пыль в квартире какая-то не такая. То была лохматая, серая, а эта, видишь какая (*показывая тряпку*), - черная.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. А говорила, другую квартиру тебе давай – попросторнее. Хоть бы с этой справлялась.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Да ведь смешно! Глава области, раньше «губернаторами» таких называли, а в двухкомнатной, малогабаритной.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Ну, положим, не малогабаритная.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. В одной комнате – телетайп, а в этой – телефон, все время дрынчит.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*морщась, как от головной боли*). Я тебе в жилкоммунхоз свожу, поглядишь, какие очереди, в каких условиях люди живут.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, хотя бы ту взял, где жил прежний Глава. С видом на водохранилище. Да и милицейский пост не надо было бы переносить.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*бросая ручку на стол*). Лидия! Ну, невозможно сосредоточиться. И так голова пухнет, а тут ты... Знаешь хоть, что такое авторитет? И как его зарабатывают?

Длинно, тревожно звонит телефон.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*снимая трубку*). Да-да... ладно, давай машину... нет, лучше сам ко мне... тут у меня все и обговорим (*оборачиваясь к жене*). Авторитет, моя дорогая, - это когда не лопаешь в три горла, если всякой еды навалом, ясно?

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Там же комната. Плахова одна.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*продолжая протирать письменный стол*). Что-

то стряслось. Что-то серьезное, что-то очень серьезное. А он как в рот воды ... Хорошо, дорогой мой, найдем способ, как открыть сокровенное. Я тебе не как эти жены мужей из твоей ... «подковы». Дичь, серость, но что хватка бульдожья – факт. Бегали, прыгали по всяким культурным точкам, а в конце концов в магазинах пристроились. Небось, уже в курсе, вытянули из своих мужиков, они всегда в курсе всего. Это мой все вокруг до около, все кругами ходит: «государственная тайна», «совершенно секретно». Какие секреты между мужем и женой? На Западе, прежде чем регистрировать брак, от будущих супругов справочку требуют – не болеет ли венерическими.

Так же и алкоголизмом. Они бы наших... из этой «подковы»... и на дух половины к ЗАГСу бы не подпустили. В самом деле, у каждого целый «букет». В больничке в нужный момент отлеживаться... В молодости пьют вместе, на устойчивость проверяются, таких и выдвигают. Кадровая политика, называется...

Резкий, требовательный звонок в дверь.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*поднимаясь, идет к двери*). Не надо, я сам!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Уже, небось, тетя Гаша открыла. Ну да, этот твой зам – Леонид. Ишь, шмыгнул в твою комнату.

Плахов встает из-за стола и уходит. Плахова остается одна.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Сидят, шушукуются в «телетайпной», куда срочную телеграмму направить, откуда принять. Ради Москвы вскочит и среди ночи. Это оттуда, из Кремля, пишут сюда им на всяких бумагах «Совершенно секретно», «Государственная тайна». А у самих жены (тех, кто пишет) – первые разносчики этих самых государственных тайн. Приезжаем с Леонидом в Москву – каждый дворник говорит тебе все «по секрету», а «губернатор» стоит, ушами хлопает. А от кого все узнается? От низко сидящих жен мужей высокопоставленных... Пока это в провинцию правительственная телеграмма дойдет с грифом «Совершенно секретно», слухи по Москве уже с месяц и циркулируют, и циркулируют.

Сейчас узнаем, что у них там стряслось?

Плахова оставляет тряпку на письменном столе. Снимает телефонную трубку:

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*елейным голосом*). Лидия Митрофановна, голубчик, это я – Лидочка... Какая? Да что, не узнаете, что ли, Лидия Ивановна? Да, Плахова. Плахова... Ах, редко звоню? Звоню-то редко, зато метко... Лидия Митрофановна, голубчик, а чего это наши мужики в «телетайпной» у нас засели? Прямо мешки какие-то трехнутые... Да-да, трехнутые, говорю, трехнутые... (*мимо трубки: «Специально слова подбираю... У, дура старая, глухонемая, пень пнем, баба нерусская, по-татарски, с ней, небось, хоть днем, хоть ночью, а по телефону-русски мы не понимаем...»*). Я говорю, в «Ювелирный» к вам жемчуг розовый, китайский не поступал? Нет еще?.. Ну, тогда имейте в виду, в виду имейте... Да не его имейте в виду, а меня, ему самому жемчуг зачем? А я, может, невестке будущей – сын Коля собирается жениться... да не сам же, не Леня, а Коля, Колюня наш, сын (*мимо трубки: «Вот дура-то, господи, спасу нет, но хитра, бестия, невозможно, как круги вьет»*) Так и мне не поздно еще, если что (*кокетливо*), я еще молодая.

Лидия Митрофановна, голубчик! (*мимо трубки: «Или как там тебя по-татарски»*). Я своему-то... самому, самому... и говорю, как это ты «подкову» свою подбираешь, по какому принципу? Ах, без принципов, беспринципных?.. По именам, говорю, что ли? Ты – Леонид, и твой зам – Леонид, и зам. зама – Лсонид... Леониды, веришь ли, человек шесть.

Но твой Леонид – первый зам, а почему? Потому что жена у него – ты, Лидия Митрофановна, с таким же именем, как и я... А у других жен – имена другие... Не верится? А ты поинтересуйся, посмотри. Кто Тамара, кто Светлана, а одна даже Рената Тибальди... Это я так зову, итальянская певица была (*мимо трубки: «Сейчас я ей еще чего-нибудь загну»*)... в «Ла Скала», певица... Кого, говоришь, «ласкала»? Одного «ласкала-ласкала», а он к другой все же переметнулся - спроси своего мужика, кого он ласкал, ты-то, я знаю, ласкала, а вот он чего тебе скажет... Да, и мимоходом удочку там закинь, чтой-то они, мужики-то наши так переполошились?

Первое Мая завтра, годовой праздник. Мой-то уж речь бы учил, рассказывал бы наизусть перед зеркалом... Какую-какую – такую же, как и в Москве, с Мавзолея, перед колоннами трудящихся... А я гляжу, на столе у него лист бумаги-то чистый, только «крестики-нолики». Лидия Митрофановна, голубчик, что мужики-то наши ай сдурели в детские игры играть?.. Ну, звони. Жду от тебя звоночка, ты своего-то получше пошевели, а потом мы с тобой созвонимся. Ну, покуда... Да это я так, в деревне у нас, бывало, так выражались...

Кладет трубку. Стоит какое-то время молча.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*собираясь с мыслями*). В самом деле, что-то из ряда вон! Уж не война ли, действительно? С той же Америкой, а больше с кем? Татарка эта своего размазю, небось уже распотрошила. Стоит в магазине, в отделе своем, и семечки лузгает, щелкает. Стоит и щелкает, хитра бестия! У такой не сорвется.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Та же комната. В ней – Плахова, одна. Входит сам Плахов. Он в длинном черном кожаном пальто, в черной кожаной шляпе.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Чего это ты так вырядился? Как эсэсовский офицер.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Вся «подкова» так.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*бросаясь к нему*). Да что хоть случилось-то?! Что?!

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Ничего, Лидок, ничего (*протягивая и целуя ее в висок*). Ты квартирой тут занимайся, протирай эту чертову пыль... Ничего особенного. Из области слухов. Да! Как тебе тут что-нибудь станет известно от нашего Колюни, так мне звякни, я у себя в кабинете... Ну, будь умницей. Да-да, ситуация, контролируемая. Вот и все, что я могу, сказать тебе, моя дорогая... А продукты из магазина, особенно молочные, употреблять, на всякий случай, пока воздержитесь тут. Молоко, видимо, будем доставлять в город из северных, северо-восточных районов.

Плахов уходит. Плахова медленно опускается на стул. Так и сидит.

Входит тетя Гаша с продуктовой сумкой в руках.

ТЕТЯ ГАША (*выставляя бутылки с молочными*). Вот принесла. То в магазине к этому времени шаром покати, а то – молоко, кефир и даже ряженка. Все, что вашей душе угодно. Прямо коммунизм тебе, живи – не хочу.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*укоризненно*). Тетя Гаша! Ну, вы, ей богу, не знаю, прямо на стол сюда Леониду. На кухню нельзя, что ли?

ТЕТЯ ГАША. На кухню-то можно, да дай, думаю, сама глянет.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*морщась*). Леонид Иванович велел все это (*показывая на сумку*) в мусоропровод.

ТЕТЯ ГАША (*опешив*). Как это?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Да так! Воздержитесь, говорит, употреблять, особенно молочные. Привозить буду откуда-то специально... Не понимаю, что в области какая-нибудь эпидемия? В особо крупных размерах. В молоке – туберкулез, бруцеллез, в яйцах – сальмонелла? О, господи, тихий ужас, просто жить невозможно.

Тетя Гаша хочет что-то сказать. Махнув рукой, уходит на кухню.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. И что творится? Где узнать, кому еще позвонить? Как пустыня какая вокруг – никого. В последние годы всех друзей порастеряли. Как на острове живем, за забором, за колючей проволокой, в концлагере. Все с улыбочками, предельно вежливы, даже галантны, а – стена. Все они – по ту сторону, а мы с Леонидом – по эту.

А ведь совсем по-другому жить начинали. Когда молодыми были, когда Леонид был еще начальником аэропорта. И ты открыт всем, и тебе все открыты. Даже когда уже дали Героя ему за перевозку особо важного груза. Звезда ведь никому не мешала. Наоборот, собирались у нас, отмечали дни рождения, праздники. И в радости и в горе – все вместе, все на виду... И я на виду, всеми любима, как же, известная парашютистка...

Сначала его назначили Главой города в районе, где сейчас сын наш Колюня врачом после института, в участковой больнице, в деревне. Я лично была против, конечно. Ну, какой ты, Глава, фактически администратор, хозяйствен-

ник, ты же летчик! Тебе летать еще долго, ты же в транспортной авиации... А он улыбнулся мне этак кривенько и говорит, а партбилет на стол хочешь?..

Вот и стал Леонид Главой города. А я как села дома, так и сижу, фактически домашней хозяйкой. И все куда-то подевались, вокруг никого. А если и есть кто, то подходят ко мне, то с какой-то кривенькой, жалкой улыбочкой. Или, думаешь, попросит чего-нибудь, или, если не попросит, гордый для этого, чтобы просить, так все равно скажет что-то такое, рабское, – сидит это там у него внутри. До того неприятно! Намекали уж, делали замечания – шарахаются, смотрят, как овцы... Господи, триста лет с кровью вбивали нам все это – рабов и рабовладельцев... Я им говорю, вы хоть раз с парашютом летели в свободном падении, когда владеешь не только своим телом, но и еще, кажется, воздухом? Когда земля надвигается на тебя – такая огромная, не отвратимая, и ветер свистит, и летишь ты к ней со скоростью 9,8 метров в секунду, и тебе – радостно, радостно... да...

Так за «забором» в том городе и прожили лет пять, пока Леонида в область не перевели. И здесь то же самое. Но лишь в еще больших масштабах. А здесь еще и страх у людей перед Леонидом добавился. Чувствую, разговаривают с ним, оживленные, даже веселые, а внутри где-то неискренность, и я это ощущаю. Самое печальное, что он стал, по-моему, этим пользоваться...

Так и прошло полжизни – ради него, ради его карьеры. И английский свой забросила, и школу, где проработала лет пятнадцать, и парашют. Так и живем...

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Та же комната. Плахова снова одна, сама с собой наедине.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*тщательно протирая пианино*). Какая-то нехорошая, черная пыль... Пианино Колюнино. Первая крупная вещь, купленная нами с Леонидом когда-то в рассрочку. Громоздкая, резко снижает мобильность, возможность переезда. Купили, когда Колюня едва научился ходить. Он бегал по нему ножками, с восторгом колотил по звонким клавишам кулачонка-

ми.

Отец мечтал, чтобы сын стал музыкантом. С молодости у отца был прекрасный голос, говорил в шутку – почти «бель канто». Вот на память об этом – гитара на ковре. Мечтал о карьере оперного певца, обожал Карузо, итальянских певцов Галли Курчи, Ренату Тибальди, а стал летчиком. А теперь вот, как я говорю, «чистильщиком», «подметалой», «диктатором», «третейским судьей» и еще черт знает кем... Когда людям хорошо, никто тебя и не вспомнит. Но как только плохо, а плохо частенько, – держись... Чертова работенка: чегодня тебя до небес, заискивают, раболепствуют, может, даже искренне уважают, а завтра бьюль-бьюль оглы, одни круги... и – тишина...

Входит тетя Гаша.

ТЕТЯ ГАША. Ты звала меня. Лидочка?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Нет, тетя Гаша.

ТЕТЯ ГАША. Или мне показалось. В ушах что-то звенит, у тебя не звенит?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*прислушиваясь к себе*). Да... действительно... тоже звенит...

ТЕТЯ ГАША (*наклоняясь к ней заговорицки*). Вот и в очереди говорят, звенит в ушах... Соколовская гитара...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*поправляя ее*). Не так «Соколовского гитара до сих пор в ушах звенит». Это романс. Старинный, из репертуара Леонида. А Соколов у цыган был, кажется, такой гитарист.

ТЕТЯ ГАША. Вам виднее (*приподнимаясь, тянется к ее уху на цыпочках*). А что в очереди говорят – просто ужась! Не поддается обобщению.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*спусходительно*). Это все Леонид Иваныч у нас, чуть что, так говорит – не обобщай, не обобщай.

ТЕТЯ ГАША (*всплескивая руками*). Милые мои, да разве же я обобщаю! Нисколечко даже. А говорю истинную правду, что в очереди от народа, в молочном, слыхала.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, и что там, тетя Гаш, говорят?

ТЕТЯ ГАША. Американцы «атом» сбросили!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*смеясь, иронично*). Н-да? Ну, и где его сбросили?

ТЕТЯ ГАША. Бомбу с сероводородом... а пыль черная...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, и где, где?

ТЕТЯ ГАША. Не знаю. Народ об этом не говорит. Но где-то, я так полагаю, не так далеко от Колюни нашего. От города, возле которого он.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*швыряя тряпку на пол*). Где, где?! Кто тебе говорил?!

ТЕТЯ ГАША (*пожимая плечами*). Все говорят. Послухай, что в очереди творится.

Лидия Ивановна бросается к телефону, набирает нужный номер. Номер не отвечает.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*нетерпеливо*). Сейчас, сейчас... наберем секретаршу... Послушайте, Прасковья Петровна, а где мой супруг? ... Да, извините, это я, Лидия Ивановна...

Пауза.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*нервно*). Улетел? Как улетел? Никуда вроде на собирался... Ах, вертолетом? Но это где-нибудь близко, неподалеку?... Может, в город, где Колюня, наш сын?.. Ну, спасибо вам, большое, крупнейшее спасибо.

Пауза.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*сердясь, сама себе*). За что хоть «крупнейшее»? (*тете Гаше*). Что – в самом деле американцы сбросили на нас атомную бомбу?.. Хиросима и Нагасаки?..

ТЕТЯ ГАША. Чего-чего?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Да так, говорю, Сакко и Ванцетти, Хиросима и Нагасаки.

ТЕТЯ ГАША. А-а, ну да. Тебе, дочка, виднее.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Та же комната. Плахова по-прежнему одна.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*бросаясь на диван*). Ну, я ему не девочка! Не эта его... секретарша... Рената Тибальди...

Звонок в дверь.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Кто там? Тетя Гаша, открой.

Пауза. Появляется тетя Гаша. Стоит в двери.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*поднимаясь с дивана*). Ну, кто там?

ТЕТЯ ГАША. Да Вася – шофер Леонида Иваныча. Молоко привозил.

Говорит, специально доставили – из северо-восточных районов.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*иронично*). Какая забота!

ТЕТЯ ГАША. Пойду прокипячу.

Встревожась, Плахова ложится на диван. Снова встает, достается одна. Достает из книжного шкафа портрет Леонида Ивановича. Ставит его перед собой, на пианино.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*все так же иронично*). Ну, что, дорогой, - поговорим? Начистоту, тет-а-тат... Когда ты уезжаешь на длительный срок, а уезжаешь частенько... то сессия у тебя, то симпозиум, загранкомандировка... я достаю твой портрет. Я разговариваю с тобой, когда мне плохо или хорошо и нет настоящей возможности поговорить. Сейчас мне плохо, очень плохо. Дурные предчувствия, нервы. Нервная система подрасшаталась. Это итог нашей совместной жизни, результат моего затворничества. Вся как бы обнажена, нервы открыты. Я чувствую, как через них отрицательная энергия входит в меня. Господи, откуда и отчего? Не знаю, мне просто плохо. Не от этой же тети Гашиной «атомной бомбы», сброшенной американцами... Завтра Первое Мая, а сын не звонит.

Крутит диск телефона.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Междугородняя? Это из квартиры Плахова... Да-да, Леонида Иваныча... Девочки наберите мне Желтоводскую участковую больницу... Ну да, в том самом районе... Ах да, сегодня короткий день. Завтра праздник. Извините, спасибо...

Поправляет портрет Леонида Ивановича, ставит прямо перед собой.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Мне плохо сейчас, Леонид, а тебе – хорошо...

Раскатывать в самолетах, иметь в своем распоряжении вертолет, возглавлять

делегации, красоваться перед людьми. Это не то, что быть просто летчиком... Почему же не отвечаешь, молчишь? Да, и я промолчала всю жизнь, у меня много чего накопилось, я должна тебе это сказать. Жить так дальше нельзя! Жаживо хоронить себя в этих четырех стенах. Какая-то дикость, домостроевщина. В самом деле, какое ты имеешь право содержать меня в камере, в этой вот клетке, как какую-нибудь канарейку... как колхозную корову... Только от тебя и слышишь: «сенаж», «кормовые единицы», «люди нас не поймут», «если народ не накормим, можно рассчитывать на самое худшее». О народе ты думаешь, а обо мне – жене твоей, а о сыне?

Я больше так не могу, дальше так не хочу! Не хочу, вот и все!

Ты стал совершенно другим. Настороженный, все молчишь, словно что-то скрываешь, недоговариваешь. А когда говоришь, я обнаруживаю в твоих словах второе дно, слова твои с двойным смыслом. Значит, они неискренни... Власть портит тебя на глазах. Тебе уже ничего не стоит оборвать человека, обмануть – солгать целой массе. И это становится нормой. Одно думаешь, другое говоришь, а делаешь третье... Когда-нибудь ниточка оборвется, люди раскусят тебя...

Это дело, наверное, не твое. Ты бежишь от самого себя, от своих обещаний, по ступеньками... от должности к должности. Когда ты был Главой города, ты многое людям наобещал. Обещал – не думая выполнять. Главное было – вырваться на новый горизонт, взять новую высоту. И люди верили тебе, как верят, может быть, до сих пор. Ты эксплуатируешь людскую веру, это не может быть бесконечно...

Мне кажется, ты разучился переживать. Успех – да. А вот горе! Простое человеческое... Это «колода», «подкова» твоя, я тебя к ней не ревную, нет, я ее ненавижу! Это она сделала тебя таким. Она требует от тебя все большего. Она – Молох твой, а ты слаб, не можешь им противостоять. Они держат тебя, ведь ты держишь их...

Конечно, в «колоде», в «подкове», в колхозе, в любом коллективе – жить легче: успех реальнее, коллективная безопасность. Не придется искать винов-

ного, отвечать за содеянное, ответственность падет на всех. Ты понял это очень хорошо!.. Почему на той неделе ты не принял одного инженера – изобретателя, не так давно отверг картины одного художника – порекомендовал даже не допускать их на выставку? А все потому что оба они - эти люди, незаурядны, они личности. И потому не в «команде». А, следовательно, посягают на твою святая святых – на ваш этот принудительный коллективизм... Но ведь именно сам ты, судьба твоя иллюстрация противоположного. Ты достиг всего сам, своими личными качествами... И я уверена, что эти двое – художник и изобретатель – достигнут своего и без тебя. Но то будет уже их успех, их личное торжество.

И почему это у нас в России Кулибины и Пушкины, Лермонтовы должны обдирать себе плечи, душу, проходить через тернии, даже смерть?..

Ты запретил мне быть инструктором по парашютному спорту, я перестала работать в школе, вести свой английский... Что-то надо делать, жизнь как-то переиначивать. Так жить дальше нельзя.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Та же комната. В комнате – Плахова. одна. Сегодня – Первое Мая, и она ждет после демонстрации Леонида Ивановича сюда домой, прямо с трибуны.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*приоткрыв дверь, кричит*). Тетя Гаша! Я вышла тут, Леонид Иванович без меня не звонил?

ГОЛОС ТЕТИ ГАШИ. Нет, не звонил.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*обиженно*). Вот уже час-полтора – два часа после демонстрации, а его все нет... Уже все трудящиеся прошли, продемонстрировали свою солидарность, уже разбрелись по домам, уже накулюкались... Тетя Гаша, я схожу в кабинет, на работу к нему, тут недалеко.

ГОЛОС ТЕТИ ГАШИ. Не надо, не ходи, милая. Негоже жене за мужем гоняться. Сейчас сам заявится.

Звонок в дверь. И, в самом деле, появляется Леонид Иванович. Он немножго навеселе, с большим букетом цветов.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*прямо из двери к жене – целует, вручая цветы*). Твои любимые! Красная гвоздика – спутница тревог.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*принимая цветы*). Мои любимые – белые хризантемы.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*проходя далее в комнату*). Пардон, будут тебе хризантемы, целая корзинища. Кстати, сколько нам с тобой лет, если вместе? Вот столько цветов и будет в букете, идет?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*ставя цветы в вазу*). А чего это ты... да и вся твоя «подкова»... вы в шляпах на трибуне стояли. Даже дети с непокрытыми шли головами. В легких рубашонках – физкультурники, школьники... По телевизору видела.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*широко улыбаясь*). А еще ты что видела по телевизору? Видела, в Москве на Мавзолее «отцы» наши тоже были сегодня в шляпах?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. И что?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. А военачальники – маршалы и генералы – всегда в фуражках!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А что твои любимые летчики?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. А что летчики – летчики, как и все, шли в колоннах.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вольному воля. Хочу стою на площади, хочу в колонну, хочу...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*прижимая ее*). Ну, прости, не сердись. Ну, взяли с мужиками по «капчке», праздник ведь. И врачи рекомендуют. Знаешь, какая сегодня радиация?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*машинально*). Какая радиация?... С «подковой» пил? Или с секретаршей?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*смеясь*). Ты даешь! Ну, с «подковой», с «подковой», с кем же еще?... Да, когда у нас с тобой день рождения? Не у меня – у тебя! Ей богу, замотался, за делами все позабыл.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Далеко еще.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. До чего?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*косясь на него*). До дружеских отношений.

Леонид Иванович принимается ходить по комнате со сведенными назад руками чуть пониже стшны, на крестце.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Как ээк какой - заключенный.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*живо реагируя*). А откуда ты знаешь про ээков-то?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. А у нас дядя, родной по матери, в тюрьме сидел. Из тюрьмы вернулся, так же ходил.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*рассмеявшись*). Да у нас пол-России сидело, и что-то не вижу, чтобы вот так вот ходили по улицам, так сказать, в массовом порядке.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Народ у нас не злопамятный. Быстро все забывает.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*посуровев*). Да уж что-то забывать и не следует. Память есть память, куда денешься (*стухатываясь*)... Да, знаешь, у меня идея! Если уж до дня рождения далековато, то давай-ка сами себе тут праздник устроим! Все же Первое мая. Пригласим кое-кого, как в старые добрые времена. Тряхнем стариной.

Снимает гитару с ковра на стене: «Моя Соколовская гитара! Давненько в руках тебя не держал». Перебирает струны, напевает романс:

- Ямщик, не гони лошадей...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*переходя на разговор*). Слушай! Давай обсудим, кого пригласить. Позвоним – вмиг все слетятся.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*загоревшись*). Давай!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Та же комната. В комнате двое – Плаховы.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*сидясь на диван*). Бери бумагу, пиши.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*с саркастическим смехом*). Вот бюрократ. Въелась в тебя бюрократия.

Подходит к мужу, смотрит ему прямо в глаза.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*сморгнув*). Ну, кого – первым?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, не первого же твоего зама. Хотя он и тезка тебе, тоже Леонид Иваныч... Никого из «подковы»!

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*как можно мягче*). Почему?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*резковато*). Из деловых соображений, из выгоды, из-за пользы семейной (*снижает тон*). Давай молодость вспомним, пригласим друзей юности, студенческих лет... Плахов, если откровенно, были у тебя друзья в школе? Ты мне про них что-то ничего не рассказывал. Пробел, белое пятно.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. В школе меня «пончиком» звали, я был полноват, несколько неуклюж. Отца рано не стало, а мать была в школе завучем, она меня раскормила, а я ряд стараться... Ребята были со мной более, чем прохладны. Как же, маменькин сынок». Пока они кучей в футбол гоняли, я толкал ядро, двухпудовичком занимался. В конце концов я оказался самым сильным человеком в школе.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А как насчет интеллекта?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Как видишь. Не хуже других. Со школы ближе всех ко мне был Афоня – Витька Афонин. Он картины маслом писал и бегал быстрее всех. Говорят, он стал профессиональным живописцем, где-то на вернисаже его работы встречал.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*осторожно*). Не тот ли, кого ты не рекомендовал?.. Кот ты, самый крупный кот в области...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. В области чего? С этими художниками, поэтами просто беда. Никакой управы на них, гнут свое. Только он прав, и все. А все остальные – ничтожества... А ты кто? Да, я кот по гороскопу, рожден в конце августа...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, а почему ты считаешь себя в его области более компетентным, чем он? Он же не лезет к тебе в авиацию, даже в управление областью... Помнишь? Однажды мы приехали к моим родителям. Отец мой сапоги тогда тебе отреставрировал. Ну, и сам не мог не удержаться от гордости:

«А ты, мол, так сможешь, сынок?» Помнишь, ты дал выдержку, глянул на небо и говоришь: «Видал, дед, самолет полетел?» – Отец отвечает: «Так вот, на твой молоток, колодки твои деревянные, садись на место пилота и дуй в стратосферу, сможешь?».

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*поджав губы*). К чему это ты мне рассказала?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вот вы считаете приоритетом в человеческой деятельности что? Человека накормить, обусть – одеть, дать крышу над головой? Так?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Ну, так.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ни накормили, ни обули – ни одели, ни квартирную проблему, сам же говоришь, до сих пор не решили... А ведь только и кричим об этом. Главами городов, районов, областей кто у нас? Сплошь почти агрономы да инженеры, ты один «белая ворона».

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. А кого б ты хотела? Афоню этого? Или поэта, у нас тут довольно известного, под забором валяется?

Входит тетя Гаша с подносом.

ТЕТЯ ГАША. Я вам чаю принесла (*слыши конец разговора*). Это кто же валяется под забором-то? Дважды Герой этот – Круподеров? Вот наш Леонид Иванович, праздник ведь, а как святой под иконами, а ведь тоже Герой! А Круподеров этот, не хочу корить, но придет, говорят, к свосму памятнику... еще когда – когда правительство поставило ему в нашем городе, после второй Звезды... вытащит из-за пазухи бутылку, чокается с постаментом, с камнем бездушным, и плачет.

Тетя Гаша уходит.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Лучше бы ты, Леонид, с ним чокался.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. С чем – с постаментом?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Нет, с Кру^{ле}деровым. С Афоней – художником, с поэтом, который валяется, с простыми людьми.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Что-то ты, маманя, не то говоришь, не туда гребешь. Я бы этих поэтов...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А знаешь, что такое поэт божьей милостью? Это – дух между землей и небом, показатель уровня мысли, в том числе и технической... Вот мы и отстаем в электронике, химии, кибернетика все была у нас чистейшей воды идеализмом. Вот и гоняемся за западной технологией, фирмы подкупаем, шпионой подсылаем в сопредельные государства...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*вскакивая*). Ну, мать, явно тут засиделась! Надо тебя проветрить, провезти кое-куда, кое-что показать... А Афоню твоего и художника все равно не позову, - вот и все. Не хочу! Не заслуживают...Итак, со школьными друзьями покончено. Дальше кто у нас, кого приглашаем?

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Та же комната. Те же.

Лидия Ивановна разливает чай, принесенный тетей Гашей.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. И тебе их не жаль?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Нет, не жаль.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*упрямо*). А мне жаль. Поэт, а не чувствует себя на своем месте. Ведь не на своем месте-то! Представляешь, сколько бы прибавилось счастья, всяких благ на земле, если бы каждый оказался на своем месте, делал бы свое дело. Все от природы талантливо, да откуда же серость берется, а за серостью – зло? Вот ты – кот по гороскопу, не орел ведь, а летчик, берешь высоко, герой моего романа...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Итак, переходим к следующему витку жизни. Студенческие годы.. Покороче давай. А пока мы тут разберемся с составом, праздник уж кончится.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ничего-ничего. Даже интересно, что-то вроде ревизии. Жизни своей и друзей.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. И почему мы все моих друзей и приятелей приглашаем? А твоих?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ты же знаешь, где я институт кончала. Все мои друзья институтские далеко от Москвы, где-то в Сибири... А вот ты тутошний,

коренной... Помнишь, Портышова Володю, он за вас двоих писал лекции, и потом вы вдвоем успешно сдавали... где он сейчас?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. В Якутии летал, картошку из Кореи возил самолетом. Разбился... весь экипаж...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Да, жаль. Пойдем дальше. Давай кого-нибудь из аэропорта? Там друзей было много, ну, с кого начнем? С Петрусенкова? (*вскакивая в ужасе*). Ой, мышка пробежала!.. Где-где!.. Вон в том углу, кот, а не видишь?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*не обращая внимания*). Петрусенкова? Да. Этого, что замом у меня был по материальной части? Не чист на руку оказался.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*сразу же успокоясь*). А что – судили?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*все еще косясь на нее*). Да н-нет, с-спасли... но от всего отстранили, подвергли, так сказать, общественному остракизму... Строптив больно...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*иронично*). Кто строптив – остракизм или остракизм? Сколько лет знали, ничего такого не замечали. Что же на самом деле?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*вяловато*). Что-то не то сказал, когда проверяли. Ну, комиссии из Москвы.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. И ты его не защитил?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*приглядываясь к ней*). Ему все напрямую надо, все в лоб, правду-матку. Ну, записали бы недостатки, у кого их нет, и уехали бы – все на свои места бы и стало.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. И тебя это удовлетворяет?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Что именно?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, эти... мари, болота... коты и мышки...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Какие мышки? Что ты к ним прицепилась?.. Не да... А тебе что – все нужны революции, потрясения? Ладно, сам предлагаю кандидатуру. Иванюков, - помнишь, был в свое время завгаром? Теперь тут, в области, директором НИИ, я его вытащил.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Этого-то дурака? Двух слов, бывало, не мог ска-

зять без бумажки. Ему другой Иванюлов – однофамилец, из отдела кадров, доклады писал. «Ну, Иванюлов, составил очерк?» – «Нет, товарищ Иванюлов, пока еще нет, составляю», - «Ну, составляй, составляй. Время терпит». – «Так из чего составлять-то, не самолет – запчастей не хватает». – «Клабочка, выпиши ему две канистры со склада. Нехай протирает буквы на своем пишущей машинке, а не штаны, га-га-га, да не забудь сменить фамилию, га-га-га...» Ублюдок!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, ты слишком строга к нему. У тебя к нему личная антипатия, неприязнь, даже ненависть какая-то физиологическая... А что скажешь о Мишке Гусеве – аиамеханике. Этого, кажется, все любили. Какие письма он слал нам сюда из далекой, знойной Гвинии, где наш авиаотряд обрабатывал бананы на «Аннушках»!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА *(оживляясь)*. Да, Мишу можно, Миша – человек во всех отношениях. И жена приятная... Ой-ой-ой, опять шевельнулось вон в том темном углу...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Вот с женой он, к сожалению, развелся... Давай свет включу...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. С Олечкой?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. А с новой женой мы незнакомы.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Так познакоимся.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. И нового человека, не зная его, как вводить в круг, не хочется.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА *(бросая салфетку на стол)*. Один тебе не хорош, тюрьма по нему плачет, у другого жена не подходит. Сами бы на себя глянули, на кого мы с тобой стали похожи! Захочет ли кто-либо сам к нам... Вижу, к «подкове» своей склоняешь, к заму гнешь, к «колоде» своей, туда-сюда, сто раз тасованной... Но я не хочу, этому не бывать, не бывать, не бывать...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ *(успокаивая ее)*. Ну, Лидочка, Лидочка, так в чем же дело? Ну будем сами развлекаться, сами. Как сумеем, как сможем, ясненько? *(проводит пальцами по струнам)*. А ну, родная, изх, моя со-ко-ловская!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА *(восхищенно, по-молодому глядя на мужа)*. Со-ко-

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Та же комната. Те же. Плахов – с гитарой. Жена его Лидия Ивановна поглощена им, вся внимание.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*напевая известный романс*).

Как грустно, туманно кругом.

Тосклив, безотраден мой путь.

И прошлое кажется сном,

Томиг наболевшую грудь.

Лопается струна: дз-з-з-зыиннь!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*пугаясь*). Это к несчастью, что-то произойдет!

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*успокаивая ее*). Ничего-ничего, сейчас заменим.

У меня в запасе целый аккорд – серебряные, испанские... Слушай сюда. Оказывается, Гойя – гитарист, ну музыкант – не художник... так вот он, оказывается, и не испанец, а то ли бельгиец, то ли голландец...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*с нарастанием паники*). Нет-нет, что-то должно произойти, что-то случится... что-то ужасное...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Можно и без струны. Вот так снимаем, чтобы не мешала.

Ямщик, не гони лошадей.

Мне некуда больше спешить,

Мне некого больше любить.

Ямщик, не гони лошадей!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*успокаиваясь*). А ведь любимым когда-то у тебя был другой романс – «Гори, гори, моя звезда»

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Понятно, приоритеты меняются. Мы были тогда молодыми.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А что – сейчас уже старые?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*разочарованно*). Позади многое, шли методом

проб и ошибок.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*снова вскакивая на диван*). Ой-ой-ой! Вон опять она – эта мышка! Она приходит сюда каждый день, в это самое время... Это ужасно, ужасно!

Лидия Ивановна готова разрыдаться. Плахов осторожно кладет на диван гитару.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Послушай, ты не считаешь, что это странно?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*резко*). Что именно?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*в сторону, огорченно вздыхая*). Да вот праздник наш не успел начаться, как уже и кончается.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Праздник, который всегда с тобой?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Да, со мной.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Это у тебя там праздники, а у меня будни, будни, будни...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Прости меня, дорогая, любимая. За все... Я редко бываю дома, какового тебе тут, без меня... Прости... Спасибо тебе за сына, за нашего Колюню, он славный паренек, хороший специалист, врач, мы им можем гордиться. Особенно ты, мать. Ты его, собственно, и воспитала, я все на работе.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*встревожено*). Что стряслось? Не крути – говори. Я знаю, ты вчера летал туда, в южные районы, где наш Колюня.

Плахов принимается расхаживать по комнате.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Собственно говоря – что? Ничего пока, ничего определенного... просто да, действительно, ничего определенного, ясного... мне должны позвонить... сюда, на квартиру... я жду...

Раздается звонок. Плахова бросается к телефону, Плахов отстраняет ее.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Плахов слушает... Это кто? Из реанимационного отделения?.. Ну, говорите, говорите... Говорите же, наконец, черт возьми! Что вы вату жуετε! Так будет жить или нет, что – вам еще не известно? Так действуйте, боритесь, принимайте меры... Какая помощь нужна, что нужно?...

Я надеюсь на вас, мы надеемся...

Кладет трубку. Утирает платком разом вспотевший лоб, все лицо. Лидия Ивановна стоит навывтяжку перед ним, помертвев.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*едва слышно*). Это с Колей что-то... с Колюней... Что с ним, Плахов? Это и мой сын, скажи?! Почему шофер привез молоко из каких-то северных районов? Что – американцы, в самом деле, сбросили атомную бомбу и прямо на нашего Колю?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*обхватывая голову*). Что за чушь, кто тебе это сказал?!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. В очереди. Тетя Глаша сказала.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*рассмевшись горько*). Американцы... бомбу... Запомни, американцы никогда не сбросят никакой бомбы, никогда! Заруби себе на носу!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Почему же?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Хотя бы потому, что у них слишком высокий уровень цивилизации. Не сопоставим... Черт возьми! Как бы попроще сказать, - просто жаль им эту свою Америку, что в ответ мы тоже расколотим их вдрызг.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А что же тогда?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Не знаю пока. Выясним. Пожалуй, автомобильная катастрофа. В аварию парень попал.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*отпускаясь бессильно на пол*). Это все твои враги... это они... их у тебя вон сколько... явных, тайных, скрытых... Боже мой, за грехи отцов на детях отыгрываются, как же низко мы пали...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*поднявшись*). Рассказывают, Коля паш вел себя героически, кого-то спасал.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. О господи! Не говори мне этого, не говори, этого еще не хватало! Ну, к медали, к ордену его, что ли, представь.

Бьют часы. Девять раз.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Девять вечера. В Москве – салют, у нас в городе – праздничный фейерверк.

Треск, выстрелы. Комната озаряется разноцветными сполохами. Рыдая, Лидия Ивановна кладет голову на плечо мужу. Так и сидят.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Та же комната. Те же. Праздник, фейерверк уже прекратился.

Едва Леонид Иванович выходит из комнаты, как Лидия Ивановна тут же хватается за телефонную трубку.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Это областная больница, реанимация?.. Это Плахова, да-да, та самая... Что вы можете сказать по поводу нашего сына... Получил серьезные ожоги?... Что там большие пожары?.. Ах, радиация, сильная доза облучения?... Впервые сталкиваетесь, ах, не было в вашей практике?.. Ах, вы боретесь, боретесь?..

Поспешно кладет трубку. Входит Леонид Иванович. муж ее.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. И какая марка машины сбила их, кажется, «Жигули»? Ну, «Жигули», «Жигули», в каких ехал наш Коля... Какая машина сбила их – МАЗ, КАМАЗ, КРАЗ?! И сколько раз?..

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*растерянно*). К-кажется, К-КРАЗ или, может быть, М-МАЗ? Н-не знаю.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вот она, мышка, все бегала, бегает перед моими глазами. Я чувствовала это, я знала!.. Все порядочные родители держат своих детей поблизости, в своих городах... И только ты, только ты такой отец... своего единственного ребенка...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Но, Лидочка, Лида! В конце концов, какая разница, где МАЗу или там КРАЗу было наехать на «Жигули» – в том или этом городе? Какая разница!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Нет, это важно, в каком городе. Это важно. Машиной сразу или не насмерть, удар механический или большая ожоговая поверхность тела.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*метнув взгляд на жену*). Ах, вот ты о чем!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Да, я все о том же, о том!.. Перестал говорить

правду. И не только людям, людской массе, но и дома, в семье, жене своей – мне-е-е!.. А там наш сын, наш Колюня...

Плахова беззвучно плачет на диване в подушку.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Лидочка, Лида! Послушай меня, послушай... Правду, наверное, правду говоришь, наверняка. Я тоже больше уже не могу. Нет сил держать эту такую махину, всю эту Систему, Системищу! Всех этих людей, народ, каждого человека в отдельности. Я ведь каждого чувствую, каждого. как ребенка, несущего на руках, как на штурвале самолета, руки держу, вон их сколько – штурвалов тех... И я говорил кому-то что-то, что-то должно случиться, что-то произойдет, а сейчас все равно как руки снять со штурвала. Системы нет! – у меня такое предчувствие...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Леня, Ленечка, Леонид! Ну и что, ну и бог с ней – с этой Системой! Начнем все сначала – с ведра, с кружки, с простого кухонного стола со сломанной ножкой. Зато будет к чему стремиться, будет что ждать впереди, а не как сейчас – все уже позади... Что хоть случилось, скажи, Леонид?!

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Скоро узнаешь по радио или из газет, скоро скажут. В крайнем случае, Запад, «Голос Америки»...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Да что же вы от народа скрываете, от своего! От своих жен, матерей, от детей – это же не по-людски, против всего человеческого, это же прес-туп-ление! Беда века, нашего народа, а ты молчишь. Ты молчишь, ты молчишь, почему ты молчишь? Где наш Коля, что с ним?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (отступая на шаг от жены). Видишь, вон в том углу мышка побежала, мышка. Рыжая мышка, рыжая, а не серая, как обычно. Молодая, в белом подвенечном платье, так похожая на тебя. Ты по гороскопу, кажется, мышка? Я тоже мышка, тоже мышь, я не кот... кот где-то, кто-то другой... выше меня, надо мной...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*похолодев вся*). Ну да, да... По какому гороскопу? По какому гороскопу? По какому... по какому?

Звуки ее голоса несутся в пустоту.

ГОЛОС ЛЕОНИДА ИВАНОВИЧА (*в пустоте*). Система рухнет – вот что самое страшное! Рухнет Система от черной пыли... Нет, от пустой председательской бочки с вином и дустом в нее, дустом и разгильдяйством...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*отрывая голову от стола и видя перед собой жену, спящую на диване*). Даже не разделась, легла и заснула... Крепко сегодня выпили там с «подковой», да и тут после дома. Фу, как набрался!

Берет гитару, проводит пальцами по струнам: «Ямщик, не гони лошадей... «Тссс! Лидочка спит». На цыпочках уходит в другую комнату, в свою «телетайпную».

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Та же комната в квартире Плаховых. Лидия Ивановна – одна, на диване. Приподнимается после сна. Видит плед на себе.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Это Леонид накрыл меня ночью. Или тетя Гаша?.. Тетя Гаша! Ты накрывала меня пледом?.. Не отвечает. Ушла. Наверное, в магазин. Но ведь шофер привез вчера молоко – «доставлено» из северо-восточных районов. А как же все остальные? Им что – тоже будет «доставлено» из тех же районов?.. Пыль, пыль кругом. Была серая, теперь черная, такая тяжелая, черная пыль...

Встает, находит тряпку на окне. Начинает ходить по комнате. Протирает стол, диван, книжный шкаф, пианино. Трет пианино все сильнее, все яростнее, ожесточеннее.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*бормоча под нос себе*). Она погубит нас, эта черная пыль, она всех нас погубит. Надо спасти Колю, надо спасти...

Тихо появляется Плахов, он в длинном черном кожаном пальто и такой черной кожаной шляпе. Молча наблюдает за ее действиями.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Забежал вот – пальто захватить с собой. Обещают дождь, резкое похолодание... Как ты тут, что делаешь, моя дорогая?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*пряча за спину тряпку*). Я? Лакируя действительность.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*засмеявшись от души*). Ну, лакируй, лакируй. Я пошел.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Так заедешь к сыну или мне это сделать?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Все будет устроено, ты не волнуйся. Буду к вечеру, все расскажу... Ну, пока.

Уходит. Плахова продолжает борьбу с невидимой пылью. Появляется тетя Гаши..

ТЕТЯ ГАША. В очереди была, в магазинах.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, и что?

ТЕТЯ ГАША. А то, что... (*подходит к Лидии Ивановне, приподнимается на цыпочки и на ушко ей, озираясь вокруг*). Что люди-то говорят, ужась! Не американцы сбросили бомбу, а еще хуже – сами подорвались. Котел взорвался где-то на атомной станции, на этой... Чернобыльской атомной станции. Теперь всех нас черной пылью задавит... А что Леонид Иванович разве не говорил?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*зсмевшись*). Ну, г-говорил, в общем-то... А где эта станция, что говорят?

ТЕТЯ ГАША. Да где-то под Киевом.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, и что?

ТЕТЯ ГАША. Так ветер оттудова. Полагают, все к нам несет. Белая смерть, невидимая.

Тетя Гаши выходит. Лидия Ивановна остается одна.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Этого нам еще не хватало! Для полного счастья. Так, посмотрим в «Большой энциклопедии». Ага, Чернобыль. Севернее Киева, километров сто – сто пятьдесят, по Днепру... Вот она – черная пыль, наша белая смерть!.. Наш Колюня получил облучение, что-то там свершил героическое...

Набирает номер телефона.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Это реанимация? Скажите, как состояние больного – Плахова Николая Леонидовна... Да, я мать его... Ах, не даете таких спра-

вочек, запрещено?.. Но я же Плахова, Плахова. супруга Леонида Ивановича... Ах, все без исключения, докладывать только ему лично?

Вешает трубку. Садится на диван. Сидит, покинув головой. Всклакивает, начинает ходить по комнате.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Запрещено! Даже мне, даже матери своего собственного сына? Кто имеет право запретить, какое они имеют право запрещать. Народ все знает, рождаются самые нелепые, зловещие слухи, а он голову в песок, как жираф. Делает вид, будто ничего не происходит... Боже, он знал ведь заранее. еще да Первого мая! А дети на демонстрации шли в легоньких рубашеночках, с непокрытыми головами под нещадным, сжигающим солнцем. А Сам он стоял на трибуне в шляпе... да-да, в этой своей дурацкой кожаной шляпе и своем кожаном пальто... И вся его «подкова» стояла, и тоже в шляпах, тоже в кожаных пальто... Они переступили черту, переступили черту... Как свистит в ушах, это ветер оттуда, он несет белую смерть...

Попытавшись, Лидия Ивановна валится на диван.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*обхватив голову*). Коля, Колюня – сыночек мой! Еще на свете не жил, институт только закончил, оттерпужил шесть долгих лет, сам врач молодой и... и...и... Голова раскалывается, на языке сладковато, сушь какая-то. И в душе пустота...

Коля, что ты с матерью сделал! Кинулся кого-то спасать! Как же клятва Гиппократата, врачебный долг – первая помощь людям. А твой отец, сынок, в это время в шляпе, в кожаном пальто стоял на трибуне. А мимо него шли дети в легоньких рубашонках, с непокрытыми головами, размахивая искусственными цветами...

Снова набирает номер телефона. И снова садится на диван, опустошенная.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Та же комната. Плахова одна, лежит на диване.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*приподнимаясь на локте*). Вот уже и рассвет, кончается ночь. А Леонида Ивановича нет, все нет, никак не приедет из своей ко-

мандировки... Что-то звенит над ухом, это комар, комарики-кошмарики! Не дают покоя, сосут мою кровь, пьют здоровье по капельке... Какая мерзость! Откуда хоть они комары эти? До реки от дома вроде бы далеко... Тетя Гаша! Откуда у нас комары?

Появляется заспанная тетя Гаша.

ТЕТЯ ГАША (*хриплым голосом*). Чего тебе?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Комары откуда у нас?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Известно, откуда – из подвала. Сантехники в воду спускают, болото развели, вот и гундосики! Ишь, гундосит, треклятый! (*ловит палету комара, трет о ладонь ладонью*). Вот она, твоя кровь, Лидочка, вот!

Показывает ладонь Плаховой. Та шарахается от нее, ей дурно. Тетя Гаша приносит стакан воды, хлопочет над ней.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*слабым голосом*). Почему они так набрасываются на меня?

ТЕТЯ ГАША. Кровь такая – господская, сладкая.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А тебя не кусают.

ТЕТЯ ГАША. А зачем? Я уже старая, никому не нужна. Живу при вас, и за это спасибо, что приют дали, не прогоняете, не сдаете в дом престарелых. Кто я вам? Так, пятая вода на киселе. Дальняя – дальняя родственница.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Да живи, живи, тетя Гаша. Успокойся, живи, сколько хочешь.

Тетя Гаша уходит.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*делая на диване подушку повыше*). Сон не идет. Какой там сон! Комары съедят меня окончательно. Пол-России съест Чернобыль, а другую половину съедят комары... И лезут и лезут. В глаза, в нос, в уши – ужас какой-то! Что их во мне привлекает? Действительно, у меня такая уж сладкая кровь? Кровь у меня должна быть такая же, как и жизнь, - горькая... То тараканы по квартирам, то теперь комары.

Сколько раз говорила Леониду – смени квартиру, получи хотя бы ту, где был прежний Глава, где почти вся «подкова» сейчас. Там воды в подвалах, наверное, нет. Эти уж о себе позаботятся. И с отоплением у них все нормально, и

с горячей водой.

А тут вода застоялась в подвале, застойный период! Развели комаров по подвалам, комары всех съедают... Чернобыль этот застояться не даст...

Лидия Ивановна встает, берет тряпку в руки, начинает протирать Леонидов письменный стол. Затем Колино пианино, свой диван, книжный шкаф, отдельные книги.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Пыль, пыль, эта черная пыль... она нас доконает... то комар, то этот Чернобыль выпьет всю мою кровь... А Леонид Иваныч молчит, как так и надо, ему все безразлично, может, даже и хорошо... По крайней мере, криминогенная обстановка в области улучшилась, даже преступный мир озадачен (*кричит на кухню*). Тетя Гаша, тетя Гаша!

Появляется тетя Гаша.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Смени, пожалуйста, тряпку, принеси другую.

Тетя Гаша приносит другую тряпку.

ТЕТЯ ГАША. Не надо, Лидочка, я сама все перетру (*ворчливо*). Чернобыль – это чернобыль, чернобыльник, полынь такая. Люди говорят, старые книги надо читать, все написано. Еще когда в Библии сказано: явится звезда – полынь, стало быть, чернобыль, и воды в реках станут горькими, земля перестанет родить, а люди перестанут рождаться. И увидится конец света.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ты, тетя Гаш, такое скажешь, просто жить не охота.

ТЕТЯ ГАША. Да уж что есть.

Выходит из комнаты. Плахова остается одна.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Шатает всю... То ли трасса близко, выхлопные газы. То ли это Чернобыль...

Набирает номер телефона.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Это метеорологическая служба? Скажите, пожалуйста, какая сегодня температура на улице?.. Так... А шум на улице, децибелы?.. Так есть только по автомобильным выхлопам?.. А Чернобыль?.. Что – не имеете аппаратуры? То есть – возможности определять, или же не даете сведения?.. Ах, и то, и другое?.. Ну, спасибо. Спасибо, говорю, и на этом.

Кладет осторожно трубку.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*озираясь вокруг*). Опять звенит. У, гундосик! Вот взгуделся, круги вьст. Звенит, звенит, аж ухо сверлит, просверливает насквозь.

Пытается ловить его в воздухе. Хлопает себя по плечу, по локтю – одному, другому.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*продолжая*). Он из меня всю кровь высосет. Всю окончательно! Вампир какой!.. В черной кожаной шляпе, в блестящем черном кожаном пальто... Тетя Гаша, тетя Гаша!

Появляется тетя Гаша. Она в белом переднике, в белой косынке, с кастрюлей в руке.

ТЕТЯ ГАША. Сегодня будет борщ украинский. С бараниной. Леонид Иванович просил.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А что это у тебя косынка белая на голове?

ТЕТЯ ГАША. Чтоб волосы в кастрюльку не падали.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Тетя Гаша, а где у нас домоуправление? Сейчас позвоно на санэпидгигиенцию, чтобы пришли, проверили, акт составили, оштрафовали, кого следует. Начинаю борьбу.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Та же комната в квартире Плаховых. Лидия Ивановна одна, ходит по комнате с тряпкой. Появляется Леонид Иванович, он в повышенном настроении. Черное кожаное пальто у него на локте, кожаная шляпа в руке.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Наконец-то! Тетя Гаша приготовила настоящий украинский борщ. С баранной. Тоже из северо-восточных районов?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*показывая на тряпку в руке жены*). Что – опять протираешь?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Он опять звенит, слышишь? Звенит и звенит над ухом...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*замирая*). Нет, не слышу. Это тебе, наверное, кажется.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*с дрожью в голосе*). Нет, не кажется, не кажется!.. И пыль в квартире не кажется – какая-то черная, плотная, нехорошая пыль.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Был в областной больнице, в реанимации. Лично. Оказывается, это не наш сын, не Колюня. Представляешь, из того же района, из той же больницы, молодой врач, представляешь? И тоже был доставлен в плохом состоянии. И тоже Плахов. Но – Виктор. Однофамилец. Случайное совпадение.

Лидия Ивановна тихо смеется. Встает, снова бросается на диван. Опять встает, подходит к Плахову, смотрит прямо в глаза.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А не врешь? Почему-то не верю.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Ты устала. Ты такая бледненькая... Любимая, милая моя, не надо, не терзайся, не мучай себя! (*прижимает ее, целует в лоб, виски, губы*). Живи спокойнее, не обращай внимания на все остальное. Скоро отпуск возьму, в этот раз летом, в «бархатный сезон». Поедем на Черное море – в море поплещемся, в бирюзовой волне... А вообще-то отпуск надо делить на двое. Хорошо бы и зимой, и летом...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Хорошо бы.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. А не получается. Летом надо тут на месте быть. То сев, то уборочная. Область-то сельскохозяйственная.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А первый зам для чего? А «подкова»?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*машет рукой*). А -а, сама знаешь.

Проходит к дивану, садится, с удовольствием вытягивает ноги. Зовет жену, привлекает к себе.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*раздумчиво*). Герой был – и настоящий ведь! Даже с Золотой Звездой. А сейчас что осталось?

Плахов сидит в задумчивости.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*продолжая*). Помнишь, года три назад ты был в Москве на каком-то совещании? Жил, как обычно, в гостинице «Россия». Помнишь, тот всем известный пожар? Сколько народу погибло. В панике прыгали в окна со своих этажей. Ты тогда завернулся в сырую простыню и в сплошном, едком, химическом дыму нашел выход, спасся. Значит, летчик ты был настоящий.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Область одним порывом не выведешь. Откро-

венно сказать, голова идет кругом. Не знаешь, за что хвататься. Все трещит, если сказать откровенно.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А чего молчишь? Молчишь и молчишь, как будто чужими стали. У первого твоего зама жена всегда в курсе. И город все знает. Одна я, как дура.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Тебя берегу, если сказать откровенно. Зачем тебе все это? Мужское дело, груз неподъемный... У дворянства было золотое правило: когда собирались на балы, всякие там неформальные собрания, о деле своем – о финансах не говорили... А ты такая бледненькая, надо провериться, врачам надо тебя показать.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Лучше бы откровеннее был, лучше было бы...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*в дверь*). Тетя Гаша, тетя Гаша! Ну, борщ у тебя там готов? Говорила, украинский, с бараниной.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*иронично*). Тоже из северо-восточных районов?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Что?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Да баранинка.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*пожимая плечами*). Из Голландии. А написано по-английски «Майд инд Нидерланд».

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А что же мы? Поэзия нам не нужна, изобретатели тоже. Одни холуи нужны. Все хлеб у нас в приоритете, все труженики, агрономы. А хлебом страну так и не накормили.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*улыбаясь*). Не бунтуй, все равно не поможешь.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Комар звенит. Опять звенит, слышишь? Звенит и звенит над ухом.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Не слышу.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А пыль черную видишь в квартире?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Не вижу, все чисто.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, вот! Не видишь, не слышишь, не чувствуешь, а областью руководишь.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Все та же комната. Лидия Ивановна лежит на диване. Входит тете Гаша.

ТЕТЯ ГАША. Бледненькая какая! Ай что болит, Лидочка?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Комар звенит, тетя Гаша. Вот вьется, над ухом, вот издевается, слышишь?

ТЕТЯ ГАША (*прислушиваясь*). Нет, не слышу.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Может, у меня с давлением что-либо? В ушах звенит... В больнице, тетя Гаша, другой молодой врач, тоже Плахов, но не наш Колюня, а просто однофамилец. И я, как дура, сначала обрадовалась, а теперь вот все равно переживаю... И что там с нашим Колюней? Мало ли, ведь в пострадавшем районе. Звоню-звоню в больницу – никак не дозвонюсь. Надо же позвонить.

ТЕТЯ ГАША. Да ты не волнуйся, Лидочка. Чего ему, Коля у нас разумный молодой человек, на рожон не полезет.

Плахова заказывает междугородную. Выслушав, кладет трубку.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*вздыхая*). Линия на повреждении.

ТЕТЯ ГАША. А что Леонид Иванович?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Да вот Леонид Иванович про больницу все и рассказал. Что не наш Коля – совсем другой человек.

ТЕТЯ ГАША. Ну, и слава богу.

Плахова молчат берет тряпку.

ТЕТЯ ГАША. В очередях-то, ох, кроют начальство, «подковку» какую-то! И Леониду Ивановичу нашему достается. Почему, мол, молчит.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Москва тоже молчит.

ТЕТЯ ГАША. Москва-то Москвою, а мы тут живем.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, и что говорят?

ТЕТЯ ГАША. А то и говорят. Мол, знали, а народу не сообщили. Своих жен да детей вывезли, сами шляпы напялили, а детей наших, мол, чуть не голяком мимо трибун... А все Глава виноват, дескать, рыба гниет с головы.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*обесточаясь*). Ты же видишь, где жена, где сын у

Леонида Иваныча? Здесь, «на переднем крае», «на линии фронта».

ТЕТЯ ГАША. Я-то вижу, да людям замок на рот не навесишь.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*вздыхнув*). Да, это так, не навесишь.

Развернув тряпку, она начинает стирать пыль с мебели. Ожесточаясь, трет трет книжный шкаф. Протирает каждую книжку.

Покачав головой, тетя Гаша уходит на кухню. Обессилев, Плахова берет телефон, ложится с ним на диван. Набирает нужный номер.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Алло, алло... Это метеослужба?.. Я хотела бы узнать уровень радиации сегодня... Да-да, плохо себя чувствую. Думаю, что существует прямая связь... Что? Год активного солнца? У нас всегда на все объективные причины. Ах, служба у нас еще такая не создана? А почему в других городах, вероятно, уже есть, существует. А от кого это зависит?.. От областных органов, говорите? А конкретнее... От самого Плахова? От Плахова, говорите?.. У меня все. Ну, спасибо.

Отпускает телефонный аппарат на пол.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*покачав головой*). Глухо, как в танке. Полунепробиваемы... В прошлый раз сказали: то не делают такого рода анализы, то спривочек по такому поводу не дают. Сегодня у них, видите ли, год активного солнца. Солнце им виновато.

Поднимается. Берет тряпку, начинает ходить по комнате, опять стирает с мебели пыль.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*пошатнувшись*). Тетя Гаша, тетя Гаша!

Вбегают тетя Гаша.

ТЕТЯ ГАША (*испуганно*). Что с тобой, милая?.. О, господи! Да я сама, сама уберу в квартире, перетру все.

Провожает Плахову до дивана, укладывает ее.

ТЕТЯ ГАША. Голова кружится? Да полежи-полежи, милая, глядишь, и перемогнется... Да и Леонид Иваныч скоро с работы явится. Да вот он сам, как жется. Легок на помине.

В дверь звонят. Тетя Гаша идет открывать. Плахова с трудом поднимается с дивана. Входит Плахов.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Ну-с, как мы тут? О, да мы ничего, симпатичны.

Пытается обнять жену, она отстраняется.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Плахов! Наша метеостанция не дает сведений по загрязнению воздуха. И виноват в этом ты – Плахов! До сих пор у нас не создана такая служба, не производят анализа почвы и воздуха.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ *(делая невинные глаза)*. А зачем?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА *(аж задохнувшись)*. Как зачем?!

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Какая в этом острая необходимость?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, знаешь ли?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Паниковать не надо, ясно?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА *(откидываясь на диване)*. Мышки-то вон побежали, мышки. Какие большие, огромные, растут прямо на глазах.

Плахов набрасывает плед на жену. Лидия Ивановна затихает. Плахов тихо выходит из комнаты.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Та же комната. В комнате двое – Лидия Ивановна и тетя Гаши. Плахова пытается пройти по комнате с тряпкой, делает отчаянные усилия, но падает.

Тетя Гаши помогает ей приподняться, прилечь на диван.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА *(как в бреду)*. Видишь, пыль, пыль кругом, черная пыль! Они в черных кожаных шляпах, а Колюня даже без белой панамки... И мыши, мыши в углу, вон в том углу, видишь?

Указывает в угол рукой.

ТЕТЯ ГАША *(чуть ли не плача)*. Где, где мыши? Нет никаких мышей. Лидочка.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А где кот, самый большой кот в области. где? И на это нет санкции Плахова?

ТЕТЯ ГАША *(трогая ее лоб ладонью)*. Неужто бредит, высокая температура?.. Перенервничала, бедненькая, за Колю нашего переживаючи. Вот и сорвалась... Господи, что же делать? Сейчас я по своему телефону позвоню, тут у меня телефончик записан *(ищет в телефонной книжке)*. Позвоню Васе – шо-

феру.

Набирает номер.

ТЕТЯ ГАША. Это Вася? Как какой Вася? Шофер Леонида Ивановича... Мне Васю-шофера, это из квартиры Плахова, тетя Гаша... Вася, дорогой, срочно сообщи Леониду Ивановичу, мол, с Лидочкой плохо, в плохом состоянии. Пусть все бросает и домой, сей же минут...

Кладет трубку. Плахова смотрит на нее с укоризной. Звонят в дверь.

Тетя Гаша идет открывать. В комнату вбегают Плахов.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Где она, что с ней, тетя Гаша?

Лидия Ивановна встает с дивана, пытается сделать шаг к мужу и падает у его ног. Плахов поднимает ее, осторожно кладет снова на диван. Присаживается рядом, взглядывается в лицо.

Лидия Ивановна открывает глаза, привстает, отчаянно машет руками, ее всю трясет.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (в дверь). Тетя Гаша! Тазик сюда! Скорее!

Тетя Гаша прибегает с тазиком. Лидия Ивановна рвется с души. Ее всю тянет, изнутри крутит, корежит. Обессилев окончательно, она валится на подушку. Плахов стоит перед ней. Присаживается на краешек дивана, кладет руку на лоб жене.

ТЕТЯ ГАША. Наверное, давление.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Есть аппарат, чем мерить давление?

ТЕТЯ ГАША. Откуда?

Плахов берет телефонную трубку.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Вася, мигом в областную больницу. К главному. Да-да, к главврачу. Скажи, мол, я просил аппарат для измерения давления. Скажи, я просил. Лично... И Главный пусть сам приедет. Моя личная просьба... Одна нога тут, другая – там, ясно?

Кладет трубку. Возвращается к жене.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (вполголоса, проникновенно). Что с тобой, Лида?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (едва шевелясь). Плохо мне... умираю, наверно...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (вздвигнув, как от удара). Лидочка, не умирай!

Не умирай, Лида! Не надо, не надо-о-о... (голос его срывается)... Для чего то-

гда все это? Для чего я живу, для кого? Вы с Колюней самые близкие мне люди. Ближе вас нет на земле никого. Нет-нет-нет на всей земле никого... Лидия, ты меня слышишь, слышишь, Лидочка?..

Плечи Плахова сотрясаются от сухих рыданий. Он затихает.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Та же комната. Те же. В том же положении. Плахова открывает глаза, молча смотрит на мужа.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*искренне, проникновенно*). Я люблю тебя, Лидочка, люблю! Без тебя и не знаю, как быть и что делать. Ты всегда передо мной стоишь, когда за что-то берусь, твои глаза, твои руки (*целует ей руки, рука ее вяло падает вниз*). И когда вез тот особо важный груз, в любой момент ведь могли сбить ракетой. А я не думал ни о чем, ни о ком, кроме тебя. Ты, как пеленг мне, всю мою жизнь, на тебя веду свой самолет.

Знаю, виноват перед тобой все эти последние сумасшедшие годы. С той поры, как ушел из аэропорта. Потерял свою работу, тебя стал терять, и теряю себя. Говорю не то, делаю не то, я знаю, тебе это не нравится, но ты сдерживаешь себя, ты молчишь, берешь себе все на сердце. И вот, вот...

Молодыми были, я улетал надолго в свои командировки, но ты знала, что бы там ни было, хоть мир весь перевернись, я прилечу домой, со мной ничего не случится. Ты верила в меня, и это вело меня, мой самолет... А все началось с того проклятого дня, когда я взялся не за свое дело – согласился стать Главой города. Я подумал, что я могу сделать для людей больше, чем те, что были до меня. Это было тщеславие, ложь самому себе, а значит, тебе... Я по-прежнему исчезал надолго, еще чаще уезжал в эти свои поездки – на эти свои совершенно дурацкие симпозиумы, совещания, съезды, но ты уже не вела мой корабль, я это чувствовал... всеми фибрами...

Я уходил от тебя постепенно, ты исчезала во мне. Твое лицо, твой образ уже не стояли передо мной. Я относил это на счет прожитого и пережитого, ну что ж, - это годы. Но внутри самого себя, я знал, это не так.

В последние годы, уже здесь в области, стало еще хуже. Прихожу домой с совещаний и говорю совсем не о том. Не то, что есть в самом деле, а как надо, как бы хотелось. Я стал приукрашивать. Я стал врать. Скажем, с севом этой весной. Ведь ни к черту, из рук вон плохо. Осень была неважная, не весь озимый клин засеяли. А тут еще зимой половину зерновых вымерзло. Сколько легло на весну: вспахать, засеять, сколько надо семян дополнительно, а где их взять – элитные, первой репродукции? А мы под яровой клин вспахали лишь половину... Или хотя бы с картошкой. Сколько сил было убухано, средств, а она сгнила уже на железнодорожных платформах... Говорю что-то не то, не о том, Лида. Лидочка!..

Плахова все так же лежит без движения.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*в отчаянии*). Не уходи, я прошу тебя, я прошу (*в сторону*). Да когда же хоть этот чертов доктор приедет, где он застрял!.. Клянись тебе, я стану другим человеком, мы все изменим, опять все будет у нас хорошо, я, наконец, сброшу этот чертов хомут. Надоело быть ломовой лошадкой, я все-таки летчик! И все будет у нас по-прежнему... Я клянись тебе ... клянись...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*приоткрывая глаза, шепча одервенелыми, чужими губами*). Колю переведи... сюда поближе... Колюню...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*поспешно, с готовностью*). Ну, хорошо, хорошо! Я переведу Колюню, переведу. Сегодня же, нет, завтра займусь этим вопросом... поручу, нет лично возьмусь... Что я, в самом деле, не имею права на такую малость, как сына устроить ближе к семье, рядом с матерью? Другие вон... из той же «подковы»... что только ни делают для себя... Лидочка, слышишь? «Ювелирный» стал просто их филиалом. Это жена моего первого зама – какая прыткая, весьма хитрая женщина.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*шевелинувшись*). Татарка эта? А имя у нее, как у меня...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*запнувшись*). Ну да, тоже Лидия, а муж ее – зам мой, тоже Леонид Иваныч! Ты смотри! Вот не думал-то.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*едва слышно*). Люди все замечают.

Звонок в дверь. Пауза. Входит тетя Гаша.

ТЕТЯ ГАША. Вот Вася – шофер привез. Аппарат для измерения давления.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ *(обрадованно)*. Хорошо, Лидочка, хорошо! Сейчас мы измерим тебе давление, и все будет о'кей, все будет, как надо.

Меряет давление. Рассматривает, соображает.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ *(огорченно)*. Какое высокое! Жили и не знали, что у кого-то из нас может быть давление, с сердцем проблемы. Ты же все-таки парашютисткой прыгала... Да, жизнь. Позади нелегкие годы. Лидочка, прости... Но ведь лучшие годы не все еще позади...

Устраивает жену как получше. Поправляет подушку. Плахова едва шевелит губами.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА *(в полузабытьи)*. Ложь – ложь кругом, мыши, клопы, тараканы...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ *(наклоняясь над ней)*. Я люблю тебя, люблю тебя, я люблю *(в порыве откровенности)*. Я люблю, люблю тебя, любимая, дорогая моя! *(целует ей волосы, лоб, щеки, губы, всю)*... Знаешь, после свадьбы я тебе уже не изменял. По молодости еще было, но после свадьбы – ни с кем, никогда... А ведь случаев - миллионы... А кругом меня в командировках, особо в гостиницах... делегации подбирались особо... И мой первый зам, если откровенно, не одной «юбки» ведь не пропускает, сколько раз его прикрывал...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА *(делая усилия, говорит громче)*. Я ненавижу эту... твой «подкову»...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Ну, хочешь уйду с этой работы, хочешь? Уйду, и все. Ха-ха, подам заявление и уйду. Куда заявление? В профсоюз, наверно, куда же еще? Обычно заявления тут мне подают, а мне самому куда в конце-то концов? А мне – туда, наверх, где «отцы нации», рубины горят...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА *(начиная приходить в себя, уже осмысленно, четко)*. Не уйдешь.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Почему?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Потому что такие, как ты, уходят не по своей во-

ле.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Ты так думаешь?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вас вперед ногами выносят.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*рассмеявшись, нервически*). Ну, это ты слишком! Это могут позволить себе только «отцы». А нашего брата только так в шею. Бывает, звонят оттуда, говоришь по «кремлевке», так не знаешь, куда деваться. «Пятый угол» ищешь, стенки черными кажутся. Думаешь, куда бы только ни ткнулся, где бы только ни работать, а сойдет – ничего.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Сладкая она, сладкая.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Кто хоть?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А власть.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Горечь никто не видит, даже ты не всегда хочешь видеть. Да я и не пытаюсь показывать... Берегу тебя, берегу...

Целует ее, поправляет подушку.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Та же комната. Те же.

Лидия Ивановна стараясь приподняться, ей, кажется, лучше. Плахов подкладывает ей под спину подушку.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Лидочка, я сделаю тебе крепкого чаю. Ты же ничего не ела с утра.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*глядя волосы ему на голове*). Милый мой, любимый, бедный ты мой человек! Я знала, ты всегда был слабее меня. Всю жизнь я чувствовала себя по отношению к тебе матерью. Даже в молодости, когда мы только встречались, помнишь, под теми кленами, где ты в первый раз меня поцеловал? Ты это сделал так неуверенно, робко. Ты был уже в авианституте, учился на летчика, а я была еще школьницей, но я тогда уже поняла, что именно я буду вести наш самолет.

Откидывается на подушку, набирается сил.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Лидочка, я тебе сделаю крепкого чаю, у тебя не было с утра во рту ни росинки.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*оживая постепенно*). Я знаю, с другими женщинами у тебя никогда ничего не получится. Ты их просто боишься, в себе не уверен. А со мной ты уверен... Я любила тебя и люблю. За годы жизни ты стал для меня все. Я прикрылась тобой и потеряла себя. Теперь я не прыгну уже с парашютом. И не из-за сердца, нет, дух потерян, уверенность, но не надежда. Все надежды – в тебе, ты, действительно, - лидер семьи... Ты же врешь мне теперь потихонечку, я не стала нужна тебе так, как тогда. Вот и сейчас...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*поспешно*). Что сейчас?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Сейчас что-то недоговариваешь. В своем умолчании ты стал виртуозом. Значит, встал на ноги, стал сильнее.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Еще бы.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Но сила пошла не туда, не в ту сторону. Я обуза тебе.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Ну, Лидочка!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*капризно*). Да, обуза. Потому ты и уезжаешь в эти свои командировки чаще теперь, чем надо. Задерживаешься на работе дольше, чем необходимо. Ты вполне обходишься без меня. Я мешаю тебе – сосредоточиться, думать, действовать. Скоро ты возненавидишь меня, и тогда...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*прикрывая ей рот ладонью*). Помолчи, помолчи! Не говори того, о чем потом будешь жалеть.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*упрямо*). Нет, я скажу, я скажу! Хоть раз за все эти годы услышишь правду. Все, что недоговаривала... И тогда ты станешь искать развлечения на стороне, а возможностей у тебя теперь много, я это знаю, знаю! И тогда наша семья распадется... Единственное, что нас держит сейчас, - это наш Колюня, Коля. Николай Леонидович, - твой сын, твой портрет...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Да, он приемник. а я передатчик. Между нами волны какие-то, он чувствует меня на расстоянии. Я возбужден – ему плохо, и я чувствую – когда ему нехорошо.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Обратная связь.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Да, обратная связь... Почему, ты думаешь, я от-

правил его после института в район, в деревню, в участковую больничку? Чтобы потерялся среди людей, скорее стал настоящим мужчиной. Он же все время у тебя под крылом. Ты как квочка. Из ложечки кормила до четвертого класса. Понимаю, скажешь, потому что у нас он один.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Одного сына даже в царские времена не призывали. Чтобы род не угас.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Род не угаснет. А вот Коля должен стать настоящим мужчиной, настоящим врачом, специалистом. Идет время специалистов.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я знаю, я это чувствую.

Снова откидывается на подушку. Лежит какое-то время без движения.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*спохватившись*). Опять тебе плохо? Давай-ка еще раз померяем давление.

Меряет давление.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Ну, вот. А теперь упало. Сто на девяносто – перепад минимальный. Вверх – вниз, туда-сюда скачет... Слушай, это все не органически, это функционально, стресс. А функционально если – наладится...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*опять слабым голосом*). Укатали сивку.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Нужно крепкого чаю. Поднять тонус. Я пойду заварю... Нет, я побуду с тобой (*зовет*). Тетя Гаша, тетя Гаша!

Появляется тетя Гаша. В белом переднике, в белой косынке. Теперь еще и с тряпкой в руке.

ТЕТЯ ГАША. Что, Леонид Иваныч, – в комнате протереть? Лидочка говорит, пыль у нас тут какая-то черная.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Чаю принеси Лидочке. Да завари покрепче, цейлонского.

ТЕТЯ ГАША. Хорошо.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А пыль я сама протру (*пытаясь подняться*). Это моя обязанность – пыль в квартире... мыши, комары, тараканы...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*настораживаясь*). Какие мыши? Где они – мыши? А тараканы, где тараканы?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Кругом мыши, кругом комары, тараканы... На зиму к соседям на балкон приходили, под полом скреблись. А в 13-ю квартиру стариков каких-то поселили, вместе с рухлядью тараканов привезли, тут же к нам прибежали на кухню, тетя Гаша жалуется...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Так китайским карандашом надо, круги чертить.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. У вас так: служба или не создана, или, если и есть, так не работает.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. А у вас?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*упрямо*). А мы боремся... я и тетя Гаша... всеми доступными средствами. Комары эти всю Россию съедят, высосут кровь из людей, паршивцы.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Что для этого нужны крупные капиталовложения?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Нет, любовь и забота. А вам люди – враги прямо-таки. Неудобство великое. Главное для вас – работа, работа, работа. Черти тоже воду в болоте мутят...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*укоризненно*). Ну, Лидия. Лидия! Нельзя же так.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Можно! Даже нужно! И кто тебе все это скажет еще, ну кто?!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Та же комната. Те же.

Быстро входит тетя Гаша.

ТЕТЯ ГАША. Включите радио! У меня на кухне все время работает...

Из Москвы важное сообщение...

Плахов подходит к радиоприемнику. Включает его.

ГОЛОС ИЗ РАДИОПРИЕМНИКА. «... авария на Чернобыльской атомной станции создает в стране чрезвычайную ситуацию. Особенно в том регионе Советского Союза, который прилегает к опасной зоне – в отдельных районах Украины, Белоруссии, в некоторых областях РСФСР...»

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, вот и достучались.

Пронзительно смотрит на мужа.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*отводя глаза*). Тетя Гаша, и что там говорят в очередях, в магазине?

ТЕТЯ ГАША (*поджав зубы*). Всякое, Леонид Иванович. Сами знаете, хорошего мало. Вас поминают...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*вспыхнув*). При чем тут я?! Я, что ли, на этой АЭС работаю! Мы сами пострадавшие.

Тетя Гаша уходит. Плаховы сидят молча.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*наконец*). Да, катастрофа! И что теперь будете делать?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*пожимая плечами*). Не знаю, меры принимать будем, конечно.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. И какие?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*удрученно*). Все на шею мне, вот сюда, на эту вот вью.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*горько*). То, что не сделала бомба, делает за нее АЭС. А тут рядом еще и Курская, Обнинский реактор... Заставь дураков богу молиться, он тебе и лоб пробьет... Вон что люди теперь говорят. К весне, как только ветры сюда на нас с юго-запада, так и делают выбросы то на Чернобыльской, то на Курской. В другое время, когда на Европу дует, не выбрасывают, боятся огласки, санкций штрафных. Там живо в чувство приведут, а сюда, на свой народ, можно. Здесь все проглотят... пятно какое на карте! Половина Западной Европы по территории, я смотрела. Сколько людей живет. Коренные земли. корень русско-славянской цивилизации. Неужто обречены, неужто через какое-то время здесь будут жить совершенно другие люди, народы? А я не хочу вымирать, не хочу....

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Что ты говоришь, Лидия? Не паникуй. Надо собраться с духом, войти в разум. Иначе могут произойти серьезные не только экологические, демографические, но и, э, социальные катаклизмы. Народ может подняться. Надо спасать Систему...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Детей надо спасать, в первую очередь, людей, народ, а не самих себя, свою власть! Надо разработать систему, именно систему спасительных мер. И безусловно ее выполнять. А не так, как у нас обычно, прокукарекают, а там хоть не рассветай.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Вот не думал-то, что в нашей семье вырастет такая вот, э...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Революционерка?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Нет, человек таких крайностей. Нельзя же так, Лидия!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А так, как вы, - можно?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Но это же непредвиденное, можно сказать, стихийное бедствие.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ах, да при чем тут стихийное бедствие! Сами в кожаных шляпах будем стоять на трибунах, а детей голышом мимо, чтобы они нас приветствовали. А мы чтобы «кайф» ловили, подпитывали себя людской биоэнергией.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. И где хоть ты всего этого набралась?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Начиталась. А ты думал, что я все эти годы делала?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Ну ты даешь!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Вы же монстры в своих «кожаных шляпах»! Вам только власть дай, вы Землю всю расколотите, изговняете, извини, вы уж ее, извини, изговняли... И зачем вы все тогда и ты со своей «подковой»? Эта ваша «подкова» сломалась, конец ей, а ты и не заметил, как она уже давно дала трещину... Знаешь, в чем наша главная беда – именно в этой Системе. И в том, что основа ее – Бюрократический Аппарат. В том виде, в каком он есть. И еще при царе был он, совершенно тогда уж ужасный этот, прогнивший Бюрократический Аппарат. И после революции ничего ведь практически не изменилось. Более того, спецы – чиновники восстановили, разгромили его больше, сделали еще более хитростным, даже циничным...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Да чего ты так на меня набросилась? Что скажешь, можно без Apparata? Помнишь, в кино «Юность Максима» слова одного старичка – банковского служащего: молодые люди, делайте свои революции, но финансы не трогайте, иначе будет большая беда.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Этот Apparat отобрал тебя у меня! Ты и не заметил, как стал его «винтиком», запасной частью, не лучшей моделью?.. А вообще, конечно, без Apparata нельзя, но какого ведь – Управленческого! Как системы управления. Но не такого же монстра, как этот, такое чудовище! Такой «желудок» переварит любые революции, доктрины и философии... и китайских конфуциев, и фараонов египетских...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Лидочка, не надо, у тебя опять повысится давление.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Восемнадцать миллионов на двести семьдесят – мировой рекорд Гинесса! В Китае двадцать пять миллионов – на миллиард населения...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Вот Жанна д'Арк.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. ... все сметают, съедают, сначала рушат – потом восстанавливают, делают видимость, создают для самих себя работу...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Как распоясалась.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Чернобыль – символ вашего Бюрократического Apparata. Хуже атомной бомбы...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. А сыночка-то своего хочешь поближе к себе. Чтобы отец постарался. - аппаратчик (*рассмеявшись*). Все? Выдохлась? Разрядилась?... Молодец! Какая молодчина! И люблю тебя такую – жизнерадостную, стойкую, так за тебя испугался! А мы еще ничего, мы с тобой еще проживем, поборемся. Ничего, мать, переживем с тобой и эту чернобыльскую катастрофу.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*решительно*). Нет, не выдохлась! Вот я к мысли какой прихожу, глядя на тебя, мой друг, на твою знаменитую «подкову». А нужна ли власть вообще? Ну если и не совсем вообще, то такое, в том виде, ка-

кая была и есть от века. Сейчас, высоты двадцатого века, все видать, к чему привели властители: экология подорвана, две мировых войны, «джин» выпущен из «бутылки» – человечество выросло втрое... Если какая-то власть и нужна, то такая «бархатная», «ювелирная», незаметная; не реки поворачивать во имя доктрин, не на личность давить, психику рвать на куски, не приказывать, а договариваться... Земля – живой организм, жизнь способна к самореализации. И без приказов обходится, лечит себя, облик свой изуродованный своими средствами. И способна к саморазвитию. Подумай только: какая подмосковная деревушка сейчас? А в шестидесятые была? А до революции? А в скифские времена что тут было? А 60 млн. лет назад? Динозавры.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Та же комната в квартире Плаховых. Лидия Ивановна одна. Ходит с тряпкой по комнате, протирает пианино, книжный шкаф, письменный стол Плахова. Этот письменный стол она протирает особенно тщательно, разгорячась, трет его до ярости, до остервенения.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Пыль, пыль – эта черная, эта плотная, тяжелая, липкая пыль!.. «Звезда – польнь, тебя за то виню...» Что-то Леонид не идет на обед, опять куда-то запропастился...

Звонок в дверь. Теперь он, этот звонок, поет по-другому – заливаются соловьем. Входит Плахов.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Что – звонок в двери заменили?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Да. Вася – шофер постарался. Скоро одни такие соловьи и останутся.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*вздыхнув глубоко*). Н-да, останутся. А мы улетаем.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*глядя на него внимательно*). И куда, что случилось?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Да так... Пойду руки помою...

Плахов уходит. Появляется тетя Гаша.

ТЕТЯ ГАША (*шепотом Плаховой, на ухо*). Лидочка, ты с ним полегче. У

него неприятности.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Какие?

ТЕТЯ ГАША. Да митинг протеста собирается. На площади. Прямо перед нашими окнами.

ЛИЛИЯ ИВАНОВНА. Когда?

ТЕТЯ ГАША. Завтра в полдень.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Опять слышала в очереди?

ТЕТЯ ГАША. Да нет же, плакаты по городу расклеены.

Появляется Плахов. Тетя Гаша поспешно уходит.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*беря со стола и рассматривая плексиглаассовый летящий ввысь самолет*). Давление мерила?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Мерила.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Ну, и как?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Нормальное.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Вот и хорошо... А у меня неприятности. Наверно, все отлетался (*наклоняет плексиглаассовый самолет носом вниз, с раздражением*). Да пошло оно все!!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Откуда известно, кто тебе это сказал?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. По секрету. Свои люди оттуда (*показывая на потолок*)... ну, из Москвы, из Москвы... позвонили. Едет, мол, целая бригада меня снимать, ставить другого...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*ледяным тоном*). Ну, и уходи. Чего держишься, неужели боишься? Что – к стенке поставят, что ли? Грехов, по-моему, больших не накопил, разве только Чернобыль...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*раздраженно*). Вот заладили, Чернобыль вам все да Чернобыль! Что я там работаю, что ли, по моей вине авария? Мы – сторона пострадавшая, ясно?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ну, и не сиди в кресле до самой смерти, как эти... «отцы». Другой придет – у другого, может, лучше получится. Свято место пусто не бывает.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*обиженно*). Да что я рыжий, что ли? У них случилось, а мне уходить? Кто виноват, тот пусть и уходит.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Да уж найдут козла отпущения. У нас так: весь самолет угрожают, чтобы устранить одного, нужного им человека.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*подозрительно глядя на нее*). Не обобщай! И откуда ты всего этого набралась?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*спокойно*). Из газет. Теперь у нас гласность, все пишут в газетах... Да и на тебя глядя.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Только читаешь ты их, те газетки, не с того конца.

Входит тетя Гаша.

ТЕТЯ ГАША. Обед готов. Подавать?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Сейчас, минуточку... Ну, и что там, тетя Гаша, говорят у нас в очередях?

Тетя Гаша стоит, переминается.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Да тебя, говорят, завтра распинать будут. На площади, прямо перед нашими окнами.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Так и говорят?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Не только говорят, но уже и пишут. Плакаты по городу развешаны, да, тетя Гаш?

ТЕТЯ ГАША. Ну, я пойду на кухню, на стол подавать, а то все простынет.

Тетя Гаша уходит. Плахов принимается ходить по комнате.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*в гневе*). Алкоголики всякие! Соску у них отобрали, водки им не хватает. Пожарных вызову, бранспойтом разгоню!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Не делай этого, не позорься. Пятно на семью не клади, подумай о Коле. Не те времена, чтобы делать так-то вот. Так власть теперь не удержишь.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Ерунда! «Алкашей» пособираем, остальные сами разбегутся.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Когда антиалкогольный закон принимали, лучше

подумали бы о последствиях. Нигде в мире сналету ничего хорошего не получалось. Не деньги с этого надо иметь, наоборот, средства вкладывать. А то сначала приучали пить, по пять рублей прямо в борозде давали механизатору. А после Горбачев отучать стал, надругался над мужиком: водки минимум, где-нибудь на задворках продают, на комбайнах гоняются по соседним районам... что-то будет, так продолжаться не может... «подкова» твоя слепа...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*рассмеявшись*). Умница какая! Давай я тебя своим референтом устрою. А что – мозги у тебя, самом деле, получше варят, чем у всех этих у «прозябал»... вокруг меня. По крайней мере, как Рая у Горбачева, рядом, свой человек.

Уходя, задерживается в дверях.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*с явной горечью*). Главное, вот что обидно. Тут стараешься, стараешься, на все идешь, распинаешься перед ними, а пресловутые эти три «п» (палец, пол, потолок)...

Показывает пальцем вверх, потом вниз. Делает паузу.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*закончив*)... а они тебя р-раз и голову, крр, крр... и те, и другие... и сверху, и снизу...

ТЕТЯ ГАША (*просунув голову в дверь*). Головушка горькая-я.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*метнув взгляд на нее*). Ладно, Лидусь! Идем обедать, вкушать, так сказать, от щедрот. Пока есть, что есть. Кажется, нынче Гроша?

ТЕТЯ ГАША (*снова просунувшись в дверь, радостно*). Троица, Троица!

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Праздник Русской Березки! Можем и остограммиться. Сам бог, как говорится, велел. Теть Гаш, выставляй-ка графинчик!

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Та же комната в обыкновенной двухкомнатной квартире Плаховых. В комнате – Лидия Ивановна, жена Плахова. Входит Плахов. Он в длинном своем черном кожаном пальто, в черной своей кожаной шляпе.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*отпрянув от него*). Чего это ты так вырядился?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*энергично*). В полном боевом.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А уходить с поста собирайся.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*бодро*). Мы еще повоюем.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Что – все еще «передний рай», «фронт работ», «боевая обстановка»?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Да уж.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Уходил бы. Лучше было бы для нас, для семьи.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. А для народа, для всей нашей Системы?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Народ без вас не пропадет. Разве что на другой плащ сменит.

Плахов снимает пальто.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*показывая на тряпку, лежащую на столе*). Все пыль, гляжу, собираешь? Вон она, твоя пыль (*кивая за окно*).

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*приоткрывая занавеску на окне*). Нет, там не пыль, Леонид! Там внизу, на площади, люди.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Жалкая кучка. Вместо того, чтобы сплотиться в трудный момент, поддержать, делом ответить, - они протестуют. Против кого и чего, спрашивается? Я тоже против, ну и что?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Против чего? Против других АЭС такого же типа? Против того, чтобы мы делали их «с топора», эксплуатировали кое-как? Во вред и себе, и всей Земле, и будущим поколениям? Против того, чтобы такие мальчишки, как этот молодой врач Витя Плахов, ровесник нашего сына, нас с тобой однофамилец, бросался спасать ценой собственной жизни, закрывал грудью нашу с тобой амбразуру?... Звоню в больницу, он все еще в плохом состоянии. Никто не знает – выживет ли. Я узнавала, парнишка - круглый сирота, у него нет родителей. И я, мать его ровесника – нашего Коли, чувствую себя виноватой, совесть какая-то гложет, просто житья никакого, а с тебя, как с гуся вода...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*приоткрыв занавеску и наблюдая за площадью*). Какая трогательная речь, ты ее готовила к митингу?

Звонок в двери заливаются соловьем.

Появляется тетя Гаша.

ТЕТЯ ГАША. Постовой милиционер приходил. Говорит, двое рвутся сюда к нам, спрашивают Плахова. Говорят, делегаты... заявляют протест...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*сердито*). Гони в шею!

ТЕТЯ ГАША (*растерянно*). Кого?

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*махнув рукой*). Ну, милиционера, что ли?

Плахов молчит. Тетя Гаша уходит. Из-за занавески Плахов наблюдает за площадью. Плахова нервно ходит по комнате. Берет тряпку, протирает письменный стол Плахова. Трет, трет его до остервенения.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Пыль, пыль кругом, черная пыль... Серые, серые, очень серые мыши...

Бросает решительно тряпку. Надевает кофту, повязывает белую косынку.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ (*бросаясь к ней*). Ты куда?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*отстраняя его*). Я? Туда... Пойду скажу то, что думаю по этому поводу. Надо спасти честь семьи, твое, Леонид, доброе имя. Или что там еще от него осталось...

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ. Я тебе запрещаю!

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. А я иду.

Плахов накидывает на плечи черное кожаное пальто и быстро выходит.

Появляется тетя Гаша, стоит у двери.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Как там сегодня на улице?

ТЕТЯ ГАША. Да прохладно что-то, и дождь моросит. Прилегла бы, голубунка, родная моя, прилегла бы.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*с рыданьем бросаясь на груди к ней*). Тетя Гаша!.. Тетя Гаша!... Тетя Гаша!.. я самый несчастный человек на Земле.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Та же комната. Те же двое – Плахова и тетя Гаша.

Резко свищет в двери «соловей». Входит Плахов. Он в своем черном кожаном пальто и черной своей кожаной шляпе.

ПЛАХОВ (*строго*). Я приказал постовому никого не пропускать. Так что можете быть спокойны. Раздевайся, Лида, ложись, отдыхай. А я на работу, в свой кабинет. Люди бузят, чрезвычайная ситуация.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА (*пытаясь его удержать*). Ты же говорил, что уйдешь, расстанешься с этой работой. Ты же клялся.

Освобождаясь от рук жены, Плахов уходит так же резко, как и вошел.

Лидия Ивановна снимает кофту, остается в белой косынке.

ТЕТЯ ГАША. Верно, теперь без косынки нельзя. Особо ежели дождь. Так все волосы и посекутся. А то патлами лезут, пуками в руках остаются. Попал под дождь – глядишь, лысина.

Колелясь, Лидия Ивановна надевает кофточку. Снова снимает, опять одевает, снимает – одевает. Тетя Гаша скорбно наблюдает за Лидией.

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Нет, я пойду! Я обещала прийти, я иду! Кто же защитит того мальчика, молодого врача – Витю Плахова, ровесника моего сына, нашего однофамильца, тысячи мальчиков, девочек.

ТЕТЯ ГАША (*приоткрывая занавеску*). Слышишь, кричат: «Плахов! Плахов!...» И все в белых косынках...

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Кто защитит тысячи, а может, и миллионы тех, кого еще унесет эта белая смерть?

ТЕТЯ ГАША. Слышь, что кричат: «Плахова сюда! Пусть скажет, как спасти нас будут, что собираются делать?»

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я хочу быть с ними вместе, в решительный час. Мой дед был хлеборобом, мать – учительница. Я хочу смотреть людям прямо в глаза. Я не хочу умирать так рано, не хочу, чтобы черная пыль лежала сплошным черным пятном на этой несчастной земле. Мой голос маленький, но он тоже голос, и с этим надо считаться. Я уйду к ним туда, к людям!

Звонок в дверь. Одинокий, испуганный вскрик «соловья». Затем длинная, как автоматная очередь, очень длинная трель. Трель эта набирается силы, становится мощной. Удаляясь, она переходит в мелодию старинного романса, исполняемого голосом Плахова под гитару:

«Ямщик, не гони лошадей!

Мне некуда больше спешить,

Мне некого больше любить.

Ямщик, не гони лошадей!

КОНЕЦ

12.07.94г.

ПОСЛЕДНИЙ ЗУБР

(героическая драма)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КРУПИН ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ – бывший губернатор провинции, ныне директор заповедника.

ДЕД НИКОЛА – старый егеря.

БАБКА ВАРВАРА – жена старого егеря.

СТАРОДВОРСКАЯ, МАРФА-ПОСАДНИЦА – большевичка.

ОТЕЦ МЕФОДИЙ – от партии клерикалов.

ЛЕГОСТАЕВ ФЕДОР КОРНЕЕВИЧ – глава Крупинской сельской администрации, от партии аграриев.

ЕГУРОК – внук старого егеря, пионер, он же бойскаут.

ПРИЗРАК АНФИСЫ СЕРГЕЕВНЫ – жены Крупина.

ПОСЛЕДНИЙ ЗУБР.

ГОЛОС АВТОРА. ЛЮДИ ИЗ ДЕРЕВЕНЬ.

События происходят в Полесье, на родине Крупина, который после поста губернатора провинции занимает скромную должность директора заповедника, в штате которого всего двое: он сам да старый егеря дед Никола. Остальные – нештатные звери, птицы в лесу, мистические существа в душе Крупина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Контора заповедника на прикордонной поляне, кабинетик Крупина. Рядом избабушка деда Николы. Вдоль опушки свежеотесанные столбы, по которым протянута железная сетка.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

«Третий глаз» – красноватый взгляд исходит от мерцанья Венеры.

Старый могучий зубр стоит на опушке, у высокой железной стенки.

КРУПИН (*обращаясь к нему*). Ну что, Беловежская пуша, развалил Советский Союз?

ЗУБР (*во всю глубину леса*). Не-а, не-а, не-а-а-а.. Это вы, люди, развалили, а я все живу-у-у...

КРУПИН (*отходя в сторону*). В Беловежской пуше застрелили последнего, а у меня тут живет. Как сохранить, продлить его род? Вот в чем вопрос. Не дать исчезнуть виду, как и народу нашему, с лика Земли.

(*В сторону, в воображении*). Зубр! Ты на каком языке говоришь?

ЗУБР. На своем, на языке зубра. Но кругом уже говорят на другом. Смотри, говорят на языке Запада и Востока.

КРУПИН (*с болью*). Да знаю, знаю!

ЗУБР. Это Наполеон сказал: не хотите кормить свою армию – будете кормить чужую? Не хотите кормить язык зубра – будете кормить язык волка, черной пантеры.

КРУПИН. Думаю, как научить тебя свободно владеть языком человеческим.

ЗУБР. Русским, да? Языком Пушкина и Толстого, Есенина?

КРУПИН. Ты мудрый, Зубр. Мы с тобой одиночки. Как найти нам общий язык, войти в сферы друг друга? Проникнуться, перейти границу между зверем и человеком.

ЗУБР. Человеку надо перестать быть зверем.

КРУПИН. А зверю стать человеком.

ЗУБР (*на весь лес*). Да-а, да-а-а...

КРУПИН (*тряхнув головой, в сторону*). Что это – наваждение? Это мне показалось? Ни зубра, ни железной сетки передо мной. Лес, только лес шумит, русский лес. Еще одно испытание. Давно ли, кажется, я был губернатором всей

этой провинции, стоял у кормила власти? Теперь директор заповедника – этой родной краюшки земли, между лесом и степью. В штате всего двое – я да егерь дед Никола. Вон его кордон, изба углом сюда. Уже затопили печку, валит дым из трубы. Так и живем вдвоем, за делами да разговорами. Да еще, так сказать, нештатный состав – всякая звериная и птичья братия. Главный из них этот старый, но могучий Зубр – реликт, последний, из исчезнувшего рода. И как он тут оказался? Когда собрались в Беловежской пуще, чтобы решить судьбу великой страны, думали, что застрелили на охоте последнего. Сняли шкуру, растянули между деревьев, били в шкуру, как в барабан. А этот ушел из-под выстрела, сбежал с Беловежской пущи. Прошел трудный путь – белорусскими, брянскими лесами, тропами, сюда, до Полесья, надеясь укрыться, тут найти для себя защиту. А дальше – степь, идти дальше некуда. Пригрел старого зверя егерь наш, дед Никола. Теперь с дедом Николой и морокуем, как нам дальше с ним быть? Как сохранить вид, сохранить Последнего Зубра на бессмертном лике Земли? Сколько уж видов попали в Красную книгу? На памяти человечества где-то у Алеутских островов исчезла селенгерова корова – типа тюленя. Смирный, легко приручаемый морской зверь, мясо с отличными вкусовыми качествами. Одним словом «морская корова», можно было бы заводить подводные фермы, исчезла такая возможность...

КРУПИН (*крича в сторону кордона*). Эй, дед Никола! Как называют быков-то, что были в Северной Америке? Недавно, в девятнадцатом веке...

ДЕД НИКОЛА (*появляясь на пороге с охапкой дров*). Степаныч! Меня кличешь?

КРУПИН. А кого же? Тебя. Как быков называют, что исчезли в Америке? Что ковбои перестреляли. Миллионные стада бродили по саванам. Ну, как называются? Стопор в голове какой-то, короткое замыкание...

ДЕД НИКОЛА (*издали*). Бизоны! Погляди в книге природы, там они – на 525 странице.

Старый егерь уходит со своими дровами в избу.

КРУПИН (*в сторону*). Как все это монотонно. Каждый день, каждый ве-

чер одно и то же. Сейчас дед Никола перешвыряет в русскую печку дрова. Поставит самовар и позовет тебя пить чай. Чай пьется вместе – на кордоне у старого егеря. Едят при этом, что бог, как говорится, послал. Что вырастет на огороде и что дадут дары леса, что привезут ему, Крупину, из города. Готовит жена дедова – бабка Варвара. Да вот третий день без бабки-то они с дедом сидят на чаю... Спишь же ты, Крупин, отдельно – в конторе заповедника. В небольшой комнатушке при кабинете, тут у тебя «логово зверя».

А жена твоя, Анфиса Сергеевна, за тобой сюда из города не поехала. В эту глушь, в сибирскую ссылку. Привыкла к сладкой жизни. Сыновья уже встали на ноги, живут со своими семьями – один в Москве, другой – на Дальнем Востоке. И Анфиса в городе одна, дорабатывает до пенсии, а неофициально просто не хочет ехать сюда... «В деревню, к дяде, в глушь, в Саратов»...

Последнюю фразу Крупин произносит вслух. На звук его голоса, между деревьев показывается крупная, сумрачная фигура Последнего Зубра.

КРУПИН (*замечая его, вслух*). Ну что, мой дорогой человек? На фразу насчет Советского Союза мы обиделись, ушли куда подальше, в глубь леса. А вот на эту фразу вернулись обратно, явились – «в деревню, к дяде, в глушь, в Саратов». Жалелся меня, одинокого? Ругался Анфису Сергеевну, что пошу сюда не кажет? Бросили бабы нас с тобой, никому мы с тобой не пужны. Вернее, бросили меня, у тебя ситуация круче. Твои подружки пали где-то в Беловежской пушце. Твоими подружками могут стать коровы, что тут по дворам и по фермам. Не отрицай, хорошенько подумай, что ты скажешь мне насчет этого? А я с учеными посоветуюсь...

Зубр кивает головой, фыркает, скалит зубы.

КРУПИН (*доставая сахар из кармана, сует ему в зубы*). Веришь – не веришь? Ну, и не верь. А мы что-нибудь придумаем, как род твой продолжить. Поддержать дух тебе...

Лес шумит все сильнее, листва сыплется на голову Крупина, на тело Зубра.

КРУПИН. Октябрь – золотая пора. Красота-то какая! И ты, Зубр, сам-то

Красота в Красоте! Седоватый, с белым ремнем по спине. Хватит сил одолеть предстоящую зиму? Мы тебе с дедом Николай кормочку на зиму заготовили – вон комушка. Корнеплодов не хватит – еще подвезем, договорились с хозяйствами...

Листья сыплются по плечам Крупина.

ДЕД НИКОЛА (на пороге кордона, сложив ладони в рупорок). Эй, Степаныч! А – у – у!... Самовар поспе-е-ел... иди-и-и...

КРУПИН (так же голосом, на всю опушку). Иду-у-у!...

Зубр кивает головой, фыркает, скалит зубы, себе гремит вслед: М – у – у – у... Лес вздрагивает, дубы еще сильнее начинают сыпать листвой.. Ритмически качаются ветки, слагаясь в едва осязтимую мелодию октября из «Времен года» Вивальди, Чайковского.

Крупин проходит по опушке, через поляну, к кордону. Стоит на крыльце, смотрит на садящееся где-то за лесом солнце.

ДЕД НИКОЛА (на пороге). В деревню надо завтра сходить.

КРУПИН. Зачем?

ДЕД НИКОЛА. За медом. Сегодня, говорят, цветочного много, липа цвела хорошо.

КРУПИН. Врешь ты, дед. Небось, бабку свою хочешь проверить, с кем эта она там обретается?

ДЕД НИКОЛА. Не с кем ей обретаться. Сверстники наши давно перемерли. Кого помоложе и тех Господь прибрал одного за другим. Дожили, люди мруг, как мухи.

КРУПИН. Как быстро темнеет. Вон и уже звезды обозначились, Венера видна – ночная красавица. Эта звезда всегда волнует меня, пробуждает сильные, неестественные чувства.

ДЕД НИКОЛА. Напоминает о прошлом, о сладкой жизни.

КРУПИН (махнув рукой). Какая там сладкая! Всяко бывало. Но Венера из той самой жизни – это факт.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В избушке старого егеря. Темные брусчатые стены, стол с самоваром, топится русская печь. Жарко горят дрова, блики мечутся, перебегают по стенам. Тускло светит электрическая лампочка.

КРУПИН (*ступая через порог*). Как будто знал, что чай с тобой будем тут распевать. Дал в свое время команду провести на кордон электричество. Так и тут нашлись оппоненты: зачем, говорят, на столбы тратиться – от деревни почти три километра. – Да, говорю, в столбах ли дело? Лес кругом, столбов сколько хочешь! А там, в лесу, люди живут, вы с бабкой Варей.

ДЕД НИКОЛА. Мы тут жизнь сквозь прожили, как поженились.

КРУПИН. Экономил, дед. Глянь, какую лампочку-то повесил – на 25 ватт.

ДЕД НИКОЛА. Будничная. А праздник мы сейчас и сделаем.

И лезет куда-то в печурку, извлекает оттуда другую лампочку, вкручивает ее – яркий свет заливает комнату, забивая огонь в печке.

КРУПИН (*смеясь*). А эта чересчур. Небось, на 500 ватт. Вот русский народ! Ни в чем меры не знает.

ДЕД НИКОЛА (*ворча под нос себе*). Как будто сам откуда-то из-за бугра. Из Парижа, тут же рос-то, Степаныч, родом из Крупино. Все вы там Крупины да Круподесвы. Только кличками по двору и отличается. С детства тоже в лес этот бегал – по грибы, по клюкву.

КРУПИН (*подсаживаясь к столу*). Ну, и как вы звали в деревне нас, крупинских? Чем выделяли?

ДЕД НИКОЛА. Голожопыми звали. Круподесвы – с садами, а вы – без садов. Палки, бывало, за порогом не ткнете. На голом юру так и жили.

КРУПИН. На глине ничего не росло.

ДЕД НИКОЛА. На глине тоже растет. Например, рябине, смородине все равно.

КРУПИН (*смеясь*). Сортами надо заниматься. А под глину сорта не выводились.

ДЕД НИКОЛА. Царя начнешь ругать, сравнивать все с тринадцатым годом.

КРУПИН. Да нет. Мы и с послевоенным периодом уже не сравнивали. Времена другие пошли.

ДЕД НИКОЛА. Довели до ручки страну. Надо же теперь на кого-то валишь. Слышал, на зубра валишь: «Эх, ты, Беловежская пуца! Развалил Советский Союз!»

КРУПИН (*крутнув головой*). Ну, дед! Копия Ежов или Берия. Дай тебе власть тебе, всех бы пересажал. Перекосил бы, как серпом по яйцам.

ДЕД НИКОЛА. Как в народе стол жить, по-народному заговорил, вспомнил русскую речь. А то, бывало, слушаешь тебя по радио, ни черта не поймешь, что к чему. Слов много, а мысли никакой. Как наловчатся на должностях, для сокрытия смысла...

КУПРИН (*насторожась*). А что, так уж плохо было при мне? Что ж ты тогда не сказал? Сейчас все на серого. Вали, бей недобитого!

ДЕД НИКОЛА. А чего бить-то? Год всего пробыл губернатором. И не ты валил, тебя валили... Игрушка в чужих руках был, марионетка. Прости, Степаныч! Так говорят, у нас по деревне, а я почем купил, по том и продаю.

КРУПИН. Кого продаешь – меня, систему, русский народ?

ДЕД НИКОЛА. Не обобщай, Степаныч, не обобщай. Себя русским народом не обзывай.

КРУПИН. Во какие словечки отмачиваешь!

ДЕД НИКОЛА. «Фершал» приезжал, я с его языка подхватил.

КРУПИН. Зачем фельдшер тут был?

ДЕД НИКОЛА. Ветеринарный, ветеринарный, какой же еще! Авдеич! К Зубру приезжал. Что-то, говорю ему, зверь-то наш заскучал. – Подругу, - говорит, - нужно ему. А то сдохнет, отвечать будешь. – Перед кем это? – Перед законом, батюшка. Вот такой у нас тут получился разговор... subtilный...

КРУПИН. Что это такое – «subtilный»?

ДЕД НИКОЛА (*смеясь*). А хрен его знает. Но и это слово влезло, колом

не вышибешь... Да, ладно, садись за стол. Что мы стоим у порога? За самоварчиком и поговорим. Может мне бутылочку из «загашничка» вытащить, а, Степаныч? От бабки припрятал.

КРУПИН. Да ну, не надо. А то, пока бабы Варвары нет, мы с тобой тут сопьемся... Сбегай за жамками или самому, что ли, сбежать?

ДЕД НИКОЛА. Давай я! Я, как зубр, легкий на ногу. В три дня участок весь обегая.

КРУПИН. Там у меня в шкафчике шамки свежие, вчера из города привезли. И эти, как их... желтые...

ДЕД НИКОЛА. Апельсины, что ли?

КРУПИН. Да нет. Манда... манда... во, опять заклинило...

ДЕД НИКОЛА. Мандалина, что ли?

КРУПИН. Какая мандалина! Это еще твоя бабка по молодости, - рассказывала мне, - вот плясала! Вот плясала! Вот пля...

ДЕД НИКОЛА. Опять заело. Мозги тебе, Степаныч, надо прочистить. В городе там закомпостировало, ни черта стал не помнить. Ну, ладно, оставим «манду» твою без последствий, давай сбегаю – увидим, что это там у тебя.

Старый егерь хлопает дверью, Крупин остается один. Огонь за полузакрытой загнеткой начинает спадать. Крупин, наклонясь, подкидывает дровишки в горящее жерло русской печи. Пришмляется привычно расхаживать по комнате, сложив руки сзади себя, за спиной, на крестце. А печь горит – все жарче, все веселее.

КРУПИН (*рассуждая, сам себе*). Вон как темные углы-то высветились, по стенкам забегали сполохи. Перебило свет даже от лампочки Ильича. Так и у людей. Отчего пустые деревни? Не хватает людям энергии, русскому человеку. Из живого человек превращается в мертвое тело, в бревно... Еще, что ли, подбросить дровишек, а то что-то знобит, корежит всего, кабы не заболеть... Народ – категория сложная, многообразная, отчего в критической ситуации, как пресса долдонит, он поставлен на грань? Кажется, все дали – и снизу, и сверху – от власти. И делают, и делают, для него, а ему все мало и мало. И давай бездель-

ничать, спиваться, на грань ведь становится. Взять хотя бы этот Шестаковский район – мой родной. Зайди в ЗАГС – запись актов гражданского состояния, задай пару вопросов: сколько умерло, сколько родилось? Сколько свадеб, сколько похорон? Сколько детей в первом классе, сколько завтра в школу пойдет? И все ясно, понятно...

Читаю у одного ученого. Воспроизвожу по памяти, она у меня все же что надо. Это в быту стала давать проколы, а так - фотографическая. Буквально вот что у ученого: «Патология в душевном плане... душевные расстройства... н-да... от воздействия стрессовых сил и подавления их средой». И далее, слово в слово: «Это и нарушение сна, когда герой не может заснуть, мучительно бодрствуя, и страшные сновидения. Или отсутствие всякого сна. Это и физическая заторможенность, человек становится апатичен. Все это из-за утраты духовных ценностей: снижения интереса к обществу, друзьям, эксцессы, попытки уйти от депрессии с помощью алкоголя или наркотиков, уход в сон сутками напролет, беспокойство вызываемое «внутриличностными конфликтами, ведущими к неврозам»... Так, пропустим немного и еще. «Переживание неприятного события как травмы, назойливость мысли способны вызвать хаос. Как, например, получилось, что природа запрограммировала генетический код, а академик Вернадский считает, что жизнь существует вечно, а не сотворена? Не из мертвого возникло живое, а, наоборот, живое из мертвого. Известняк – это останки ракушек от доисторических улиток, чернозем – от остатков растительного мира. А вот по мысли писателя Кедрова, «генетический код занесен на землю из космоса вместе с мельчайшими фрагментами органических молекул»...

ДЕД НИКОЛА (*появляясь в двери, ахает*). Ты что, Степаныч, печь-то распалил! Крышу жаром снесет! Зачем столько дров, уж натоплено, хватит. А то ночью-то не заснуть. Придется дверь отворять... Вот «манда» твоя, вот – мандарины.

КРУПИН (*не слушая вошедшего*). Погоди, дед! Так, дословно: «От органических молекул к амебе, а от амебы к моральным земным животным... Благодаря речи, человек способен стремительно совершенствоваться. За 50 000 лет

овладел письменностью, научился передавать мысли через радиоволны, освоил программирование и даже расшифровал свой генетический код. Но только начинает работу по отношению к природе. Не видит ультрафиолетовый свет, не слышит ультразвук, еще не владеет языком света. Космический человек должен иметь больше органов чувств: вместо пяти, например, шестнадцать...»

ДЕД НИКОЛА. Степаныч! Совсем самовар заглох. А ты все про какие-то органы. Интересно, какие же пять? Глаза, уши, нюх, пальцы...

КУПРИН (*приходя в себя, возвращаясь к обыденности*). Во – язык! Вкус! Зрение, слух, обоняние, осязание.

ДЕД НИКОЛА. А какие еще одиннадцать? До шестнадцати-то?

КРУПИН. Это не я, это ученый подсчитал. До шестнадцати.

ДЕД НИКОЛА (*остренько поставив бородавку торчком*). И какие же именно?

КРУПИН (*махнув рукой*). Да что ты ко мне прицепился! Не знаю, у него не написано.

ДЕД НИКОЛА (*делая вывод*). Кабы ты, Степаныч, поменьше бы всякой дрянью мозги себе засевал, сидел бы на должности до сих пор. Никто б под тебя не подкопался.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же, те же за самоваром. Сидят, чаепивают в свое удовольствие.

ДЕД НИКОЛА. От хорошо, от хорошо! Чаек-то из самоварчика. У меня кум в Сибири, так в «сибирях» у них так говорят: «Чай попил – какая сила! Чай не пил – совсем ослаб». Допьем – еще самоварчик затеем.

КРУПИН (*прихлебывая из блюда, держа его на вытянутых пальцах*). У меня дедушка только так чай и пил. Помнишь, Герасима Макарыча?

ДЕД НИКОЛА. А как же. Он в лес косить ходил, я ему еще делянки показывал.

КРУПИН. Так вот, дед, бывало, из глуток сахар на кусочки мелко-мелко наколет, - были до войны такие большие головки, сахар крупный, аж синий. Так

вот, мелко-мелко щипцами наколет, швырнет в рот осколочек, пару кружек с ним и уговорит. Глядишь, самовар кончился, а горочка перед дедом лежит, как святая, в неприкосновенности. Завернет сахарок и на завтра. Вот как жили. А сейчас пьют чай – сахару содуют в стакан килограммами. И еще конфеты...

КРУПИН. И жамки.

ДЕД НИКОЛА. И жамки. Совсем свежие.

КРУПИН. И жамки. И мандарины.

ДЕД НИКОЛА. Совсем про них позабыли. Ну-ка, ну-ка, доставай из целлофана... Да какие же это мандарины? Это апельсины. Степаныч. Крупногабаритные, как мячики. Вон как запахло, когда разломил.

КРУПИН (*глянув мельком*). Действительно, апельсины. А сказали – что мандарины.

ДЕД НИКОЛА. А ты, Степаныч, сам и не глянул? Так нельзя. Что тут процитировал: «Человек способен совершенствоваться, иметь шестнадцать органов...»

КРУПИН. Так, да. И что?

ДЕД НИКОЛА. Совершенствоваться способен! А сам лежмя лежишь. Свет включишь в кабинете, вроде работаешь, а сам в постели валяешься, лежа куришь.

КРУПИН. Не курю.

ДЕД НИКОЛА. Врешь, курить начал. Я табак от кордона чую. К жизни стал терять интерес. Вот и целлофан даже не развернул, не поинтересовался, что там лежит – мандарины ай апельсины? Оказывается, апельсины... На – долька, вкусно? Сочно. А яблоки все-таки лучше. Особо под осень антоновка, я антоновку с черным хлебом ем, от хорошо!

КРУПИН. Ты, дед, с женой живешь, а я один. Сынов по стране раскидало.

ДЕД НИКОЛА. Сам же говоришь, вымираем как народ, а какой пример подаешь? Так вот, отчего?

КРУПИН (*живо интересуясь*). Ну да, отчего? Вроде все есть у людей,

так никогда не жили.

ДЕД НИКОЛА. Москва отсюда все выколачивала. Машины с цистернами «Молоко» аж до нашего Шестаково доезжали. Все сквозь вывозили, молоко только детским садам да больнице и оставалось. А теперь магазины продуктами забиты, да еще ярмарки, а люди покупают слабо. Поехал как-то в область - в электричках свободно, в автобусах - никого, где люди, спрашивается? Подвое, подрое в райцентре в гробах посят на кладбище. Так оно и в сельсовете, или как теперь... в сельской администрации...

КРУПИН. Ну, и отчего вымирают? По дури, что ли, от водки? Деньжонки в кармане зашевелились?

ДЕД НИКОЛА. В массовом виде от «трепанации черена».

КРУПИН. Знаешь, дед, что хоть это такое - «трепанация черена»?

ДЕД НИКОЛА. Когда пьют сидя, а курят лежа.

КРУПИН. От чего?

ДЕД НИКОЛА *(платывая Крупину еще раз из дымящегося самовара)*. Второй уж пошел! И второй прикончим!

КРУПИН. Тоска. Ну, а отчего тоска-то, дед, а?

ДЕД НИКОЛА. От сравнения. То было у всех одинаково - ни у кого ничего не было. А то стало...

КРУПИН. Что стало?

ДЕД НИКОЛА. Не знаешь - что? Сам же делал там, в области, неравноправие. И теперь так: у одного много, а у всех ничего. Вот те, у кого ничего, и помирают.

КРУПИН. Что ж это мы с тобой не-помираем?

ДЕД НИКОЛА. У меня всего много. Вон лес - зверь, птица, уголья. Пока побегаешь - душа вон, зато тоски никакой.

КРУПИН. Бабка тебя веселит. На все лады распушает, повышает жизненный тонус.

ДЕД НИКОЛА. А ты лежа лежишь с своей соской. В городе там исделали тебе «трепанацию», а тут отзывается.

КРУПИН (*разламывая жамку и передавая другую половинку приятелю*).

Заладил свою «трепанацию»! Значит, так я тебя понимаю. Генотип русского народа такой: богатых иметь не дозволяется. Бедных – хоть сколько, все равно хорошо. А как кто выделился, так у нас вопли, стрессы, мол, неравенство, бесы играют. Болеем и помираем. Это как в анекдоте. Немец видит кого на машине – себе сделаю и поеду. Француз увидит – изловчусь, а тоже поеду. А русский увидит – сжечь его к чертовой матери вместе с машиной, а пепел развеять по Белоруссии... Знаешь, что такое «луддиты»?

ДЕД НИКОЛА. Знаю, что такое «муде» – к бороде.

КРУПИН (*не обращая внимания на русификацию отдельных выражений у старого егеря*). Это в Англии в начале позапрошлого века, еще при Байроне, так называли «ломателей машин». Ломали машины, прогресс останавливали, а прогресс разве же остановить? Байрон и тот не остановил, а ведь заступался за «луддитов».

ДЕД НИКОЛА. Байрон! Поэт великий и заступался, а почему?

КРУПИН (*замявшись*). Н-ну... работу они у людей отнимали, машины-то...

ДЕД НИКОЛА. Так у нас-то, гляди! товаров до черта, а денег нет. В райцентре даже, тем более в селе нашем – где работать? Предприятия стали, хозяйства развалили. Ни одного агронома, ни одного зоотехника, а сельхозинститут кадры, по радио слышу, клепают. Связь с границей крепит... Интересно, кому это они их клепают? Вон сколько стоят на базаре – все с дипломами, с высшим образованием...

Я так, Степаныч, думаю: кабы вы там, в городе, систему не поломали, а реконструировали, в короткий срок одних сделав богатыми, а других сразу бедными, народ бы так скоропостижно не вымирал. Из окаянного прошлого тоже можно было бы кое-что извлечь, а не все сразу в мусор сметать... Вот народ походил, походил со знаменами, а его окоротили. А он, не окоротясь, и стал уходить, покидать свет божий... Наворочал и ты там, в городе, вот и отвечай тут перед Господом – богом.

КРУПИН. По-твоему, все назад возвращать?

ДЕД НИКОЛА. Погляди на свою родовую деревню: скота нет, фермы без крыш, механизаторский двор в металлоломе весь, один тракторок на всю деревню остался.

КРУПИН (*строжась*). Хлеб-то теперь продаем всей страной, а то покупали.

ДЕД НИКОЛА. Слава богу, хоть фермер один у нас тут завелся – Карпухин. Хоть есть кому огороды пахать. За баснословные деньги.

КРУПИН. Солярка-то сколько стоит? А раньше была дешевле «газировки».

ДЕД НИКОЛА. А еще раньше и солярки - то не было. На конях пахали, и Россия шла неуклонно. А ее войнами, революциями, экс-про-приациями... опять экспро... про... и взяли все у людей.

КРУПИН. Вот как, дед, ты заговорил! А ведь у тебя лично и клочка не экспроприровали.

ДЕД НИКОЛА. Возьмут скоро – лес вон, госфонд! Лучшие земли собираются продавать, а бросовые – супеси да болота, да глухомань вроде нашей – на черта кому! Заграница скупит лучшее, а ты и в лес не войдешь.

КРУПИН. Так инвестиции пойдут, капиталовложения.

ДЕД НИКОЛА. Не ищите дурее себя. Чтобы вам заграница за здорово живешь денежки сюда совала? Видал, как осенью угодня пылают? Уж пшеницу нашли такую где-то в Австралии - с короткой соломой, чтобы поменьше было чему гореть.

КРУПИН. Все со своей колокольни! Солома теперь не нужна, скот не соломой, а хлебом кормят.

ДЕД НИКОЛА. А мне че бояться-то? Отболялся. Я – человек свободный, в свободных слоях. Русский лес нас тут зубром и стережет нас, и бережет... Степаныч! Дело было тебе большое, настоящее. А то мучишься, переживаешь, а у меня сердце за тебя закивает...

КРУПИН (*оживляясь*). Вот, дорогой мой человек! Я уж «проект» свой

составил. Давай с тобой не будем о смерти, о вымирании, а о жизни подумаем, о бессмертии! Знаешь, когда-то, в доисторические времена, люди не знали смерти. Ева вкусила запретный плод, тут-то явилась она, косая. Однако люди все еще жили до тысячи лет. В Библии, дед, написано: Мафусаил прожил 980 лет, понял или нет? Вот уж, на нашей памяти, китайские мандарины жили по 200-250 лет, - понял или нет? А нас уж и шестьдесят многовато...

ДЕД НИКОЛА (*в отчаянии, чуть не плача*). Врачи эти будь неладны, с клятвой их Гиппократовской! А коммунальные реформы?

КРУПИН. Зубром, дед, с тобой занимаемся. Вот настоящее дело! Проходим цепочку от него самого, скрещивая с коровами, до восстановления в телятах зубриной породы. Будешь, в общем, дед, буквально водить коров к Зубру, как к быку, бывало, колхозному. Займемся селекционной работой. Вот диплом ветеринара мне и пригодиться.

ДЕД НИКОЛА. Слава богу, Степаныч, обрел местушко в жизни.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Вечер. Кабинет директора заповедника. За окнами падает снег. Крупин ходит по кабинету.

КРУПИН (*останавливаясь*). Первый снег. Как быстро пришла зима! Прямо сразу же с Покрова белое расстилает плат по земле. Какой ломкий день. С утра еще шел дождь, потом дождь пополам со снегом, а сейчас валит шапками. Крутит всего, тело как мешками побитое. Вчера, наконец, бабка Варвара пришла из деревни, где была у дочери. Сказала, за эту неделю еще двоих отнесли там – сторожа школы и бывшего председателя сельсовета. Скоро в Крупино не с кем будет здороваться...

Помнишь, еще в бытность твою губернатором в область приезжали турки-месхетинцы? Откуда-то из Узбекистана, что ли? К себе туда, на родовое место, в Аджарию, их не пустили. И ты разместил часть их тут, в Крупино. И убеждая людей, сравнивал их приезд с серьезным кадровым вливанием, они, мол, покажут пример, повысят производительность. А этот Крупин Михаил

Андреевич, сельский председатель, что помер-то, и сказал, шутя этак, что сви-нину месхетинцы те не едят, давай им говядину, а картошку в поле подбирают на «Москвиче». Едут по гону километра на полтора и подбирают прямо из дверцы машины.

Вот и сейчас в соседние Красные Рябинки приехали из СНГ – русские из Киргизии. А в Крупино опять-таки «интернационал» – армяне с Кавказа, какие-то изиды. Детей в семьях у них помногу. Срочно пришлось Крупинскую вось-милетку переориентировать на среднюю школу. Начали строить новое здание, скоро, наверно, построят. А дети новых граждан России, согласно прежней тенденции, после школы опять-таки в город подались, а куда же еще? Но мес-течки, какие были в Крупино – при школе, в медпункте, на почте, последние эти местечки, - приезжие позаняли, вытеснили местных. Все у нас не как у лю-дей. Сверху так видать, а снизу все по-другому... шиворот-навыворот...

Крупин начинает нервно расхаживать по кабинету. От двери к окну, от окна к двери. Приникает к стеклу, всматривается в ночь.

КРУПИН. А у старого егеря еще горит свет! Бабка же из деревни при-шла. В честь события дед зарезал теленка. Днем палил голову, значит, будут завтра готовить холодец. Щи варить с куском мяса. Кабы пораньше баба Варя явилась, так бы тебя не ломало. Весь как побитый, как будто с трактора упал. Такое рассуждение: с пищей в организм должно входить столько энергии, сколько и выходить. А не то заболеешь - сердце ли, рак ли, какая разница, а в конце концов и помрешь. Дед с куховарством не справляется, бабка тут же от-странила его от занимаемой должности...

А Анфиса не едет. Нет, говорит, теплого зимнего туалета, никакой воз-можности жить в деревне, да еще на кордоне, цивилизованному человеку. «А мне, - говорю, - можно?» – «Ты выбрал, - говорит, - выбрал себе такую стезю, вот и живи». – Это же смешно: дом новый строить, водопровод проводить, го-родской туалет делать. Кто ж на это пойдет? «Слышь меня, Анфиса Сергеев-на?»...

Не слышит, не реагирует. А-а-а, вон что-то засветилось на стене. Вроде

как облик человеческий, неужто Анфисин? Она – Анфиса Сергеевна, призрак Анфисы. Губами шевелит, звуки произносит, а не слышать, что ты говоришь, Фисанька? Я слушаю.

ПРИЗРАК АНФИСЫ СЕРГЕЕВНЫ (*покачиваясь в воздухе*). Сосед наш по даче – помнишь, майор, Жанин муж, Николай?

КРУПИН. И что?

ПРИЗРАК АНФИСЫ. Двадцать пять лет в тайге прослужил. В глуши вместе с семьей просидел.

КРУПИН (*оживившись*). Вот видишь? Двадцать пять лет. А ты и года со мной прожить тут не хочешь.

ПРИЗРАК. Так они где жили-то?

КРУПИН. Где – в тайге.

ПРИЗРАК АНФИСЫ СЕРГЕЕВНЫ. В рабочем поселке лесопильного завода. Где и школа, и медицина, рабочий класс и интеллигенция – учителя. А вы с дедом одни тут, как волки.

КРУПИН. Нет, почему же одни, у нас и бабка Варвара, и Зубр появился. Приходит к нам сюда каждый день.

ПРИЗРАК АНФИСЫ. Нашел мне подругу – бабку Варвару, а себе – зверя. Зверь - друг тебе, в твоей ситуации.

КРУПИН (*в отчаянии*). Какая же ты жестокая, Фиса!

ПРИЗРАК. Жить надо среди людей, а не забиваться, как ты, в медвежий угол. Да еще и тащить жену за собой. Поздновато с «нуля» начинать. Все с «нуля» и с «нуля», когда жить-то будем по-человечески?

Крупин трет кулаками сырое приотставшее веко. Пятно на стене исчезает, призрака как и не бывало.

КРУПИН (*в еще большем отчаянии*). Что это я – с ума схожу? Крыша, что ли, поехала? Так нельзя, распускаться-то. Этак можно в Гамлета превратиться! В слабонервного принца, рефлектирующего по всякому поводу. На какой-то грани я сейчас себя чувствую – между миром тем и этим, на грани исчезновения. Надо к людям ближе, к живому... А дед Никола и бабка Варвара

свет уже погасили, в окнах темно, ночь... Кофе выпить, что ли? Уже пил. Не помогает. Просто на улицу выйти, на звезды. И звезд нет, валит снег. Просто походить по снегу, вообразить, как этот снег, такой молодой, пахнет снегом. Как он вбирает под тобой все твоё тело, показывает вес в отпечатках.

Так, одеваем «харпаль» свой – шубейку с дождевичком, выходим наружу, направляемся привычкой стежкой к привычному месту, куда приходит Он и стоит там подолгу, взирая сюда, на кордон. Он стоит и сейчас – этот Зубр, зверь лесной, дикарь беловежский, с душой человека, с фиолетовым взглядом, страдающим от одиночества. «Мы братья по крови!» – кто это сказал про людей и зверей? Ах да, этот англичанин – колониальный писатель... опять заклинило... Редьярд Киплинг, Маугли, черная пантера... А это Он тут - седой, пожилой уже Зубр – Последний на бессмертном лице Земле. Сейчас мы спросим у него: последний ли? Хочет ли продолжить себя в потомках?

Крутин одевается и выходит наружу.

* * *

Небо расчистилось. Третий глаз – красный свет с неба по-прежнему исходит от мерцанья Венеры. Старый, могучий Зубр, вытянулся на опушке, стоит у высокой железной сетки. Тяжелыми, валкими шагами Крутин подходит к нему.

КРУТИН. Ну, что. Беловежская пуша, прижился у нас тут, в глухом местечке?

И сует сахару зверю в оскаленный зев.

КРУТИН. Смеешься? Смейся, смейся, черт побери!

ЗУБР (неожиданно, человеческим голосом). Это я так плачу. Нам с тобой не хватает Луны, я ночное животное.

КРУТИН. Опять слуховая галлюцинация?

ЗУБР. А вы, люди, кормите меня днем. Не спи ночью, будь как я.

КРУТИН. Я и не сплю. Напролет, целые ночи. Думаю о тебе, о людях.

ЗУБР. Подумай, брат, и о себе.

КРУПИН. Если я подумаю о себе, то я стану спать ночью, а кто же будет тогда приходить к тебе, как сейчас, выкладывать все начистоту?

ЗУБР. Ты - хороший человек. Ходит сюда каждую ночь. Говори со мной при луне, чтобы постичь язык леса, птиц и диких зверей. Чтобы стать лунным.

КРУПИН. Это ты должен ходить сюда днем, когда тебя кормят. Ты должен постичь язык человека. Только тогда мы с тобой перейдем черту между миром животных и миром людей.

ЗУБР (*улыбаясь*). Не делай из меня человека.

КРУПИН (*в отчаянии*). Не делай из меня зверя.

ЗУБР. Слышишь, брат, как шумит лес, он – за меня.

КРУПИН. Слышу, как шумит лес, он - за нас.

ЗУБР (*вздыхнув тяжело*). Я рос в многодетной семье...

КРУПИН (*подхватывая*). И вырос в такого красавца!

ЗУБР. Отец мой был вождем, у него было большое племя. Потом я занял его место. Но люди убили коров, застрелили отца.

КРУПИН (*тяжело вздохнув*). Была война...

ЗУБР (*подхватывая*). Стреляли с обеих сторон!

КРУПИН. Я искуплю их вину.

ЗУБР. Стреляли из ружей, из пулеметов, из пушек.

КРУПИН. Я искуплю их вину.

ЗУБР. Я знал, что тут встречу тебя! Что ты будешь тут, человек! и шел сюда, пробирался опасными, тяжелыми тропами.

КРУПИН. Я защищу тебя, брат.

ЗУБР. Я исстрадался, изболелся душой по своим.

КРУПИН. Я защищу тебя, брат.

ЗУБР (*вздыхнув тяжело*). Я верю тебе, человек.

КРУПИН. Видишь, звезда горит – это Венера, ночная красавица. Третий глаз человечества. Я клянусь тебе перед ней! Я защищу тебя, брат мой по крови, последний в своем виде, священный житель Земли! Не уходи в Красную книгу, не уходи! Я верну тебе племя, стадо твоё, ты еще будешь вождем! Ви-

дишь – это Венера, красным; неугасимым светом горит она в глазах твоих фиолетовых, это Анфиса.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Утро. На поляне перед кордоном. Крупин могучий, как Зубр, и, как Зубр одинокий, седой стоит на поляне. Появляется старый егерь.

КРУПИН (*властно*). Какие новости, дед, какие проблемы?

ДЕД НИКОЛА. Обошел все Полесье, деревни окружные. По эту руку – веселые: Красные Рябинки, Отрада, Стишь, Светлая жизнь, а по другую руку – тоска: Рыдань, Мертвое, Неурожайка, Холодово. Деревни разные, а проблема одна: коровы еще есть у людей, а водить не к кому, нет быка. Фермы как развалились, так бугаев и не стало. В районе искусственное осеменение предлагают, а люди не желают.

КРУПИН. А коровы что?

ДЕД НИКОЛА (*смеясь*). А у коров я не спрашивал.

КРУПИН. Зубра я спрашивал, он согласен.

ДЕД НИКОЛА. В каком смысле?

КРУПИН. Да работать за бугая.

ДЕД НИКОЛА. А коровы что?

КРУПИН. А у коров я не спрашивал.

ДЕД НИКОЛА. У хозяев надо спросить. Думаю, будут согласны.

КРУПИН. Не спросил. А зачем же тогда ходил по деревням?

ДЕД НИКОЛА. Учет вел. Какие возможности.

КРУПИН (*задышав тяжело*). Мы, дед, с тобой великое дело сделаем: стадо зубриное восстановим. В третьем поколении уже зубрята пойдут. Ты это говорил людям?

ДЕД НИКОЛА (*приблизжаясь к нему и на ухо, тайно*). А зачем им это знать? Им главное – молоко чтобы не переводилось. Скажи про Зубра, так еще к нам сюда и не поведут. А? Я так думаю. Молчком надоть.

КРУПИН (*оживленно*). А мы скажем – к быку, мол, сюда, к бугаю.

ДЕД НИКОЛА. Да как же? Людей обманывать – бога гневить.

КРУПИН (*задумавшись*). Ну, тогда так. Заведем тут быка. Кто хочет красавцев – телят, литых и могучих, - к Зубру. А кто хочет, как было, расчет иметь только на молоко – пусть к быку ведут. Как, одобряешь, дед?

ДЕД НИКОЛА (*засмеясь*). А что – хорошо.

КРУПИН. Только сено быку ты косить будешь.

ДЕД НИКОЛА. А ты, Степаныч, по лесу будешь бегать. Выполнять егерские обязанности.

КРУПИН. А чего? Я согласен. Так мы стадо зубриное постепенно тут и восстановим. Но чтобы пока никакой утечки не было: как да что, почему? Главное, чтобы от бабки Варвары не шла информация.

ДЕД НИКОЛА. Этой мы язычок-то прикусим.

КРУПИН. Ишь, диктатор какой!

ДЕД НИКОЛА. Ты уж, Степаныч, помолчи. Знаем получше тебя, как сбабами управляться (*запевая*).

Шумел сурово Брянский лес,

Спускались синие туманы.

И сосны слышали окрест, как шли,

Как шли... вдоль речки... партизаны.

КРУПИН. Что-то слова путать стал.

ДЕД НИКОЛА (*весело, озорно*). Да тоже заклинивает иной раз. Мы ему стан сделаем, где была партизанская база.

КРУПИН. Кому это?

ДЕД НИКОЛА. Да Зубру же, Зубру! Чтоб не маячил тут перед глазами.

КРУПИН (*решительно*). Пусть ходит, чаще будем встречаться. Так, отбирая, от теленка к теленку коровьего до зубрят и доберемся. Приведем молодую подругу старому гуляке.

ДЕД НИКОЛА. Ты, Степаныч, прямо-таки мичуринец! Ветенар!

КРУПИН. Ве-те-ринар! Сколько говорить, все путаешь божий дар с яшницей.

ДЕД НИКОЛА. Главное, сон себе восстанови. А то глядим с бабкой, у тебя в окошке то потухнет, то погаснет. Не спит человек, про народ думает. А про тебя кто подумал?

КРУПИН (*решительно*). Зубр! Вот кто, дед, о нас с тобой подумает. И Красная книга, под какую он как исчезнувший вид подпадает.

ДЕД НИКОЛА (*решительно*). Не дадим! Не дадим исчезнуть.

На пороге появляется бабка Варвава в переднике, с закатанными рукавами.

БАБКА ВАРВАРА. Эй, мужики! Пора обедать, к столу!

ДЕД НИКОЛА. Видал, какая стала культурная? Фартук напялила, в деревне ей сшили. А то и не знала, что это такое. Это она для тебя, Степаныч, старается.

КРУПИН. Ну, и что? Кому во вред-то культура?

ДЕД НИКОЛА. Да Гитлеру. Кино показывали по телевизору: «Вторая мировая война». Что говорит на экране этот Правдюк. Гитлера, бывало, при слове «культура» так и тянуло схватиться за пистолет.

КРУПИН (*солидно этак, с понятием*). Так-то, дед, другого сорта культура. Политика, понял? Но мы политикой не занимаемся, зарок себе дал. Ну, ее к врагу. Мы с тобой теперь кто?

ДЕД НИКОЛА. Ветенары, ветераны.

КРУПИН. Ве-те-ринары! Селекцию будем проводить, подругу Зубру выращивать.

ДЕД НИКОЛА. Не себе, так хоть другу – подругу.

КРУПИН (*воодушеваясь*). Такую ферму с тобой тут отгрохаем! На весь бывший Советский Союз – восстановим Беловежскую пушу, заставим работать. А тебя, дед, я сделаю главным егерем... офис построим, коттеджи с теплыми туалетами...

ДЕД НИКОЛА. Про трюмо не забудь, это женщины обожают. Вот Анфиса твоя и прикатит. Видеть себя в натуральную величину.

КРУПИН. Пока еще молодые, красивые.

ДЕД НИКОЛА. А что ж она у тебя старая, что ли, Анфиса Сергеевна-то? Еще ничего. По телевизору показали, открытие выставки было, под руку с кем-то прохаживалась.

КРУПИН (*сквозь зубы*). С двоюродным братом.

ДЕД НИКОЛА. Все так говорят. Ездий в город почаще. Доверяй, но проверяй.

На кордоне. В бревенчатой избе за столом Крупин – директор и дед Никола – старый есерь. Бабка Варвара разливает щи из огромной кастрюли.

КРУПИН. Что это ты, бабка Варвара, щей сколько наворотила? Разве ж мы поедем?

ДЕД НИКОЛА. От души.

БАБКА ВАРВАРА (*поджав зубы*). В крестьянском дворе лишнего ничего не бывает. В лоханку и поросенку.

ДЕД НИКОЛА. От лени. Чтобы лишний раз не варить.

БАБКА ВАРВАРА. У нас поросенок – господин. Ест, что и мы.

ДЕД НИКОЛА (*живо хлопая себя по кленке*). Видал - бритва! Словом бреет первый сорт. В парикмахерской тебя, бабк, работать, а не щи варить.

КРУПИН (*хватая воздух ноздрями*). Ух, запахи! Вкуснотища! Анфиса Сергеевна никогда таких щей не сварила бы. Нет такого уровня ей не достичь.

БАБКА ВАРВАРА. Значит, берет чем-то другим. Небось, вышивает болгарским крестом или шьет на ножной машинке. Как одна учительница тут у нас, в Крупино. Вот умелица, мастерица! В района на выставке ее представляли.

КРУПИН (*пробуя щи*). Горячие! У нас народ талантливый, в Крупино. Особо учителя.

БАБКА ВАРВАРА. Вон какого человека выучили! Вот как вас, Владимир Степаных.

КРУПИН (*махнув рукой*). Э, да ладно тебе, баба Варя. Садись с нами, че все мотаешься? От печки к столу, от стола к печке. Садись вон под икону, под Казанскую божью мать... Щи прямо тебе как церковные! Такие только, бы-

вало, монахи ели.

БАБКА ВАРВАРА (*приостанавливаясь*). И где же это?

КРУПИН. Да в городе Кириллове был, в монастыре. В Вологодской области. Показывали, где монахи раньше трапезничали.

ДЕД НИКОЛА. И чарки, небось, им подносили?

КРУПИН. Про чарки не намекай, да, баб Варь?

БАБКА ВАРВАРА. А, может, все же по стопочке? Я вчера взяла в магазине, в Крупино.

ДЕД НИКОЛА (*весело*). Как Степаныч, не возражаешь «под дичь» – как говаривал в «Бриллиантовой руке» Андрей Миронов, помнишь?

БАБКА ВАРВАРА. Не Андрей Миронов, а этот... как его... что в цирке работал.

ДЕД НИКОЛА. Опять заклинило?

БАБКА ВАРВАРА (*сердито*). Юрий Никулин – вот кто!

ДЕД НИКОЛА. Вот то-то! Впредь чтоб не забывала – перец на стол поставить и горчицу завтра же затереть! Чтобы было, как в районной столовой.

КРУПИН (*смеясь*). Теперь уж там и столовой-то нет – ресторан!

БАБКА ВАРВАРА. Кафе! Соседка была анадьсы в райцентре. Так там один кофий пьют с коньяком. И настойку наливают какую-то померанцевую – прямо со стручком внутри!

ДЕД НИКОЛА. Померанцевую? Это чтоб скорее, что ли, люди околевали? Говорят, из древесного спирта водку теперь с Кавказа везут.

БАБКА ВАРВАРА. Вот и не пей, кто тебе в горло-то льет?

За окном, в конце прикордонной машины, раздается автомобильный сигнал. Автобус пазовский, люди какие-то.

КРУПИН (*вглядываясь в окно*). Да, вижу, кто-то идет! Стародворская – известная большевичка. Прошла в контору, в дирекцию надо ей... Дед Никола! Пойди, скажи ей, что тут мы, тут.

БАБКА ВАРВАРА. И пусть идет с нами обедать.

КРУПИН (*поспешно вытирая рот полотенцем*). Я счас, я счас.

БАБКА ВАРВАРА. Да сидите, сидите, Владимир Степаныч. В самом деле, пусть идет сюда... Не портьте, Владимир Степаныч, свой аппетит.

На крыльце раздаются шаги. Отворяется дверь: дед Никола, за ним – женщина, это, действительно, Стародворская – известная большевичка, из областного центра.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Те же, там же. Входит Стародворская – большевичка, как зовут ее там, в областном городе, Марфа – посадница. Дородная, крепкая женщина.

МАРФА-ПОСАДНИЦА. Общий привет! Вам, Владимир Степаныч, особый!

ДЕД НИКОЛА (*кривенько улыбаясь, на ухо Крутину*). Вот кого зубру! Такую только он и угомонит.

КРУПИН (*прикрывая улыбку ладонью*). Присаживайтесь, присаживайтесь, Марфа... как вас...

СТАРОДВОРСКАЯ. А как и вас – Степановна.

КРУПИН. К столу, Марфа Степановна. Народ приглашает.

СТАРОДВОРСКАЯ (*усаживаясь*). Мы всегда с народом, мы от народа никуда - и в радостях, и в горе.

БАБКА ВАРВАРА (*наливая ей чай*). Кто это мы?

СТАРОДВОРСКАЯ. А партия большевиков. В какой вы, Владимир Степанович (*кивок в сторону Крутина*) изволили состоять и от которой (*еще кивок в сторону Крутина*) откачнулись. А мы как состояли, так и состоим.

КРУПИН (*улыбаясь*). Так вы, кажется, к демократам подались. Большевиков когда-то критиковали нещадно. Или вам без разницы, лишь бы состоять в оппозиции? А мы вот с дедом (*кивая на старого сгерь*) власти не критикуем.

СТАРОДВОРСКАЯ. Та партия большевиков была другая, в той вы, Владимир Степаныч, во главе состояли, при власти. А эта партия большевиков не такая уже, а народная, состоит из низов, из народной интеллигенции.

КУПРИН. Что ж вы название-то не смените, если партия стала другой.

Вот и меняйте вывеску, массы за вами, может быть, и потянутся. Например, в социал-демократы преобразуетесь.

СТАРОДВОРСКАЯ. Гнилым Западом дюже пахнет, и демократами, какие сейчас при власти.

ДЕД НИКОЛА. А от вас, Марфа Степанна, концлагерями.

СТАРОДВОРСКАЯ (*вспыхнув*). Это от меня-то концлагерями?! Да я сама, как вы знаете, пострадала, сидела на Соловках. А потом еще с поражением прав в Казахстане отбывала. Только недавно тут, на родине, появилась.

БАБКА ВАРВАРА (*подкладывая ей кусок мяса*). Шуму больно много от тебя, Марфа. Только и знаешь, что ругаешься, честишь всех подряд – и правого, и неправого.

СТАРОДВОРСКАЯ (*отставляя миску*). Я вот что приехала, по какому поводу. Забилсь вы, Владимир Степаныч, в этот свой медвежий угол и тут пропадаете. А ваш светлый ум, руководящие качества людям нужны, востребованы временем. Вот мы там у себя посоветались и решили вытянуть вас из этого болота.

Старый егерь делает у нее за спиной знаки Крупину, мол, гони ее в шею. Стародворская резко оборачивается.

СТАРОДВОРСКАЯ. А ты, дед, чем недоволен? Господь послал тебе два дня в году. Именины у тебя в мае – Никола летний и в декабре – зимний Никола. А вот у меня ни одного.

ДЕД НИКОЛА (*вспыхнув*). Как это ни одного! У всех бывает день рождения. А ты что – не отцом, матерью деланная, ты особая?

СТАРОДВОРСКАЯ. Да, особая! У меня один раз в четыре года. Двадцать девятого февраля. В этом году меня в днях рождения нет.

ДЕД НИКОЛА (*смутясь*). Ну дык это... мой возьми. Хучь зимний, скоро будет. Именины тебе и отметим.

СТАРОДВОРСКАЯ. Умник нашелся. Я, значит, Марфа, а именины отмечать будут на Николу? Спасибо.

ДЕД НИКОЛА. Так Николай – угодничек заступник всех русских лю-

дей. Ему какая разница, кто ты: Марфа – посадница или Стародворская. Фамилию какую-то себе приспособила. Была же Мамонтова, все у вас в роду были Мамонтовы.

СТАРОДВОРСКАЯ. Это мне там дали. Мол, с Мамонтовой у тебя будут проблемы. Сразу вспоминается белые генералы Мамонтов и Шкуро.

КРУПИН. А вот в Западной Сибири, на Алтае, Мамонтов был народный герой, командующий партизанской армией. Райцентр в его честь назвали, памятник поставили.

СТАРОДВОРСКАЯ. Так они там, в Гулаге-то, разве знали про этого Мамонтова? Если б знали, может, я и осталась бы Мамонтовой, а то стала вот Стародворской.

ДЕД НИКОЛА. В честь сталоверов, что ль? А в большевиках состоишь. Теперча назвала бы себя, что ли, Ждановой от Жданова.

СТАРОДВОРСКАЯ. Жданов опорочил себя. В ленинградском деле.

ДЕД НИКОЛА (*ехидно*). Ну, тогда, что ли, от Ежова или Берии.

СТАРОДВОРСКАЯ (*вспыхнув*). Ты что, дед, рехнулся, хрен моржовый! Сиди себе, не влипай! Тут человек с человеком говорит.

ДЕД НИКОЛА (*сникнув*). А я что же тебе, не человек? Тоже мне. Марфа – посадница.

СТАРОДВОРСКАЯ, ОНА ЖЕ МАРФА-ПОСАДНИЦА.. Я приехала не к тебе, а вот к нему (*кивок в сторону Крупина*). Вот его (*еще кивок в ту же сторону*) агитировать опять на высокую должность... Ну дак как, Владимир Степаныч? Что мне сказать товарищам? Я бы лично на вашем месте согласилась. Что вы теряете, кроме этой халупы, этого вашего медвежьего угла и вот этого прохвоста (*кивок в сторону деда Николы*), старого пердуна, извините, конечно, за выражение. Я бы лично его, извините, враз бы с должности сократила. Залез бы на печку и там бы себе посапывал.

БАБКА ВАРВАРА (*не выдержав*). Видал какая? Говорю, только дай власть таким, что получится?

КРУПИН (*вставая решительно*). Люди проверяются деньгами и долж-

ностями. Ни того, ни другого пока нам не надо, мы и так сыты по горло...

Шаги и стук в дверь.

БАБКА ВАРВАРА. Кто там?

ДЕД НИКОЛА. Почтальон Печкин, небось.

Входит дородный мужчина в черных одеждах.

МУЖЧИНА (*представляясь еще с порога*). Отец Мефодий. От партии клерикалов.

КРУПИН. Что – есть такая партия?

ОТЕЦ МЕФОДИЙ. К вам сюда от епархии. Послан самим архимандритом – отцом Таисием. Когда вы были губернатором, находились с ним в непосредственном контакте.

КРУПИН (*оживляясь*). Помню. И что надо от меня отцу Таисию?

ОТЕЦ МЕФОДИЙ (*скромно*). Ничего, ничего, мы потом. Вы обедайте.

БАБКА ВАРВАРА (*кланяясь в пояс ему*). Отец Мефодий, прошу вас, вкусите с нами тут, чего бог послал.

ОТЕЦ МЕФОДИЙ (*присаживаясь в угол, на лавку*). Ничего, ничего, мы тут посидим. У нас с собой тут свое.

Достает хлеб с куском мяса из сумочки.

БАБКА ВАРВАРА (*волнуясь*). Ну, что же вы? Прямо неудобно как-то, не по-человечески.

ДЕД НИКОЛА. Садитесь, садитесь, отец Мефодий. Мы вас приглашаем, садитесь с нами. От души приглашаем.

КРУПИН. Действительно, может, присядете?

ОТЕЦ МЕФОДИЙ (*вставая и раскланиваясь*). Ну, что вы, что вы? Вы обедайте, обедайте. А я, Владимир Степаныч, вас подожду.

За окном, на поляне перед кордоном, трескотня мотоцикла. Старый егерь приближается к окну.

ДЕД НИКОЛА. Сельсоветский председатель... или как теперь ... глава сельской администрации... новенький, вместо похороненного анадьсы...

Шаги по порожкам и опять же стук в дверь.

БАБКА ВАРВАРА (*привычно*). Кто там?

ДЕД НИКОЛА (*теперь уже весело, на всю избу*). Почтальон Печкин!

Войдите.

Входит невысокий, крепкий мужчина со шрамом на правой щеке.

МУЖЧИНА (*представляясь*). Легостаев Федор Корнеевич – ваш новый глава сельской администрации. Но я тут от партии аграриев. По просьбе Ивана Иваныча – первого зама главы района, он в Крупино сейчас, у нас в сельской администрации. Ногу подвернул на этой «транде» (*кивок в сторону мотоцикла*), просил меня представлять его. Я к вам, Владимир Степаныч.

КРУПИН (*в сердцах*). Что ж машины, что ль, не нашлось? На такой «транде» прикатил!

ЛЕГОСТАЕВ. Так ливень был вчера. А до вас только на такой «транде» и доедешь.

КРУПИН. А как же эти вот – на автобусе?

ЛЕГОСТАЕВ. Вон кто довез их (*кивок в сторону отца Мефодия*). Боги помогли. А мы люди обнаковенные.

КРУПИН (*вставая решительно*). Нет, вы люди все тут необыкновенные! Я так полагаю: вы приехали сразу все по одному вопросу?

ЛЕГОСТАЕВ. Так партии же создаются. Общественная жизнь начинает кипеть, бить ключом, ха-ха, и все по голове.

ДЕД НИКОЛА (*вскочив с табуретки*). А-а! Скоро выборы Президента! Вот оно что!

Крупин всматривается в окно. В стекло начинает колотить дождик.

КРУПИН. Может, сразу ответить вам всем и чтоб вы уезжали? А то ведь сегодня отсюда можете и не уехать? (*иронично*). Или – врозь, в кабинете, провести, так сказать, пресс-конференцию? Дать ответы на ваши вопросы? Выдвинуть гипотезы, концепции, интерпретацию аргументов и фактов.

ВСЕ ХОРОМ. Пресс-конференцию! Интерпретацию и аргументацию! Чего ж мы сюда, что ли, так приезжали?

ДЕД НИКОЛА. К Зубру их поведи, к Зубру, Владимир Степаныч! Там

устрой им эту свою пресс-конференцию. Пушай и зверь ими поинтересуется, натуральным их выражением.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

События происходят там же, на кордоне, в лесном, глуховатом местечке Земли. Те же лица.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Контора заповедника. Кабинет директора. В кабинете сам директор Крупин и прибывшие к нему сюда Стародворская Марфа Степановна – больничка, отец Мефодий – от партии клерикалов. Легостаев Федор Корнеевич – председатель Крупинской сельской администрации, от партии аграриев, а также дед Никола – старый егерь.

КРУПИН (*проходя к столу*). Ну что тут будем проводить, так сказать, пресс-конференцию, в кабинете, или перейдем непосредственно к Зубру?

ВСЕ ХОРОМ. В кабинете, конечно, в кабинете! (*выделяясь*). Слово тут имеет силу закона. А находу, в лесу где-нибудь, на улице – слово так, брошено на ветер. Ни к чему не обязывает.

КРУПИН. А как будем – по одному проводить агитацию или сразу вместе? У меня есть предложение: сразу вместе. Всем видать друг друга, кто что сказал, чего хочет, без всяких там экивоков. Кто «за»? Голосуем... Так, все «за»... И кто первый?

ДЕД НИКОЛА. Стародворская пусть, она первой в избу вошла. Потом отец Мефодий. А затем уже и Легостаев Федор Корнеевич.

КРУПИН. Итак, приступаем... Да, а кто ж у нас записывать-то ход, так сказать, пресс-конференции будет? Прессы-то нет. Пусть егерь пишет.

ДЕД НИКОЛА. Я и так все запомню.

СТАРОДВОРСКАЯ. Я писать буду, я!

ЛЕГОСТАЕВ. Знаем мы ее, все протоколирует в свою пользу. Вот отец Мефодий пусть пишет.

ОТЕЦ МЕФОДИЙ (*изъявляя готовность, спрашивает осторожненько*).

А как писать-то? Просто или по церковно-славянски?

Все так и падают со смеху.

СТАРОДВОРСКАЯ. Да что ж ты, батюшка, только для своего отца Таисия будешь писать, что ли? Ведь для всех. Значит, пиши по-русски.

Прежде чем, садиться за стол, чтобы записывать ход разговора, отец Мефодий роется в своей сумке, достает календарь, быстренько воскуряет его, мотает им, пытаясь окропить все помещение.

СТАРОДВОРСКАЯ. Я протестую! Я – атенстка! Это насилие над личностью, нарушение прав. У нас тут не Ватикан, не клерикальное государство, а свободное общество равных партнерских возможностей.

ЛЕГОСТАЕВ. Во как сразу заговорила! А то власть ей все была нехороша.

ОТЕЦ МЕФОДИЙ. Ну что же, я склоняю головы, покоряюсь. Кладу инструмент свой обратно. Заметьте, церковь против насилия.

КРУПИН (*вставая*). Ну, хорошо, хорошо. Так кто же все-таки первый? Вы – Стародворская? Марфа Степанна, излагайте, суть вашей позиции, задавайте вопросы. Поелику возможно, мы вам ответим.

ДЕД НИКОЛА. Давай, Марфа – посадница, говори первая.

СТАРОДВОРСКАЯ (*вылетая на середину комнаты, сверху вниз оглядывая остальных*). Нет, простите, какие же это партии? Клерикалы и аграрии? Они даже пигде еще не зарегистрированы. Это мы – настоящая партия, массовая, мы везде – во всех регионах, нас много на каждом перекрестке.

ОТЕЦ МЕФОДИЙ. Побойтесь бога так говорить. Это мы во всем православном мире, на Земле и на Небе. А молчим скромно.

ЛЕГОСТАЕВ. А Россия всегда была страна аграрная, сельскохозяйственная. Что – не так говорю?

КРУПИН. Хорошо, хорошо! Марфа Степанна, говорите, задавайте ваши вопросы.

СТАРОДВОРСКАЯ (*нервничая*). Это... как ее... мы там у себя посове-

щались... с товарищами... и решили, чего это вы, товарищ Крупин, пропадаете в глуши тут, ваш светлый разум... ум, честь и совесть эпохи... они должны служить людям. Пушай, говорят, возглавляет в области наш комитет.

ДЕД НИКОЛА. Это даже не вся партия, это только крыло ее – большевики. А есть еще другие три, кажется. Вы, Марфа Степанна, от себя говорите, от крыла своего, а не от всех распинайтесь.

СТАРОДВОРСКАЯ (*не обращая внимания, Крупину*). Как вы на это смотрите. Владимир Степаныч?

КРУПИН. На что?

СТАРОДВОРСКАЯ. Ну, чтобы возглавить.

КРУПИН (*Стародворской*). Разрешите других послушать. Кто следующий?

Встает отец Мефодий. Окуривает ладаном место, где только что было Стародворская, становится потверже на ее место.

ОТЕЦ МЕФОДИЙ. Я направлен епархией, отец Таисий просил, кхм... Можно водички? Трубу прочистить. Я, когда причащаю, всегда трубу прочищаю...

ДЕД НИКОЛА. Чем – божьим вином, кагором?

ОТЕЦ МЕФОДИЙ (*не обращая внимания*). Из Москвы приезжал представитель. Создается партия клерикалов – ХДС, что ли?

СТАРОДВОРСКАЯ (*оглядывая всех недоуменно*). Как это перевести?

КРУПИН. Христианско-демократический союз, да?

ОТЕЦ МЕФОДИЙ. Да, да.

ДЕД НИКОЛА. Как в Германии.

ОТЕЦ МЕФОДИЙ. Да, как в Европе... Ну так, отец Таисий, зная вас лично по прежней работе и характеризуя с хорошей стороны, вас, Владимир Степаныч, и рекомендует. Требуется только ваше согласие.

КРУПИН. Спасибо. Кто еще у нас? Вы, Федор Корнеич?

ЛЕГОСТАЕВ. А что говорить-то? Это должен был говорить первый зам, а он ногу как раз подвернул. Компресс ему поставили на медпункте, лежит. А

меня в каждую шлею суют. То яйца собирай, то колодцы чисть, то бабкам гробы заколачивай. Хучь разорвись... сразу на несколько фронтов... А тут выборы – главное дело. А он говорит, от партии аграриев, а партии-то еще и нет. Мы вместе с массовой партией заодно были всегда. А тут, говорят, надо отдельно. Чтобы больше голосов собрать...

КРУПИН. Так в чем дело, товарищ Легостаев?

ЛЕГОСТАЕВ. Да вас район предлагает в область. Чего вам, говорят, в дыре тут отсиживаться, когда там события зреют. Вам – генфонду нации, постоянно республики - прямая дорога... Уф! Все, кажись, да?

КРУПИН. Да, да! Все сказал, даже лишнее.

ДЕД НИКОЛА. Лишнее мы обрежем, а главное – вставим в обойму и предадим забвению.

ЛЕГОСТАЕВ (*вскакивая*). Как это забвению?!

КРУПИН. Тихо, тихо. Прекратить прения друг на друга, Новуходоносры этакие.

Люди зашевелились в недоумении.

КРУПИН. Это я мягко, мягко так. Для прочищенья мозгов, для просветления души.

ДЕД НИКОЛА. Степаныч! Такой кирпич ввернуть, чтобы сразу по голове, так, да?

КРУПИН (*иронично ему*). Глядим вперед, в светлое будущее. Так сразу всем давать ответ или врозь?

ВСЕ ХОРОМ. Зачем сразу? Всем врозь.

КРУПИН. А коли врозь, то мы тут посовещались (*кивок в сторону деда Никола – старый егерь закивал головой*) и решили. Если врозь, то ответ давать не тут, а вон там, на опушке леса, у высокой железной проволоки. Слово держать перед Последним Зубром. Он всегда приходит туда и всегда там стоит.

ДЕД НИКОЛА (*кивая головой*). Всегда, всегда.

КРУПИН. Вот там и выскажете ему свои соображения.

СТАРОДВОРСКАЯ. Кому – деду Николе?

КРУПИН. Последнему Зубру! Я зарок ему дал. Захочет он меня отпустить или нет? Как он скажет, так тому и быть... Пресс-конференция продолжится. Прошу всяческие вопросы. Но желательно без политики. Мелкой мышинной возней мы тут с делом Николой не занимаемся, нас вопросы глобальные интересуют.

СТАРОДВОРСКАЯ (*фыркнув*). Глобальные! В таком глухом, вшивом месте?

ДЕД НИКОЛА (*вскакивая*). Не оскорблять!

Старый егерь закашлялся. После и говорит Крупину:

ДЕД НИКОЛА. А как «Оскар» пишется? Через «о» или через «а», отдельно или вместе?

СТАРОДВОРСКАЯ. Через «а»! И как это вместе – отдельно.

ДЕД НИКОЛА (*притворно вздохнув*). Ну тады ясно, кому киношную премию вручать, а кого на «хер» посылать. Пуцай там зимуют со своим Оскаром, когда вместе, а когда и отдельно, мы не воз-ражаем... А тут как писать, Марфа Степанна, через «о» или через «а»?

КРУПИН. Да хватит тебе, дед! Завелся.

СТАРОДВОРСКАЯ (*вскакивая*). Конечно, через «о».

ДЕД НИКОЛА (*весело*). Вот то-то и оно-то. А кабы через «о», были бы мы с урожаем! Тады «урожай» надо писать через «а», хлеба мно-о-го будет. Потому что «а» - первая буква, а «я» – последняя. Вот ты вся «якаешь», вы все там «якали» – хлеба и не было...

КРУПИН (*в сердцах уже*). Дед! Да хватит тебе!

ДЕД НИКОЛА. А что? Я ничего. Русский язык – наука китайская, только и всего.

КРУПИН. Так какие вопросы? Что писать отцу Мефодию? Все-таки пресс-конференция.

СТАРОДВОРСКАЯ (*вскакивая*). Какие ваши прогнозы: останется Президент или нет?

КРУПИН. Когда Ельцин был в области, пожал мне руку. С той поры ру-

ки я не мою. На всякий случай. После выборов, думается, помою.

ЛЕГОСТАЕВ (*выходя в центр*). А как быть с аграрным сектором? Чем ближе к земле, тем беднее.

КРУПИН. А когда Горбачев был тут, в районе, так коровам хвосты мыли шампунем. Итальянского производства. Чтобы пышнее распушились...

ДЕД НИКОЛА. И темные места закрывали пошире.

КРУПИН. Ну, что там у вас, отец Мефодий?

ОТЕЦ МЕФОДИЙ. У нас? Ничего.

ДЕД НИКОЛА. Клерикалам все ясно.

КРУПИН. Что в протоколе у вас получилось, отец Мефодий?

ОТЕЦ МЕФОДИЙ (*подавая бумажку*). Вот.

КРУПИН (*читая*). «Все говорили и ничего не делали»... Ох-хо-хо!

Рассмеялся Крупин, за ним рассмеялись и все.

КРУПИН (*вставая*). Переходим ко второй, практической части нашей программы.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Те же. Опушка леса. Стоя у высокой железной проволоки. Последний Зубр сверху вниз смотрит на участников «пресс-конференции».

КРУПИН (*оборачиваясь ко всем*). Спрашивайте у него, отпускает он меня или нет? Задавайте вопросы. Он по-человечески все понимает, только не говорит. Как собака. обученная на наркотики, с языка вам буду переводить.

Крупин подходит к зверю, тот стоит перед ним навтытяжку – мощный, литой. Крупин гладит его, незаметно сует в губы кусочек сахара.

КРУПИН (*торжественно*). Последний Зубр! Попприветствуй гостей.

Зубр скалит зубы, начинает кивать головой: снизу вверх, сверху вниз.

СТАРОДВОРСКАЯ (*Крупину*). Вы – Дуров, прямо-таки, Дуров, ей богу!

КРУПИН. У Дурова звери бегают, прыгают, делают сальто-морале, а у меня говорят.

СТАРОДВОРСКАЯ. Чего же он говорит-то?

КРУПИН. Он говорит вот что. Люди! Я на вас не обижен, хотя вы и уничтожили весь мой род, всех в роду, все стадо зубриное, я остался последний. Я – вождь! И как вождь имею надежду, что вы поможете мне восстановить мое зубриное племя.

ОТЕЦ МЕФОДИЙ. Это он так сказал?

КРУПИН. Это мы говорим уже с ним.

ЛЕГОСТАЕВ. Ну как – отпускает он вас, Владимир Степаныч, в аграрный сектор?

КРУПИН. А как вы думаете? Мы и так тут в аграрном секторе, где же еще? Да, Зубр – мой дорогой человек?

Опять сует кусочек сахару в губы зверю, и тот опять скалит зубы, качает снизу вверх, сверху вниз головой.

СТАРОДВОРСКАЯ (восхищенно). Какой красавец!

КРУПИН (с грустью). И какой одинокий.

ОТЕЦ МЕФОДИЙ. Божественное создание.

ДЕД НИКОЛА. Царь леса.

Последний Зубр теперь уже и без сахара скалит зубы, качая своей головой.

КРУПИН (всем присутствующим). Теперь он расскажет историю своей жизни.

Зверь перебирает губами, кивает головой, делая это церемонно, многозначительно. Где щебечут синички, с сосен падает с шорохом снег. А зверь все качает головой, все перебирает губами, скалит зубы, тяжело вздыхая.

КРУПИН (сделав паузу). Ну, поняли, что рассказывает вам наш Последний Зубр, вождь своего звериного племени? Он говорит об ответственности людей за жизнь зверя и леса, за жизнь его собственную в сложном таком, диком мире людей... Вот история его жизни...

Крупин поднимает в ногах комок снега и, взяв его немного губами, передает комок Последнему Зубру. Сглотив комок, тот скалит зубы по-прежнему, кивает сверху вниз головой.

КРУПИН. Так вот. Он заранее благодарит за внимание, какое уделяется нами его персоне, истории его жизни. Итак, Зубр родился в Беловежской пуше среди себе подобных и еще не знал, что будет последним. Владение племени были велики, Зубры свободно переходили границу, ведь пуша была тут и там – в России в Польше. И это ощущение свободы, свободных пространств делали их свободными и счастливыми. И стадо приумножалось, росло. Но власть отца его – вождя зубринога племена – от этого не слабела, а приобретала силу авторитета. И зубры были бессмертны, они не знали, что такое конец жизни, они просто жили, ходили лесами, переходили поляны, поля и были бессмертны и бесконечны. И люди видели их – литых и могучих, но никогда не стреляли в них, охотясь на других зверей, на птиц, не таких счастливых и бесконечных. Но вот в тех краях грянула война. Люди стали убивать друг друга, стреляя из пушек и даже пушек, и зубры покинули не края, ушли туда, где было безопаснее, глуше. А тут без них удача отвернулась от людей, и они стали несчастными, жалкими, бедными. И стали уменьшаться от неудач даже больше, чем от войны. И тогда они послали своего вождя к Вождю зубров – отцу этого тогда молодого Зубра, которому суждено было стать последним. И зубры возвратились в родные края, к людям. И снова пришла удача, тепло очага обогрело всех уставших от жестоких утеснений души.

И так бы жили все они в своей Беловежской пуше, но что-то произошло с Солнцем И где-то на Земле взорвались вулканы, и пылью застлали небо, закрыли солнечные лучи. И воды стали горькими, покрыли поля, и люди в железных доспехах перебили добрых хозяев этого края и стали стрелять даже в зубров. Зубры падали, пораженные насмерть, не зная, что это такое. А Смерть – она всегда жадна, ей только давай. Обозрев поредевшее стадо, Вождь взмолился перед своими богами, но боги зубрины не вняли ему, думая лишь о себе, не ведая, что вместе с зубрами пропадут и они...

ОТЕЦ МЕФОДИЙ (*шепча себе*). «Пропадут и они»... Наверно, нагрешили те зубры.

КРУПИН. Может, и нагрешили. Но наказывать смертью на богов не по-

хоже... Война разорила край, смерть добралась и до Вождя. Зубриный Вождь, тяжело раненный, едва добрался до своего логова. Жалкая кучка Зубров собралась на совет к умирающему Вождю, и тот, позвав сына, при всех оставил ему свои заветы. «Несмотря ни на что, никогда не ссориться с людьми, жить только в лесу, не выходя на поля, на открытую местность. Знать язык человеческий, но никогда на нем не говорить. Говорить только на своем и только между собой...

ДЕД НИКОЛА, Как цыгане. Язык свой из рода в род по памяти передают.

КРУПИН (*откашлявшись*). Да. И еще как когда-то монголы. Свод законов Чингисхана «Яссы» без письменности передавали веками устно, по памяти... «И еще умирая, Старый Вождь оставил сыну такой самый главный завет: Никогда не ссориться, а только любить друг друга, не изменяя до смерти». Последний Зубр, вот он (*Крупин показывает на зверя, а тот все скалит зубы, перебирает губами*), воспринял заветы отца как закон. И стал Вождем своего зубриного племени. И Он теперь вел свое стадо по жизни и смерти. Стальные доспехи загнали остатки зубриного стада в болота и ранили молодого Вождя. Захлебываясь болотной жижей, Последний Зубр, умирая, лежал на кустах ольховника - грязный, жалкий, слабея. И другой – молодой сильный Зубр, претендующий на роль Вождя, увел от него подругу, остатки зубриного стада. Но зубрины боги наказали их, все так и легли под ружьями на узком выходе из болот. А Последний Зубр перемогся и выжил.

Сутками напролет, не зная о гибели подруги, он шел опасными, тяжкими тропами туда, откуда поднимается Солнце, думая, что оно спасло подругу вместе с остатками стада. Он знал, что в час крайней опасности встретит такого человека, который не даст погибнуть ему, возвратит ему, Вождю, снова бессмертие, уговорит Солнце, вернуть подругу и хотя бы остатка его зубриного племени»...

СТАРОДВОРСКАЯ (*не выдержав*). И этим человеком оказались вы, Владимир Степаныч? Красивая легенда. Это вы ее сочинили?

КРУПИН (*продолжая*). Мы со старым перешницей. Вот с этим дедом

мы знаем, как вернуть к жизни зубриное стадо, ушедшее в смерть... Спросите, спросите у Зубра еще раз, хоть сто тысяч раз спрашивайте его, Последнего Зубра, - хочет ли он, чтобы я ушел снова в город, покинул его, оборвал золотую нить этой легенды? Что он скажет вам, чем ответит?

КРУПИН (*обращаясь к застывшему в гордой позе лесному зверю*). Хочешь, чтобы я в город уехал?

Последний Зубр водит головой в стороны справа налево, слева направо.

КРУПИН. Видите? Нет.

Крупин приближается к зверю, гладит его по губам.

КРУПИН. Хочешь, чтобы я тут с тобою остался?

Последний Зубр кивает сверху вниз, снизу вверх головой, скалит зубы, перебирает сухими губами.

КРУПИН (*искренне радуясь*). Видите? Да! Последний Зубр, хочешь, чтобы я тут остался, да, дед?

ДЕД НИКОЛА. Дело начато, дело спасения...

СТАРОДВОРСКАЯ (*рассмеявшись*). Фантазеры, Дон Кихоты! А вот Анфиса не едет к вам сюда и не придет.

ЛЕГОСТАЕВ (*отворачиваясь*). Жестокие вы, женщины! Бьете в самое сердце.

ОТЕЦ МЕФОДИЙ. Так нельзя, голубушка. Не по-божески это, церковь такое не одобряет.

СТАРОДВОРСКАЯ (*зло*). А ты молчи, божий человек! Что своему отцу Таисию скажешь? Что не выполнил его поручения, не едет в город Владимир Степаныч? Бортанул клерикалов?

ЛЕГОСТАЕВ. Тебя он, прежде всего, бортанул. Для тебя, прежде всего, рассказывал про Беловежскую пушу. Это вы там, ваши люди, перестреляли всех зубров! Какой красавец! Какой умный взгляд!

ОТЕЦ МЕФОДИЙ. Фиолетовый. Тайны хранящий, Неведомое.

СТАРОДВОРСКАЯ (*нюхая воздух*). К дождю. Смеркается уже. Во свояси надо, а то не проедем, застрянем в болотине.

ОТЕЦ МЕФОДИЙ. Ну что ж? С богом, Владимир Степаныч. Так что от вас передать отцу Таисию? Привет?

КРУПИН (*улыбаясь*). Низкий поклон. Пускай сам как-нибудь наведается, лично посмотрит на такого красавца.

Стоя у высокой железной сетки. Последний Зубр все кивает, кивает, кивает отъезжающим мощиной своей головой.

КРУПИН (*переводя слова Последнего Зубра, шепчет им туда вслед*). «Зачем вы, люди создаете свои мелкие партии? Вы же не победите. Никогда и нигде. А мы с Крупиным любим результат. Всегда наверху партия чиновников – сплочены, многочисленны, беспощадны. «Даже народ смертен, они же при любой власти бессмертны», - так говорил Заратустра».

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Ночь. Кабинет директора. Подушка на диванчике. Крупин мечется, крупно расхаживает по комнате.

КРУПИН (*вздыхнув*). Мышь под ногой, что ли, пискнула? Или все это слуховые галлюцинации? Нет, это просто паркет скользнул под ботинок, издал слабый звук. Душу ломит, мерещится «бознать что» (*выговаривая четко*). Бог знает что! Вон какая глубокая ночь, кромешная. А сна нет. тарашусь во тьму и что вижу? Однако бесы тоже не дремлют, бодрствуют. особо ночами такими кромешными. Не поминай же их, не вы зывай, а то ведь возьмут и явятся. Придут даже в сны. Изможден, за этот день, изнеможился. Отпустил гостей – поехали, а ведь сам за ними туда так и рванул бы. Даже птицы куда-то улетели, вторую неделю как не живут, почему? В рябишник рванули дрозды, а синички, скорее всего, за ними. Передо мной все «третий глаз» – красный такой, воспаленный, в полблюдца. Венера, ночная красавица. Мерцает в черноте ночи, несусыпным зраком следит за тобой. И тук-тук-тук, тук-тук-тук за стеной – постоянно, методично. В слух твой, в голову, в самое темечко. Было уже, пытали так в Древней Руси: или повесят на дыбу или расколют череп, положат под капель, и капли тук-тук-тук, тук-тук-тук в разверзнутый мозг. Весь ужас боли создает

именно постоянность, именно методичность.

Так что же это колотит там, с угла, за стеной? Тук-тук-тук, тук-тук-тук. Ах да, первый снег выпал, вчера к вечеру, как уехали гости. Думалось, ляжет снежок, зацепится. В белом саване земля веселее, воздух чище. А это ночью. Видать, оттепель взялась, потекло с крыши. Тук-тук-тук, тук-тук-тук. В самое темечко, отдается в висках, что-то поташнивает, наверно, давление. А ведь прежде не знал, что это такое. Надо купить прибор измерять его, это давление. Свой отечественного производства, такой примитивный, с какой-то резиновой грушей, клистирными трубочками. Накачиваешь воздух, постепенно спускаешь. А французы сделали – просто клади на кисть коробочку, тут же цифры на экране и обозначат давление... Где бы это достать? Заказать, что ли, тому кто едет во Францию?...

Черный саван ночи, а в нем – «третий глаз», Венера красная, такая огромная, наверно, с блюдце. Из угла комнаты движется тень, призрак чей-то, неужто Анфиса, Анфиса Сергеевна? Сейчас подойдет к Венере, проникнет в него – в это красное блюдце, сама станет блюдцем, будет оттуда взирать, наблюдать.

КРУПИН (*в полголоса*). Наблюдаешь, Анфиса? Наконец-то пришла, появилась. А ведь не хотела, говоришь; без теплого зимнего туалета жить в деревне нельзя, тем более, в такой глухомани. Почему же молчишь? Смотришь на меня и молчишь, только смотришь, Фиса. Ты - пятая в семье, самая младшая? У отца все девки по лавке, имена какие-то непростые, никак не могу запомнить. Кажется так: Карелия – то бишь Калерия, Федор – то есть Федора, Анетта – то бишь Анна, предпоследняя – Генриетта, в конце ты – Анфиса, имя самое русское. И у меня имя русское, хоть и с претензией, почему же ты, Фиса, приходишь ко мне лишь ночами, во тьме кромешной, когда силы дневные покидают меня?

Боже, опять принимается бить в виски, грохать, лупить молотом по наковальне, звоном отдаваться в теле. Пять органов чувств: на языке сладковато, тошнит, в пальцах – покалывает, в ноздрях – едкая сера... Сера от самого Сата-

ны, бесенята не пахнут, лишь провоцируют запахи... Что же вы, Калерия – Федора – Анетта-Генриетта-Анфиса, все вместе всей гроздьё не остановите стуки в темя, запахи серы, весь этот смрад ночной? Что же ты, Фиса, днем-то не приезжаешь остановить всю эту вакханалию?..

Сейчас грохнет еще разок, и ты упадешь, рухнешь, как подкошенный. Дрожат ноги, пальцы бегают по графину, не попадает на пробку, где стакан? И стакана нет. Граненый, «хрушевский», двухсотграммовый. «Куда же он подевался, Фиса! Скажи, куда ты поставила еще утром стакан, когда уходила на работу в этот несчастный, совершенно дурацкий свой колледж? Ах да, его съел, изгрыз зубами этот Иван Иванович – первый зам главы района, который лежит в данное время с компрессом в сельской администрации или на медпункте? Легостаев этого не сказал. «Так где хоть лежит этот Иван Иванович? Легостаев, скажи, это же крайне важно? Где, Иван Иванович, лежит стакан, где?! Мог бы лежать и тут у меня, в кабинете, перед Легостаевым. У меня перед глазами или перед глазами Анфисы, «третьим глазом» Венеры – этой огромной звезды, с красное блюдце, этого круга ночной красавицы, которая смотрится тут в трюмо, в вертикальное зеркало, цивилизованные женщины должны видеть себя в натуральную величину»...

Удар, еще удар! Молот о наковальню. «Рука Судьбы! Суслик свистит где-то в горле». Крупин с хрипом валится на пол, цепкими пальцами стягивая со стола за собой вместе с графином скатерть со стаканом, стеклянным подносом.

Вода, пролитая на лицо, не дает Крупину впасть в беспамятство, так и держит его в полусознательном состоянии. Крупин лежит на полу, скрючив ноги, по-детски вобрав их под себя.

КРУПИН (*постепенно приходя в себя*). Так, слышу... тук-тук-тук... это синичка в окно?... Нет, это капли с крыши... А блюдца на стене уже нет – красного глаза Венеры, где же Анфиса? Где ты, Фиса?

Тень над ним наклоняется, растягивает пуговики у самого горла – это конечно она, Анфиса Сергеевна, кто же еще?

Пошатываясь, ища точку опоры, Крупин встает с полу, включает электрический свет. «Боже! Сколько стекла на полу!» Делая героические усилия, Крупин собирает стекляшки, бросает в мусорное ведро. Садится на стул в совершенном изнеможении.

КРУПИН (*приоткрывая веки*). Фиса! Помоги, укрой меня пледом, что-то знобко.

ОТ АВТОРА. Тень из окна перемещается сюда к нему ближе – призрак, это конечно, она – его Фиса. Крупину делается спокойнее, чуточку легче дышать. И Крупин так бы, наверное, и задремал, но глуховатая боль о несбывшемся подкатывает к горлу, заставляет его одеть «харпаль» и выйти наружу.

КРУПИН (*бормоча под нос себе*). Как он там – Зубр?

ГОЛОС АВТОРА (*вместе с картинкой*). Стежкой Крупин проходит к опушке, к высокой железной сетке. Последний Зубр стоит все там же, навытяжку перед ним, вертя своим беспокойным, фиолетовым глазом.

КРУПИН (*дрогнувшим голосом*). Дорогой мой, друг, ты жив, ты стоишь? Хоть один любишь меня, как человек!

ГОЛОС АВТОРА (*вместе с картинкой*).

Крупин находит щель в сетке, проникает сквозь нее, садится у ног Последнего Зубра, и слезы неудержимым потоком вырываются из Крупина. Зверь все ниже, ниже, совсем опускает голову, кладет свои мягкие, чуткие губы ему на плечо.

Так и стоят они друг перед другом – человек и зверь, замерев.

КРУПИН (*дыша тяжело*). Друг мой, брат! Послушай ты теперь историю моей жизни... хотя бы ее кусочек... Я был губернатором этой провинции, то есть, как и ты, был Вождем. А рожден ведь в простой, крестьянской семье. Мне не хватило знаний, опыта, культуры - по Юнгу «архетипа бессознательного», заключенного в генах, то есть полученного наследственно, от родителей. Того, что дети царей получают просто так – из воздуха, из ничего, их еще с детства и учат держаться и властвовать. И я стал делать вид, что у меня всего много, стал врать, ловчить и обманывать. Но ложь изменяла меня не только внутри, но и с

лица, оно сделалось льстивым, хитроватым, каким-то зловещим, появился страшный, сатанинский отблеск в глазах. Первой заметила это Анфиса, жена, сказала об этом. Но самой ей уже нравилось быть там, царить. И я ушел, чтобы побыть одному и стал одиноким... А ведь я без людей не могу, без нее мне плохо...

В роду у нас все одиноки. Почти как у Маркеса, есть писатель в Южной Америке, вернее, был такой. За гибель Стеньки Разина, за предательство всех предки мои в пяти поколениях платили своим одиночеством, прапрадед заплатил даже жизнью, лег грудью на кривую турецкую саблю...

КРУПИН. Видишь, друг? Я смеюсь, скалю зубы, я так плачу.

ГОЛОС АВТОРА (*вместе с картиной*).

Последний Зубр ловит мягкими, теплыми губами ухо Крупина, горячо дышит ему прямо в лицо.

ПОСЛЕДНИЙ ЗУБР. Я знал, что найду тебя, Человек! Ты – Вождь, настоящий Вождь, я это знаю!

Утро. Бабка Варвара бежит стезжкой сюда, к Последнему Зубру.

БАБКА ВАРВАРА. Степа-а-аныч!! Уж синий, твердый уж, как колода!.. Мы тебя отогреем, отпоим брусничным настоем, отпарим на русской печки. Только не уходи, не уходи, милый!

КРУПИН (*делая героические усилия, смотрит на Последнего Зубра*). Брат ты мой, друг! Дорогой ты мой человек! Побудь со мной, не уходи...не уходи...

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Кордон. Изба старого егеря. Жарко горит русская печь. В комнате – бабка Варвара и Крупин. Бабка Варя хлопочет со своими чузунами, голова Крупина свешивается с лежанки.

БАБКА ВАРВАРА (*Куприну*). Видишь – шалфей для тебя отвариваю. Курицу в зубы, шалфеем напою да на печку, тулупом укрою – утром будешь, как новенький. Еще повоюешь с несгодами. Так она, жизнь-то, и наладится, че-

го нам помирать, нам еще мно-о-го чего исделать надо...

Вот и готов отвар, нальем в этот жбанчик, и на здоровье. Степаныч! Прогревай косточки, лечи свои нервы. На бога надейся, а сам не плошай... Анфисы нету рядышком. Та бы еще швыдче поставила на ноги. А то при ней, Степаныч, ты бы и вовсе не взялся болеть. Чего болеть-то, ну их к врагу – все эти болезни, нервы. Ходил бы возле Анфисы Сергеевны козырем, ты, Степаныч, ещё молодой, любви много - тоска от любви.

КРУПИН (*ставя жбанчик на стол и уже с печи*). А ты, баб Вер, любила еще кого-нибудь? Или только деда Николу?

БАБКА ВАРВАРА (*чистит картошку*). Любила. Одного тут из Красных Рябинок. Гармониста. Сама туда, на «пятак» к нему, бегала. Как вечер, подхвачусь, бывало, хоть и корова недоена, и полечу. А мать в спину: «Вот бес-толмашная! Как хоть с мужем-то будешь жить?» А ничего вот живу, век уже свой доживаю, с дедом.

КРУПИН. Ну, и как же ты от гармониста отказалась, заперлась сюда, в такую глухомань?

БАБКА ВАРВАРА. Какая же тут глухомань? Три километра всего до деревни. Я их одним махом, бывало, туда-сюда по два раза на дню. Бежишь, все березки пересчитаешь...

КРУПИН. И что же тут удержало?

БАБКА ВАРВАРА. У гармониста много было любовей, а у деда мово я одна. Потом дети пошли, хозяйство. Даже в мыслях ничего такого не допускала. И дед у меня однолюб.

КРУПИН. Зубра-то подкормили? А то все стоит и стоит, как на посту. Еще и помрет стоя.

БАБКА ВАРВАРА. По подружке скучает. Дед говорит, надо нам завести еще одну коровенку - молодую, эта уж старая... Да кормил дед, носил ему сена и редьки.

КРУПИН. Что – и редьку ест, аксакал?

БАБКА ВАРВАРА. Дед приучил, ест и редьку. Нынешней осенью уро-

жай на нее, целый ворох набрали.

Крупин ворочается на печи, никак не найдет себе точку. Укрывается овчиной шубой и затихает. Опять свисает с печки, смотрит сюда, на бабкины чулуны.

БАБКА ВАРВАРА. Спи, спи, милоч. Оклемаешься – встанешь, душа отболит.

КРУПИН. Припекает снизу-то, от кирпичей.

БАБКА ВАРВАРА (*снимает с крюка дедов ватник*). На – постели еще, потолще будет.

КРУПИН. Не надо, баб Варь, и так хорошо.

БАБКА ВАРВАРА. Ну, гляди. Фельдшерица говорит: профилактика – главное, а не лечение даже. А что такое «профилактика» – не говорит. Профилактика есть профилактика. У дочери муж – механизатор, так он все в район – на какую профилактику ездит.

КРУПИН. Профилактика – это когда-то заранее все предвидят. Какой орган в чем подведет.

БАБКА ВАРВАРА. По молодости дедов орган никогда ни в чем не подводил. А таперча стал сникать наш дедок. Две палки за ночь кинет в кусты и спать, во сне уж хворост подбирает.

КРУПИН (*смеясь*). Да дед твой еще герой! По кустам еще ходит, за неделю лес обегает.

БАБКА ВАРВАРА. На чужой участок ни-ни, нам чужого не надо. Как это в песне, бывало: «По врагу никогда не гулять по республикам нашим».

КРУПИН (*улыбаясь*). Во какая ты, бабка, оказывается, песни знаешь... еще, наверно, от того гармониста...

БАБКА ВАРВАРА. Гармонист тот, Федечка, так с войны и не вернулся. Никто не знает, где лежит, милый, где стлели его белые косточки. Сколько, взять в нашем лесу, таких безвестных могилоч.

Дробный топот ног на крыльце. Дверь распахивается, вбегает мальчик лет девяти, за ним, широко улыбаясь, входит дед Никола. Мальчик бросается к бабке Варваре на шею.

ДЕД НИКОЛА. Вот, баб, и внук наш! Егурок! Прибыл на осенние каникулы.

БАБКА ВАРВАРА. Ах ты, мой дорогой! Ах ты, мой любимый! Отличник ты наш, пионер! Мой звоночек!

ЕГУРОК. Нет, я, бабушка, не звоночек. У меня «тройка» по математике. остальные – «пятерки».

ДЕД НИКОЛА. Ничего. Мы этой «тройке» хвостик слева на право перекинем – и тоже «пятерка» получится.

ЕГУРОК. Нет, дедушка. Что заслужил, то и получай. Надо на таблицу умножения поджанать. А то на «семерку» спрашивают, а я говорю: семью восемь – Семен Лосин... А она мне «двойку», а потом вывела «тройку... И не пионер я, а бойскаут!

БАБКА ВАРВАРА. Кто же это такие?

ЕГУРОК. Это - которые держат руку так вот – прямо перед собой.

ДЕД НИКОЛА (*в недоумении*). Что же, как фюрер?

ЕГУРОК. Нет, фюрер вперед и в сторону, а это только вперед. А пионеры – руку вверх и наискосок, перед лбом.

БАБКА ВАРВАРА (*озадаченно*). Перед лбом?

ЕГУРОК. А еще бойскауты на плече носят палку, а пионеры – лопату.

ДЕД НИКОЛА. Это для чего же палку-то?

ЕГУРОК. Как вы не понимаете! Лопатой огород копают.

БАБКА ВАРВАРА. А трактора на что, лошади?

ЕГУРОК, Это вот тут копать, перед окнами. Я тут весной вам цветы посажу.

ДЕД НИКОЛА. Ну так и становись пионером, что ж ты с палкой-то ходишь – бойскаутом? А что палкой делают?

ЕГУРОК. А палкой, дедушка, бурьян сбивают. Вот посажу цветы, а палкой бурьян вам тут буду, урра-а-а! Впере-е-ед! Трр-ты-ты-ты-ты...

(*Подхватывая бабкины ямки, сует деду в руку*):

На - тебе палку, ты будешь бойскаут! А вот мне лопата, я буду пионер! А потом наоборот: я – бойскаут, ты – пионер... Ну, зашагали, пошли...

ГОЛОС АВТОРА (*под картинку*). Внук подхватывает деда, и они начинают шагать от двери к окну, от окна к двери. Мимо бабкиных кастрюлек и чугунов. Бабка глядит на них, подперев пальцем щеку, а другой рукой держит локоть этой руки. И Крупин не выдерживает, слетает с печки.

КРУПИН (*подстраиваясь под их шаг*). А мне можно? Только так будем: если уж пионер, так пионер. Вот ты, Егурок, шагай с лопатой, если ты пионер. А мы с дедом будем шагать с ямками, тоже как будто с лопатами... Ну, игра такая... как будто мы все пионеры...

ЕГУРОК. А кто ж тогда бурьяны будет сбивать?

ДЕД НИКОЛА. Ну, ладно, вы тут с дядей Володей шагайте, те, а я пошел.

БАБКА ВАРВАРА. Какой он ему дядя – дедушка?

ДЕД НИКОЛА. Ну, вы тут с дедушкой Володей шагайте, а я пошел кормить...

ЕГУРОК (*живо*). Лось?

ДЕД НИКОЛА. Лось у нас был, да сплыл, ушел в лес. А это у нас теперь Зубр! О, зверь! Но человек хороший.

ЕГУРОК (*сделав огромные глаза*). Челове-е-ек? Я сейчас. Ты иди, иди, дедушка. А мы с дедушкой Володей тут еще немножечко пошагаем и придем кормить... кого, бабушка?

БАБКА ВАРВАРА. Да Зубра же, Зубра.

ЕГУРОК. Это зверь, который зубастый?

КРУПИН (*улыбаясь*). Это даже не зверь, а как человек. Только не говорит, но все понимает по-человечески.

ЕГУРОК. Мы сейчас, дедушка Володя, еще пошагаем и пойдем кормить Зубра... Давай налку – я бойскаут, па – лопату, ты пионер. Пошагали!.. Раз-два-три...

КРУПИН (*стараясь попасть в ногу*). Раз-два-три... Раз-два-три... Запевай!

Орленок, орленок, взлети выше солнца

И степи с высот огляди.

Навеки умолкли веселые хлопцы,

В живых я остался один.

БАБКА ВАРВАРА. Ишь, песню какую хорошую знаешь, Степаныч.

ЕГУРОК. Жалостливая.

БАБКА ВАРВАРА (*подхватывая внука на руки*). Ах ты, мой дорогой!

Жалостливый.

И заплакала, утирает глаза передником.

ЕГУРОК. Чего ты, бабушка, плачешь?

БАБКА ВАРВАРА. На радостях. Внук к нам с делом приехал.

ЕГУРОК. Я не приехал, я, бабушка, к вам пришел.. Ну, пошли, зашагали, дедушка Володя, во двор. Палками с бурьянами сражаться... Раз-два-три...

КРУПИН (*подстраиваясь под мальчишку*). Раз-два-три... Раз-два-три...

ЕГУРОК (*Крупину*). Бери за руку бабушку! Бабушка, шагай с нами вместе!.. Раз-два-три...

ГОЛОС АВТОРА.

Крупин подхватывает бабушку Варвару с одной стороны, Егурок подхватывает бабушку Варю с другой, и они образуют круг. Шире, шире круг! Во всю избу, на весь лес, на весь земной шар! Мы – пионеры, мы – бойскауты. мы – люди. мы – птицы, звери лесные, мы – лоси и зубры, мы – один большой, огромный, глазастый, поющий, идущий круг, живой карагод на Земле!

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Коттора заповедника. Кабинет директора. В кабинете – Крупин в очках. Что-то пишет, читает.

КРУПИН (*роясь в книжном шкафу*). Сколько тут книг по ветеринарии, по селекционной работе! Однако больно уж давние, с устарелыми данными. Надо выписать свежие из академий, из институтов, новое слово ученых...

Садясь за стол, Крупин пронзительно смотрит в окно, переводит взгляд на стенку напротив. Опять возникает проклятый этот воспаленный «третий глаз» человечества; то красным, то синим, то белым мерцает эта Венера, ночная красавица, величиной с блюдце.

КРУПИН (*вслух*). Сейчас в этом блюде Анфиса появится. Ты ли, Анфиса Сергеевна? Твой взгляд – слегка косит персидский разлет бровей. Тебя просто тянет сюда, влечет смотреть в меня, как в трюмо, чтобы видеть себя во мне в полный рост. Надо применить усилие, сделать просто героическое усилие, чтобы прогнать со стены эту Венеру, заставить ее исчезнуть. И гаснет, гаснет она, пропадает – мерцающая звезда. Смерклось уже. Надо выйти наружу, чтобы увидеть ее там, в небесах, настоящую. Сделать это усилие, особое усилие, чтобы увидеть... А стол, как магнит, не подняться...

Крупин, делая отчаянные усилия, встает и выходит. И уже, стоя на крыльце, ищет в небе ее – мерцающую, животворную, настоящую. Она подмигивает ему глазами Анфисы, Марии – Антуанетты...

Крупин смотрит через двор напротив, на егерскую избушку. Там какое-то движение, крики, переполох. Вспыхнула яркая лампочка. Крупин спешит на крики, спотыкается, бухается лицом прямо в лужу.

КРУПИН (*вбегая в избу*). Что тут у вас стряслось?

Дед Никола держит бабушку Варвару за плечи, та бьется в истерике.

КРУПИН (*деду Николе*). Ш-ш-ш-о-о-о?

Никола отпускает бабушку Варвару, и та сама валится на грудь Крупину.

ДЕД НИКОЛА. Сообщили вот, Егурка... впучечка нашего... сбило машиной.

КРУПИН. Егурка? Внука?

ДЕД НИКОЛА. Увезли на скорой. Не знают, будет ли жив.

КРУПИН. Господи! Да какое хоть там движение! В деревне этой, в селе!

ДЕД НИКОЛА. Из города машина, приехала... Егурок был на велосипеде...

Крупин так и оседает на лавку.

КРУПИН (*наконец, подает голос*). Слушайте, все-таки жив, увезли все же, есть надежда, будем надеяться.

ГОЛОС АВТОРА. Так и проводят они втроем в избе бессонную, словно в яму упавшую, неподъемную ночь. Вот и утро. Крупин идет кормить Зубра, бабка Варвара – доить корову, дед Никола – на свой участок, делать обход.

КРУПИН (*подходя к зверю, стоящему навтыяжку перед ним, как всегда*). Зубр! Ты видишь, какое горе тут у нас, какое горе!

ПОСЛЕДНИЙ ЗУБР (*прядая ушами*). Я слышу! Вижу! Скорблю!

КРУПИН (*в отчаянии*). А Венера мерцает, Анфиса не едет, и люди гибнут, вымирает великий народ... Егурка сбило – нашу надежду...

ПОСЛЕДНИЙ ЗУБР (*скаля зубы*). Я плачу так. Вроде смеюсь!

ГОЛОС АВТОРА. Крупин обхватывает лесного зверя за шею. Так и стоят они, замерев, под звездами, под настоящей Венерай, мерцающей из небытия. Венера – ночная красавица, помоги! Умоляю тебя, и я молю всех богов на Земле и на Небе, помогите! Мальчику, всему народу моему, всему человечеству!

* * *

Там же. Наутро. Крупин стоит неподвижно, как монумент, как и Последний Зубр. Все на той же прикордонной поляне.

КРУПИН (*сам себе*). Надо что-то делать практически, что-то делать! Чтобы спастись! нам нельзя пропадать! нас никто не занесет в Красную Книгу памяти, так и уйдем, как скифы, куда-то под крышу. Как и вместе с нами и этот Последний Зубр.

Появляется дед Никола. Старый егерь подходит к Крупину, опускает голову.

КРУПИН. Надо что-то делать, пора приступать. Ты старый, мудрый, - говори, дед.

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ. Я уже делаю.

КРУПИН (*в сердцах*). Что!

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ. Нашел бывшую партизанскую базу.

КРУПИН. Где?

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ. Тут недалеко, за сосняком. Есть вода. бьют ключи.

КРУПИН (*подхватывая*). Да, да именно так, где бывшая партизанская база! Где родники.

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ. Я привел быка из Красных Рябинок. Стоит у землянки. Скоро люди поведут сюда к нам коров.

КРУПИН. Да, да, именно так. Переводим туда и Последнего Зубра. Создаем настоящий питомник. Еду в область, выколачивать средства. Я зажгу идеей весь регион, достучусь до самого Президента. Не может, просто не может Красная книга разбухать бесконечно. Что с мальчиком?

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ. Егурок в критическом состоянии.

КРУПИН. Будем молиться.

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ. Молимся.

КРУПИН. Надо, наконец, провести сюда телефон! Как же мы тут без телефона?

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ. Бабка вместе с матерью уехали в город. К мальчику.

КРУПИН (*вздыхнув*). Ну, что ж, будем варить сами. Как-нибудь будем кормиться.

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ. Может, Анфису Сергеевну позвал бы, приехала бы?

Сгорбясь, Крупин молча уходит, загребая ногами, словно зубр, на опушку леса с высокой железной сеткой - туда, к партизанской поляне.

* * *

Поляна среди сосняка – бывшая партизанская база.

На поляне - Крупин и дед Никола. В отдалении – бык у землянки, привязан к мощному дубу. Последний Зубр свободно ходит по всей территории.

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ (*Крупину*). Ишь, снег губами хватает. Подсказать, что ли, что родник в той лощине? Пусть ходит туда и пьет.

КРУПИН. Сам знает, он тут хозяин.

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ (*топчаь на месте, в перешительности*). Да я что исделал...

КРУПИН. Ну, говори, говори.

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ. Дуб нашел поваленный. Ровный, строевой. Опилил, обтесал уже – вкопать надобно, поставить посредине поляны. Обозначить нашу базу. Местечко, так сказать, застолбить. А один дотащить не могу.

КРУПИН. Бери возжи, пойдем. На возжах потащим.

Крупин и дед Никола тащат бревно к краю поляны.

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ (*отдуваясь*). Ну, и дуб! Глянь-ка, Зубр пришел. Отирается возле нас. Ну, чего отираешься? Иди, гуляй.

КРУПИН. Иди-иди, не мешай, а то ногу отдавим. Свобода тут тебе, иди, куда хочешь. А ты крутишься возле нас... Гляди, возжи зубами берет, тянет возжи... Ага, помогает нам, хочет помочь...

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ. Как собака, обученная на наркотики, только не говорит.

КРУПИН (*Последнему Зубру*). Ну, что, «омега фиолетовая глаза»? В самом деле, хочешь помочь? Дед, набрось-ка ему возжи на шею – пусть по снегу тянет. А мы помогать будем.

Дед Никола набрасывает возжи на шею Зубру, то, напрягшись, легко сдвигает ствол. Крупин со старым егерем только держатся сверху.

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ (*Последнему Зубру*). Вон туда, к центру поляны, тащи – еще немного, немножечко... Все... Молодец! Центр тут и обозначим. Со столба и начнем, да, парень?

Последний Зубр мотает снизу вверх, сверху вниз головой.

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ (*оживясь*). Он согласен.

КРУПИН. Мы тут базу такую отгрохаем! Каттеджи двухэтажные, гостиницу, дома с паровым отоплением.

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ. С теплым зимним туалетом для цивилизационных женщин.

КРУПИН. Ну да, с теплым, в самом помещении. Люди со всей страны повалят. Смотреть на красоты русской природы, на наши красоты, дед. Глянь, как у нас тут красиво! Пусть едут из своих задымленных городов смотреть на Последнего Зубра, на зубрят – на возрожденное племя...

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ. Имя мы ему сократим. Зачем ему называться так – Последний Зубр? Пусть будет просто Зубр. Вождь зубров, просто Вождь.

Последний Зубр уходит в лес, дед Никола роет яму для столба посреди поляны. Крупин поднимает голову к небу.

КРУПИН. Где же ты, Венера моя, звезда небесная, ночная красавица? И днем видишься, как из колодца. И днем видишься, как из колодца. Анфиса,

Анфиса Сергеевна пришла и вошла в тебя, в твои недра, и смотрит оттуда на нас тут с дедом, как мы хлопочем, стараемся. Обнадеживаем край свой, Полесье. Анфисины лучи у Венеры, Анфисины глаза - бесконечны, неумны... Дед! (*подзывая старого егеря*). Как ты думаешь, есть звезда вон там, над сосняком, или еще нет? Первая звезда уж взошла.

СТАРЫЙ ЕГЕРЬ – ДЕД НИКОЛА. Это так, что кому когда хочется видеть. Приедет твоя Анфиса, когда сделаем тут хорошо.

КРУПИН (*в сторону*). Главное – преодолеть себя, сделать героическое усилие, и все пойдет, как по маслу. Женщины любят удачливых.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Та же партизанская поляна в соснах. Будущая база заповедника. Посреди поляны столб с «триколором».

КРУПИН (*морщась*). Дед, убери, не чуди! Вот когда создадим настоящую базу, тогда и повесим над дирекцией государственный флаг.

ДЕД НИКОЛА. Я как скажете, мне-то что. Это мне Легостаев выдал флаг под расписку, от имени аграрной партии.

КРУПИН. Ну, вот и побереги до лучших времен. А то неудобно как-то: быка привязывать, а на столбе – флаг.

В конце поляны появляется мужик, ведет за собой корову. За ним – другой мужик, тоже ведет корову.

ПЕРВЫЙ. Эй, дед! Где тут у вас к быку принимают?

ДЕД НИКОЛА. Да тут же, тут! Вот он, бык! Сейчас к столбу подведу.

ВТОРОЙ (*откашливаясь в кулак*). А нам надо, кого покрупнее. Глянь, корова какая – громила, прямо танка, бронетанковые войска. Корова симментальской породы. Ей и не быка – зверя надо, Зубра вашего.

ДЕД НИКОЛА. Да, только этот ее угомонит! Не телята будут, а слоны! Вдвое крупнее твоей коровы. Видал, какой красавец, - литой! Только мы этот процесс будем делать согласно очереди. Сначала к быку, а после к хозяину этого леса – вон к нему (*показывая на Последнего Зубра*). Ишь, стоит, прислушивается к нашему разговору.

ГОЛОС АВТОРА. Крупин берет ведро и идет по воду, к дальнему роднику – Хрустальному ключу, чтобы не присутствовать при «процессе». Опустим и мы его; в целях целомудренности, обратимся сразу к последствиям.

Там же. те же. Только бык весь в лохмотьях пены, а Последний Зубр, как осурчик, стоит себе, озирая окрестность.

Мужики забирают коров и уводят. Появляются еще двое, тоже с коровами.

ПЕРВЫЙ. Где тут у вас к быку принимают?

ВТОРОЙ (*следом*). А к этому... зверю дикому, где?

ДЕД НИКОЛА (*ища вокруг точку опоры, но Крупин как ушел с ведром, так еще и не приходил*). Да что же это вам – бардак, что ли? Тут серьезное производство. Перекур бывает у человека? Глянь, весь в мыле. Придется на завтра отложить или хотя бы до вечера.

ПЕРВЫЙ. Как это до вечера? Мы с коровой двадцать километров оттопали, от самого Холодово. И где же мы будем ночевать?

ДЕД НИКОЛА. Расписание надо составить, режим работы. По режиму будете приводить.

ПЕРВЫЙ. Ну дак это потом, опосля. А сейчас?

ДЕД НИКОЛА. Вон к нему веди (*кивая на Последнего Зубра*). Договаривайся, а я приказать ему не могу. Он тут хозяин. Ишь, какой стоит красавец, - зверь, литой! Этому мно-о-ого надо чего, стадо зубриное с ним восстанавливаем (*обращиваясь к Последнему Зубру*). Ну дык как, хозяин? Ну, я пошел за водой, где ведро? А вы тут сами как-нибудь...

ГОЛОС АВТОРА. Старый егерь уходит. Мужики с коровами остаются одни. Стоят, не знают, как к быкам подступиться. Животные сами соображают в этом вопросе лучше, чем люди. Зубр выбирает корову и уводит в лес, с глаз долой. Один мужик ждет, а второй – уже ведет свою коровенку обратно.

Появляются Крупин с дедом Николай, несут в оттопыренных руках по ведерке воды. Приостанавливаются у столбы, принимают пить прямо из ведра.

МУЖИК (*подходя к ним*). Кто начальник, кому из вас тут платить?

ДЕД НИКОЛА (*на Крутина*). Начальник вот он, а платить мне.

КРУПИН (*хмурясь*). Ты это дед, брось! Брось, брось свои выкрутасы!

ДЕД НИКОЛА. А что же за здорово живешь? Люди шли, корову вели, люди хотят платить, в конце концов, быки-то работали. Им тоже надо усиленное питание.

КРУПИН. Упорядочить надо, провести через бухгалтерию. Обозначить, что средства идут на восстановление стада, создание базы. А то ведь что скажут?

ДЕД НИКОЛА. Да, что?

КРУПИН. А то! Создал Крупин подпольное производство на этом вопросе, стронт себе в курортной зоне коттеджи, а потом продавать их будет по баснословной цене. так говорит Заратустра . Понял, дед? Куда могут вывернуться эти оглобли?

МУЖИК. Начальник, буки не забивай! Кому платить, говорю? Не лосю же вашему, в конце-то концов, валенки подшивать.

КРУПИН. Зубру, Последнему Зубру!

МУЖИК. Что – платить зверю этому?

КРУПИН. Да это я так. Не лось у нас, а Зубр, тоже зверь лесной.

МУЖИК (*косясь опасливо на животное*). Хищный?

ДЕД НИКОЛА. Да какое там хищный – ручной. Как человек. Вождь своего племени. По-человечески все понимает, вот с ним (*показывая на Крутина*) даже разговаривает, только молча.

МУЖИК. Как это молча, а разговаривает?

ДЕД НИКОЛА. Общается с помощью Венеры, вон той красной звезды (*Ш шепотом мужику*). В дупло клади вон в ту, кривую сосну. А сколько обычно. С бухгалтерней мы потом разберемся.

Мужик уводит свою корову – надо до дому добраться засветло. А дед Никола, посвистывая, идет отвязывать быка от столба.

КРУПИН. Обманул меня и доволен? В первый и последний раз это, дед. Так дело у нас не пойдет.

ДЕД НИКОЛА. Пушай они в сельсовете, что ль, оформляют сначала, а

потом ведут сюда к нам.

КРУПИН. Может, и в сельской администрации. Не знаю, мы подумаем. Посоветуемся. Как расшивять узкие места.

ДЕД НИКОЛА. Какие места тут могут быть узкие! Лес, бесконечность. Тайга была, осколок тайги. И расшивять нечего. Быки должны работать на всю катушку. Степаныч, прошу вечером, как всегда на самоварчик. Бабка должна приехать. Как и что там, в больнице, расскажет. А мальчик, слава богу, говорят, поправляется.

КРУПИН (*облегченно*). Прямо бальзам на душу. Хорошо!

* * *

Кордон. Избушка старого егеря. В избе - дед Никола и Крупин. На столе - дымящийся самовар. Ожидают бабушку Варвару. Вот, наконец, шаги по крыльцу. Вот и бабушка Варвара - веселая, любвеобильная.

ДЕД НИКОЛА (*сходу*). Ну, что там в городе с внуком?

БАБКА ВАРВАРА. Егурок поправляется. Как выпишут, обещает сюда к нам приехать. Тут никаких тебе автомобилей.

ДЕД НИКОЛА (*ицумно вздыхая*). Слава богу.

КРУПИН. Вот хорошо-то. Просто бальзам на душу.

Бабушка Варвара достает городские гостиницы, выкладывает их на стол.

ДЕД НИКОЛА. Набрала одних жамок, бутылка где?

БАБКА ВАРВАРА (*вынимая из-за пазуху*). А вот и бутылочка! Согревала у сердца, тоже выпью за внука.

Потянулись к чаю из самоварчика, с городскими сухариками да свежими пряниками.

БАБКА ВАРВАРА (*выпивая уж третий стакан*). Степаныч! Извини меня, но не выдержала, была дома у тебя, в городской квартире, у Анфисы Сергеевны. Милиция едва пропустила. Одни начальники живут, шишки большие. «Да я, - говорю, - из деревни, откуда наш губернатор». – «Какой губернатор? – они мне. – Уж другой таперча губернатор, родом он городской». – «Что ж ты, - говорю Анфисе-то, Анфисе Сергеевне, - с мужем-то не живешь? Он там ста-

рается, силы укладает, тебя по звезде вызывает, а ты хвостом круть-верть. Не приезжаешь. Я вон с дедом своим век оттерпужила, и ничего, не расстались. А ты, когда он был тут, на высоком посту, сидела вместе, а как сбросили, так бок к нему. Какая же эта жена? – «Не твое дело, - она говорит. – Нас только может звезда одна понять и рассудить». – «Венера, что ли?» – «А ты откуда знаешь? – это она мне так. – А я ей и говорю: «Да слышала, как он к Венере – звезде своей обращался, когда ему сделалось плохо». – «Ну, хорошо, - говорит она. - может, быть и приеду». Важная такая, вся расчуфыренная, трюмо у вас в полстены, в коридоре.

КРУПИН. Ладно, баб, может, когда и придет.

ДЕД НИКОЛА. Столб поставили. Знаком таким обозначили. Базу новую будем делать. Коттеджи строить для цивилизованных женщин. С трюмо и теплым зимним туалетом. Без этого дела никто сюда не поедет.

БАБКА ВАРВАРА (*всплеснув руками*). Да радимым-и-и, да мои хороши-и-и! Совсем было забыла, память как отшибло.

ДЕД НИКОЛА. Заклинило.

БАБКА ВАРВАРА. Да, заклинило. Про письмо-то забыла, Степаныч! Вот оно, от Анфисы Сергеевны. При мне отошла она в сторону и написала. Нака, читай!

Бабка Варвара роется в хозяйственной сумке, с самого дна достает помятый конверт.

КРУПИН (*осторожно принимая письмо*). Ничего, ничего. Мы разглядим. Нет, лучше потом прочтем... Нет, лучше сейчас...

Отходит к окну. Вслух оттуда для всех.

КРУПИН (*разочарованно*). Тут и читать-то нечего. Буквально пять слов: «Дорогой! Сам приезжай. Возвращайся. Жду». В конце накулемала – имя, наверно.

БАБКА ВАРВАРА. «Анфиса». Я уже прочитала, разобрала. Извините, Владимир Степаныч: «Анфиса» – в конце написано, имя вашей жены. Ну, и что вернетесь к ней, поедете в город?

ГОЛОС АВТОРА. Крупин резко встает из стола, большими, размерен-

ными шагами проходит к двери, снимает с вешалки свой «харпаль», и, как был, без шапки выходит наружу, на звезды. На крыльце он застывает, стоит монумент, как Последний Зубр там сейчас, на опушке, у высокой железной сетки. Ищет глазами в безмерном, бездонном небе свою звезду – Венеру, ночную красавицу. И не находит ее.

И только, подойдя к опушке, К последнему Зубру, видит, как эта звезда его выскакивает из-за тучки.

КРУПИН (*приникая всем телом к могучему Зубру*). Ну, что, старик – Беловежская Пуща, развалил Советский Союз?

Последний Зубр водит головой своей слева направо, справа налево. Возникает мелодия песни «Шумел сурово Брянский лес».

КРУПИН (*под мелодию*). Ничего, ничего, Вождь. Мы спасем тебя, с твоим стадом воспрянем. Будем же для тебя строить базу. Коттеджи с теплым зимним туалетом, чтобы и тут могли жить цивилизованные женщины, ночные красавицы. Пусть едут все сюда, вся Россия, весь мир – люди должны видеть воочию такого Красавца, сына Земли, любимца Богов!

Последний Зубр стоит на авансцене. Справа и слева, глядя на него зачарованно, с восхищением, замерев, стоят Крупин и старый егерь – дед Никола, старейший житель Полесья.

Медленно закрывается занавес.

КОНЕЦ.

г.Малоархангельск,
18-21 ноября 2005 г.

«Свобода жить»
(послесловие). От автора

Этот второй роман в стихах, являющийся продолжение первого – «Библейское имя Мария», а все – из общей эпопеи в стихах «Арсений Чигринев». Действие разворачивается по треугольнику «Москва – провинция – Соловки». Имеются три Кремля – Московский, Соловецкий, деревенский. Коллизии разворачиваются в этих пределах, где герой романа Арсений Чигринев ищет следы своего отца – человека из 37-го года. Перед глазами перелистываются страницы, целое ожерелье эпизодов, люди с той и другой стороны картины истории и современности. Оттуда еще, от Соловков, тянутся невероятные нити прошлого, нашего национального позора. Отобрана квартира в центре Воронежа, мандатной комиссией молодой человек отвергнут в столичный университет, на сына падает тень отца. Именно после поездки на Белый Остров – на Соловки – Арсений Чигринев меняет свою политическую ориентацию. Это и есть первый, главный фактор его прозрения, скорее духовного возрождения. Второй фактор – предугадывания, осознание собственной личности, «двоемирие» как опора на реальное и инобытийное. Рассказы матери, вернувшегося из Гулага родственника. массовые сцены в Москве на Лубянке, в провинции – калейдоскоп событий, карнавал масок, народное мироощущение. Сцены функционирования памяти, противоположной амнезису, воскрешение в платоновском понимании, передача опыта предков, закодированного и расшифрованного героем, таков набор из феномена наследственности, «архетип бессознательного». Передается лучшее, герой выпивает чашу свою до дна. Катаклизмы общества и страны, духовность и коллективное бессознательное. Память, рождая оптимизм, помогает выстоять перед натиском агрессивных иррациональных сил. Среди лучших людей - поэт-фронтовик Сергей Орлов и отец героя, погибший, по его мнению, где-то на Синявинских высотах. Заклеймленные люди, вчерашние «зэки» – это вполне возможные герои на войне, павшие вместе со всеми за идеалы родины и свободы. И это уже третий фактор возрождения Арсения Чигринова как человека, личности типа эпического героя.

И, наконец, размежевание общества в образе коллектива театра – еще один фактор, способствующий становлению личности. Герой теряет друга Гришу – коллегу по театру на суровых, конфликтных дорогах сцены и жизни, однако находит новых друзей – в провинции, на Соловках. Массовые сцены единомыслия на Лубянке, возвращения Арсения к его роли - мечте, роли Гамлета. Все это пробуждает в нем совесть, обостряет прогресс поведенческих норм.

Под символом Белого Острова – страна, общество, Земля еще не свободна от «зон». Военно-морская база, и вот часовой, где-то близко к нему «полуночь отпетый», который говорит, что прошли времена, когда поэты выражали народ. Что же такое Соловки? Сложный идеологический комплекс. Седая история - часть Большого Евразийского Круга (БЕАК), невероятные пространства, заселенные нашим пранародом. По «Велесовой книге» кочевые волны идут из глубин вслед за Солнцем и накрывают Европу. Это периоды колебаний, каждый «исход» в 1200 лет, когда в ноздри людям ударяет ветер свободы, огромные людские массы поднимаются и приходят в движение. Если за точку «созревания» взять последний «исход», то он - от Дуная до Киева, IX век. Следующий пик демографической активности - середина XXI века, практически наше время, он уже начался. Всего же известно десять таких «исходов», когда перекраивался облик всего человечества. Племена ариев шли с Севера в Индию, из центральной Азии – из района Тувы – через Берингов пролив в Северную Америку и далее на юг по Америке. На планете создаются условия, повторяющиеся периодически, на Земле было уже шесть цивилизаций.

Все живое на Земле (по Чижевскому) зависит от активности Солнца. Когда-то Соловецкий остров был теплым, счастливым островом, до сих пор растительный и животный мир делает необычным тут человеческое существование. Речь идет о смерти и бессмертии. Не так давно мандарины в Китае жили 200-300 лет, народы Севера живут едва за тридцать, почему? На Юге, у папуасов, где растет даже «хлебное дерево», продолжительность та же. Наши пращурь тянулись к свету; надежда на счастье у героев романа связывается с бесконечностью, коллективным бессознательным (по Юнгу), в конечном счете, с

космическим познанием. Арсений Чигринев осознает себя на Соловках больше, чем где бы то ни было.

Прародина праславян – Скифия, находящаяся в авестийском кругу. А скифы – это мы «с раскосыми и жадными очами» (А.Блок). Высокие, светлоглазые, светловолосые, заряженные на духовность. Движения ввысь и по горизонтали – сакральный, космический крест. До сих пор загадка: кто мы? Занесли ли с неба или осколок ли предыдущей цивилизации на этом ужасном пространстве – на Главном Степном Ходу? Смерть, бессмертие души волнуют личность героя, давно ли эта идея вела племена мыслью о «рае» где-то на Севере, то в устье Истры – Дуная. Легенды долго живут: согласно одной из них, «райские куши» были и тут где-то - на Белом острове, на Соловках. В скифско-арийской прапамяти всегда брезжили американско-саянские, ацтековские «эльдorado», которых достигали люди из центра Азии, от Разума Земли, пройдя отсюда через Чукотку. Соловки в коллективном сознании один из таких «эльдorado».

В романе «Кремль. Соловки» как в семейно-бытовом, так в глобальном, вселенском масштабе события связывается с Соловками как с прологом древнего, еще авестийского круга, где просматриваются истоки «архетипа бессознательного», нашей едва осознаваемой наследственности. Такова цена современности. Что на Севере было тепло, как в Индии, говорит хотя бы тот факт, что на Шпицбергене, в Воркуте добывается каменный уголь, а на Соловках растут те же водоросли, ламинарии, морская капуста, как и где-то - на балтийском побережье или на Дальнем Востоке, в южной бухте Посъет. Известно, в скифские времена львы обитали на Северном Причерноморье, а «слоны» – такое знакомое, привычное нам слово («слоняться») указывает на индоиранские корни. Кстати, слово «арий» переводится как способность преодолевать расстояния, солнечные пространства, невообразимые препятствия. В своих походах те же скифы достигают то Египта, а то Соловков. Конно и пеше, на веслах, покоряя, весь тогдашний видимый мир. Не случайно остров носит название «Соловки» видимо, от «славян». Ведь славяне – «соловяне», «соловенеды», это анты, восточные славяне, в отличие от венедов, которые заселяли города и селения Западной Европы.

И еще об эстетике слова в романе это роман в стихах. Стихия романного слова зиждется на световой волне, квантовом измерении. Отдельное слово может мало что значить. Однако абзац, образ, весь ритмический текст, наконец, весь пульсирующий настрой произведения воздействует на внутренний мир человека энергией, подключаемой к космосу. через всю словесную духовно-светоносную ткань, весь конкретно-словесный материал. Пространственно-временной мир воссоздается как новый хронотоп для гармонического человека. Все ценное. качественно духотворное реализуется в отношениях человека с миром всеобщего, обоготворяемого жизнью, и ценности все растут, углубляются. Между ними нет антогонизма, как категории они подключены к космосу, художественные образы в поэтическом сознании выступают в нерасторжимом единстве с творцом. А все бесовское, сатанинское, становясь маленьким, жалким, самоуничтожается, бессильное – в глобальном масштабе – противостоять гибели. И это еще одна ипостась эстетики романа в стихах, переходящего по развороту событий, реализации героев и фактов в роман-эпоею, - это образы высокого, инобытийного сознания, неразрывные и противопоставленные бренному и суетному в реалиях дня.

Таковы фрагментарные мысли о втором романе в стихах «Кремль. Соловки». Мало мы чего знаем о предопределенности жизни. Существовало бессмертие, теперь живем ничтожно мало, гораздо меньше, чем некогда. Но сколько мы будем жить завтра? Что происходит с нами биологически, в пространственно-временном выражении? Вот что затрагивается тут, в романе; на долготие, даже бессмертие обращается внимание человека в то время, как мир поставлен на карту. Роман в стихах «Кремль. Соловки» обладает столь притягательной силой, что в биоэнергетике проблем видится невидимое, зреющее в странных, инобытийных обстоятельствах сферы планеты людей. Жизнь как вспышка, как факел, как Прометеев огонь, - божественна, священна, никто не имеет права посягать на свободу жить, она изначально свободна. Таков пафос героев этого произведения.

От автора.

СОДЕРЖАНИЕ

КРЕМЛЬ. СОЛОВКИ

Вторая книга из романа-эпопеи в стихах «Арсений Чигринев»

Пролог	3
Глава первая	6
Глава вторая	34
Глава третья	63
Глава четвертая	92
Глава пятая	115
Глава шестая	141
Глава седьмая	166
Глава восьмая	192
Глава девятая	216
Глава десятая	243
Эпилог	268
ГУБЕРНАТОР ПРОВИНЦИИ (драматическая трилогия)	273
«Охотничий домик», или Голубая роза (лирическая драма)	276
Черная пыль (семейно-бытовая драма)	333
Последний Зубр (героическая драма)	388
«Свобода жить» (послесловие). От автора	447

ББК 83.3
(2-РУС)
9
380
ISBN 58991-006-2

Автор: Леонард Михайлович Золотарев.

КРЕМЛЬ. СОЛОВКИ
(2-я книга романа-эпопеи в стихах «Арсений Чигринев»)

Ответственный редактор:
Осмоловский Олег Николаевич – доктор филологических наук, профессор

Технический редактор:
Ветров Николай Владимирович

Корректурa автора

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии Территориального органа
Федеральной службы государственной статистики по Орловской области
(пер. Воскресенский, 24, индекс 302001)

Подписано к печати
Формат 60x80. Печать офсетная.
Усл.п.л. 30. Заказ №
Тираж 500 экз.

